

Гай Юлий
Орловский

Гай Юлий Орловский

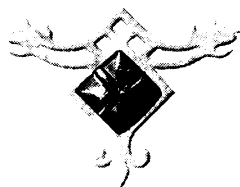
Длинные Руки —
фрейграф

Ричард Длинные Руки —
фрейграф

Спаси
Дракона,
убить
Принцессу!

**Баллады
о Ричарде
Длинные Руки**

Ригард Длинные Руки
Ригард Длинные Руки — воин Господа
Ригард Длинные Руки — паладин Господа
Ригард Длинные Руки — сеньор
Ригард де Амальфи
Ригард Длинные Руки —
властелин трех замков
Ригард Длинные Руки — виконт
Ригард Длинные Руки — барон
Ригард Длинные Руки — ярл
Ригард Длинные Руки — граф
Ригард Длинные Руки — бурграф
Ригард Длинные Руки — ландлорд
Ригард Длинные Руки — пфальцграф
Ригард Длинные Руки — оверлорд
Ригард Длинные Руки — коннетабль
Ригард Длинные Руки — маркиз
Ригард Длинные Руки — гротграф
Ригард Длинные Руки — лорд-протектор
Ригард Длинные Руки — майордом
Ригард Длинные Руки — маркграф
Ригард Длинные Руки — гаугграф

Ригард Длинные Руки —
фрейграф

Баллады
о Ричарде Длинные Руки

Гай Юлий Орловский

Ричард
Длинные Руки —
фрейграф

ЭКСМО
Москва
2009

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
О-66

Оформление серии *А. Старикова*

Серия основана в 2004 году

Орловский Г. Ю.
О-66 **Ричард Длинные Руки — фрейграф: фантастический роман / Гай Юлий Орловский. — М.: Эксмо, 2009. — 448 с. — (Баллады о Ричарде Длинные Руки).**
ISBN 978-5-699-37147-1

Вот она, земля, захваченная высадившимися с моря варварами, что медленно и упорно расширяют территорию и теснят королевские войска!

Сэру Ричарду непросто лавировать между всемогущим императором и ненавидящим его королем в королевстве, где даже собственные вассалы все громче требуют соблюдения их прав, новых феодальных вольностей, а церковь недовольна защитой магов, колдунов и черно-книжников.

Но есть вариант...

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-699-37147-1 © Орловский Г.Ю., 2009
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2009

Часть I

Глава I

За окном шелестит дождь, небо в тучах, мир погружен в полумрак, будто наступает ночь. В большом зале тепло, сухо и шумно, а в той стороне, где камин, даже жарко. Рыцари пируют с заметно раскрасневшимися лицами, кафтаны расстегнуты, пояса ослаблены.

Окна в оранжевых огнях от множества свечей и светильников, длинный стол сверкает золотом, серебром, драгоценными камнями на кубках и чашах, блестит жемчужинами влаги на жареных тушах кабанов, оленей и зайцев, их по традиции подают нерасчлененными, чтобы не лишать пирующих свирепой радости резать, кромсать и всячески расчленять.

Рыцари в доспехах, только прибывший от замка барона Волтона маркиз Ангелхейм ухитрился разодеться ярко и празднично, да еще сэр Колдуин, который в боях не участвовал, но выехал нам навстречу с большим отрядом, сейчас пирует в дорогом кафтане тонкой работы, красно-зеленых брюках и сапогах с задранными носками.

Герцог Готфрид, из-за которого рискнули на дерзкий рейд в королевство противника, тоже в доспехах, хотя у него с одеждой все в порядке, не захотел выделяться среди менее знатных рыцарей. Я то и дело ловил на себе его пытливый и слегка удивленный взгляд. Рыцари тянутся к нему с кубками и чашами, поздравляют с таким сыном, что оставил все дела и ринулся спасать родителя, такое достойно воспевания бардами.

Он принимает с улыбкой, похудевший, лицо словно высечено из камня, даже в разгар пира не забывает, что герцог, потомок легендарного рода, глава полусамостоятельного Брабанта с его отвоєванными правами и вольностями, постоянно подтянут, следит за каждым своим жестом и словом.

Я сам такой, сейчас-то я вообще не пьянею, а раньше, когда жил в моем срединном, чем больше пил — тем сильнее себя контролировал, а если вдруг перепивал, чего почти никогда не случалось, то сидел с приклеенной рассеянной улыбкой, не двигаясь, не вступая в беседы, даже не решаясь встать и пройти к туалету из боязни опрокинуть что-то, упасть, уронить достоинство и честь, попасть в смешное положение. Это над другими пусть смеются, над другими и я с большим удовольствием...

Сэр Клавдий и за столом в своем уникальном панцире, оранжевом, как солнце, и постоянно меняющем оттенки. Густые черные с сильной проседью волосы блещут под светом люстры, как смазанные жиром, сам возвышается гордый и хвастливый. На груди блещет холодным льдом голубоватый камень. Для бриллианта великоват, хотя кто знает эти семейные ценности, сэр Клавдий как-то упомянул, что получил его из рук деда, а тот в свою очередь от своего отца. Красивая огранка, холодный блеск, в воде такой будет абсолютно незримым, потому их и называют бриллиантами чистой воды...

Я с трудом оторвал от него взгляд и посмотрел на вдохновенное лицо его обладателя, тот воздел себя во весь рост и заявил грохочущим голосом:

— Барон Доминик слишком уверовал, что нападать может только он, ха-ха!.. Мы потеряли одного раненым, когда погнался за служанкой и, поскользнувшись в крови, упал с лестницы. А замок хорош, в нем можно выдержать осаду королевских войск с год! А то и больше, мы такие, клянусь!

Сэр Герцель, отличившийся при захвате замка Стальной Клык, сказал со вздохом:

— Если бы еще и его отобрать для Армландии...

Рыцари шумели, орали, речи становятся все воинствен-

нее, я выжидал момент, чтобы вмешаться и напомнить, этот замок, в котором пируем и который отныне мой, к Армландии никаким боком. Здесь по-прежнему территория Турнедо, а верховный сюзерен — король Гиллеберд Фруассар.

— Жаль, — закончил сэр Клавдий с некоторой грустью, — что Стальной Клык оставили прежнему владельцу. Больно уж замок хорош и неприступен... Отдали без боя, вот что ранит рыцарское достоинство! Но что делать, если сэр Ричард и Его Величество король Гиллеберд договорились решать пограничные и прочие споры непонятными нам дипломатическими средствами.

— Хорошо, — проворчал сэр Ульрих, — хоть посуду побили. Я это люблю, когда бьют... Особенно, когда сам все разношу вдреызг!

— И мебель порубили, — добавил сэр Герцель со злобным удовлетворением в голосе. — Да и вообще, — уточнил сэр Герцель, — огонь рванулся до небес, будто его сто лет держали взаперти... Что так горело, не понимаю.

— Колдовские штуки, — буркнул сэр Ульрих зло. — Мы выжгли гнездо зла, порока и разврата.

— Не иначе, — согласился сэр Герцель. — Добрые христианские так не вспыхивают.

— Отстроят, — сказал Ульрих зло. — Хоть и не так уж сразу. Мы, молодцы, даже ворота сожгли.

Я прислушивался, нет ли недовольства той степени, что подходит к опасной грани. Сюзерена всегда критикуют, это понятно, важно только, как критикуют. Пока только ворчание, мол, их вождь — орел, высоко летает, да только сесть не умеет.

Сэр Колдуин оставил свое кресло и, тяжело ступая, подошел ко мне.

— Мой лорд... — произнес он тихо, наклонившись к моему уху, — я с вашего позволения послал свой отряд осмотреть окрестные земли... ныне ваши земли. Так, на всякий случай.

Я сказал с горячей благодарностью:

— Граф, вы просто чудо. Я только что собирался просить вас о такой великой услуге.

— Что вы, — ответил он довольно, — такая мелочь... Это мой долг — служить вам, сэр.

— Такая мелочь может удержать чашу весов, — заметил я. — Король королем, но что стоит приграничным вассалам сделать вид, что не слышали? Или забыли, не так поняли? А мне бы не хотелось терять этот важный замок. Барон Руаль...

Он уточнил со смешком:

— Покойный барон!

— Да, — согласился я, — мелочь, а приятно, верно?

Он засмеялся:

— Потому и уточняю! Да, он обустроил замок весьма и весьма...

— Надо еще, — сказал я озабоченно, — поставить заставы из своих людей на дорогах и переправах, что ведут в Турнедо. И придать по одному-два легких конника.

— Чтобы сразу за помощью?

— Или с сообщением о нападении.

— Я как раз это и велел сделать, — сказал он. — Лес на постройку сторожек возьмут из вашего леса, если вы не против.

Я поднялся и обнял его за широкие и такие надежные плечи.

— Еще как не против! Граф, я в отличие от этих горячих голов понимаю, что захватить замок — пустяк, хотя именно это все замечают и ценят. А вот удержать... скучно и неинтересно, хотя насколько же важнее!

Он улыбался, очень довольный и чуточку удивленный, я должен быть одним из тех молодых дураков, для которых главное — захватить, а потом хоть трава не расти.

— Спасибо за понимание, — поблагодарил он все так же негромко, — сэр Ричард... не хотите сказать соратникам, празднующим победу?

— Что?

— Ну, — напомнил он осторожно, — что-нибудь. Соответствующее.

— Не хочу, — ответил я сердито, — но надо.

Он понимающе кивнул, я медленно поднялся, окидывая взглядом зал. Сволочью был барон, но замок сделал прекрасный. Вернее, выстроили предки, однако это он, по словам слуг, убрал старинную мебель, велел облицевать стены красным деревом, повесил гобелены. Даже на полу, невиданное дело, огромный роскошный ковер от стены и до стены. Стол тоже сделан мастерами, а посуда не просто из серебра и золота, но изысканна, изящна, в огнях многочисленных свечей горит, словно под яркими солнечными лучами. Наверное, под настоящим солнцем смотрится еще праздничнее, торжественнее и царственнее.

Зал полон блестящими рыцарями, в полном смысле блестящими: все в доспехах, мы все еще в походе и на территории стратегического противника. Глаза сияют ликованием так, что не могут соперничать даже сверкающие золотом выпуклые бока кувшинов с вином и драгоценных кубков, обрамленных рубинами.

Больше всех ликует, пожалуй, сэр Ульрих — основная часть похода и захвата замка барона Руаяля прошла под его руководством. Нет, сияют все, хотя бурчат и морщатся, оскорбляясь за сюзерена, которому король Гиллеберд пожаловал всего лишь титул гауграфа. Одному мне без разницы: гауграф так гауграф, что в титуле тебе моем... Конечно, при моем положении быть гауграфом совсем не ого, однако мы сейчас в чужом и потенциально враждебном королевстве Турнедо! В логове стратегического противника, так сказать. Будем довольны и тем, что удалось урвать. Опасно пытаться схватить кус, которым можно подавиться.

Я вообще когда-то жил в королевстве, так здесь называю, где и слово «граф» было диковинкой, и тот, кто знал его значение, выглядел таким умным, таким умным!.. Потом как-то и где-то в забитую всякой ерундой голову попали еще всякие — графы: марк-, пфальц-, гросс — и прочие-прочие, но все оставалось на периферии сознания, глубоко похороненное под пластами более востребованной информации.

А сейчас вот они, востребованные. Гауграф — не умале-

ние титула, полностью звучало бы примерно так: Ричард Длинные Руки, граф Валленштейн, гроссграф Армландии, пфальцграф королевства Фоссано, маркграф Гандерсгейма... может быть, что-то еще, я же и майордом, и барон, а в самом конце — гауграф. Можно даже мелким шрифтом, хотя слово «шрифт» знает пока только отец Дитрих с его помощниками по типографии.

Я вскинул руку, призывая к вниманию. Гуляки начали благословитанно умолкать, а кто не заметил жеста сюзерена, того толкали и заставляли повернуться в мою сторону.

— Дорогие друзья, — сказал я проникновенно, — в данном случае не титул важен! Дело в этом участке земли! Просто уж сложилось, вы это знаете лучше меня, нельзя иметь под рукой такие земли... пусть не очень большие, согласен, не обладая титулом.

— Гауграф, — сказал сэр Клавдий сварливо, — мало!

— В Фоссано, — напомнил я, — коннетабль, в Армландии — гроссграф, в Черро — маркиз, в Сворве — барон... Ну и что? Меня ну ничуть не задевает, что гауграф — наименьшая, если не ошибаюсь, ступенька в иерархии графов.

Сэр Герцель прорычал злобно:

— А нас задевает! Гауграф... Это не насмешка ли? А меньше Гиллеберд ничего не мог дать?

— Если по земле, — вступился за Гиллеберда сэр Ульрих неожиданно благоразумно, — то все строго по закону. В Турнедо законы чтят, потому королевство крепче... соседних. Если сложить земли барона Руаяля и треть земель Волтона, что ныне отошли к сэру Ричарду, получается по размерам больше баронства, но меньше полноценного графства.

Некоторые призадумались, старательно вспоминая сложную таблицу соотношения размеров земель, количества деревень и крестьян с причитающимися в таких случаях титулами, другие и не пытались одолеть такую задачу, это бы в начале пира, когда вино только разливают по кубкам...

Я отмахнулся.

— Да ладно вам. Гаугграфство позволяет нам контролировать эту пограничную землю. И даже соседние, но это

между нами, вслух такое нелестное для противника не стоит... Хотя всем такое понятно, но мы же люди приличные? Прилюдно над поверженными и побежденными не улыбаемся, а все за спиной, за спиной... Это, так сказать, наш Кенигсберг, выдвинутый на территорию потенциального и весьма опасного противника. Наверное, надо будет переименовать замок покойного сэра Руаяля во что-то более нашенское.

— Ричардбург! — предложил сэр Ульрих.

Сэр Клавдий поморщился.

— Как вы можете, сэр Ульрих, — сказал он с упреком, — к славному имени сэра Ричарда прицеплять поганое плебейское слово «бург»? Это в Сен-Мари бургеры уже в почете, уж и не знаю, за что, а у нас простонародье знают свое место.

— Ричардберг, — сказал сэр Паллант, — намного лучше! Ричард-скала, Ричард-гора!

— Ричард-берег, — подсказал сэр Клавдий.

— Да и похоже на «Кенисберг», — согласился я, — но, наверное, все-таки оставим это на потом. Сейчас не стоит дразнить без пользы для себя Гиллеберда и его уже и без того раздраженное и разочарованное окружение. Для них все со словом «Ричард» будет лишним уколom шила в задницу. Пусть пока, как и раньше, зовется... как он зовется, кто помнит? Главное, кто владелец.

По их лицам видел, что это для мужчин не главное, куда важнее прилюдно щелкнуть противника по носу и побахвалиться бицепсами, а я какой-то весь из себя бюргеристый. Всего-то ничего побыл в Сен-Мари и уже обюргерился, куда уж таморшним бюргерам прививать начатки благородного поведения, если сами теряем.

Я оглядел зал, все смотрят внимательно, хотя рожи красные, а глазки осоловели.

— Главное, — сказал я настойчиво, — прикроем сэра Тамплиера! И вообще угрожать будем шведу. Не одному же сэру Будакеру нести всю тяжесть обороны наших священных границ? Государство должно снять часть нагрузки с

подданных и постараться переложить на противника или хотя бы на союзников.

Сэр Клавдий проворчал угрожающе:

— Да уж... Одно дело нападать на беззащитный замок Тамплиера, другое — на владение самого сэра Ричарда, коннетабля Фоссано, гроссграфа Армландии, майордома Сен-Мари и маркграфа...

Я страдальчески поморщился.

— Хоть про маркграфство помолчите, а то у меня сейчас сердце схватит... По сути, оно еще меньше, чем гаугграфство. Здесь хоть клочок земли! А там звук один. Пустой титул.

Сэр Клавдий покачал головой:

— Вы уж совсем, сэр Ричард...

— Что?

— Видите только черное впереди! Вполне может быть, под тем звуком немалые земли.

Я страдальчески скривился.

— Умеете утешить, мой дорогой друг. Это еще хуже!

— Сэр Ричард! Почему?

— Тут и один клочок земли отвоевали больше хитростями да внезапным напором, а как с немалыми? Вообще увязнешь! А я увязать не хочу.

Он кивнул, бросил на меня внимательный взгляд.

— Знаю. Уже и другие знают. Постепенно среди рыцарства начинается с вашей легкой... или тяжелой руки распространяться жажда вторжения на Юг, дабы милостиво с огнем и мечом в руке принести туда слово Божье.

— А может быть, — возразил я, — те земли совсем не стоят того, чтобы отвоевывать. Во всяком случае, у меня были совсем другие планы!

— Какие? — осведомился он.

— Другие, — огрызнулся я. — Так вам все и скажи. А вдруг и вы на Гиллеберда работаете? А то и вовсе на императора?.. Слава великому императору!.. Слава мудрейшему и благороднейшему!.. Это я на случай, если вы доносите.

Сэр Клавдий надулся, но другие все же врубались, ржали и гоготали, похлопывали его по плечам и спине и настойчиво допытывались, сколько и чем император платит и

не даст ли рекомендацию, чтобы их тоже приняли шпионить за сэром Ричардом и вообще за местными лордами.

Глядя на развеселившихся рыцарей, я понял, за сэром Клавдием укрепитя репутация императорского шпиона, как за сэром Растером — гарпиеведство.

На пиру всеобщим любимцем стал сэр Ангелхейм: отличился и при захвате замка барона Доминика Волтона, и при разделе добычи, великодушно отказавшись от своей доли, сейчас за столом потешает веселыми историями, шутками, остротами и первый затягивает походные песни.

Всеобщее веселье постепенно раздробилось на группки, где вспоминают одни и те же эпизоды, пьют одно и то же вино и чувствуют друг к другу повышенную пьяную симпатию.

Я вышел на крыльцо под широким навесом, дождь уже прекратился, летом они короткие, и осматривался уже похозяйски. Челядь старается без нужды не показываться на глаза, только кухня работает с полной нагрузкой да из подвала выкатывают с тяжелым хлюпаньем бочонки с вином.

Ветер разогнал тучи, открылась густеющая к вечеру синева неба. На западе медленно разрастаются пылающие бездны многоэтажных облаков. Закат обещает быть сказочным, солнце уже распухло просто неимоверно, превратившись в гигантский багровый шар, вдесятеро крупнее обычного.

За спиной хлопнула дверь, потом еще дважды. По шагам я узнал неторопливого сэра Клавдия, а также сэра Ульриха и сэра Герцеля, что отличился в странствиях под землей.

Сэр Клавдий подошел совсем тихо, опасаясь спугнуть государственные мысли. Эх, знал бы, о чем думаю, доблестный лорд сконфузился бы, а мне сгорать со стыда, но, к счастью, никто не умеет читать мысли. А когда научатся, человечеству придет жуткий конец.

— Сэр Ричард, какие-нибудь указания?

Я кивнул, не оборачиваясь.

— Немного, но... серьезные.

Он сказал почтительно и твердо:

— Все выполним.

— Я еще не сказал что, — заметил я, — а вы уже готовы... Вдруг я захочу невозможное?

Он сказал с еще большей твердостью:

— С вами нет невозможного, мой лорд!

Я проворчал:

— Вот так раздуете во мне манию величия, на ровном месте поскользнусь и сломаю шею. Добро бы вам, а то себе... Вы придерживайте особо горячих, придерживайте! Ишь, готовы затевать войну с Турнедо. Не понимают... Мы добились великой победы, теперь надо закрепиться на захваченном плацдарме. Граница — на замке. В отныне моем замке... как приятно сказать такое... останется крепкий гарнизон, который и замок не позволит захватить турнедским лордам, и нашим соседям придет на помощь. Но к вам, как соседям, хоть и на той стороне... ха-ха... просьба содержать остающийся здесь отряд и поддерживать его численность. Ротация кадров, своевременное снабжение провизией и все такое.

Сэр Клавдий сказал обеспокоенно:

— Дорогой сюзерен, у вас такой вид, словно собираетесь покинуть нас прямо сейчас!

Я виновато развел руками:

— Дорогой сэр Клавдий, вы все замечаете со свойственной вам прозорливостью. У меня слишком много неотложных дел, чтобы потратить их на неспешное возвращение.

Сэр Герцель подошел ближе, лицо из радостного медленно стало встревоженным.

— Вы в самом деле покинете нас... так неожиданно?

Сэр Ульрих ответил вместо меня:

— Сэра Ричарда понять нетрудно. И всякий бы понимал, у кого под седлом такой конь, как у него... или у меня. Когда я могу через два часа домчаться до своих земель, а не тащиться двое суток... то знаете, что меня от этого удерживает?

Сэр Герцель сказал весело:

— Знаем!.. Мы!

Ульрих преувеличенно скорбно ответил:

— Увы, да. Сэра Ричарда тоже держим мы, но на нем, в отличие от нас, вся Армландия, а теперь еще и Сен-Мари. Для него тратить несколько суток на дорогу — роскошь просто непозволительная. Он все еще рыцарь, но уже и правитель.

Рыцари посматривали на меня с уважением и в то же время с сочувствием.

Я сказал со вздохом:

— Ага, понимаете... Вам хорошо.

Сэр Ульрих сказал неожиданно:

— Сэр Ричард, я разделался со всеми срочными делами в своих землях. Могу я предложить свой услуги... со своим отрядом?

Я подумал, сказал неуверенно:

— В самом Сен-Мари пока вроде бы тихо. Но лорд Рейнфельс увел немалую часть войск, что меня все еще тревожит... однако еще больше сил потребуется для другой операции. Впрочем, тоже в Сен-Мари.

— Война?

Я подумал, пожал плечами.

— Сперва блокада.

— А что это?

— Санитарный кордон, — объяснил я. — Всех, кто попытается пройти с той стороны, пропускать, а дальше брать под стражу. В Гандерсгейм чтобы и муха не пролетела!.. Контроль над утерянными... гм... временно оккупированными территориями начнем возвращать медленно и упорно. Хотелось бы обойтись без масштабных боев. Я тоже люблю батальные сцены, но когда без них... мое сердце общечеловека ликует и даже радуется. Двигайтесь к Тоннелю, а когда пройдете, почти сразу справа от главной дороги увидите едва ли не самую грозную крепость в мире... Ну, из тех, что я видел. Брабант! Туда уже начинают стягиваться мои войска.

— Из Армландии?

— Больше из Сен-Мари, — ответил я дипломатично.

Он воскликнул с энтузиазмом:

— Прекрасно! Познакомлюсь с героями, завоевавшими такое огромное королевство!

— Только не очень на это напирайте, — предупредил я. — Не всем это понравится. Во-первых, брабантцы тоже часть Сен-Мари. Во-вторых, часть сен-марийской армии я включил в свое войско, с которым собираюсь вторгнуться в Гандерсгейм.

Он посерьезнел, тень пробежала по лицу.

— Спасибо, сэр Ричард, что предупредили. Я сглупил. Мог бы нечаянно обидеть доблестных рыцарей.

— И герцога Готфрида, — напомнил я. — Надеюсь, он достигнет Тоннеля раньше всех нас.

— Я выделил ему и его охране самых быстрых коней, — сообщил сэр Клавдий. — А двигаться будут напрямик, так что опередят немало. Он собирается выехать на рассвете.

— Спасибо, — сказал я с неловкостью. — Честно говоря, прибыл, чтобы освободить герцога, но даже не пообещался с ним как следует.

— Суровая жизнь, — с сочувствием сказал сэр Ульрих, — суровые нравы. Путь мужчин!

— Да, — согласился я, — путь мужчин.

Глава 2

Они ушли, я поглядывал на небо, прикидывая, успеют ли за ночь дороги подсохнуть. Не люблю, когда копыта скользят в грязи и разбрызгивают жижу, отвык в сухом и солнечном Сен-Мари. Вечерний воздух застыл, как темная вода в лесном озере, туча темнеет уже далеко на востоке, там тускло и зловеще вспыхивает призрачно-красный свет.

За спиной скрипнула дверь, я не обернулся, здесь все свои, к тому же сразу ощутил по каким-то признакам появление герцога Готфрида Валленштейна Брабантского. Он встал рядом, статный и строгий, с запавшими глазами воина, суровое мужественное лицо с тяжелой нижней челюстью, глубокие складки у рта и на обеих щеках, седеющие волосы. Но если при первой встрече показался сорокалет-

ним матерым волком, то сейчас уже знаю, сорок лет — не старость...

— Ричард, — произнес он, глядя, как и я, вдаль, — я так и не поблагодарил вас за все, что вы сделали.

— Разве я мог иначе? — ответил я. — Других дорог просто нет.

— Для рыцаря, — уточнил он, глаза его странно мерцали. — Но вы сейчас уже правитель, дорогой сын, а для них законы другие. Заботы о своих подданных приоритетнее, чем личные... если правитель хорош.

Я ощутил неловкость, развел руками.

— А еще лучше тот, который не затыкает собой все дырки.

— Вы это делаете?

— Постоянно, — признался я. — Мечусь по стране, пытаюсь решить все вопросы лично. Я все еще не умею руководить, хотя у меня прекрасная команда!

— Команда, — повторил он знакомое слово в незнакомом контексте. — И все знают, что делать?

— Все не знаю даже я сам, — сказал я невесело. — Однако как-то тянем этот воз. Сообща. И если один на время отпускает оглобли, чтобы перевести дух и поплевать на ладони, остальные не винят, что отлынивает.

Он внимательно всматривался в меня, взгляд из теплого стал настолько растроганным, что мне стало неловко.

— Вы возмужали, Ричард, — произнес он строго и одновременно тепло, я бы так не смог, не умею. — Вы очень быстро мужаете.

— Я бы и рад походить в коротких штанишках, — сказал я, — да не дают, сволочи!

— Кто не дает?

— Все, — ответил я. — Жизнь не дает... Я вот все хочу сказать, но никак не решаюсь... Словом, прошу вашего разрешения забрать Дженнифер в столицу. Там во дворце самые знатные и лучшие рыцари, там владетельные лорды, там самые благородные леди...

Он смотрел испытующе, я сбилсся под его взглядом и умолк. Он рассеянно погладил выбежавшего из здания Бобика, лицо помрачнело, а глаза медленно погасли.

- Там слишком вольные нравы, — обронил он.
- Она будет под моим присмотром, — заверил я.
- Дело не в Геннегау? — спросил он. — Дело в... Бра-

банте?

Повисла неловкая пауза, мы оба отводили взгляды, мне очень не по себе, что сразу все понял, а ему неловко, что не смог оградить дочь от любимой жены, что наверстывает упущенные годы.

— Да, — ответил я, все еще глядя в сторону, — да. Но в любом случае, юной и такой красивой леди нужно вращаться в высшем свете, чтобы... словом, там можно присмотреть себе как друзей, так и будущего мужа... И вообще, столица — это столица.

Он кивнул:

— Да, конечно. Заберете ее сразу же?

Я огляделся по сторонам, понизил голос:

— Хотел бы, но...

Он посерьезнел:

— Что-то еще?

Я сказал тихо:

— Марка Гандерсгейм, пожалованная мне императором Германом Третьим, целиком и полностью под властью захвативших ее варваров. Как отвоевывать, еще не знаю. Потому сперва посмотрю, как там насчет дорог, водоемов, переправ... Не хочу, чтобы войско застряло, как стадо баранов, перед первым же серьезным препятствием.

Он отшатнулся, лицо окаменело.

— Это безумие! Если нужно узнать про земли вторжения, следует заслать несколько десятков лазутчиков. Задолго до начала операции. Благородные люди никогда не опускаются до того, чтобы лично...

Я сказал торопливо:

— Да-да, это я как раз имел в виду. Я пошлю людей, чтобы разузнали и сообщили. А я составлю карту.

— Такие люди есть?

— Есть-есть!

— Если надо, — сказал он, — могу предложить своих.

Мы все-таки на границе с Гандерсгеймом. Что-то даже знаем, хоть и с самого края.

— У меня есть такие люди, — повторил я как можно увереннее. — Они там... уже на границе с Гандерсгеймом.

Я беззастенчиво врал и при этом смотрел ему в лицо честными глазами благородного человека. Умение, которым в этом мире мало кто обладает, но в моем прошлом это норма, это именуется искусством добрососедского общения.

Он вздохнул и положил ладонь мне на плечо.

— Тяжкую ношу вы избрали, Ричард. Но... это дорога настоящего мужчины.

— Спасибо, — ответил я. — Постараюсь не уронить честь рода Валленштейнов!

Ночью снова обрушился короткий ливень с громом и молнией, кричали испуганные птицы, грозно склонялись и трескали ветки деревьев, но утром ласковое умытое солнышко заглянуло в покои и напомнило, что валяться по-долгу в постели имеют право только женщины и дети.

Облака медленно уходят к горизонту, со двора донесся говор. Все еще сонный, я подошел к окну. Внизу во дворе слуги и конюхи седлают коней, те фыркают и потряхивают гривами, звенят удилами. Рыцари переговариваются друг с другом, оруженосцы затягивают на них последние ремни.

Герцог подошел к уже оседланному коню, прямой, словно статуя из блестящего металла, с нетерпением оглянулся.

— Все готовы?.. Сэр Ричард, при замке я обнаружил церковь. Там, в конце заднего двора. Может быть, нам стоит помолиться перед дорогой?

— Да, конечно, — ответил я. — А как же! Несомненно. Еще бы!.. Ну да, сразу же, я так почти и планировал, хоть и подзабыл малость. Пусть Господь будет нашим заступником в пути обратно, как был во всех наших делах.

Сэр Клавдий сказал в недоумении:

— Я видел ту церковь. Она заброшена! И почти разорена. Где возьмем священника?

— Священник необходим в цивилизованных местах, — ответил герцог строго. — А в диких краях Господь услышит наши молитвы и без посредников.

Сэр Клавдий вздохнул и убрал ладони с седла своего укрытого попоной коня.

Рыцари, оставив животных на попечение слуг, обошли замок, в заброшенной части двора сиротливо смотрит цветными витражными окнами скромная церковь из серого камня, уже изгрызенного временем.

Двери нет, в проеме ядовито-желтые потеки от поржавевших петель, под ногами хрустят мелкие веточки и листья, которые ветер занес в заброшенное здание.

Сэр Клавдий проворчал:

— Мне кажется, там дальше даже нагажено... Можно ли молиться в такой церкви?

Я бросил короткий взгляд на герцога, он вошел первым, перекрестился и отвесил поклон стене, где тускло блестят гвозди от украденного большого распятия.

— Разве Церковь в стенах? — ответил я. — Церковь — во множестве верующих.

Сэр Ульрих спросил за моей спиной озабоченно:

— Но услышит ли здесь нас Господь?

Сэр Герцель посоветовал:

— Молись громче.

Я сказал с мягким укором:

— Тот, кто громко читает молитву в надежде, что она будет услышана лучше, принадлежит к маловерам. Господь совсем не тугоухий.

— Я имел в виду, — сказал сэр Ульрих тихонько, — из такого места Господь и слушать не захочет!

— Он не войдет в нас, — сказал я, — пока мы пусты. Думай о нем, и он услышит нас всюду...

Раздался треск, окно из цветного стекла разлетелось яркими осколками. Я инстинктивно ожидал, что влетит огромный булыжник, однако в помещение ворвался лишь холодный злой ветер.

Рыцари оторопело оглядывались по сторонам, закрывали головы кто руками, кто краем плаща. Герцог опустил ла-

донь на рукоять меча, хотя вообще-то в цивилизованных землях в церковь с оружием не входят.

Герцель прокричал звонким и чистым, как у подростка, голосом:

— Что это? Господь нас испытывает?

— Вряд ли это Господь, — ответил сэр Ульрих. — Господь избегает шумных эффектов.

— Господь скромнее, — подтвердил сэр Клавдий. — Он даже молчит, что создал этот мир.

Герцель сложил руки на груди и начал громко молиться. Под сводами грохнуло громче, затрещала и выгнулась снаружи оконная рама. Стекла выпадали из деревянных желобков, рушились огромными цветными пятнами, бросая по сторонам цветные зайчики.

Люди в испуге приседали, кто-то споткнулся и рухнул на пол, где тут же укрылся плащом. Второе окно, третье вылетели с треском и грохотом, и всякий раз врывался все более холодный ветер. Герцель уже стучит зубами, глаза как блюдца, оглядывается по сторонам в ужасе.

С треском вылетели стекла и с другой стороны, словно ураган сменил направление. Сменил и усилился: стекла вылетали вместе с оконными рамами, а в самой церкви выл и завывал дикий ветер, бросался на стены и вырывал оттуда куски мозаики, изразцовую плитку.

Я отчетливо видел тугие струи воздуха, слишком упорядоченные, чтобы оставаться просто ветром.

Сэр Ульрих прокричал:

— Надо остановить... Кто остановит?

Ветер начал метаться по кругу, быстро превращается в смерч, набирая свирепую мощь. Рыцари, обнажив мечи, отступали. Я подумал запоздало, что зря не взял в рейд священника, они обычно идут с любым отрядом, в любом войске, а я, дурак, сплеховал...

Сэр Клавдий вскрикнул горестно, рука его метнулась к груди. Я не успел понять, что задумал рыцарь, как его пальцы сжались на сверкающем драгоценном камне на золотой цепочке. Тот вспыхнул неожиданно красным огнем, паль-

цы засветились, я увидел сквозь розовую плоть темные костяшки.

— Да пришел час! — сказал сэр Клавдий громко. — Убей это!

Я уловил в его мужественном голосе не столько страх, как печаль. Он с силой бросил амулет на каменный пол, тот ударился, рассыпая сноп багровых искр, подпрыгнул и покатился по вытертому ногами полу. Повалил красный туман, неспешно принял облик почти прозрачного демона с едва заметными трепещущими крыльями. Взлетел он медленно, словно преодолевал сопротивление воды, но движения его ускорялись и ускорялись, а призрачность на глазах наливалась коричневой плотью.

Смерч ввинтился острым концом в каменные плиты пола. Затрещало, возникло и начало расширяться багровое пятно, донесся запах горящего камня. Рыцари крестились, пятились, закрывались плащами.

Герцог оставался недвижим, меч выдвинул до половины из ножен, но обнажить в церкви не решился. Клавдий повел рукой, полупрозрачный демон по его знаку метнулся в самую середину смерча. Затрещали и взметнулись полоторванные крылья, смерч заколыхался из стороны в сторону, расширился, пытаясь удержаться на месте.

Демон скрипел, как несмазанное колесо, бил всеми четырьмя лапами, от него сыпались короткие молнии. Смерч пытался хотя бы повернуть, но демон удерживался на месте, а лапами, оскаленной пастью и даже крыльями с когтями на краях рвал и нарушал упорядоченную структуру смерча.

— Спасибо! — крикнул я. — Не знал, что у вас отыщется такое чудо!

— Увы, — ответил сэр Клавдий горько, — его уже нет... А это было фамильное.

— От деда?

— Дальше, намного дальше...

— Одноразовое?

— Да... Дед завещал, чтобы только в самом крайнем случае...

Вихрь пытался раскрутиться, набирая мощь, приседал к полу, отшатывался, мы с надеждой видели, что ужасающая мощь слабеет, рев становится тише, а струи воздуха уже не тянут нас с прежней силой в центр урагана.

Демон из багрового стал оранжевым, как раскаленный слиток металла, пахло сухим жаром.

— Победит? — крикнул я.

— Должен, — ответил Клавдий с надеждой.

— У вас хороший воин!

— Был, — ответил Клавдий. — Дерется хорошо, но через полчаса исчезнет...

— Полчаса, — сказал я уже без крика, рев урагана слабеет, — это вечность! И от минуты зависит жизнь! Даже от секунды...

— Да, — согласился Клавдий, — однако зря он это сделал.

— Кто?

— Тот, кто послал смерч, — объяснил он. — Признался тем самым, что больше ничего у него нет.

Он говорил так, словно я сразу должен понимающе сказать «ага» и даже кивнуть. Я уловил недосказанное и спросил:

— Этот вихрь еще дороже вашего защитника?

— Намного. А защититься от него, как видите, можно.

Я постарался не передергивать плечами, а голос держать твердым:

— Ну да, конечно. Ваш страж хорош.

Смерч рассеивался, демон превратился в пылающий белым огнем сгусток, последние струи пронесли по кругу мелкий мусор и прижались, замерев, к полу. Демон медленно поднялся к своду и остался там светящимся комком, не крупнее лесного ореха.

Клавдий вздохнул, поднял и осмотрел амулет, сейчас превратившийся в серый невзрачный камешек. Я видел, как он еще раз опечаленно вздохнул и отбросил его в сторону. Амулет простучал по каменным плитам и затих под стеной, но никто из рыцарей даже не повел в его сторону глазом. Подзарядке не подлежит, мелькнуло у меня. Одноразовый, как уже сказано...

Все задрали головы и рассматривали демона, тем самым доказывая, что либо для всех очень редкий, либо вообще видят впервые. Я незаметно подобрал мертвый камешек и спрятал в карман.

Глава 3

Бараны сбиваются в стадо, львы держатся порознь, но даже самые отважные из людей чувствуют острую необходимость в чувстве локтя, когда ощущаешь себя частицей могучего и слаженного отряда, когда стремяна задевают ноги всадников справа и слева, когда слышишь запах пота со всех сторон, конского и человеческого.

Тараканы чувствуют себя намного увереннее и защищеннее, когда прижимаются один к другому так плотно, что сверху видишь только сплошную копошащуюся массу, но благодаря этому «чувству локтя» даже тараканы, не говоря уже о баранах, ощущают себя счастливее, чем одинокие и вообще-то глупые львы.

Мы выехали из замка тесным отрядом, с большой высоты точно выгладим, как сбившиеся в кучу тараканы. Ладно, пусть, зато нам хорошо и надежно, и когда сэр Ульрих загорланил веселую песню, множество голосов подхватили с готовностью и охотой.

Вперед выехали и помчались легкие всадники сэра Герцеля, все-таки эта земля только-только стала моей, может быть всякое. Нас с сэром Ульрихом догнал уже веселый с утра Ангелхейм, раскрасневшийся, вином пахнет даже от одежды и, как мне показалось, и от его коня с веселыми блудливыми глазами.

— Вот вы и стали гражданином королевства Турнедо, — сказал он с двусмысленной усмешкой.

Выражение его лица очень не понравилось, хмельной или не хмельной, но о некоторых вещах надо говорить очень осторожно или вовсе не говорить.

Я перекрестился и ответил благочестиво:

— Наше гражданство на небе, а не земле, дорогой друг. Он хмыкнул, посмотрел с интересом.

— Простите, сэр Ричард! Не думал, что наступлю на большой мозоль.

Я проронил:

— Надменное извинение — еще одно оскорбление. Что с вами, мой старый друг? Вино прокисло? Вы пили, а конь побрезговал?

Он мотнул головой:

— Нет, эта скотина тоже пьет, что удивительно. Как мы умеем портить всех вокруг себя! Мне тоскливо, что едете навстречу великим делам... я же вижу!.. а мне возвращаться. Может быть, бросить все, у меня хватает родни, управятся? А я вольной птицей с вами...

Я удивился:

— Это я вольная птица? Маркиз, вы не представляете, какая это рутина... и как много тяжелой работы! Хорошо, хорошо, я не отговариваю! Напротив, я рад вам. Только не говорите, что не предупредил.

Он переспросил в недоумении:

— Работы? Вы сказали, работы?

Я вздохнул, развел руками.

— Человек был создан для беспечной жизни в раю. В этом мире он беженец. Что из этого следует?

Он поморщился.

— Могу многое предположить, но, зная вас, не ошибусь, если скажу с надлежащим пафосом, что этот дикий мир, куда мы попали по вине нашего праотца Адама, надо облагораживать. Угадал? А это значит, выкорчевывать сорняки и насаждать христианские цветы, чтобы тоже стал райским садом. Ну как, в яблочко?

— Маркиз, — сказал я искренне. — Я рад, что вы едете с нами.

Он фыркнул.

— Ежели людей по работе ценить, тогда лошадь лучше всякого человека. Думаю, скорее люди выйдут из моды, чем войны! Уж в них-то человек преуспел больше, чем в работе. И еще много раз уничтожит ваш райский сад. Я, честно говоря, не уверен, что Господь изгнал за какое-то яблоко... Это так Адам и Ева рассказали детям, чтобы оправ-

даться за свое неизвестно какое поведение! Перед детьми, повзрослев и одумавшись, надо выглядеть достойно и не все рассказывать из своей бурной молодости. На самом деле, думаю, они весь сад спалили. Или как-то иначе испоганили, уничтожили, испохабили настолько, что даже всемиростивейший и всепрощающий Господь разгневался и затопал ногами.

Я задумался, переваривая интересную идею. В самом деле, про изгнание знаем только со слов Адама, а ему наверняка стыдно было признаться детям, что и как по молодости творил в саду, как поступал с населяющими его животными и что с ними делал от избытка фантазии и будучи не стесненным никакими запретами. Вот и придумал на счет не вовремя сорванного яблока и чересчур строгого родителя... Детям нужны простые объяснения, преждевременная правда всех шокирует.

Ангелхейм расхохотался.

— Что вы так задумались?

— Заметно?

— Еще бы! Сейчас у вас даже самые светлые мысли отбрасывают тень!

— Мой меч может сломаться, — сказал я, — как и доспехи... Но моя вера никогда не сломится, никогда не иссякнет. Господь прав, хотя мне пока и непонятны его замыслы...

Тоскливый вой прервал мои слова. Я повернул голову, стараясь определиться направление и расстояние. По спине пошел мороз, когда сообразил, что вой идет с расстояния в несколько миль. Зверь должен быть такого размера, что стадо быков употребит только на закуску перед обедом, однако же никто не всполошился, не хватается за оружие, не созывает народ, чтобы дать отпор.

Такое ощущение, что слышу только я. Нет, вот еще двое переглянулись, один сказал что-то бодрое, другой захохотал, и оба затянули бодрую походную песню про прекрасную леди, что ждет благородного рыцаря из похода.

Ангелхейм заметил мое напряжение, проговорил участливо:

— Вы не бывали в этих краях... Это всего лишь террорванг.

— А он что, безопасен?

— Очень опасен, — сказал Ангелхейм.

— А почему поют?

— Террорванги никогда не покидают свою пещеру, — ответил он. — Даже непонятно, камни жрут, что ли. Иногда находятся храбрецы, что спьяну обещают вернуться с головой зверя на пике... Знаете ли, это очень удобно! Он сам по себе ни на кого не нападает, так что гибнут только добровольцы.

— Удобно, — согласился я с облегчением. — Можно не спешить с очищением земель. А этого террорванга оставить для тренировки, а также для испытания на нем новых видов оружия.

— Катапульта?

— Да, — согласился я. — И арбалетов повышенной мощности.

— Он это не любит, — предупредил Ангелхейм. — Однажды выскочил и гнался за такими с полмили, пока не растерзал всех. Только тогда решил, что вполне удовлетворен, и вернулся.

— Гм, — сказал я. — Этого я не учел. Это потому, что я шибко умный. Умные мелочи не замечают. А шибко умные не обращают внимание и на крупное...

— Вы очень шибко умный, — согласился Ангелхейм.

За кустами впереди порхает птишка, кричит взволнованно и сердито, но сесть не решается. Ангелхейм тоже заметил, опустил забрало и потянул руку к мечу.

— Может быть, — проговорил он, — просто лиса добралась до гнезда в кустах... Но, может быть, и не совсем лиса.

— А то и совсем не лиса, — согласился я.

Ангелхейм поднял щит как раз в момент, когда из-за веток вжикнула стрела, а за ней сразу еще три. Я послал коня вперед, кустарник распахнулся, как зеленые брызги. Под копытами вскрикнуло и затрещало, второго я зарубил, Ангелхейм прыгнул с коня и повалил третьего с кинжалом в руках.

Четвертый метнулся в заросли и пропал. Я метнул меч в кусты, ориентируясь на шелест. Там затрещало, ветви прогнулись, затрепетали, на землю грохнулось нечто тяжелое.

Ангелхейм поднялся, тяжело дыша, вломился в кусты, как носорог, у которого со зрением проблемы. Некоторое время там шумело, пыхтело, постанывало, наконец маркиз выбрался обратно, в руке мой меч, стальное лезвие в крови по самую рукоять.

Подскакал на горячем коне Ульрих, огляделся, остро сожалея, что все закончилось без него.

— Здорово вы его, маркиз!

Ангелхейм поморщился.

— Я только меч выдернул... кое-как. Наш сюзерен засадил ему в бок по самую рукоять. Насквозь, как жука.

Ульрих повернулся ко мне:

— Как вы это сделали?

— По звуку, — ответил я. — Он же топал, пыхтел, и кусты шевелились.

Ульрих с сомнением покачал головой, но промолчал, Ангелхейм спросил жадно:

— Научите?

— Есть и получше вещи, — сказал я нравоучительно, — чему стоит учиться. Вы читать-писать пробовали?

Дорога сделала поворот, в узком месте между двумя скалами пятеро неизвестных ждут нас на коленях. Легкие всадники Герцеля с ним во главе окружили их и с ожиданием смотрят на меня.

— Наши раненые есть? — спросил я.

— Да, — ответил сэр Герцель нехотя. — Если вашей светлости будет угодно...

Раненых уложили под скалой в тени, я так и понял, что рассчитывают на мое умение заживлять раны, хотя сказать такое вслух не решаются: не дело гротсграфа заниматься врачеванием, как простому лекару.

Я быстро прошелся вдоль ряда, касаясь то лба, то обнаженной груди, это надо в первую очередь, есть такие, что не проживут лишнюю минуту, вернулся, поеживаясь от холода, к пленным.

— Кто такие?

— Люди барона Руаяля, — объяснил сэр Герцель. — Верны своему господину, хоть и знают, что тот убит.

— Даже у такой сволочи, как Руаяль, — сказал я, — в этом мире есть верные люди. Хотя вообще-то не должны. Это собака верна своему хозяину в любом случае, каким бы тот мерзавцем ни был! И она не виновата. Но человек не должен уподобляться...

Один из стоявших на коленях вскричал:

— Погодите! Что вы хотите? Я — рыцарь! Я благородный человек! Я верен своему сюзерену!

— С благородных спрашиваем вдвое, — отрезал я. — Сэр Ульрих, распорядитесь... Это теперь моя земля, а эти люди — преступники. Поступайте с ними, как положено.

Пленный рыцарь понял, что верность осталась неоцененной, прокричал, безуспешно вырываясь из рук стражников:

— Но как же милосердие? Вы же говорили о милосердии!

Ульрих и Ангелхейм посмотрели на меня в изумлении. Я переспросил заинтересованно:

— Я говорил?

Пленник помотал головой.

— Церковь говорит! — выкрикнул он торопливо. — Церковь глаголет о милосердии! А вы же церковник!

— Эра милосердия придет, — пообещал я со вздохом, — когда постареют люди и опекающая их церковь. Но я молод, а молодость живет справедливостью. Церковь тоже, слава Богу, еще молодая, злая и малость безрассудная... Эй, этого повесить, остальных зарубить на месте. И... поехали, поехали дальше.

Над пленными засверкали мечи, сэр Ульрих проворчал с удовлетворением:

— Это по справедливости.

— И никакого милосердия к преступникам! — добавил Ангелхейм.

Я покосился на его чистое улыбающееся лицо.

— Да, вы правы, дорогой друг. Пока никакого.

Мы оставили разведчиков завершать расправу, Ангелхейм пару раз заинтересованно оглянулся, а Ульрих проворчал:

— Как мало народу надо... Того и гляди, назовут вас Милосердным. Ричардом Милосердным!.. Тьфу, стыд какой. Видите, сэр Ричард, как превратно иные понимают такое незнакомое слово, как милосердие. Надо осторожнее с высокими понятиями.

Ангелхейм заметил рассудительно:

— Но сэр Ричард и так неосмотрительно милосерден. Когда другие вешают по двадцать человек, он только по пятнадцать. А то и, стыд какой, вообще не больше десятка!

— Да, — сказал сэр Ульрих, — это сразу заметно.

Я привстал в стременах, навстречу гигантскими прыжками несется Бобик с задавленным оленем в зубах и недоумением в глазах: почему так медленно?

— Прости, — сказал я ему, — все никак не расстанусь с друзьями. Но вообще-то пора. Сэр Ульрих, сэр Ангелхейм! Передайте мои извинения остальным рыцарям, но я изнемогаю от нетерпения. Мой конь уже нехорошо ругается, что тащимся так медленно. Он молчит, но я все слышу. А Бобик? Посмотрите на Бобика! Он кричит, что я должен поспешить в Брабант, чтобы вам подготовить достойную встречу! Да-да, для вас старается, негодяй.

Они помрачнели, а Ульрих сказал со вздохом:

— Спасибо, сэр Ричард, что проехали с нами почти полдня! Я, честно говоря, ожидал, что умчитесь сразу, как захватим замок и освободим благородного герцога.

— Я тоже, — сказал Ангелхейм серьезно. — Либо сэр Ричард устал трудиться, либо ему наше боевое братство с каждым днем все ближе.

Ветер свистел в ушах, я зарывался в гриву, чувствуя себя как будто накрыло плотным бронебойным куполом. Сверху только ревет и воет, но уже не пытается подцепить меня и выбросить из седла. Бобик ухитряется мчаться впереди,

черная шерсть медленно коричневеет, потом стала багровой, наконец засветилась тонкими рубиновыми нитями.

Я не успел заорать, что надо остановиться, а то загорится от трения, впереди начала быстро расти каменная стена Великого Хребта. Зайчик сам сбросил скорость, а когда показалась черная дыра Тоннеля, мы уже неслись к ней, почти неотличимые от всадника на очень быстром коне с очень быстрой и очень крупной собакой.

Я недолго вроде бы пробыл на этой стороне, но за это время прибавилось охраны, появились еще две башенки, а между ними широкий навес из толстых досок прямо над входом в Тоннель. Не навес даже, а добротный мост, а уж что на нем за ящики, корзины и бочки — можно только догадываться, глядя на мрачных монахов с очень недоверчивыми лицами.

— Сэр Ричард, — сказал монах в первом ряду то ли обороны, то ли досмотра, — мы рады вашему возвращению... Взгляните вон в эту святую книгу... да-да... спасибо... Ничего не чувствуете? Хорошо... а теперь прочтите вот эти слова...

Я проделал все и поинтересовался:

— А с неграмотными как?

Он ухмыльнулся.

— Их проверяют более простыми методами. И вообще с ними проще...

— Не опасно снижать требования? — спросил я.

Он покачал головой.

— Нежить в личине простого крестьянина менее опасна, чем в облике лорда.

— Ну да, понятно... Много выявили?

Он нахмурился, кивнул.

— Первые дни и даже недели никого не было. А сейчас началось. Дня не проходит, чтобы одного-двух не поймали... И с каждым днем становится все больше.

— И все хитрее, — сказал я.

Жесткая улыбка раздвинула его бледные губы.

— Оружейник делает острее меч, бронник тут же укрепляет щит.

Второй ряд просканировал меня по другой методике, а

третий — по третьей, еще более замысловатой. Зайчик и Бобик на этот раз отделались простым осмотром, на что я не преминул указать, их тоже можно незаметно подделать так, что я сам не замечу.

Монах посмотрел уважительно, что-то черкнул в толстой книге и кивнул стражам. Тяжелая баррикада легко сдвинулась в сторону, хотя я не заметил ни веревок, ни каких-либо хитрых штук. Зайчик ржанул и пошел в Тоннель, Бобик обогнал снова и пропал в темном зеве.

Я помахал рукой.

— Совершенствуйте щиты, святые отцы!.. Прогресс не стоит на месте!

— Благослови вас Господь, сэр Ричард!

Глава 4

Сверкающая точка превратилась в огненный шар, налетела, ударила, и мы выметнулись в яркий мир палящего света, горячих камней, ослепительного неба, почти белого, так мало в нем голубизны. Дорога не пошла навстречу, а понеслась вскачь между сдвинутых с пути глыб в сторону моря, как угадывается по чуть-чуть влажному воздуху с той стороны.

Бобик иногда останавливался и оглядывался, морда ликующая, снова обгонял. Зайчик делал вид, что вообще не замечает это нечто несолидно прыгающее, а когда Адский Пес понял, куда направляемся, ринулся с такой поспешностью, что из-под лап вылетели в нашу сторону крупные камни.

Показались знакомые стены гор, между ними просвет, как выглядит это издали, а когда все это приблизилось, стало видно, что проход надежно перекрыт небывало высокой стеной, по бокам высокие башни, краями вросшие в каменные стены, а в середине стены чудовищные ворота, что все равно кажутся мелкими в сравнении со всем этим великанством.

Зайчик все понимает, сбавил скорость, к воротам мы

мчались красиво и бодро, тяжелым галопом, от которого дрожит земля. Бобик уже стоит, приподнявшись на всех четырех и требовательно гавкает так мощно, что вздрагивают ворота.

Со стены и ворот закричали, калитка отворилась, когда мы были еще за пару сот ярдов, так что отворили не нам, а этому толстому гаду, что, конечно же, сразу помчится на кухню с инспекторской проверкой.

Бобик исчез, калитку открыли шире. Я зарылся лицом в конскую гриву, въезд сделан таким нарочито, чтобы всадник оставался абсолютно беззащитным, но едва копыта Зайчика вступили на вымощенный булыжником двор, со всех сторон раздались радостные вопли, а некоторые даже преклонили колени.

Хоть и демократ, мелькнуло язвительное, а еще и интеллигент-передвижник, но как приятно, когда приветствуют как господина...

Мартин сбежал со стены обветреннолицый, суровый, пронзительно голубые глаза стали еще светлее, недоверчивее, но сейчас широкий твердый рот сразу же дрогнул и расплылся в ликующей улыбке.

— Сэр Ричард, — сказал он и ударил себя сжатым кулаком в левую сторону груди, — приветствую, мой лорд!

— Рад тебя видеть, Мартин, — сказал я.

Конюхи ухватили повод, я соскочил на землю, обнял его широкие плечи. Мартин смотрит снизу вверх, в светлых глазах вопрос, который не решается задать, губы медленно вернулись на свое место, лицо снова стало суровым и недоверчивым.

— Да все в порядке, — сказал я тепло. — Так и передай всем.

Он покосился на слушающих нас боязливо и почти-тельно стражников и набежавшую челядь.

— Но вы так быстро вернулись...

— Думаешь, с полдороги?

Он пробормотал:

— Ну, вообще-то многие так решат.

Я хлопнул его по плечу и сказал громко:

— Герцог свободен!.. С надежным отрядом возвращается в Брабант. Просто я немного опередил. Совсем немного!

Лицо Мартина вспыхнуло, словно осветилось изнутри, а глаза стали ярко-синими. Сейчас он был почти красивым, а не просто надежным, который слово держит, службу знает, в спину не ударит, а скорее закроет ее своей грудью от вражеской стрелы или копья.

— Совсем немного... — сказал он, слегка задохнувшись от волнения, — мы уже знаем это ваше совсем немного... На неделю? На месяц?

— Не знаю, — ответил я весело. — Смотря как и где будут напиваться по дороге. Я вот, к примеру, маковой росинки во рту не держал, пока не домчался сюда.

Он посмотрел несколько странно, я спохватился, это же путь не меньше, чем в пару недель, если на обычном коне, но Мартин ничего больше не спросил, повел руку в сторону донжона.

— Леди Дженнифер, как обычно, вне крепости...

— Не опасно?

— Нет, она не покидает земель Брабанта. А еще ее всегда сопровождает группа молодых рыцарей. В последнее время пристрастилась смотреть на море с наших обрывов.

Я зябко передернул плечами.

— Не пускайте близко к краю. А леди Элинор?

Он нахмурился.

— Вся в своем нечестивом колдовстве. Зря вы ей разрешили! Половину вещей из подвала уже перетаскала в свои покои. И ночью с ними не расстается.

— Энтузиастка, — обронил я. — Ладно, пойду потревожу.

— Обрадуйте, — сказал Мартин. — Не своим появлением, если честно, а новостями. Она так исхудала, что временами смотреть жалко.

Я взглянул с удивлением, Мартин никогда никого не жалел, а чтоб вот так о леди Элинор, что тиранит его, как может, то для этого в лесу должно издохнуть стадо тиранозавров. Большое.

Слуги почтительно кланялись, и, как мне кажется, или же это мое самомнение распускает хвост, кланяются охот-

нее, чем кому бы то ни было здесь. Как будто вот приду и разом пересажу всех в райские кущи. И ангелы запоют или даже воспоют. Или это от того, что ничего не делал здесь, и потому в таком лорде разочароваться еще не успели?

Просторный холл за время моего отсутствия посветлел еще больше, чувствуется женская рука леди Элинор, добавилось цветных полотнищ...

Я взбежал по лестнице, ступени покрыты пурпурной ковровой дорожкой, очень красиво и возвышенно, но подумать о переменах не успел, дальше по коридору вспыхнуло оранжевое пламя: женщина с красными волосами и в пурпурном платье быстро идет в мою сторону. Мне даже показалось, что движется слишком быстро, словно неслышно скользит над поверхностью пола.

Леди Элинор, исхудавшая настолько, что одни удивительно зеленые глаза на подурневшем кукольном личике, ускорила шаг, глядя на меня с отчаянной надеждой.

Я едва успел подхватить ее, когда споткнулась и рухнула в мои объятия. Пальцы наткнулись на выступающие, как лезвия топориков, острые лопатки, соскользнули на ребра, едва-едва прикрытые кожей. Весит не больше мелкого пуделя, в сердце мне кольнуло острой жалостью.

— Сэр Ричард!.. — прошептала она. — Мы ночами не спим.

— Комары? — пошутил я и ощутил, что сглупил.

Она вскинула на меня взгляд прекрасных глаз, веки покраснели, а белки пронизаны сетью полопавшихся сосудов.

— Какие вести?

Голос ее из прежнего музыкального стал хрипловатым, как после долгого плача. Я всмотрелся в ее подурневшее лицо с воспаленными красными веками и вдруг увидел под этой маской, а все женщины их носят, прячутся страх и отчаяние женщины, что после стольких лет нашла счастье и может потерять.

— Все сделано, — сказал я поспешно. — Не волнуйтесь!

— Что... сделано?

— Герцог свободен, — пояснил я.

Она упала передо мной на колени, ухватила мою руку. Я не успел отдернуть, ее горячие губы обожгли мне кисть так, что дрожь пробежала до плеча и ушла в сердце.

— Леди Элинор! — воскликнул я негодуя.

Я стыдливо выдернул руку и отступил на шаг. Она, не поднимаясь с колен, заговорила страстно:

— Сэр Ричард, все, что угодно!.. Я отныне не враг и даже не противник. Клянусь!

— Встаньте, — сказал я нервно. — Поднимитесь, умоляю вас. А то я и сам встану, не могу же я так... Будем, как дураки!

Она поднялась, в красных, как у карася, глазах столько счастья и горячей благодарности, что я готов был провалиться сквозь землю, а признательность струится из нее, как тепло от камина или теплой постели.

— Я совсем недавно смогла отыскать его, — сказала она торопливо. — Он был в маленькой комнате на самом верху башни... И очень-очень далеко отсюда.

Я вздрогнул.

— Да, точно... Как вы сумели?

— Сперва подобрала и составила нужные заклинания, — объяснила она, — а потом, когда убедилась, что он жив, но в плену, начала смотреть через глаза птиц. Это очень утомительно... когда не знаешь, в какой стороне искать...

Я смотрел на нее во все глаза.

— Вы сделали удивительно много, леди Элинор! Честно говоря, я поражен...

— Там еще был странный такой камин, — сказала она с мукой в голосе, — с двумя скрещенными змеями из красной меди... Герцог сел возле, как вдруг насторожился, подбежал к двери и начал придвигать мебель... А потом все задрожало и рассеялось...

— Эх, — сказал я, — если бы сумели увидеть это раньше! Ладно, все сделано, хоть и с большей потерей времени. Герцог уже в пути к Брабанту.

— Он... доедет благополучно?

— С ним отряд воинов.

— Сэр Ричард, я теперь всего боюсь!

— Отряд большой, — сказал я. — Даже не ради охраны герцога. Они потом придут сюда и вольются в мое войско.

— Спасибо, сэр Ричард!

— Вы меня обижаете, леди Элинон, — сказал я. — Как будто мне самому герцог... чужой человек.

— Сэр Ричард, — произнесла она и прямо посмотрела мне в глаза, — располагайте мной. Я ваша вечная должница.

— Это хорошо, — проворчал я, затапывая в себе неловкость. — Я люблю должников. А вас я расположу, так расположу... будете моего Зайчика чистить, заплетать ему гриву или еще что похуже.

Она улыбнулась, глаза сияли.

— Чистить этого великолепного арбогастра? Да это счастье, а не принуждение. Даже не знаю, что может быть лучше... разве что чесать за ушами и кормить Бобика.

Я пугливо оглянулся.

— Какой арбогастр? Это просто конь. Крупный, сильный, быстрый.

— Простите, — произнесла она с нарочитым смирением, — оговорила. Конечно же, у вас замечательный конь. И собачка. И сам вы, сэр Ричард, просто чудо.

— Это вы чудо, — ответил я галантно. — Но ладно, наговорили комплименты друг друга, заодно и домашним животным, а теперь к делу.

Она оглянулась на застывших у дальней двери стражей.

— Может быть, в моих покоях?.. Нет-нет, я не тащу вас в постель. Этот опасный этап у нас благополучно пройден. Просто мы в коридоре...

— Да, — согласился я, — это я заметил. Леди Элинон, обед пусть подадут в малый зал. Я сегодня же отбуду.

Она охнула:

— Куда?

— Дальше, — ответил я сумрачно.

Она в обеспокоенности покачала головой.

— Что-то стряслось еще?

Я ответил с внезапной злостью:

— Постоянно стрясывается! У меня столько великих планов, просто разрывает на части нетерпением, как глубоководную рыбу на берегу. Я должен быть уже на Юге... если верить моим же планам, не совсем же я дурак, но все топчусь здесь, текучка заела.

— Вы только прибыли, — сказала она обескураженно.

— Здесь, — пояснил я зло, — на этом материке!

Она вздрогнула, глаза в испуге расширились.

— Сэр Ричард, вы такими масштабами мыслите! Мне страшно.

В малый зал слуги заносили еду быстро и бесшумно, но я заметил, что ее на столе все же больше, чем принесли. Усмехнувшись, я не стал показывать, что распознал чародейство, сам сотворил кофе, сыр, мед, а также бананы и прочие неизвестные здесь фрукты. Леди Элинор чуть напряглась, но на этот раз смолчала.

К еде она почти не прикасалась, смотрела, как ем я, а у меня хоть после полета, хоть после скачки всегда волчий аппетит, за ушами трещит так, что понимаю все поговорки типа: когда я жру, то ничего не чувю.

— По непроверенным данным, — промычал я с туго набитым ртом, — из заслуживающих доверия источников, вы, леди Элинор, перетаскали из подвалов в свои покои колдовские штуки...

Она выпрямилась, лицо напряглось.

— Сэр Ричард... Но вы сами разрешили...

Я буркнул:

— И сейчас не запрещаю. Это я завидую так. Думаете, я не променял бы свое гроссграфство и маркграфство на мирное копанье с волшебными штуками? Эти приключения уже покруче!..

Ее красивые глаза стали размером с блюдца.

— Вы... такой?

— Представьте себе.

— Но, сэр Ричард, все в вашей власти... Что вам мешает?

Я пробормотал, продолжая пожирать жареное мясо, как Локи на соревнованиях:

— Обязанности, черти бы их побрали! В этом мире вся тяжесть на мужских плечах. Мы обязаны бдить и защищать, а здесь это приходится делать постоянно. Потому и нет молодых и сильных чародеев. Либо увечные старики, либо... женщины.

Она пробормотала:

— Вообще-то верно... хотя я однажды знавала молодого колдуна...

— Трус, — сказал я безапелляционно. — Увиливает от обязанностей мужчины... Леди Элинон, я хотел попросить вас об одной услуге.

— Приказывайте, — сказала она. — Теперь вы можете приказывать.

Я покачал головой:

— Нет, это именно просьба. Постарайтесь подружиться с леди Дженнифер. Сделайте над собой усилие!.. Это ненадолго. Я заберу ее в столицу. Вам придется притворяться доброй совсем недолго.

Она, хоть и держится прямо, как картина на стене, сумела еще больше откинуться на спинку кресла с высокой спинкой. В глазах мелькнуло удивление, сменилось облегчением, затем, к моему изумлению, проступил стыд, а щеки заалели..

— Неужели, — проговорила она с усилием, — я так плоха?

Я проговорил, опустив взор в тарелку:

— Вы... понятны, леди Элинон.

— Эгоистична?

— Это объяснимо, — ответил я дипломатично.

— Я стала такой, потому что жила полной хозяйкой в своем прежнем замке?

Я покачал головой:

— И это тоже. А еще... герцог. Вы ревнуете, леди Элинон. Дженнифер ежедневно могла видаться с ним, разговаривать, общаться, целовать его и обнимать, а вы всего этого были лишены.

Она опустила голову.

— Вы правы, — произнесла она едва слышно. — Она могла... и не пользовалась. А я этого страстно жаждала и... не имела возможности. Но у меня нет вражды к леди Дженнифер.

— Я знаю, — ответил я. — Вы как двое щенков, что отпихивают друг друга от мамы. Или папы. Но вы сильнее, леди Элинор! И не заметили, что не просто отпихнули его родную дочь, но и вообще загнали в угол и затоптали.

— Неужели так выглядит со стороны?

— Боюсь, — сказал я жестко, — так в действительности. Вы привыкли бороться, леди Элинор. А Дженнифер жила за широкой спиной отца и под крылышком матери. У нее нет умения постоять за себя, как у вас! И когда соревнование за внимание герцога перешло в жесткое соперничество, вы ее с легкостью затюкали, затоптали, забили! Она боится уже из своей комнаты показаться. А когда выходит, старается поскорее выскользнуть за пределы крепости.

— Вы такие страшные вещи говорите...

Я сказал решительно:

— Прошу вас поприкидываться хорошей матерью... или просто доброй женщиной не для того, чтобы восстановить добрые отношения, их не восстановить, а чтобы потом, когда случайно встретитесь через несколько лет, могли обняться... или хотя бы поздороваться, а не вцепляться друг другу в волосы.

Она несколько мгновений смотрела мне в глаза. Лицо ее неуловимо менялось. Я видел и стыд, и скорбь, и упрямство, и решимость, и гордость, наконец она глубоко вздохнула и проговорила упавшим голосом:

— Да... наверное, это единственное разумное, что я могу.

Низкое солнце нависает над зубчатой стеной и освещает под таким углом, что все камни стены и башни выглядят плотно подогнанными глыбами древнего металла, чужого и таинственного. Края вспыхнули напоследок, заискрились, от них даже брызнули искры, но тут же солнце ушло за стену, двор погрузился в плотную тень.

В щели кузницы пробивается багровый огонь, из-за чего во дворе еще темнее. В небе затихло, купол выгнулся и стал глубже, выше, величественнее.

Из сторожки, увидев меня, выскочил Мартин. На лице преданность и готовность немедленно броситься выполнять все мои распоряжения, глаза следят за каждым движением сюзерена.

— Я отбуду на время, — сказал я негромко.

Он спросил тоже тихо:

— На сколько?

— Не поднимайте шума, — сказал я в ответ.

— Это значит... тайно?

— Иногда так удобнее, — объяснил я дипломатично.

Он молчал ошарашенно лишь долю секунды, а когда заговорил, голос был строгим и деловитым:

— Прикажете оседлать коня?

— Нет, — сказал я. — И собачке ничего не говори.

— Отбудете... пешком?

Я ответил, отводя взгляд:

— Главное, отбуду тайно. Уже знаешь, умею.

— Да, мой лорд.

— Еще раз, Мартин... Бобик будет проситься на охоту, он сразу понимает, когда вы только подумаете о ней, но ни в коем случае! Как бы он ни прыгал и ни ходил на задних лапах.

— Бедный...

Я развел руками:

— Увы, Мартин. Не знаю, что может встретиться в лесу. Не хочу, чтобы попробовал человеческой крови. Пусть остается невинным псом.

Он посмотрел на меня вопросительно.

— Взяли щенком?

— Нет, — ответил я с сомнением. — Вроде бы уже не был щенком, хотя, кто знает, сколько у его породы щенячесть... Другие его боялись, я как-то не сообразил по дурости вовремя испугаться, я вообще как-то мало пуганный, вот он ко мне и прилип. Отныне я его отец и вожак стаи. Кем был и что делал, молчит, не признается. А мы сами не

будем на всякий случай допытываться... А то такое вдруг узнаем! Со мной он начал жизнь с чистого листа.

— С чистого листа? — перепросил он.

Я махнул рукой.

— Выражение такое. Имеется в виду не лист дерева, а пергамента.

Он внимательно посмотрел на меня.

— У вас много слов, сэр Ричард, словно вы не просто грамотный, но и... долго были среди грамотных.

— Хуже, — ответил я.

— Что может быть хуже?

— Я и родился среди грамотных.

— Господи, спаси и сохрани!

Я улыбнулся загадочно и пошел в конюшню прощаться с Зайчиком. Бобик, как чуял мой приход, уже напрыгивает на арбогастра, приглашая побегать или хотя бы подраться.

— Люблю вас, морды, — сказал я с чувством. — Но, увы, если не появлюсь пару деньков... или больше, займите себя чем-нибудь.

Бобик оставил друга и члена нашей стаи, торопливо принес в зубах дубовую колоду со двора, на которой рубят двора. Я отказался взять ее в руки и бросать подальше, чтобы он приносил, а я бросал снова и снова, пока руки не отвалятся. Обиженный Бобик понес обратно, но притащить что-то взамен не успел: вдали пропел охотничий рог, слышался дробный стук копыт.

Во двор влетели всадники на разгоряченных конях, морды в мыле, с удил срывается белоснежная пена. Двое молодых рыцарей торопливо соскочили на землю и бросились навстречу единственной женщине в седле.

Леди Дженнифер любезно приняла их помощь, лицо за это время стало еще более бледным, чем в прошлый мой визит, но и прекраснее, что раньше мне казалось невозможным.

Она увидела меня, выходящего из конюшни, счастливо ахнула и со всех ног бросилась навстречу. Я подхватил ее на руки, она прижалась ко мне, как воробышек, что ищет защиты от злого холодного ветра.

— Рич!

Прибывшие рыцари почтительно преклонили колени. Дженнифер счастливо смеялась, целовала меня в щеки, в нос, в губы. Глаза наполнились чистой влагой, что быстро прорвала запруду, и сверкающие на солнце ручейки побежали по бледной коже.

— Рич, как я тебя ждала...

Я прижал ее крепче, нежную и трепещущую, рыцарям сделал знак подняться, а ей прошептал в ухо:

— Герцог свободен, уже возвращается. Я его просто обогнал.

— Ты правда хотел поскорее со мной повидаться?

— Ну да, конечно! Чего бы я так мчался впереди всех?

— Спасибо, Рич. Хотя и видно, что врешь, но все равно спасибо.

Я наконец бережно опустил ее на землю, рыцари уже поднялись и окружили нас. В глазах жадное нетерпение, на лицах страстное ожидание удивительных новостей.

— Правда ли... — начал было один.

Я прервал:

— Герцог свободен и скоро прибудет. Готовьтесь принять войска из Сен-Мари... Наши войска! Мои, если хотите. Кто все еще желает стяжать славу героя, еще может присоединиться к походу на варварские земли. Я не знаю, почему король Кейдан... да и предыдущие короли мирились с захватом исконных земель, но я намерен в свою очередь захватить королевство варваров и покончить с этой угрозой раз и навсегда!.. А сейчас прошу меня простить, мне надо пообщаться с сестрой.

Дженнифер так вжималась в меня, будто старалась втиснуться вся, а там поджать лапки, свернуться в клубочек и спрятаться от всего мира, что я то и дело задевал плечом каменную кладку. Наконец я просто подхватил ее на руки и понес по ступенькам вверх на стену крепости.

Часовые почтительно отступили, я шел медленно, сам стараясь продлить очарование, когда всем телом прижимается молодая девушка и страшится мгновения, когда я опущу ее на землю.

В Брабанте, где море совсем близко, солнце особенно огромное, яркое, а громады облаков библейски величественные, несказанно пышные, уже не горы, а целые горные хребты, их подсвечивает снизу алым, пурпурным, а затем багровым. Само небо не голубое и даже не синее, из оранжевого стало пышно-лиловым, и громады облаков на нем выглядят странно и пугающе.

Со стены видно, как далеко-далеко опускается за темный край земли солнце, почему-то резко уменьшившись, мелкий багровый диск. Горизонт некоторое время искрил бенгальскими огнями, сумрак сгущается по земле медленно, торжественно, словно шествует с короной маркграфа в руках и готовится водрузить мне на голову. А то и вовсе на чело.

Дженнифер я так и не отпустил, она прижалась ко мне и зачарованно смотрит на закат, затем перевела взгляд на темную землю, простирающуюся далеко вниз от стен крепости и уходящую в бесконечность.

— Ты в самом деле должен?..

— Увы, сестренка.

— Почему?

Я развел руками:

— Теперь я уже знаю, что время — это просто одна неприятность за другой. Вот и прыгаю... стараюсь все уладить.

— И никому поручить нельзя?

Я пошутил грустно:

— Каждый незаменим. А уж я... так и вовсе.

Она подняла лицо, ее полные созревшие губы оказались совсем близко от моих. Сердце мое отчаянно заныло, в мозгу стучит: да перестать сдерживать себя, подумаешь, паладин, честь, достоинство, а как же свобода чувств...

Есть несколько способов справиться с искушением, самый верный из них — трусость. Я поцеловал Дженнифер в лоб и с огромным сожалением, борясь с собой, опустил ногами на камень стены.

— Рич!

Она смотрела потерянно, как заблудившийся ребенок в лесу, где наступает ночь и уже воют волки.

— Я ненадолго, — пообещал я.

— Рич, что ты задумал на этот раз?

Я запнулся с ответом, переспросил:

— Сказать?

Она почти кивнула, но продолжала смотреть мне в глаза и наконец проговорила умоляюще со слезами на глазах:

— Не надо... Я боюсь заглядывать в твои бездны. Но ты — Рич, ты мой брат, я тебя люблю, и ты меня никому не дашь обидеть.

— Не дам, — подтвердил я. — Уже сказал, что сам буду обижать. Дженни, я просто должен... Слово-то какое... всю жизнь избегал, не было случая, чтобы сказал такое, а теперь чуть ли не каждый день вспоминаю, что должен это, должен то... Дженни, жди! Я очень быстро.

Она вздрогнула, когда я еще раз крепко поцеловал ее, отстранил и быстро вбежал в башню. Когда я с самого верха взглянул через парапет, она стояла на том же месте, прижав кулачки к груди, маленькая и беззащитная, и с мольбой смотрела вверх.

Глава 5

Я сбросил личину исчезника, как только громада крепости Брабант уплыла далеко за спину. Крупная летучая тварь, одиноко парящая в небе, хоть и редкость, но все же не диковинка, время от времени кто-то да видит этих разных крылатых зверей, но если она в личине исчезника, обязательно привлечет внимание того, кто его заметит...

Правда, народ как раз не увидит, зато обязательно обратит внимание маг, а мне безопаснее толпы народа, чем один маг, от которого неизвестно чего ожидать.

Далеко внизу плывет темная земля, горизонт безумно расширился, а самого меня несет под высоким лиловым куполом, что уже перетек в черный и движется вместе со мною, в какую бы сторону я ни направил полет.

Мир замер, все тихо, вокруг пусто, а в небе если и слышатся ночные птицы, то далеко внизу, где разную насекомую мелочь хватают на лету мелкие пташки, мелких пташек — более крупные, этих еще крупнее, а тех уже настоящие гиганты вроде сов и филинов...

Перед глазами то и дело, заслоня весь мир, встает бледное лицо Дженнифер с отчаянными глазами, умоляющими о спасении. Я отгонял усилием воли и заставлял себя думать о том, как с минимальными усилиями составить карту Гандерсгейма. Военную карту, то есть в первую очередь дороги, мосты, переправы, источники воды, скопления военной силы противника...

Я вообще-то масштабник, и хотя одиночные рейды мне удаются лучше всего, но это уже пройденный этап. Больше всего тянет собрать армаду святого воинства и двинуться на Юг. Даже освобождение герцога, хоть и принесло успех, оставило чувство неудовлетворенности.

Сейчас же вообще занимаюсь какой-то ерундой... Хотя, конечно, отрядам Ульриха с освобожденным герцогом ехать не меньше месяца через всю Армландию к Тоннелю, а потом в Брабант, куда должны стягиваться и войска из гарнизонов Сен-Мари. Мне все равно нужно дождаться, когда все соберутся в одном военном лагере на подступах к Гандерсгейму.

Да и, честно говоря, никто лучше меня не составит его точную карту. Разве что колдун какой, что мог бы заставить летать птицу по указанным маршрутам, а сам, попивая вино в мягком кресле, рисовал карту. А еще лучше — запустить хробойла. Да только, видать, это такие дорогие и редкие штуки, что я вообще их не встречал больше.

Внизу уплывает равнина, с высоты идеально ровная, как выструганная столешница. Для конницы варваров разгуляться есть где, а вот мы, крестоносцы, больше предпочитаем... гм... не такие уж открытые пространства.

Да, в столкновении с такими же крестоносными войсками выбираем обширные поля, как, скажем, в битве при Грюнвальде, но в сражениях за гроб Господень с сарацинами у легкой конницы есть небольшое преимущество...

Значит, надо усилить возможности наших стрелков. А это в первую очередь повышение дальности стрельбы. То есть более дорогие и сложные в изготовлении композитные луки... Кстати, в крепость Слово Ричарда начали прибывать первые партии, производство которых развернуто в Амальфи весьма масштабно, я оказался молодцом, предвидел нужду.

Внизу белеющая, словно посыпанная солью, широкая дорога уперлась в достаточно широкую и, как мне показалось, бурную реку. Звездное небо трепещет в ней, будто там новый Армагеддон, орды правоверных ангелов сражаются с мятежными, что значит, вода идет быстро. Дорога с этого берега с ходу нырнула в воду, исчезла надолго, а потом как ни в чем не бывало появилась на той стороне все такая же широкая и невозмутимая, словно и не преодолела эту водную ширь.

Я не поверил глазам, снизился и, оглядевшись, нет ли кого поблизости, осторожно опустился на дорогу рядом с роскошным песчаным пляжем, как-то совершенно бездумно перешел в личину человека.

Под ногами захрустело, я непонимающе уставился на каменную крошку. Когда опускался на эту чистую дорогу, с которой ветер смел всю пыль, здесь ничего не было, кроме твердой, утопанной множеством копыт и укатанной колесами телег земли, плотной, как камень...

Нагнувшись, я поковырял пальцем. Теплые, что странно, ведь уже полночи прошло, мелкие крупинки гранита. Такого же точно, из глыб которого башни крепости Бранбанта.

Сердце стучит чаще, я набрал этой крошки в ладонь, тупо всматривался и кривил рожу, словно гримасы помогают в мыслительных процессах. Что-то торможу, но никак не пойму, откуда она взялась... а взялась именно в момент, когда я превращался в человека!

Вспомнил странное ощущение возросшей мощи, когда поднимался в небо, а затем пошел резать воздух острыми крыльями. Эта крошка была со мной... однако, похоже, тогда она была не крошкой.

Я воровато огляделся по сторонам, ночь, нигде никого, даже кузнечики не будут смеяться, сосредоточился, представляя, как превращаюсь в большого и страшного крылатого зверя... с буграми мышц, толстыми лапами, широкими крыльями, толстым и острым гребнем...

Долго ничего не шло, наконец перед глазами поплыло, песчаный берег и звездное небо раздвоились. Я поспешно закрыл глаза и начал внушать себе, что морда у меня совсем не такая, как у курицы или орла, без разницы, у меня, как у совы, бинокулярность... Обзор меньше, но не сойду с ума, синхронизируя два изображения с разных сторон.

Наконец почувствовал, что голова все еще кружится и малость тошнит, но все четыре лапы твердо уперлись в землю. Какие-то совсем не такие лапы...

Я поднял тяжелые кожистые веки. Почва от меня дальше, чем обычно, что значит, сейчас я выше ростом, но — главное, — я в приличной яме прямо посреди дороги!

Понятно, мелькнуло ошарашенное. Сперва Логирд научил меня захватывать в трансформацию одежду и оружие, а сейчас вот я уже способен использовать и окружающую, так сказать, среду. На панцирь поверх спины, на шипы, на костяные наросты, особо прочную чешую на боках и брюхе, на толстый и острый гребень...

Выбравшись из ямы, я подпрыгнул, неуклюже взлетел, но повело вбок, завалился тяжело, захрустели кости, остро кольнуло болью. К счастью, рептилии менее чувствительны, я сосредоточился, торопливо зарастил переломы. Значит, с тяжелым телом нужно учиться летать заново...

После трех попыток взлететь я решил сперва просто перенести тяжелую задницу вброд. Неспешная вода даже в самом глубоком месте поднялась не выше колена, а это значит, конница одолеет легко без всяких мостов. Да и пехоте не придется сколачивать плоты.

На том берегу я собрался и для тренировки возжелал стать человеком. Зрение смазалось, в голове головокружение и звон, чего раньше не наблюдал... очень медленно начал ощущать трансформацию, изменения во всем существ-

ве, легкая боль пробежала вдоль позвоночника и разом кольнула во все суставы.

Наконец я ощутил себя в своем привычном теле, но нечто сковало и не позволяет двигать нижней частью. Я в страхе опустил голову и с великим облегчением перевел дыхание: никакого паралича, просто ноги в горке песка до самых колен.

— Сработало, — сказал я себе вслух с сильно бьющимся сердцем. — Сработало!.. Только бы не перебраться...

Сосредоточился, снова возжелал от всей души, если такая у меня странная душа, чтобы стал не просто летающей тварью, а огромной, грозной и страшной. Ну, страшной и так был, а вот огромной и грозной, что вообще-то нормальное желание любого самца, даже самого что ни есть интеллектуального...

Превращаясь еще медленнее, успел заметить, как зашевелился песок. Белые песчинки потекли ко мне, я успел ощутить их покалывание в оголенных частях тела. Зрение смазлось, уже не секунды, а долгие минуты чувствовал себя слепым, когда изображение колеблется, расплывается и дробится на множество мелких картинок, словно глаза вдруг стали фасеточными.

Тело летающего ящера показалось незнакомым, хотя вроде бы все такое же, затем я сообразил, что голова вдвое выше, чем была раньше. И сам я выше, но не за счет удлинившихся лап, просто крупнее и мощнее.

Отдохнув и приведя в порядок разбегающиеся мысли, я попытался вернуться в личину человека. Снова получилось вдвое, если не вчетверо медленнее, а когда превращение завершилось, обнаружил себя в песке уже не по колено, а до пояса.

Еще час я сосредотачивался, затем получилось превратиться в огромного и толстого ящера, что-то вроде тиранозавра. О крыльях нечего и думать, зверски заболела спина, заныли суставы, как позвоночные столбы чудовищ не ломаются от перегрузок...

Хотя, может быть, именно от этого и вымерли. Держа это в уме, я торопливо менял тело, теперь не обязательно

превращаться в человека, можно из ящера в ящера, те еще красавцы, кто увидит — заикой станет, вот наконец-то приемлемое решение... да, терпимо. И громадный, и в то же время достаточно компактный, чтобы подняться в воздух.

Утреннее солнце подожгло облака, но земля покрыта странной фиолетовой тенью, особенно глубокой в низинах и оврагах. Воздух к утру не просто свеж, но холодный, будто лечу между незримых высокогорных пиков, полных льда и снега.

Мне нравится мое тело, над которым изгалялся до расцвета. Огромное, мощное, с плотным панцирем сверху, еще и острый гребень от затылка и до кончика хвоста, иглы я постарался сделать как можно более прочными. Вообще любой хищник нападает сверху, внезапно, вот пусть и получит первый отпор, пока я соображу, что на меня напали...

Широкие и усиленные добавочными сухожилиями крылья несут быстро и легко. Далеко внизу медленно и важно проплывают качающиеся на ходу надменномордые верблюды. Когда пролетаю над ними, они выглядят мелкими гусеницами грязного цвета. Зато когда смотрю слегка сбоку, вижу длинные палочкообразные ноги, худые и с широченными копытами, что не дают им проваливаться в песок.

Чуть левее по высокой траве несется крохотная группа охотников. Четверо на легких неподкованных конях догоняют оленя. Я ожидал, что убьют стрелами, варвары хорошо стреляют на скаку, однако один из всадников поравнялся с оленем и красиво прыгнул на него с седла.

Олень рухнул, как подкошенный. Охотник буквально через секунду подхватился и вскинул руки в понятном даже мне жесте: он свернул оленю шею голыми руками.

Этот край, мелькнула мысль, можно пройти с боями даже не останавливаясь. Народ, что кормится охотой, вынужден жить крохотными семьями на больших пространствах, иначе никакой добычи не хватит. Даже село — непростибельная роскошь для людей-охотников.

Крылья начали ныть и выпрашивать отдыха, я раскинул

их пошире и попробовал планировать. Не помогло, держать их растопыренными тоже немалое, хоть и меньшее, усилие.

Стада овец попадают все чаще, перегоняют их с места на место два-три пастуха и орава собак, похожих на волков. Потом я увидел первое стадо коров, пока небольшое, но через полсотни миль от этих стад зарябило в глазах: все склоны холмов покрыты пасущимися овцами, отдельно стада коров, и я ошарашенно подумал, что в этой части Гандерсгейма наше победоносное войско слегка забуксует. Это не охотники, а уже кочевники, их на единицу площади в десятки, если не в сотни раз больше. Да и дерутся кочевые народы отчаянно, мир запомнил это по чингизам и прочим аттилам.

Правда, одежда — почти вся из шкур. У бедных — грубо выделанная, а то и вовсе просто содранная со зверя и высушенная, разве что мездру удалили. У богатых одежда из кожи, иногда просто выделанной очень тщательно. Но все-таки везде кожа, кожа, кожа...

Не только одежда — палатки, юрты, седельные мешки и сумки, конская упряжь, все-все только из кожи. И хотя кожа — это совсем неплохо, однако же когда только кожа, пусть и в таком разнообразии, что даже в Сен-Мари не увидишь...

Солнце все еще сохраняет утреннюю чистоту и ясность, небо бездонно, а воздух свеж. Крылья легко держат над землей, теперь прямо в полете по мере необходимости перестраиваю то для короткого и быстрого рывка, то для неспешного парения на гигантских, но из-за этого непрочных и незащищенных.

Солнечный свет давно соскользнул с облаков, недолго я купался в нем единолично, потом он опустился на вершины пальм, те стыдливо заалели, а теперь тени лежат только между песчаными барханами. По дороге тянется вереница верблюдов, я напряг зрение, ага, везут всякую ерунду вроде

овощей, кувшинов с молоком, горы битой птицы — такое не для дальних дорог...

Ага, вон и город впереди, куда все это прут. Сердце мое застучало сильнее, я с трудом подавил желание ускорить полет и поскорее рассмотреть это нагромождение каменных строений. Та-ак, к нему четыре дороги, защитных стен нет, что и понятно, все-таки кочевники, с другой стороны — город слишком велик, чтобы его построили кочевники. К тому же он из камня, выглядит древним, очень древним...

Глаза мои выпучивались, раздвигая кожистые пленки век, помимо моего желания. Город практически не отличается от городов, которые видел в Сен-Мари. Это понять можно: варварам стало лень разрушать массивные городские стены, высокие башни, угрюмые казармы, сложенные из тяжелых гранитных глыб. Однако в городе кипит жизнь!

Я не рискнул спуститься ниже, перед глазами замелькали пестрые фигурки, когда до предела усилил зрение, утомительно все скачет и прыгает, рассмотреть трудно, но все же люди ходят свободно, на варваров не похожи...

Я старался держаться высоко и со стороны солнца, чтоб уж точно не заметили, сам до боли в черепе напрягал зрение. Вокруг города небольшие чахлые рощи пальм, еще вроде бы магнолии и олеандры, но сам город выглядит грудой выжженных камней, все застроено, дома прижаты один к другому, улочки тесные и кривые, все желтое, песок и камень, ни клочка зелени.

Спустился ниже и рассмотрел, что народ теснится у темных лавочек, исчезая под навесами, а выходит со связками чеснока, большими краяхами хлеба, толстыми желтыми кругами сыра. На соседней улице точно так же отовариваются седлами, уздечками и прочей конской упряжью.

Чем больше я всматривался, тем больше тревожило непонятное и странное несоответствие. Этот город ну никак не соответствует облику тех яростных и презирающих смерть варваров, что вторглись в Сен-Мари. Варвары — это молодая дикость, это невежество от детскости, а этот город говорит о древности, о былом величии, о позабытой уже славе отцов-прадедов...

Уж точно варвары не могли выйти из этого города. Пусть здесь все в упадке, но это упадок некогда древнего и великого народа, а по варварам издали видно, что идут молодые и яростные, только-только вылупившиеся из яйца и с детской драчливостью открывающие мир.

В центре города, как водится, большая городская площадь. Обычно возникает из большого луга, где горожане пасут коров и коз, какой-нибудь непригодной для заселения пустоши, а то и озера, где сперва селятся на берегах, а потом, по мере роста города, просто засыпают водоем землей, чтобы получить ценную в тесном городе землю.

Да что озера, я знаю великие столицы, что возникли на берегах рек, давших название этим городам, а потом упрямившие эти реки в трубы и поместившие их под утрамбованные дороги...

Я насторожился, на площади высится высокий и тонкий столб, абсолютно черный, похожий на жертвенник. Правда, великоват, больше похож на некий странно знакомый символ, но в черепе хоть и сразу зашевелилось некое узнавание, но сразу так ничего и не пришло в голову, а за это время город уплыл назад, впереди долина с множеством шатров, пасущиеся табуны невысоких лохматых коней, с высоты похожие на стаи леммингов, скачущие группы всадников с развевающимися знаменами...

Дремучие зеленые рощи остались за спиной, подо мной желтая глина безобразных холмов, белые камни в долинах со скудной травой и странно одинаковые косогоры, словно их кто-то выровнял космической лопатой.

Жаркий блеск светила слепит глаза, внизу белеют извилистые дороги, долины в зелени, много садов, но следом пошла неприятная пустыня с глинистыми холмами, где не удастся зацепиться траве, каменные россыпи, даже песчаные барханы...

...а потом снова сплошные сады, зелень, пальмы, множество мелких озер, между ними шатры, шатры, шатры, а по зелени долины скачут вольные табуны под присмотром одного-двух пастухов.

Ветер отогнал облака, солнечный луч осветил зубча-

тую, как стена крепости, верхушку горы. Древняя, изъеденная трещинами, кавернами и готовыми сорваться от малейшего толчка глыбами, она высится среди раскаленных песков, как грозное напоминание, что когда-то здесь все было ею, горой, но за миллионы лет одряхлело и рассыпалось в песок, и только она еще держится, постепенно дряхлея, уменьшаясь в размерах, но напоминая о былом величии.

Я пролетел было мимо, но что-то заставило насторожиться, краем глаза уловил движение. Из широкой темной щели почти под самой вершиной вылетело огромное серо-зеленое тело, чуть провалилось в воздухе, но тут же распахнуло огромные крылья.

Сердце мое дрогнуло и затряслось, как овечий хвост. Дракон, почти такой же, как и я, только зеленого цвета больше, однако за ним остается огненный хвост, словно приближается комета...

Дракон неся на меня, я поспешно взял в сторону, однако он тоже скорректировал движение. Дурак, мелькнуло у меня паническое, как ему объяснить, что я вторгся в его пространство нечаянно, кто ж знал, что там у него логово, я сейчас ухожу-ухожу, я только проездом, пролетом мимо...

Он погнался за мной, что за дурак, ему недостаточно отогнать, я поспешно заработал крыльями, но эта тварь догоняет, так что я не такой уж и ас, нечего гордиться...

И все-таки я человек, дракон распахнул пасть, чтобы ухватить меня за хвост, но я резко провалился вниз, а летающая тварь, никак не ожидая такого маневра, пронеслась поверху. Я тотчас вынырнул выше, дракон начал замедлять полет, тупо соображая, куда я делся, все как-то не по правилам, я в несколько взмахов догнал и вцепился уже ему в хвост.

Он завизжал так страшно, что внизу взметнулись пески. Его жуткая пасть метнулась ко мне, я поспешно отпустил хвост и, выставив крылья, как паруса, резко затормозил. Дракона отнесло с такой скоростью, словно попал в бурную реку со стремительным течением.

Мое тело затряслось, я со смятением ощутил, что происходит нечто, я не столько зол, как напуган, но тело уже

готово к драке и жаждет ее. Этого еще не доставало, невидимые, но осязаемые токи струятся по всем жилкам и даже чешуйкам, подготавливая, перестраивая...

— Я пришел с миром, — каркнул я хрипло, — я уйду с ним...

Но прозвучало неубедительно даже для самого себя, хотя вообще-то и говорил для себя, но некоторые вещи надо произносить вслух и достаточно твердо, чтобы самому в них поверить и начинать следовать.

Дракон снова несется прямо на меня, пасть распахнул, передние лапы выставлены вперед для схватки, когти горят в лучах солнца алмазным огнем, а зубы так просто жуть какая...

Замерев, я распахнул крылья и ждал. Дракон налетел, как буря, как шторм, как лавина из камня. Я поднырнул, он пронесся сверху, щитки на спине заскрежетали под его когтями, а я, вывернув шею, вцепился зубами в его живот. Мои клыки легко пробили слабо защищенную мелкой чешуей кожу, брызнула кровь. Над головой раздался дикий вопль. Дракон по инерции пронесся вперед, под моими зубами затрещала распарываемая ткань на брюхе.

Кровь брызнула струей, я разжал зубы и отпрянул, хотя умнее было бы продолжать терзать, а дракон мог бы пытаться только прокусить меня сверху, где острый гребень, где спина, голова и шея защищены крепкой броней, где чешуя превратилась в прочнейшие щитки, как черепица налегающие друг на друга.

Он налетел с яростью, я довольно глупо встретил его грудь в грудь. Мы сцепились и медленно падали к земле, он ревел, я рычал, оба рвали друг друга острыми зубами, когтями, били крыльями.

Земля ударила снизу с такой силой, что выбило дух. Дракон оказался сверху и попытался ухватить меня зубами за горло. Я трепетал от смертельной опасности, эта машина для убийства действует безошибочно, я могу побеждать только за счет человеческой хитрости, но сейчас я просто дурак...

Мы рычали, ревели и утюжили барханы, катаясь по

ним, как два сцепившихся броненосца. Кровь залила меня с головы до лап. Я дрался изо всех сил, и когда с тоской понял, что побежден, дракон вдруг выпустил меня и медленно заковылял, сильно хромя, в сторону раскаленных песков, за которыми через пару сот миль должно показаться море...

Крылья бессильно тянулись за ним, как старые изорванные тряпки. Я тупо смотрел ему вслед, наконец сообразил, что я все-таки потрепал его крепче. Помогло то, что сразу нанес серьезную рану, а кровопотеря обессилела его. А так вообще-то чудовище просто идеальное для полета и сражений...

Регенерация медленно проснулась, робко и неуверенно взялась за исправление повреждений. Я тяжело дышал и косился в сторону двух десятков пальм в трех сотнях шагов отсюда, ноздри уловили восхитительный аромат влаги.

Пока я брел в ту сторону, ощутил, что хромя едва ли не сильнее, чем побежденный дракон. Пальмы приблизились и расступились, в самом центре небольшой водоем, кто-то заботливо выложил края большими белыми камнями, защищая от наступающих песков. На дне этого крохотного бассейна бьет небольшой бурунчик.

Я опустил морду в воду, она настолько холодная, что свело губы, а когда коснулся ими дна, бурунчик просто заледенил морду...

Напившись, я в бессилии растянулся рядом, в голове все крутятся сцены воздушного боя, я был хорош только в первую минуту, а потом сглупил, что едва не стоило жизни. Дракон — идеальный хищник, но у меня еще и мозги. Все, что умеет дракон, должен уметь и я, но дракон ограничен инстинктами, пусть даже очень разнообразными, а я вообще-то могу больше... мог бы, если точнее, если бы не был дураком.

Далекие голоса, едва слышные, стегнули по нервам, как бритвой. Я насторожился, быстро поднял голову. Шагах в пятидесяти четверо людей поспешно упали на колени. Я не двигался, рассматривал, и они поднялись, сделали в мою сторону один шаг, второй, третий...

Я все еще не шевелился, все трое в простых одеждах бедуинов, так бы я их назвал, и пусть они не бедуины, но в пустынях все одеваются одинаково по-бедуиньи. Трое мужчин и одна девушка с платком на голове цвета песка, он повязан так туго, что вижу только лицо. Держится она, в отличие от мужчин, с гордо отведенными назад плечами, смотрит на меня прямо.

Старший по возрасту из мужчин прокричал издали:

— О, Великий Дракон!.. Мы видели твоя схватку с твоим вассалом, возомнившим... или посмевающим тебе перечить...

Второй крикнул:

— ...или недостаточно быстро выполняющим твое желание!.. ты силен и могуч, твоя власть безмерна!

Третий часто кланялся и восклицал:

— Пощади нас, Великий!.. Пощади нас, Могучий!.. Позволь нам жить и славить твое гордое имя!

Они медленными шажками подходили ближе, останавливались, выжидая в ужасе. Я не шевелился, и они делали еще два-три шага. Девушка смотрела прямо перед собой блестящими от слез глазами, прямая и с отведенными назад плечами. Я бросил на нее короткий взгляд, а передний мужчина, похожий на хозяина каравана, сорвал с нее платок и торопливо отступил, стараясь не смотреть мне в глаза.

— Пощади нас!

Двое подхватили униженно:

— Смилуйся над нами!

— Позволь нам подойти к воде!

— О, Великий и Могучий!

Лишившись платка, девушка словно вспыхнула в багровом зареве заката. Волосы цвета красной меди освобожденно хлынули на плечи, на грудь и спину. Она гордо вскинула голову, плечи все так же надменно отведены назад, отчего небольшая, но крепкая, судя по виду, грудь туго натягивает ткань легкой рубашки.

Я смотрел на нее, одновременно поглядывая и по сторонам, мне только в ловушку попасть недостает в чужом краю. Далеко-далеко за спинами караванщиков из-за бар-

ханов выступают верблюжьими горбы. Еще одного остановили менее удачно: вижу целиком, даже могу разглядеть, что находится в накрытых корзинах, свисающих с обоих боков. Проводник каравана на мелком ослике, суетливо отгоняет его под защиту песчаного холма.

Девушка по-прежнему молчит и смотрит поверх моей головы. Мужчины дальше не решаются ступить, один взял в руки длинный шест и тыкал им ее в спину. Она сперва противилась, хоть и слабо, потом вскинула гордо голову и пошла в мою сторону, держа плечи разведенными в стороны.

Я наконец сообразил, почему у нее такая горделивая стойка: руки туго связаны за спиной.

Старший из мужчин воскликнул:

— О, Великий Дракон, властелин всех драконов! Мы склоняемся перед твоей красотой, мощью и величием!.. Прими от нас эту скромную жертву... она чиста, как рыбка в ручье...

Второй пояснил подобострастно:

— Она девственница!..

— Прими от нас дар, — добавил третий, — и позволь нам подойти к воде! Иначе мы все умрем от жажды...

Я видел их лица и понимал, что они видят. Ужасающий дракон закован в толстую броню, самое уязвимое место на брюхе, где чешуя плотно налегает одна на другую, так что любой удар по дракону будет соскальзывать мимо. Каждая чешуйка размером с ладонь человека и толще рыцарского щита. Грудь дракона закрыта сплошным костяным щитом, на спине вообще нагромождение плит, а еще и острый гребень с торчащими иглами. Глаза надежно укрыты выступающими костяными валиками.

И этот дракон нагло расположился у единственного источника, где они могут пополнить запасы воды для перехода через пустыню.

Вдруг захотелось сказать этим остолопам, что все они дураки, один я умный, и гордо сообщить, что вера Христа отменила человеческие жертвоприношения. Хотя еще до Христа Аврааму в последний момент на жертвенном камне подсунули ягненка вместо сына, тем самым дав понять ди-

карям, что пора детей оставить в покое, но это было весьма локально, а весь мир еще долго приносил в жертву людей, но Христос, да, Христос отменил окончательно...

Вторая мысль, более здравая, что сам дурак, редкостный и круглый, если вообще открою рот и заговорю, как валаамова ослица. Дракон должен вести себя как дракон, иначе уважать не будут. И вообще... Не стоит привлекать внимание. Взял жертву и все, норм. Прочие напились воды и забыли. Жизнь есть жизнь, о другом надо думать.

Я поднялся, мужчины упали на колени и уткнулись лицами в песок. Девушка с красными волосами смотрела на меня с отчаянием в удивительно серых глазах, крупных и чистых. Я видел на ее лице и жажду борьбы, и желание прибить меня, как большую злобную ящерицу, и попытки быстро придумать, как спастись.

Довольно рыкнув, я поднялся во весь рост, растопырил крылья. Мужчины как уткнулись лицами в песок, так и не шевелятся, зато жертва вперила в меня горящий ненавистью взгляд.

— Ешь меня, — проговорила она чистым сильным голосом, — тупая, злобная и старая ящерица!.. Жри, отвратительное животное!

Даже верблюды за песчаным холмом задрожали, когда я довольно взревел, мои передние лапы ухватили ее, я подпрыгнул, ударил крыльями и взвился в воздух.

Караван из восьми верблюдов, два мула в арьергарде и проводник на ослике, возле него двое мужчин с обнаженными мечами. Я быстро поднимался выше, слева появилась одинокая гора, я направился к ней, держа взглядом пещеру, из которой вылетел потерпевший поражение дракон.

Мне казалось, что несущий в лапах горящий факел, настолько красиво развеваются по ветру красные волосы. Девушка бессильно висит в моих лапах, тело тугое, мускулистое, прокаленное солнцем, когда не остается жира, а только мышцы под коричневой от зноя кожей. Мне показалось, что потеряла сознание, на ходу опустил голову, рассматривая добычу.

Словно ощутив мой взгляд, она вскинула голову и пря-

мо посмотрела в не слишком симпатичную драконью морду. Молодец, мелькнула мысль. Редкая отвага...

Гора приблизилась, я замедлил полет, пещера широка, но влетать не стал, кто знает, что там, довольно неловко опустился на каменную площадку, проскрипев по ней брюхом. В какой-то момент девушка вскрикнула, я поспешно разжал лапу, не задавить бы ненароком, хотел было освободить ее, но передумал и заковылял с добычей в пещеру.

Огромная, под стать моим размерам, под дальней стеной течет ручеек, две широкие щели указывают, что дальше еще пещеры, пусть и поменьше.

Я выпустил девушку из лап, держа над самым каменным полом. Она упала на бок и затихла, скорчившись и поджав колени к подбородку. Я прошелся, грузно топая, вдоль стен, осматривая их на предмет щелей, одновременно посматривал и за добычей.

Она с минуту лежала неподвижно, как яркий цветок с распустившимися красными лепестками, похожими на языки огня. Глаза широко раскрыты, всматривается и вслушивается, потом медленно села. Раз в панике перед чудовищем не пытается выброситься наружу с такой высоты, я заглянул в одну щель, потом перешел на другую сторону и посмотрел в тот проход. Размеры тех пещер отсюда не определить, видно только, что на полу одной блещут сколами упавшие со свода камни. Щель туда ведет узкая, мне с моей грудью и вообще моей статью не пролезть.

— Ну что, — прогреготал я громовым голосом, от которого задрожала земля, — говоришь, готова, чтобы тебя сожрала тупая злобная ящерица? И... какая-то еще, забыл...

Она приоткрыла один глаз и смотрела со страхом.

— Ты... говоришь?

Я шумно хмыкнул, заставив ее снова вжаться в пол так, что почти превратилась в камбалу.

— А ты не слышишь? Уши засорились? Или волосы там сваялись?

Она прошептала, прижимаясь щекой к полу и глядя на меня устрешенно одним глазом:

— Но драконы не разговаривают... вроде бы.

Я прорычал угрожающе:

— Между собой разговаривают, а с вами брезгуют, непонятно?

Она торопливо проговорила:

— Прости меня, великий и могучий...

Крепко сбита, прокаленная солнцем, она лежит неподвижно, но я чувствую, что готова в любой момент взвиться в воздух, а там пойдешь угадай, как поступит женщина, если ни одна из них сама не знает, что она сделает в следующий момент.

Судя по ее напряженному лицу, быстро-быстро перебирает все варианты, чтобы и меня прибить, и все золото и сокровища забрать — в пещерах драконов полно сокровищ, все знают, и шкуру мою содрать, не попортив, и вернуться домой с победой, везя мою голову на отдельном верблюде.

— Что же еще? — спросил я требовательно. — Тупая, злобная... и какая еще?

Она прошептала едва слышно:

— Никакая...

— Никакая? — повторил я. — Это я — никакая? Такой красавец? Такое чудо в чешуе и без перьев?.. Не-е-ет, ты обозвала как-то еще...

Она сказала громче:

— Я сказала только это!

— Врешь, — обвинил я, — ты назвала меня еще и старым. Был бы я женщиной — прибил бы за такие слова! Но нам, самцам, по фигу.

Глава 6

Она не сводила с меня глаз, в то же время ухитрилась быстро-быстро зыркать по сторонам, сама чуть пригнулась, будто готова броситься в схватку, вид злой и решительный.

— Что ты хочешь? — потребовала она.

Я прорычал свирепо:

— Как что? Ты дура, что ли?.. В каком мире живешь? Сожрать, конечно. Здесь все друг друга жрут.

— Но ты не съел сразу, — возразила она. — Почему?

— Сыт, — прорычал я. — Да и вообще... Ты хоть потанцуй. А то и есть тебя как-то неинтересно. Кстати, а что те караванщики говорили насчет твоей девственности? Это к чему?

Она вздрогнула, в широко расставленных глазах мелькнул ужас, а голос впервые дрогнул.

— Н-не знаю, — прошептала она, — наверное, девственницы вкуснее... Да-да, вкуснее! Молодые барашки вкуснее старых, а самые лакомые — ягнята...

Я спросил с сомнением:

— Значит, ты вроде ягненка?

Она торопливо кивнула:

— Ну да... Вроде. Только ягненок вроде младенца, а я уже постарше... Но сейчас я совсем невкусная.

— Барашек? — переспросил я. — Барашек-самочка?.. А что, барашек-самочка вкуснее просто барашка?

Она сказала просяще:

— Если и есть разница, ты ее не заметишь.

— Я настолько туп? — спросил я. — Или нечувствителен?

— Нет-нет, — сказала она торопливо, — разница ничтожна.

— Ну, — протянул я, — не знаю, надо будет сравнить.

Она вскрикнула:

— Только не сейчас, хорошо?

Я удивился:

— А что изменится?

— Я устала, — сказала она, — измучилась, от меня дурно пахнет. И вкус испортился. Вот если отдохну...

— Я вообще-то некапризный, — заявил я гордо. — Самцы не перебирают. Мы о высоком думаем. И куда ушли мамонты.

Она произнесла уверенно, почти с апломбом:

— Потом жалеть будешь.

Я подумал, поскреб когтем голову. Звук получился похожим, как если бы точильным камнем размером с плиту провели по гигантскому лезвию меча. Она побледнела,

вздрыгнула и плотнее прижалась к каменному полу, но выражение лица оставалось хитрым и упрямым.

— Тогда подождем, — сказал я, решив, что напугана достаточно. — Отдыхай. Есть хочешь?

Она зябко передернула плечами, приподнялась и села, доказывая, что осваивается очень быстро.

— Нет!.. Ни за что!... А что, у тебя и еда есть?

— Нет, — признался я. — Это не мое гнездо, здесь я... пролетом. Я гордая птица, всегда в пути и всегда с песней. Хочешь, спою? Ладно, пока не буду. Зато могу что-нибудь принести. Пару коров хватит?

— Даже пару?

— Могу три, — сказал я. — Хотя не за раз. А может, и смогу. Просто не пробовал. Я интеллектual, а не работник.

Она все больше распускала напряженное тело, из глаз постепенно выветривается панический ужас. Даже слишком быстро, мне такое не нравится. Женщина да убоится мужа. В смысле, мужчины.

— Спасибо, — сказала она торопливо, — но мне в самом деле ничего не надо. Огня здесь нет, а сырое есть не буду.

— Люди едят и сырое, — заметил я.

— Я озверела не настолько.

— Ладно, — сказал я, — что-нибудь придумаю. Я вообще люблю придумывать. Мы, драконы, великие придумыватели... Такое напридумываем! Потом неделю земля горит.

Она вздрогнула, обхватила руками плечи. Красные волосы падают на лицо, красивое лицо сильной и волевой женщины, широко расставленные серые глаза смотрят прямо и решительно, такую невозможно представить себе кокетничающей или жеманничающей...

— Да уж, — произнесла она негромко, — вы такие...

Я не понял, сказала это в отношении драконов или вообще нас, самцов, мы же в самом деле такие, у нас лихость ценится выше ума, а благоразумие — что-то вроде позорящей нас сыпи на лице.

Пещера достаточно просторная, я могу делать шагов по пять от стены до стены, у основания одной выбивается ключик, пробегает два шага и снова ныряет под стену.

На вкус вода показалась просто божественной, я сообщил, что давно не пил, а лететь так долго по солнцепеку с ношей в лапах — недолго и тепловой удар схватить.

— Хороша, — прохрипел я довольно. — Можешь пить... Бить не буду.

Она ответила негодующим взглядом. Я отвернулся, при следующем вылете нужно взять с собой и оставить на дороге вблизи любого города или села. Здесь, похоже, несколько иные нравы... Вообще-то в любом обществе незамужняя девушка не может выходить за пределы дома без сопровождения старших женщин, строгих и проверенных. В этом мире хоть и строгая мораль, но в любом королевстве все делается так, чтобы не возникало даже сомнений в целомудренности дочерей.

У замужних прав побольше, однако и они обычно передвигаются в сопровождении служанки или помощницы: дел много, нужно успевать держать в порядке и дом, и хозяйство. Правда, благородные дамы и без того не покидают замки, так что не чувствуют утеснения прав, а в самом поместье обычно хватает места для прогулок, можно разбить даже сад. Если есть время и свободные руки...

У варваров, может быть, нравы чуть свободнее, но не слишком. К примеру, в их войске я не видел женщин, так что нет и речи о равноправии... Кентавры, огры и тролли были, а женщины — нет. Впрочем, это больше говорит о том, что в их обществе с трудностями и без женщин справляются...

Легкое движение заставило быстро повернуть голову. Девушка, моментально вскочив, бросилась через пещеру к стороне первой щели. Я чувствовал, что успеваю перехватить, но нарочито задержался, а ее легкое платье мелькнуло и пропало в темноте.

Раздраженно рыкнув, я подошел ближе. Пещера невелика, девушка прижалась к противоположной стене, на лице ужас, но даже сейчас нет паники, а смотрит так, будто выбирает место, куда двинуть хотя бы кулаком. Я измерил глубину пещеры взглядом, при желании лапой могу дотянуться в любой конец.

Я прорычал:

— Вы...ле...зай...

Она потрясенно молчала, я видел по ее напряженному лицу, что никак не может сообразить, как держаться с чудовищем, которое разговаривает вполне понятно и, возможно, даже разумно.

После долгой паузы она спросила злым голосом:

— Зачем?

— Чтобы съесть тебя, — объяснил я. — Мы же договорились! Что ты какая-то бестолковая?

Она ответила храбро:

— А я не хочу, чтобы ты меня съел!.. Я передумала.

— Это по-женски, — согласился я. — Передумала, забыла, не так поняла, не сообразила... Но в той норе все равно околеешь. Представляешь, в безобразной позе!

Она призадумалась на миг, но ответила с вызовом:

— Зато ты не съешь!

Я напомнил покровительственным тоном самца, что все видит и все понимает лучше в силу принадлежности к царствующему полу:

— Будешь умирать долго и в страшных корчах голода. А тут я съем быстро. Еще и буду похваливать, а то и нахваливать, если будет вкусно. Разве женщины не любят комплименты? Вылезай.

Она сказала быстро:

— Ты что, не видишь, какая я худая?

Я посопел и проговорил в тяжком раздумье:

— Это что же... тебя сперва откормить надо?

— Да, — ответила она торопливо. — Да! Тогда буду сочная и вкусная!

Я снова подумал, сказал в том же драконовском размышлизме:

— Да? Ну, хорошо... я принесу тебе, как уже говорил, корову. Или две... Сколько тебе надо? Может быть, три?

Она помотала головой:

— Одной хватит. Но еще лучше — козу. Помельче.

Я прорычал:

— Ладно. Сейчас принесу. Жди!.. Никуда не уходи.

На выходе из пещеры я оглянулся, она опасливо выглядывала из своего убежища. Глаза блестят, как у насмерть перепуганного зверька, который готов драться за жизнь до последнего вздоха.

Я прыгнул с уступа, расправил крылья и дважды облетел гору, осматривая ее как с той стороны, так и с боков. Больше щелей нет, но если бы эта красноволосая и отыскала ход на другую сторону, все равно везде обрывистая стена, спуститься просто невыносимо.

Солнце стоит в зените, мир затих в палящем зное, все живое прячется в тень. Среди желтых песков в жутком величии блещет цветным фаянсом некое сооружение, скорее всего — религиозного культа. Только храмы люди делают с такой любовью, надеждой и тщательностью, даже если сами живут в норах и землянках.

Оно даже не разрушено, лишь окна зияют пустотой, а купол рухнул, зато огромное здание уцелело, что и неудивительно, мы церкви тоже строим не только для отправления ритуалов, но и как самые надежные убежища. Когда вся деревня горит, а враги скачут на злых конях и отыскивают, кого бы еще изнасиловать или убить, народ обычно спасается в каменной церкви с прочными стенами.

За этим зданием открылась странная полоса пышной зелени, странная малой заселенностью, в то время как дальше на скудном и выжженном солнцем пространстве раскинулся целый город. За ним потянулась долина с серо-желтыми камнями, приплюснутые холмы, почти уже и не холмы, а далеко-далеко проступают древние слоистые горы, остатки некогда величественного хребта...

Кипарисы, что в Сен-Мари встречаются в виде отдельных деревьев, мелких и чахлых, здесь целыми рощами, высокие, даже величественные. Оливы тоже огромные, с толстыми раздутыми стволами и покрученными красиво ветвями, я так и вижу в их тени отдыхающих патриархов, узнаю в редких всадниках на осликах знакомые по рассказам отца Дитриха персонажи из Святого Писания.

С высоты рассмотрел, как на краю рощи, в густой тени

пальм лежат, истомленные жарой, стройные газели, которых так любят сравнивать с женщинами. Или женщин с этими глупыми и боязливыми животными. Наверное, именно потому, что эти козы глупые и боязливые, такими бы мужчины хотели видеть женщин, чтобы на их фоне без всяких усилий смотреться умными, отважными и сильными.

Я подумал, что пора возвращаться, сделал полукруг и пошел на снижение. Газели тут же вскинули головы, проследили за моей траекторией, начали вскакивать по одной, передавая тревогу по цепочке, потом по кругу. Я приблизился достаточно близко, чтобы рассмотреть чистые девичьи глаза и эльфячьи уши, уже выпустил когти, готовясь ухватить самую неуклюжую, надо же помогать Дарвину с его отбором, но газели разом, как стая бабочек, прыснули в рощу под защиту деревьев.

Все-таки козу я вскоре поймал, но не утерпел, а сожрал, выплюнув только голову и копыта, хотя, если по правде, был соблазн их сжевать тоже. Чувствую, желудок переварил бы с легкостью. Интересное ощущение, когда вот так налегаешь сверху, как коршун, вонзаешь когти и прижимаешь всем телом к земле...

Небольшое стадо заметил на опушке леса, дыры, тоже могли бы спастись бегством в чащу, но, сказано, козы, ринулись врассыпную. Авось, дескать, схватят не меня, ну прямо люди будущего.

Я присмотрел помоложе, обрушился, как камень, сразу свернул ей шею и взмыл в воздух. Впереди уже показалась гора, когда подумал, что это я сожрал сырую за милую душу, а женщине предлагать такое как-то неприлично, хотя женщина еще тот зверь, однако же надо соблюдать условности...

Поднявшись выше, раздраженно обозревал окрестности, пока не увидел в лесу пару засохших деревьев. У одного даже кора отвалилась пластами, стоит голое и абсолютно гладкое, словно обглоданная муравьями слоновая кость.

Козу пришлось опустить на землю, а пока ломал дерево, к ней пытались подобраться пара молодых волков. Я рыкнул, они умчались, а я, сломав наконец сушину, подхватил

ее и животное и, нагруженный, как сытая пчела, полетел к пещере.

Судя по тому, что увидел на землях Гандерсгейма, только ленью и коррупционностью, разьевшей королевство, можно объяснить, почему эта часть еще не завоевана, а местный народ не покорен. Экономика Орифламме неизмеримо мощнее, оружейники куют великолепные доспехи и оружие. Единственное, в чем варвары превосходят сенмарийцев — в отваге, презрении к смерти и силе духа. Но никакая отвага не устоит, если закованные в прекрасную сталь войска будут неумолимо теснить их с насиженных мест.

Да, здесь варвары наверняка не отступят, как на чужих землях Сен-Мари. Что ж, мир жесток, ручьи переполнятся кровью, вороны одними выклеванными глазами обожрут так, что не смогут летать, а волки расплодятся вблизи полей сражений, зато уцелевшие женщины и дети примут то, что принесут победители. Принесем...

Стойбище, над которым я пролетел на обратном пути, достаточно крупное: в центре огромный шатер, явно для собраний и советов, а вокруг не меньше трех десятков шатров поменьше. Больше уже просто невозможно: и эти живут, судя по всему, охотой, а для нее нужны просторы. Дикие звери не ходят такими стадами, как домашние...

Идея пришла неожиданно, я даже остановился на миг в воздухе, глупо хлопая крыльями, потом резко пошел вниз. На земле заметили приближение дракона поздно, поднялся крик:

- Дракон!
- Дракон нападает!
- Бегите, там дракон!

Я не рискнул опускаться в центр без острой необходимости, я же умный, хоть и с гребнем на спине, плюхнулся возле самых дальних шатров. Кони ржут и бьются у коновязи, из шатров выглядывают испуганные женщины и дети, тут же прячутся, как цыплята при виде коршуна.

Мужчин нет, я с облегчением перевел дыхание, выпустил из когтей козу и бревно. Между шатрами разбросал

бытовой хлам, трудно вообразить такую бедность, и эти люди медленно поглощают богатое и цивилизованное Сен-Мари? — подошел, грузно топая, к коновязи.

Пара коней сумели оборвать ремешки и умчались, остальные визжали и поднимались на дыбы. Я подобрал два туго набитых седельных мешка, вернулся к бревну и козе, вздохнул тяжело и, захватив все в лапы, тяжело поднялся в воздух.

Вдогонку мне выглядывали в страхе и безмерном удивлении. Представляю, какие догадки строят, начиная от того, что дракон вьет гнездо и собирает всякий подходящий материал, как делают воробьи и зяблики, и заканчивая самыми дикими предположениями, на какие только кто горазд...

Набирая высоту, я снова подумал, что не так уж трудно привести сюда войско, сжечь все и выстроить мощный каменный замок. По крайней мере, сейчас. С высоты своего великолепного полета все кажется ясным, простым и легко осуществимым. И вообще я — птеродактиль высокого полета. Нет, уже дракон. Птеродактиль... гм... в прошлом.

И, что удивительно, города практически не отличаются от оставшихся в самом Сен-Мари. Создается впечатление, что варвары, завоевав их, сразу теряют к ним интерес и брезгливо обходят, как нечистые или прокаженные места. Вообще-то знаю немало примеров, когда на одной территории живут два разных народа с разными обычаями и даже разными верованиями, но как-то не ожидал здесь... гм... наверное, потому, что не прошла еще железной поступью кроткая и всепрощающая церковь с ее нетерпимостью к иным богам?

Гора с пещерой на вершине, где я оставил пленницу или жертву, как ее называть точнее, быстро вырастает в размерах. Крохотная женская фигурка появилась в пещерном зеве. Не видя ничего опасного вблизи, моя жертва вышла на каменный выступ и глянула вниз, но быстро отступила, убоявшись смотреть в бездну.

Я парил на большой высоте, раскинув крылья, тихо и не привлекая внимание хлопаньем крыльев, однако она успе-

ла заметить меня по мелькнувшей тени, ринулась бегом обратно.

Когда я пошел на снижение, подол ее платья мелькнул на темном фоне пещеры и растворился во мраке. Когти заскрежетали по камню, я втащил козу в пещеру и швырнул на середину, а следом бросил сухой ствол дерева.

— Женщина? Ты где?

Она откликнулась из своей норки дрожащим голоском:

— Я здесь!

— Выходи, — велел я. — И разделявай козу.

Она крикнула:

— Ни за что!

— Почему?

— Ты меня съешь.

Я прорычал оскорбленно:

— Чего это вдруг?

— Ты ж дурной, — сказала она рассудительно. — Драконы все дурные. И уже забыл, о чем мы с тобой договаривались?

Я изумился:

— А мы о чем-то договаривались? И свидетели есть? Вообще-то дурная здесь ты. Зачем тогда я ловил эту рога-тую?.. Мы ж условились с тобой сперва тебя откормить, а потом съесть. Выходи.

Она робко высунула голову, готовая отпрянуть при любом движении.

— Но чем ее разделявать? У меня нет даже ножа...

— Уже есть, — перебил я и бросил к ее ногам вещевой мешок. — Там все тебе нужное.

Она быстро ухватила седельную суму, я видел, как заблестели восторгом и надеждой ее глаза. Лицо вспыхнуло радостью, мгновенно прикинула, как может применить не только для разделки козы, я тоже вроде козы, хоть и побольше, но когда подняла голову, сказала торопливо:

— Хорошо, я разделаю это... Но только останусь здесь. На входе... ну, сюда.

Я прорычал:

— Чтоб в любой момент обратно, как трусливая крыса?

— Я не трусливая крыса! — сказала она с негодованием.

— Тогда чего же...

Она подумала и сказала с фальшивой улыбочкой и таким неестественно сладеньким голоском, что не обманула бы даже придорожный камень:

— Нет-нет, что ты! Я как раз мечтаю поскорее и лучше откормиться, чтобы ты меня съел и получил удовольствие!

— Вот это хорошо, — одобрил я. — Я люблю получать удовольствие. Ты молодец. Давай, снимай шкуру. Да не свою, а козью. Готовь, посмотрим, что ты умеешь... как женщина.

Глава 7

Она села так, чтобы оставаться в своей крохотной пещерке, коза между нами на пороге, а я в центре этого большого зала со сталактитами на своде. Раньше я полагал, что они бывают только в подземельях, но, видимо, это следствие возраста горы, а не ее местонахождения.

— А ты в самом деле, — поинтересовался я, — вкуснее козы?

Она растерянно приоткрыла рот, вроде бы согласиться — опасно, могу обед начать с нее, но и признать, что какая-то коза лучше нее — обидно, для женского самолюбия вообще невыносимо, ни одна женщина не признает преимущество другой женщины, сложная задача, наконец ответила чисто по-женски:

— Ты бы лучше сучьев принес! А это целое дерево, его надо пилить и колоть...

— Зато сухое, — сказал я.

— Его надо порубить...

— Не надо, — ответил я.

Она вздрогнула и подалась в глубь своей норки, когда дерево затрещало в моей лапе, распадаясь на щепки с лохматыми краями.

— Ого! Ну ты и зверюга...

— Можешь пощупать мои мускулы, — предложил я скромно.

Она настороженно отступила вглубь, затем собрала разлетевшиеся щепочки и начала ставить их шалашиком, а самые мелкие внизу, но сколько не била кресалом по огниву, искры вылетают яркие, шипящие, однако дерево упорно отказывается воспламеняться.

Я слышал, как она ругается сквозь зубы, даже сказала что-то резкое на непонятном для меня языке, что, возможно, и не язык вовсе. Я размышлял о странном устройстве Гандерсгейма, стараясь найти аналогии, с ними всегда проще и спокойнее, а на ее злое ворчание сказал насмешливо:

— Разговариваешь сама с собой? Это первый признак безумия.

Она огрызнулась:

— Первый признак — разговаривать с тобой.

— Правда?

Ее глаза сердито блеснули.

— А разве нет? Дракон, видите ли... И вот оно, представьте себе, разговаривает! Только люди могут разговаривать, понял?

Я буркнул:

— Ну почему же так резко... Женщины вон тоже разговаривают.

Она оскорбленно засопела и отвернулась. Я создал шарик огня и метнул из-за ее спины в щепочки. Вспыхнуло, мелкое пламя затрепыхалось на дне, принялось лизать щепочки и даже пыталось расщелкивать те, что покрупнее.

Женщина сердито оглянулась. Испуг и возмущение дивно сочетаются на суровом и решительном лице с возмущенным взглядом.

— Это ты плюнула в огонь, ящерица?

— Я не плевал, — ответил я. — В огонь плевать — непристойно. Некрасиво. Хотя идею ты подбросила...

— Насчет плевать?

— Нет, но если я дракон, то могу быть огнедышащим... Надо попробовать...

Она поспешно отодвинулась.

— Не смотри на меня так! Ты меня еще не откормил. Да и просто поджарить мало. Надо сперва зерна принести для гарнира, соли, специй...

— Все найду, — пообещал я. — А потом сядем да ка-а-ак нажремся!

Костер разгорелся ярко, она поглядывала то на огонь, то на меня.

— Наверное, здорово, когда у тебя внутри еще и кузница? А с виду ты такой холодный и противный...

— Чего во мне только нет, — ответил я скромно. — Я весь из достоинств, больших и малых.

— Ну-ну... — пробормотала она. — А самое большое у тебя достоинство — непомерная скромность.

— Да, — согласился я довольно. — Чего много, того много.

Она сдирала шкуру достаточно умело, деловито, не морщилась, настоящая дочь степей, что овец режет сама, а не просит помочь соседа. Снятую шкуру отшвырнула в сторону, выделка потом, тушку не стала разрезать на части, но со знанием дела точно рассекала сухожилия, отделяя равные куски мяса и натыкая на прутья.

Я лежал неподвижно, морду положил на лапы, глаза закрыл, мне достаточно и запахов, чтобы видеть ее всю со всеми страхами, надеждами, жадой выжить уцелеть, не сдаваться и, если получится, победить.

Мышцы ноют от усталости, которую никак не назовешь сладкой, чуточку переборщил я с размерами. Пожалуй, во время следующего вылета сброшу пару сот фунтов...

Я начал дремать, когда ноздрей коснулся сладковатый запах. Глаза сами приоткрылись, женщина у костра деловито переворачивает на вертеле тушку. Ободранная и выпотрошенная коза выглядит не крупнее зайца, бока уже подрумянились, но внутри мясо не прожарено, потому и сгребает уголья в кучу, чтобы жару побольше.

Отдельно на прутиках подрумяниваются небольшие ломтики с самых лакомых частей.

Я прорычал:

— Неплохо...

Она вздрогнула, напряглась.

— Проснулся? Ты спи, спи, ящерица.

— А ты мне горло перережешь? — спросил я, она напряглась, похоже, я угадал, потому распахнул пасть и захохотал: — Глупенькая, я пошутил... Меня зарезать невозможно. Моя смерть отделена от тела.

Она удивилась:

— Как это может быть?

Я прорычал лениво:

— Бессмертным быть нельзя. Но можно свое уязвимое место отделить от себя. Я, например, держу его вот в том камне...

Она проследила за моим указующим когтем, грустно улыбнулась.

— Ну да, ну да. Я, чтобы тебя обмануть, должна украсить тот камень цветами и гирляндами, чтобы ты поверил, что я поверила. На самом же деле твоя смерть находится на дальнем диком острове в море, где спрятана в сундук, а тот на дереве...

Я сказал с уважением:

— Умная девочка. Откуда ты это знаешь? Впрочем, неважно. Главное, чтобы не делала глупостей. А то твоя неудачная попытка меня зарезать разбудит во мне зверя, и я тебя сожру на месте. С туфлями... Как хорошо пахнет! Похоже, у твоих родителей не так уж много слуг?

Она сразу ошетибилась, лицо напряглось.

— Мой отец умрет с горя!

— Он сам тебя отдал, — напомнил я.

— Его заставили, — сказала она с заблестевшими глазами. — Сказали, что он нарушил закон, взяв с собой в переход через пустыню женщину. И хотя он брал меня с собой и раньше, но тогда ты не попадался на дороге, мерзкий монстр!.. А сейчас все решили, что ты послан в наказание за попрание святых законов...

— Каких именно?

Она отмахнулась.

— Всегда можно что-то найти, если нужно.

— Как тебя зовут? — спросил я.

Она вздрогнула, спросила настороженно:

— А тебе зачем?

Я прорычал угрожающе:

— Женщина, откуда в тебе столько вопросов? Имена почему придуманы такими вот умными, как я, драконами? Для удобства. Раз уж я тебя не съем... сегодня, то лучше тебя называть как-то иначе, чем «Эй ты!».

Она проговорила неуверенно:

— Мириам.

— Настоящее имя? — спросил я.

Она огрызнулась:

— А почему нет?

— Да как-то боишься его называть, — заметил я. — Воровка, наверное?.. Тебя не ищут за кражу нижнего белья короля?

Она переспросила:

— Что такое нижнее белье?

Я махнул лапой, когти скрежетнули по полу, оставляя мелкие искорки.

— Господи, опять вопрос... Ладно, пусть будет Мириам. Все-таки лучше, чем «Эй ты!» и «Женщина!». Вообще-то даже хорошее имя. Древнее и красивое. Ты лопай, лопай!.. Откармливайся. Я худых не люблю. Мы все любим полненьких, хоть на худых и оглядываемся. Ты где вообще-то живешь?

Она снова непонятно почему насторожилась, подобралась, на лице четко проступила враждебность.

— А тебе зачем?

Я шумно вздохнул, по пещере прокатился ветер, а угли из костра разметало по пещере. Мириам сперва отшатнулась в испуге, но когда поняла, что я еще не нападаю, кинулась сгребать угли обратно в кучу, словно вот сейчас вся каменная пещера вспыхнет жарким огнем, и мы все сгорим в жутких корчах и с жалобными криками.

— Женщина, — сказал я со скукой, — ты точно не скрываешься за кражу или другие непотребные, судя по твоему виду, деяния?

— Нет...

— Тогда почему такие вопросы?

— В Иглеазе, — ответила она.

— Это где?

Она махнула рукой:

— В той стороне. Маленький такой городок, даже не городок, а так, поселение, зато на перекрестке дорог перед Большой Пустыней.

Я кивнул, в следующий полет посмотрю, где этот Иглеаз. Относить эту отважную дочь степей придется глубокой ночью. Правда, есть небольшая, но серьезная загвоздка...

Мириам спросила внезапно:

— А у тебя есть имя?

— Имя? — удивился я. — Есть... А зачем тебе?

— А как к тебе обращаться? Просто дракон? Или ящерица? Рептиль?..

Я подумал, кивнул:

— Да, конечно. Зови меня Шумилом. Это... подходит.

Она чуточку улыбнулась.

— Ну вот и хорошо. Шумил — вполне для крупного рептиля. Итак, Шумил, что ты планируешь дальше?

Я подумал, почесал голову.

— Ну, раз мы с тобой договорились пока не есть тебя...

— ...а сперва откормить, — подхватила она, видя, что я запнулся, — вы, рептилии, как и все мужчины, предпочитаете упитанных, хоть и засматриваетесь на худеньких, то ты будешь мне носить много хорошей еды...

— ...пока ты не сбежишь, — прервал я. — Думаешь, не понимаю? Нет уж, никуда ты не сбежишь.... Даже если бы могла.

Она вскинула голову и посмотрела мне в страшные глаза прямо и с вызовом.

— Почему?

— Люди побоятся тебя принять обратно, — сказал я. — Логика проста: лучше отдать тебя одну, чем следом явится разгневанный дракон и сожрет всех, а остальных просто убьет, разорвет, сожжет...

Она слабо пискнула:

— Разве ты обманут? Ты сам меня не съел.

— Сразу, — уточнил я. — Не съел сразу. Но вообще мы

договорились съесть тебя чуть позже. Откормленную. А если сбежишь, люди испугаются, что дракон явится мстить.

Она помолчала, затем я услышал тяжелый вздох.

— Гадкая ты рептилия... но людей знаешь. Они такие. Схватят, свяжут и снова отдадут тебе. На муки.

— Какие муки? — возразил я. — Я тебя сразу же и съем. Даже худую.

— Подавишься, — буркнула она.

— Проверим? — предложил я.

В ответ она швырнула через щель в меня увесистым камнем.

— Сильная женщина, — сказал я с одобрением.

— А ты гад чешуйчатый!

— Да, — согласился я горделиво и выгнул шею, чтобы полюбоваться на свое великолепное тело с высоким, блестящим алмазными иглами гребнем, ровными плитками брони на спине, переходящей в крупную чешую на боках и мелкую — на брюхе. — Ты молодец, все время восторгаешься, какой я замечательный красавец. Я это люблю.

Она озадаченно промолчала.

Итак, зовут ее Мириам, она единственная дочь проводника караванов. Он уже сорок лет водит их через пустыни, прямо Моисей, но вчера случилось страшное: были потеряны два бурдюка с водой, что вообще-то пустяки, но когда у единственного на всем пути родника расположился огромный дракон, все поняли, что погибнут, если повернут назад, но так же погибнут, если попытаются достичь ближайшего, но вообще-то далекого города, с их ничтожными запасами воды.

— Богатые караванщики, — сказала она потухшим голосом, — во всем обвинили моего отца.

— У сильного всегда бессильный виноват, — сказал я, почесал голову и сказал гордо: — Сам придумал. Ну, почти. Здесь.

Она сказала потерянно:

— Как будто он мог знать, что на дороге вдруг появится дракон!

— Красавец и умница, — вставил я. — И в знак дикого восторга мне подарили тебя. Это же так понятно!

Она бросила на меня злой взгляд.

— Что ты за...

— Не отвлекайся, — сказал я благожелательно, — потом расскажешь, какой я замечательный. Что было дальше?

Она тяжело вздохнула.

— Отец оправдывался, как мог, но они велели схватить меня и отдать чудовищу... в надежде, что тот взамен даст приблизиться к воде. Так и получилось. Думаю, они счастливы. Но отец мой может не пережить такого тяжкого горя...

Я ощутил сильнейший укол совести, о таком повороте как-то не думал.

— А чего ты потащила с отцом? — спросил я грубо. — Это неженское дело.

Она пожала плечами:

— У бедных многое из неженского становится женским. Я сильная, отцу была нужна моя помощь. Да и сама не люблю сидеть на месте.

— Это заметно, — проворчал я.

Она вскинула брови.

— Что?

— Что не любишь сидеть дома, — пояснил я, — и ждать, когда тебя кто-то возьмет замуж. Но что делать, мир таков. Женщина должна сидеть дома и сопеть в тряпочку.

Она возразила с негодованием:

— Я не такая!

— Да вижу, вижу... Не трудно в мужском мире?

Она с самым независимым видом покачала головой.

— Зато интересно. Я не люблю сидеть сложа руки. А у мужчин всегда есть работа, есть занятия.

Она сидела ровно, спина прямая, взгляд гордый, уже позабыв, что я и есть то самое чудовище, нельзя все время жить в страхе, хотя некоторые люди живут, но такие и живут недолго, и существование их назвать жизнью трудно.

— Отважная ты, — признал я. — Вылезай, что мы разговариваем через порог?

— А что, у драконов это плохая примета?

— Мы в приметы не верим, — сообщил я. Подумал, уточнил: — Приметы — для слабых.

Она посмотрела с удивлением, покачала головой.

— У людей тоже только слабые верят в приметы... А ты откуда такое знаешь?

Я широко зевнув, показав огромную пасть и длинные, как ножи, острые зубы.

— Да как-то сожрал одного... — сообщил я небрежно, — философа. Теперь вот маюсь.

Она зябко поежилась.

— Ужасно. Но так можно стать самым умным на свете!

Я прорычал недовольно:

— Вот-вот. А кому это надо? От ума одно горе и много неприятностей. Потому стараюсь мужчин не жрать, вдруг попадется умный? Другое дело — женщины. Все дуры, это хорошо. К тому же дуры вкуснее.

Она подумала, сказала решительно:

— Вообще-то я умная.

— Не бреши, — сказал я равнодушно.

— Почему это я вру?

— Красивая, — сказал я.

Она удивленно вскинула брови.

— Ну и что?

— Значит, — объяснил я, — дура. У вас либо умная, либо красивая. А раз красивая...

Она посмотрела на меня с недоверием.

— Я?.. Никто мне такого не говорил.

— Я говорю.

Она некоторое время смотрела на мою морду, в мои ящеричьи глаза, наконец взгляд ее потух.

— Да, — проговорила она надломленным голосом, — если на взгляд рептилии с крыльями, то да, наверное...

Я зевнул и сказал с удовлетворением:

— Ну вот и доказательство, что дура. Только круглая, просто круглейшая дура не видит, что ты красивая... так что давай откармливайся побыстрее. Скоро есть тебя будем.

Она умолкла, глядя на меня озадаченно, а я снова закрыл глаза. Плечи все еще ноют, это от повторных сетов

полета выделяется молочная кислота. Мышцы растут и укрепляются, но растут не во время тренировки, как думают дураки, а во время отдыха, так что я лежал, прислушиваясь к блаженному ощущению ремонта во всем теле, когда крохотные бригады укрепляют мышцы и сухожилия, смазывают суставы, расширяют каналы связи по нервам.

Расположился я далеко от входа в ее каморку, ленивый и расслабленный, глаза прикрыл, вроде бы дремлю, и она решилась выдвинуться на пару шагов, чтобы сгрести выкатившиеся из костра крупные угли обратно. Я этого момента дожидался долго и терпеливо: кончик моего хвоста бесшумно уперся в огромную глыбу камня вблизи входа в ее норку, та заскрипела просто предательски и поползла медленно, как королева на эшафот.

Мириам в страхе оглянулась, но камень уже передвинулся и наглухо перекрыл ей вход в убежище. Она застыла в страхе, разом поняв мое коварство и свою беспечность.

Глава 8

Я лениво открыл оба глаза, поднял голову, зевнул, снова показав красивую пасть и просто прекрасные длинные зубы, огромные и длинные, как лучшие в мире кинжалы.

— Что? — спросил я с драконьим удивлением. — А-а-а... понял-понял. Извини, это нечаянно... Сама знаешь, как это бывает: глаза боятся, а руки делают...

Она промолчала, справедливо предполагая, что у подлого дракона подлая драконья игра, нечестная и коварная. Я поднялся и, медленно шагая на всех четырех, все еще сонный и расслабленный, подошел к ней. Она вскинула голову и, не пытаясь бежать, бесполезно, взглянула мне в огромные драконьи глаза гордо и бесстрашно.

Я смотрел мимо, лапой легко отодвинул камень на прежнее место.

— Ты хотела, — прогрохотал я, смягчая голос, — в норку?

Она медленно, очень медленно повернула голову. Божьим взглядом увидела, что вход открыт, но все еще стра-

шила двигаться, с моей стороны такое может быть жестокой игрой, вот прямо сейчас схвачу...

Я попятился, она неверящим взглядом наблюдала, как я отступил на шаг, на два, на три, а каждый мой шаг равен ее пяти, потом и вовсе лег, свернувшись в клубок. Ну, как мог.

Она с легким вскриком метнулась в спасительное убежище, прижалась там к стене. Я слышал, как что-то выкрикивает, явно называет себя душой, что так увлеклась, и как хорошо, что дракон еще больший дурак, просто редкостный...

— Ну и сиди там, — буркнул я. — Обещаю туда не... лезть.

— Спасибо, — проговорила она с трудом.

— Хотя мог бы, — сказал я на всякий случай, женщины дуры, им нужно все объяснять подробно, — думаешь, я тебя там не достал бы?

Она заметно побледнела, спросила слабо:

— К-к-ак?

Я прорычал:

— Да вот так...

Она застыла, когда я просунул в щель лапу. До противоположной стены, правда, не достал, но это потому, что все четыре у меня короткие и мощные. Я сделал усилие, сосредоточился, снова надулся, заставляя кровотоки понести питательные вещества и все, что нужно, в зависшую в воздухе лапу.

Добавил я ей длины чуть-чуть, но этого хватило, когти проскрипели по стене, посыпалась крошка.

Тут же раздался женский вопль:

— Не надо!

Я задержал лапу в воздухе.

— Теперь веришь?

— Да!

Я осторожно, чтобы не задеть женщину, вытащил лапу обратно. Она зудела и чесалась от быстрой трансформации, тем более что я тут же велел организму прекратить это безобразие и выровнять все четыре по стандарту.

Когда я снова лег посреди пещеры, Мириам осторожно выглянула. На ее лице ясно читалась злость, но не на меня, а на себя, что промахнулась, думая, что там в относительной безопасности.

— Но я все-таки останусь здесь, — проговорила она дрожащим голосом, — хорошо?

— Хорошо, — согласился я благодушно. — Мелким животным необходимо... гм... личное пространство.

Она продолжала выглядывать из пещерки, на лице непонимание, переспросила:

— Что-что?

— Личное пространство, — пояснил я важно. — Каждый мелкий зверек должен иметь и свое личное пространство, поняла? В любой клетке, тесной или просторной, вы чувствуете себя незащищенными. Нам время от времени приходится за вами чистить и убирать мусор, а бедные птички с ума сходят, порхая всюду и бросаясь на прутья! Дуры, как все женщины. Но если там же в клетке сделать еще одну крохотную клеточку, пусть как раз по размерам птички или мыши, вы будете спокойно смотреть на руку, что чистит мусор прямо возле вашего носика или клювика и преспокойно ждете, когда уберемся из клетки вообще.

Она слушала внимательно, но с растущим удивлением на лице.

— Станный ты дракон, — сказала она с непонятным выражением, в котором я уловил и оттенок презрения. — Откуда такое знаешь?.. Ах да, еще одного умного съел...

— Увы, — согласился я горестно. — Теперь вот то о звездах думаю, то о тайнах материи... Не знаешь, что это такое?

— Не знаю, — ответила она настороженно. — Какие у материи могут быть тайны? Крои да шей...

Я вздохнул.

— Ну вот, знаешь. А он не знал... А еще мудрец!

Она спросила внезапно:

— А ты откуда взялся?

Я ответил удивленно:

— Станный вопрос... Как и все на свете — из яйца.

Правда, люди появляются совсем не из яйца, хотя вообще-то, если посмотреть шире...

Она быстро прервала:

— Я имею в виду, раньше в наших краях говорящих драконов не было. Так, летают всякие, но тупые, как и все мужчины.

Глаза ее начали хитро поблескивать, голос стал предельно дружелюбным. Ага, вот прям щас и скажу, на каком острове растет тот дуб с сундуком в ветвях, где бережно хранится моя жизнь в зайце.

— Издалека, — ответил я скромно. — Прямо от трона моего повелителя. Вот так взял и припорхал.

— А кто твой повелитель?

— Могучий и свирепый повелитель всех драконов на свете, — ответил я с почтением и поклонился, стукнувшись лбом о каменный пол. — Кто дает и берет, наделяет и отбирает, жалует и разжалует... Да так, что мало не покажется.

Она зябко передернула плечами.

— Ужас...

— Почему?

— Оказывается, — объяснила она с вызовом, — есть и пострашнее тебя? Никогда бы не подумала.

— Я не страшный, — возразил я. — Я вообще-то красавец. И умница. И у меня хороший аппетит, кстати... Вот когда начнем тебя неспешно так это кушать...

Она сердито сверкнула глазами.

— Напугать стараешься? Напрасно.

— Ты такая бесстрашная?

Она тряхнула головой, волосы красивым водопадом рассыпались по плечам.

— При чем тут бесстрашие? Я раньше просто-напросто брошусь с обрыва в бездну!

Я изумился:

— В какую?

Она указала пальцем:

— Вон туда!

— Там внизу песок, — сказал я злорадно. — Мягкий.

— Для людей он твердый, — сказала она и уточнила: — Если с такой высоты.

Я подумал, кивнул:

— Да, ты права. С такой высоты, пожалуй, прическу испортишь. Однако мы, небесные драконы, наделены великой мудростью. А она подсказывает, что не бросишься...

Она сказала с вызовом:

— Да? Хочешь увидеть?

Она гордо вскинула голову и шагнула в сторону зияющего зева пещеры. Я поспешно покачал головой:

— Нет-нет, в тебе дурусти хватит. Не сомневаюсь. Не зря же рыжая, а глаза серые — дивное сочетание. Женщины любят делать все назло и наперекор, потому у нас, драконов, есть поговорка: посоветуйся с женщиной и поступи наоборот. Но я сомневаюсь, что бросишься... без особой необходимости. В тебе слишком много жизненной силы, чтобы ты поступила так... глуповато. Мне кажется, будешь бороться до последнего вздоха. А если и прыгнешь, то не раньше, чем перепробуешь все способы извести меня, содрать шкуру и продать кости на свистульки.

Она смотрела с тем же вызовом, но теперь уже и удивлением.

— А ты в самом деле... не совсем дурак.

— Ты тоже, — ответил я тем же комплиментом и добавил коварно: — Хоть и красивая. Расскажи о своей стране!

— Что тебя интересует?

— Да все, — ответил я. — Мир людей... такой забавный.

Конечно, она не рассказывала, хотя, наверное, могла поведать немало о проходимости дорог, переправ, укреплениях, количестве воинов в том или ином племени, а я не задавал наводящие вопросы, все равно узнаю днем раньше, днем позже, я слушал ее и невольно поддался жестокому очарованию древних легенд, преданий, бывальщин. Пусть половина — чистейшая выдумка, но и те не возникают на пустом месте. На этой земле возникали и рушились великие королевства, империи, создавались союзы, гремели ужасающие войны, в которых маги поджигали воздух, а с другой — такие же умельцы жгли саму землю, и войска от-

ступали, оставляя между собой выжженное поле с костями тех, кто не успел убраться.

О королевстве Сен-Мари почти не вспоминала, а когда упомянула пару раз мимоходом, то почему-то упорно называла его страной Орифламме, и создавалось впечатление, что это нечто мелкое, расположенное на заднем дворе великого и могущественного Гандерсгейма.

Здесь из руин городов поднимаются великанские тени древних королей, каждое полнолуние гремит призрачная сталь, войска павших сражаются с прежней же яростью и неистовством, и только третий крик петуха заставляет их уйти снова под землю. Появляются оборотни — потомки тех, кто умер непогребенным, а таких после сражений бывало много. После гибели магов на свободе оказались чудовища, что разоряют села и грозят бедами даже крупным городам.

В трудные времена рождались великие герои, подвижники, я слушал внимательно, но и здесь ценится то, что и везде: честь, отвага, верность, преданность, самопожертвование, защита слабых, готовность отдать все силы обществу... Человек в трудное время везде остается человеком, будь он варвар или христианин. Только богатство и роскошь развращают и превращают нас в животных.

Я смотрел, как она неспешно с врожденной деликатностью срезает кусочки мяса и ест, даже кушает, хотя могла бы просто вгрызться, держа кус обеими руками, но эта дочь проводника караванов и здесь соблюдает манеры. И спину держит прямой, эдакая дочь степей, что не дрогнула и перед ужасным драконом. Хотя, конечно, сперва немножко трусила, но потом да, молодец, хотя никто и не видит ее отваги, но сама себя видит, а для таких отважных достаточно и самоуважения.

Испуганно замерла, когда я поднялся, однако я лишь проворчал:

- Лопай, не отвлекайся... Жуи хорошо.
- Что? — спросила она непонимающе.
- А то подавишься, — сказал я благожелательно.

Узкая щель во вторую нору чем-то тревожит, я при-

смотрелся и понял, что за стеной еще пещера, а эти камни кто-то нагромоздил намеренно, закрывая вход.

Мириам настороженно следила, как вынимаю самые крупные глыбы и осторожно роняю справа и слева, стараясь, чтобы не раскатывались далеко. Щель стала шире, я навалился всем весом, ветхие камни справа и слева затрещали и рухнули.

Я с удовольствием повел укрытыми за бронированными крепкой чешуей плечами, крепкий я зверюка, вдвинулся в пещерку. Темно, сумрачно, но дальше сверху падает рассеянный свет: свод в каком-то месте треснул, и солнечные лучи, многократно отражаясь о изломы и теряя силу, все же обозначили время суток.

Под ногами камни, но под дальней стеной груды того, чего я меньше всего ожидал: золотые кувшины, широкие подносы из золота и обрамленные драгоценными камнями кубки из серебра. В самом углу два больших сундука и три объемных ларца.

Уже предполагая, что увижу, я зацепил когтем и начал откидывать все крышки, но все равно раскрыл пасть в безмерном удивлении. Еще не видел таких огромных залежей золотых монет, колец, сережек, браслетов, ожерелий и прочей украшательной хрени...

— Эй, — позвал я. — Женщина!..

Из оставленной пещеры донесся дрожащий, но все равно негодующий голосок:

— Чего тебе, рептиль?

— У меня для тебя кое-что есть! — сообщил я весело.

— Подавился им, — ответила она почему-то грубо, — тоже мне, гад чешуйчатый, а туда же!

— Дура, — сказал я и, ломая голову над внезапной агрессивностью, повернулся в тесной комнате и выбрался в большую пещеру к костру. — Сама козу сожрала или и мне оставила?

— А тебе бы только жрать? — спросила она без вызова, но ехидно.

— Грубая ты, — укорил я. — Брала бы пример с меня. Я же сама нежность, ласка.

— А кто съест меня собирается?

Я изумился:

— А это при чем? Я же буду есть тебя нежно, ласково, с манерами!.. Ты одно с другим не путай. Правда, ты в своей красивой голове две мысли разом удержать не можешь, увy.

Она бросила мне тушу козы.

— Жри!

— Грубая ты, — укорил я. — К тому же лучшее мясо срезала.

Она изумилась:

— А ты в нем разбираешься? Для тебя эту козу проглотить, что мне воробышка съесть!..

Я вздохнул и, прихватив козу, выбрался из пещеры, где на свежем воздухе и принялся жевать испеченную млекопитающую прямо с косточками.

— Женщина, — промычал я с набитым ртом, — так чего ты побоялась заглянуть со мной в тот укромный уголок?

Она огрызнулась из пещеры:

— Вы все, мужчины, только и думаете...

— Только и думаем, — согласился я. — Зато вы совсем не думаете. Да и зачем, когда такие роскошные волосы? Как огонь в ночи, не могу оторвать взгляда... Красивая ты, Мириам. Хоть и злобная.

Она огрызнулась еще злее:

— Ты мне зубы не заговаривай, гад подколодный!

Я подумал, спросил с интересом:

— Где такая колода, под которой могу поместиться?

— Ты жил под корягой, — объяснила она со злорадством, — пока не вырос! Почему я тебя тогда не встретила?

Я держал ее взглядом, она уже осторожненько вышла из пещеры и тихохонько присела в сторонке, стараясь держаться на одинаково безопасном расстоянии и от края пропасти, и от меня.

— И что бы сделала? — спросил я. — Сразу бы прибила? Маленькую жалобную рептилию?

— Ты не рептилия, — ответила она рассерженно, — а рептиль!..

— А какая разница?

— Рептилия, — сказала она рассудительно, — это рептилия. А ты — рептиль! Гад то есть. Мужчина. От вас все беды.

— И как ты рассмотрела так сразу? — удивился я. — Еще издали... Вроде бы я держался скромно, ничего не выпячивал, ничего такого предложить не успел... даже не думал, честно...

Она перебила быстро:

— Вас издали видно по мордам наглым, по глазкам блудливым, по плечам в стороны, а еще смотрите так это... бесстыдники, тьфу на вас, так что все вы — рептили, и неважно, камзол на плечах или чешуя!

Я пробормотал:

— Гм, исчерпывающая характеристика. Точная, выверенная в словах и терминах, четкая жизненная позиция. Устойчивая, как вырезанная из камня. Видать, кто-то тебя здорово обидел, если для тебя все мужчины — рептили.

Она поперхнулась, зыркнула злобно и, вскинув голову, принялась рассматривать багровеющие облака в странно прозрачном небе.

Глава 9

Я доел козу, в самом деле мне на один зуб, поколебался, глядя на женщину, ну да ладно, была не была, надо все пробовать, сосредоточился, начал представлять яркие картины и запомнившиеся ощущения...

Она спросила с подозрением:

— Ты чего надулся? Смотри не лопни.

— Умолкни, женщина, — просипел я. — Дай сосредоточиться...

— На чем?

— Да помолчи же...

— Ну ладно, — ответила она независимо, — могу и помолчать. Ты только скажи, чего ты весь раздулся? Живот болит? У моего коня как-то были колики, я его спасла... ну, ты знаешь, если умный такой, как их спасают...

— Меня так спасти не надо, — твердо сказал я, — хотя за предложение спасибо.

Она вскочила, глаза метали молнии.

— Вот еще! Я вовсе не собиралась тебя спасти таким же образом!

— Жаль, — просипел я задуманно, — жаль...

В воздухе сгустился ком, на каменный пол шлепнулась большая головка сыра. Мириам ахнула и отпрыгнула, я продолжал тужиться, медленно появились упакованные в пленку и тонко нарезанные ломтики ветчины, карбоната, шейки, а в довершение я создал сладости и две чашки с горячим кофе.

Она смотрела, застыв в страхе, а я запоздало подумал, что хоть в личине дракона эта способность сохранилась, однако лапы у меня не того, даже чашку не удержат...

— Ну че, — сказал я, — глазки вытаращила? Я понимаю, коза вкуснее, к тому же ты трудилась, шкуру снимала, мясо резала, жарила, вон как вспотела, но... и такое вот есть можно. Давай, пробуй! Мы же с тобой откармливаем тебя? Вот и давай.

Она покачала головой, я неуклюже поддевал когтями мясо и сыр, все отправлял в пасть. Когда почти ничего не осталось, создал еще, но, мне кажется, на это уходит больше калорий, чем получаю, так что если буду создавать еду и есть, скоро околею от голода.

Мириам наконец разжала плотно стиснутые губы.

— Как ты это делаешь?

Я ответил удивленно:

— Как все. А ты разве делаешь не так?

Она покачала головой.

— Мы так не умеем.

— Бедные существа, — сказал я сочувствующе. — Это же так просто... Может, попробуешь?

Она снова покачала головой.

— Даже пытаться не буду.

— Ладно, — сказал я с глубоким сочувствием, — бери, ешь.

Она спросила нерешительно:

— Может быть, это еда драконов? А люди от нее мрут?

— Проверь, — предложил я. Она смотрела задумчиво, колебалась, я сжалился и пояснил: — Да не околеешь, говорю! Я еще цел, видишь? А ем это вот часто. Тебе ничего не будет, ты же человек! А человек — это такая тварь, все жреть, ни одна свинья не станет... Не трись, ты же рыжая!

Я исхитрился взять чашку с кофе, как раз хватило капнуть на язык, нутужился и создал большую глиняную миску. Мириам вздрогнула, когда та наполнилась темно-коричневой жидкостью, но я не обращал на женщину внимания, тут удержать бы миску, не пролить на себя, а запах крепкого кофе сводит с ума...

Когда наконец поднял взгляд на Мириам, она опасливо жевала тонкий ломтик изысканного карбоната, но держала так, чтобы сразу отбросить, если тот вдруг вцепится ей в губу.

— Кофе будешь? — спросил я.

Она поняла по моему взгляду, о чем я, затрясла головой.

— Ни за что!

— Почему?

— Это для драконов!

— Вообще-то да, — согласился я. — Стоит выпить пару мисок, сразу драконом себя чувствуешь.

Я не торопил и не мешал, положившись на извечное любопытство женщины, Мириам при всей осторожности перепробовала все, кроме кофе, а нежнейший сыр, создаваемый уж не знаю по какой технологии, жевала с таким наслаждением, что закрывала глаза и нежно плямкала влажными губами.

Вечерний воздух теплый, густой и сочный, я надеялся с этой великолепной площадки полюбоваться величественным закатом, но небо затянуто какой-то мутной дрянью вместо облаков, солнце беспомощно утопает, как в болоте. Затем и вовсе его закрыло грязно-серым занавесом, я угадывал местоположение светила лишь по багровому пятну, что сползает к горизонту.

Внизу пролегла глубокая тень, но крохотные огоньки

проступают сквозь густеющую тьму, и легко подумать, что тысячи и тысячи всадников скачут по степи, держа в руках горящие факелы...

Мириам, закончив с трапезой, деликатно облизала пальцы, тихонько вздохнула.

— Рад, что тебе понравилось, — сказал я.

Она смотрела на меня неотрывно, в ее огромных серых глазищах возникало и гасло странное выражение. Я ощутил некоторую неловкость.

— Че тарачишь глазки? Они у тебя просто дивные... Никогда не видел таких крупных.

Она вздрогнула, возвращаясь в этот неустроенный мир.

— Да так... Все никак не могу привыкнуть, что ты разговариваешь. Да еще так красиво.

— Я? — удивился я. — Красиво?... Был бы я человеком — обиделся. Все ваши самцы предпочитают говорить коротко и грубо. Так вы вроде бы сильнее. А мы, драконы, да... говорим красиво. Мы даже петь умеем? Хочешь, спою?

Она вздрогнула, отшатнулась.

— Нет-нет!

Я сказал великодушно:

— А то смотри, я добрый. Стоит меня только попросить. Спою, еще как спою. А если после сытного обеда, так вообще...

Она сказала со слабой улыбкой:

— Постараюсь не кормить тебя досыта.

— Что ты за женщина? — спросил я с укором. — Все женщины всегда стараются накормить мужчин досыта. Мы тогда глупеем, из нас можно веревки вить.

Она побормотала:

— Никогда не думала, что драконы такие... Интересно, каким бы ты был человеком...

Я в ужасе отшатнулся.

— Не пугай меня так!

Она улыбнулась.

— Даже подумать о таком страшишься?

— Конечно, — сказал я убежденно, — люди уродливы, а драконы — прекрасны. Посмотри, какая у меня спина с

гребнем... А лапы с перепонками? А пузо блестящее и чистенькое? А... гм... в общем, я — само совершенство. На мне вообще нет отвратительной шерсти!

Она произнесла угрюмо, почти подавленная или хотя бы поколебленная такой убедительной аргументацией:

— Шерсть... не такая уж и отвратительная.

— Не отвратительная?

— Смотря где, — уточнила она. — Разве тебе не нравятся мои волосы?

Я посмотрел оценивающе, поцокал языком.

— Ну, как тебе сказать... Если для человека, то терпимо и даже прекрасно, но вообще-то красивее было бы заменить эту гриву чешуей. Представляешь, крупная... или мелкая, это по вкусу, золотистая чешуя, блещущая на солнце, как жар!.. А можно делать зеленой, красной и даже синей. Любого цвета. А это для женщин так важно, меняться...

Она посмотрела на меня исподлобья.

— Но не настолько же! Я не представляю себя рептилией.

Я вздохнул.

— Да, людям трудно представить себе такое совершенство.

В вечернем воздухе начинают летать светящиеся мушки, жучки и бабочки, пошла узкая полоса странной живности, что не дневная, но и не ночная, а так, ухитрившаяся занять это короткое время и вытеснить из него как дневных, так и ночных.

Я уже знаю, что если взлететь и держать курс вот на эту гору на горизонте, то дальше будет широкая река, через которую я так и не увидел моста, но и брода не заметил, а его легко отыскать с высоты драконьего полета по протоптанным дорогам на противоположных берегах. За рекой, словно спрятавшись за нею, долина с роскошной зеленью, богатые сады, оливковые рощи, несколько городов, расположенных непривычно близко один к другому, снова сады, виноградники, поля под посевами...

Я придвинулся и сел у самого края, так шире обзор, прикидывал, в каком направлении полечу завтра, чтобы увидеть и запечатлеть в памяти нужных сведений побольше.

Сбоку зашелестело, Мириам тихохонько подошла, я видел, как она колеблется, но пересилила себя и села почти рядом.

— Молодец, — проворчал я как можно тише.

Она спросила настороженно:

— Ты о чем?

— Ты молодец, — пояснил я снисходительно. — За все время никакого женского визга, никаких истерик... А я в самом деле хищник.

Она ответила с некоторым напряжением в голосе:

— Не знаю, но чувствую, что не сожрешь... вот так сразу. Может быть, вообще не собираешься есть, только пугаешь. Во всяком случае, я боюсь и... не боюсь.

Я попробовал усмехнуться, не получилось, только зубы стали виднее. Мириам поглядывала искоса, я проговорил неторопливо:

— Вон в ту сторону я еще не летал... Там что-нибудь интересное?

Она пожала плечами:

— Кому как.

— Но не для тебя?

Она снова пожала плечами:

— Мы водили караваны и там. Дороги хорошие, если обходить пески Огня и Каменные топи. Живут там вроде бы аярги и пелоненги, а также устагонги...

— Вроде бы?

Она кивнула.

— Все кочуют. Родственные им племена уже осели, а эти свято хранят традиции отцов. Но кочевать все труднее, оседлые не пускают на свои земли. У них войны почти не останавливаются...

Я сказал сочувствующе:

— Не горюй.

Она фыркнула:

— А мне горевать с чего? Да пусть поубивают друг друга! Это же корни проклятого племени жувалов!

— А что это?

— Неверные, — пояснила она. — У одних бог Крака-

цорк, у других Смигелиус, а на самом деле мир создал Водяной Дух Шушун и заполнил его множеством озер с чистой холодной водой и реками, где берега из золотого песка... Но потом разгневался на людей и превратил мир в пустыню! И только глядя на подвиги отдельных героев, Водный Дух творит иногда реки, озера, родники.

— Да, — согласился я, — подвиги нужно чем-то стимулировать. А что там еще, кроме аяргов и пелоненгов?

Она подумала, сказала нерешительно:

— Там в центре пустыни живет великий маг и мудрец Мидург. Но все знают об этом и потому прокладывают дороги в обход. Он знает все на свете. Но не любит людей, потому и ушел в пески. А всем, кто приходит, предлагает задать ему вопрос, ответа на который он не знает. Если человек такого сделать не в состоянии, то...

Она умолкла, в глазах метнулся страх. Выждав, я спросил осторожно:

— Что с такими?

— Не знаю, — ответила она тихо. — Но оттуда никто еще не вернулся. Почти никто.

— А если кто-то задаст такой вопрос?

Она вздохнула.

— Тогда выполнит любое желание. Мощь великого Мидурга просто неопишима. Может поднимать горы и обрушивать в моря, опустить небо или заставить течь вспять реки...

— Немало, — пробормотал я. — И что, годится любой вопрос? Он может ответить, каким пальцем я показываю ему фигу за спиной?

Она засмеялась.

— Хотя никто до такого не додумался... но вряд ли это его заинтересует.

— Гм, — сказал я задумчиво, — значит, он может подсказать, как завоевать мир?

Она расхохоталась еще звонче.

— Он и сам может для тебя его завоевать, если сумеешь ему понравиться.

Она умолкла, в ее серых глазах странно отражается багровое пламя небесного заката. Ветер немного разогнал ту-

чи, на щеки пал сиреневый оттенок, красные волосы стали цвета мореного дуба.

Что такое профессиональный маг, проползла вялая мысль. Это человек, который спрятался от жизни. Сперва увидел, что умеет и знает больше, чем эти люди, потом с тоской понял, что эти люди ничего больше знать и не хотят, им непонятна его неистовая страсть к знаниям... и в конце концов ушел от этих никчемных людишек в эмпиреи, башню из слоновой кости, или, как ее ни называй, но в любом случае — от людей ушел.

И вот, отгородившись от них лишь вершинами заснеженных гор, либо морями, либо жаркими пустынями, они совершенствовались в своих поисках, копили мощь, собирали и умножали знания. Кому повезло, те сумели продлить себе жизни, что в свою очередь позволило проникнуть еще глубже в тайны Древних, а это дало кому-то очень долгую жизнь, а кому-то и бесконечно долгую, которую может прервать только насильственная смерть.

В конце концов, каждый из таких магов строил себе неприступную башню, потому что беспокойные людишки ухитряются забираться и на неприступные горы, пересекают убийственные пустыни и бороздят моря в поисках островов с сокровищами. В башне же можно спокойно предаваться своим любимым занятиям, совершенно не беспокоясь о том, что кто-то сумеет потревожить.

— Давай спать, — сказал я. — Ночь коротка, завтра нужно сделать многое.

Она удивилась:

— Сделать? Ты же дракон!

— Ну и что?

— Драконы ничего не делают, — сказала она рассудительно. И добавила со знанием дела: — Только рушат, ломают, жгут и... бесчинствуют.

— Бесчинствуют, — повторил я с удовольствием. — Вообще-то хорошая жизнь, если поглядеть, у нас, драконов.

Глава 10

Я похрапывал в большой пещере, Мириам спряталась в малой каморке, объяснив оттуда, что там ей спокойнее, не сожру спросонья. Я не спорил, огромное тело вопит об отдыхе, и заснул я так крепко, что если бы Мириам вздумала пилить мне толстую шею ножом, вряд ли проснулся бы.

Всю ночь обустроивал Сен-Мари, а когда заканчивал, оказывалось, что это вообще Орифламме, а то и вовсе непонятное Арндское королевство с масонской структурой верхушки, и все надо начинать сначала, лапы все еще ноют от строительства светлого общества, что почему-то все равно темное, а настроение мрачнее некуда.

Каменный пол стал красным, я посмотрел с недоумением на стены, потом на подгибающихся со сна лапах выбрел наружу. Мир заполнен сладким утренним паром, что удивительно в пустыне, на востоке поднимается алый шар, заливая мир трепещущим розовым светом.

От входа тянет приятным ароматом жареного мяса, я буркнул хрипло:

— Доброе утро, Мириам.

Она оглянулась и ответила холодно:

— От такого доброго утра можно с уступа вниз головой. Ты что, хвост прищемил?

— Это был не хвост, — ответил я автоматически. — Завтрак готов?

— Нет, — ответила она, — тут только жареное... Но тебе же надо сырое, с кровью, шкурой, рогами и копытами?

— Ты сама с рогами и копытами, — ответил я обидчиво. — И еще женщина с волосами.

Она подумала, сказала сердито:

— Просто женщина. Глупое уточнение. Как будто женщина может быть без волос!

Я ответил мирно:

— Ты права, но с таким уточнением лучше. Сразу как начинаешь думать, что женщина... и вдруг с волосами...

— И что?

— Да такого напридумываешь...

— Например?

— Ну, волосы могут быть и на ногах, к примеру...

Она вытянула вперед ногу и повертела носком вправо-влево. Никаких волос!

— А если не выщипывать? — полюбопытствовал я.

Мириам зашипела, как толстая кошка на раскаленной сковородке. Я дотянулся до вертела и снял большой кусок мяса. Мириам настороженно смотрела, как я управляюсь когтистыми лапами.

— Ты, наверное, цирковой дракон? — предположила она.

— Почему?

— Больше нежный. Наверное, драться совсем не умеешь.

— А зачем драться? — спросил я. — Нужно жить в дружбе и согласии. Я вот, например, со всеми всегда в дружбе и согласии. Куда ни появлюсь — сразу мир и согласие. Ладно, ты здесь убери квартиру... а я полечу по своим мужским... драконьим делам.

И, не дожидаясь ответа, я толкнулся всеми четырьмя, почти отдохнувшими за ночь. Крылья с готовностью уперлись в упругий воздух, поднялись наискось и снова уперлись, уже повыше.

Далеко внизу мчится стадо газелей, я сделал короткий нырок, протянутые вперед лапы подхватили по козе, я хвастливо поднялся без всякой натуги по крутой дуге, с размаха бросил их на площадку перед пещерой и крикнул:

— Это тебе, чтоб не скучала!

— Лети-лети, жаба с крыльями, — сказала она с угрозой. — Не стукнись о небосвод, разиня.

С утра крылья держат мое грузное тело легко и даже с удовольствием. Воздух чист и свеж, дороги отсюда выглядят длинными белыми нитями, а речушки — серыми. Земля то ярко-зеленая, то желтая, без всякого перехода, потом вдруг пошла кроваво-красная с неприятным зловещим оттенком. Я даже снизился, тревожно заинтересованный, пока не рассмотрел просто-напросто глину, высохшую, по-

трескавшуюся, так и не позволившую ревниво траве пустить корни в ее владениях.

Большая пустыня, как я понял, не такая уж и большая, как считает Мириам, если судить по размерам, но здесь накален песок от непонятого подземного жара, воздух сушит горло и легкие, воды набирать следует с большим запасом: ухитрится испаряться не только из тел, но даже из плотно закрытых бурдюков. Потому через пустыню нужно идти еще и очень быстро, пока вода не иссякнет сама по себе.

В остальном же Гандерсгейм населен удивительно плотно, что и радостно, и в то же время тревожно. Я еще не повидал его дальнюю часть, но уже народу здесь почти столько, как в самом Сен-Мари. А я ожидал пустынный край с редкими кочевыми племенами...

Пошли финиковые пальмы, а за ними сразу за песчаными барханами открылось безграничное море. Это уже не интересно, на берегу всего лишь мелкие рыбацкие поселки, хотя во множестве, но все крайне бедные с виду. Это и понятно, пираты свирепствуют всюду, глупо строить город, который будут постоянно грабить...

Я свернул и некоторое время летел вдоль берега, потом еще чуть изменил курс, там города стали попадаться чаще, странное сочетание, когда вижу типичный средневековый город с его непременно высокой каменной стеной и замками, а за его пределами настоящие дикие орды гуннов, что постоянно двигаются с места на место, дерутся между собой, разбивают временные стойбища из сотен неопрятных шатров, сшитых из плохо выделанных шкур, потом снова без всякого повода снимаются, чтобы вторгнуться на земли другого племени и проверить его на прочность.

Мелькнула мысль, что неплохо бы достать лист бумаги или пергамента и стило, постепенно составлял бы подробную карту, но отогнал упадническую мысль. У меня память, как у стада слонов, вернусь в Брабант и нарисую предельно точно как по пропорциям, так и по расположению всех городов, дорог, мостов, переправ, мелеющих в определенные сезоны рек, а также всех источников воды, как по

предполагаемому маршруту движения войск, так и по востепенным.

Внизу множество двигающихся точек, словно стая мошкеры или же огромное стадо мигрирует в дальние края, где много сочной травы и вдоволь воды. Я присмотрелся, нет, люди на конях. Только у этих двуногих хватает энергии и непонятной дури носиться так часто и бесцельно.

Я снизился еще, всадники мчатся по ровной как стол степи, легкие и стремительные, все с разными знаменами в руках. У меня в глазах зарябило от оскаленных львов, драконов, леопардов, медведей, взъерошенных вепрей и орлов с распростертыми крыльями. Знамена всех цветов радуги, как и геральдические звери, эту манеру знаков переняли, как мне кажется, у рыцарского сословия.

Хотя кто знает, например, манеру мыться европейцы переняли от сарацин во время крестовых походов, хотя в такое поверить трудно, а главное — непатриотично. Кстати, вон у тех на трепещущих под ветром полотнищах яркие и непонятные знаки, в которых даже я постепенно перестаю видеть древний скрытый смысл. Так, стилизованные изображения цветов, насекомых...

Но это только знаменосцы, каждый от своего племени, рода или клана, а остальная масса мчится следом, даже под облака донесся мерный гул от множества копыт. Хотя варвары и не подковывают своих коней, стараются выиграть в скорости, но когда мчится войско в несколько тысяч человек...

Я распластал крылья и поставил их так, чтобы парить на месте, с высоты наблюдал, как вся конная масса ворвалась в деревню в два десятка легких дощатых домиков. Моментально вспыхнули крыши, выбегающих из домов рубили на месте. Когда конница промчалась дальше, все строения уже полыхают так, что не погасить, да и некому: между горящими строениями трупы, трупы, трупы...

Все выглядело, как ненастоящее, я попытался представить, что там в самом деле убитые, кто-то еще жив, но не может выползти из бушующего огня, крылья уже дрогнули, ожидая сигнала ринуться вниз и спасать, спасать, однако я

продолжал плыть дальше, как огромный корабль, равнодушный к судьбам рыбешек.

Вообще-то при таких размерах я сам чувствую собственную уязвимость. Если кто-то вцепится, скажем, в крыло, пройдет несколько драгоценных секунд, прежде чем я соображу, что из меня рвут протоперья. А еще несколько секунд понадобится, чтобы протянуть туда издали страшную когтистую лапу. Ага, а хищник будет тупо ждать, пока я его схвачу, щас...

Медленно и с чувством достоинства проплывают внизу раскаленные на солнце барханы, похожие на верблюжьи холмы из золота. Если долго смотреть неподвижно, начинают колыхаться, и вижу, как двигается это несметное стадо. Медленно и торжественно проплывают подо мной руины усыпальниц древних правителей, остроконечные глыбы сломанных колонн, постаментов...

Я выбирал тщательно, вниз пошел с несвойственной для зверя таких размеров суетливостью. Приземлился благоразумно на вершине бархана, хотя инстинкт угодливо подсказывает выбирать для незаметности низинки. Я оказался прав: в человека превращался медленно и долго, сознание плыло настолько, что раза три вообще не понимал, где я и что делаю, наконец нашел себя на вершине песчаного холма, с которого сыплется и сыплется песок, заполняя низинки с обеих сторон. Окажись в одной из них человек с помраченным сознанием, его бы засыпало с головой...

Отдохнув, я попытался превратиться в большую ящерицу, размером с человека. После двух десятков неудачных попыток получилось, хотя ящерицей чувствовал себя неважно и поспешил вернуться обратно, однако сердце стучит ликующе: получается! Могу не только в эту крылатую тварь разных размеров...

А вот в сторону уменьшения размеров все-таки не рискну, хотя соблазн велик. Уменьшение тела неизбежно уменьшит и массу мозга, а я материалист и не верю, что в мозге пчелы или муравья может существовать разум. Для него нужны размеры, и у человека мозг занимает места едва ли меньше, чем у слона или кита.

Так что для миниатюризации либо нужен обходной путь, либо пусть все остается в области мечтаний. Да и вообще я должен думать о великих свершениях, а не о том, как в виде муравья залезть под чью-то юбку.

Снова огляделся по сторонам, никого ли вблизи, на время трансформации в особенно крупное становлюсь беспомощным, и начал процесс превращения в прежнего дракона, как называли меня караванщики, а теперь зовет женщина.

Обратно летел усталый, но довольный. Еще пару дней, и весь Гандерсгейм будет на мысленной карте. Ну, в крайнем случае задержусь еще на денек-другой, все равно даже из Сен-Мари войска в Брабант придут не раньше, чем через пару недель. А герцог из далекой Армландии приедет еще позже.

В животе урчало, я глазел по сторонам и подумывал, где бы чего поймать и съесть, а когда навстречу попался голубь, машинально метнул в его сторону раскрытую пасть. В последний момент успел заметить на лапке блеснувшее, понял запоздало, что это почтовый голубь... однако челюсти уже сомкнулись.

Борясь с инстинктивным желанием проглотить этот сладкой комочек мяса, я лапой неуклюже снял с языка окровавленное тельце. Голубь еще жил, глаза медленно заволакивает пленкой смерти, но посмотрел на меня с таким укором, что будь я даже Темным Богом, всего бы перекосило от стыда и угрызений совести.

— Какого хрена летаешь, — прорычал я люто, злой на себя, но, как всегда, обвиняя других, — разлетался, гад, в запрещенном коридоре!.. А если бы столкновение?.. Ты подумал, дурак?..

Гора быстро вырастает в размерах, в темноте пещеры блеснула искорка костра, это Мириам жарит козу, я вытянул шею и пошел на снижение, держа взглядом темный зев. Будь это далеко, пришлось бы приземлиться где-нибудь в безлюдном месте, перетечь в людскую форму, чтобы мог стащить с лапки мертвой птицы колечко, а так я влетел в

пещеру, на ходу складывая крылья, сразу же с отвращением выплюнул окровавленный комок.

Мириам опасливо отступила в свою норку, чтобы не задел ненароком крыльями.

— Это твоя добыча? — спросила она с интересом. — Ну да, ты ж великий дракон!

В ее голосе сарказма хватило бы, чтобы пристыдить целую армию бесстыжих викингов, ожила, уже чувствует себя уверенно, а для самоутверждения то и дело втыкает мне шпильки.

Я прорычал зло:

— Этот дурак летел на запрещенной высоте... Вернее, в запрещенном коридоре.

Она переспросила с великим удивлением:

— Что, в воздухе тоже стены?

— Дикари, — проворчал я с презрением. — Прете везде, как дикие козы, самобытность отстаиваете... Чем цивилизованнее человек, тем больше для него запрещенных коридоров! Шаг вправо... гм, взмах вправо — взмах влево — нарушение границы! А этот дурак еще и подпрыгивал.

— Кто?

— Голубь, — проворчал я. — С посланием...

Она переспросила:

— Почтовый?

— Ну да, — буркнул я. — На лапке браслет.

Она выглядывала, как трусливая мышь, жажда выйти и страшась, наконец спросила с непонятной неуверенностью:

— Можно мне посмотреть?

— Можно, — рыкнул я.

Она начала выдвигаться, не сводя с меня взгляда, я нарочито зевнул и лег, хотя после полета хочется походить и размять усталые мышцы, лег и положил голову на лапы.

Неслышно, как чучундра, она выскользнула из убежища, схватила, не сводя с меня пугливого взгляда, окровавленную тушку и быстро-быстро юркнула обратно. Я снова зевнул, прогоняя перед мысленным взором расположение городов, по большей части все выглядят беззащитными,

однако между ними слишком уж много стойбищ, а народу там едва ли меньше, как уже напоминал себе, чем во всем Сен-Мари...

Из норки донесся испуганный вскрик. Мириам высулась, лицо бледное и расстроенное, красные волосы дыбом, как львиная грива под ветром, выглядит, как дикая фурия, прищемившая палец.

— Ты злой, — сказала она, — ты сделал очень недоброе дело!

Я прорычал:

— Дык я ж дракон. Я и должен. На страх людям, женщинам и прочим насекомым. А что тебя не приводит в восторг? Почему нет криков ликования? Бурного и продолжительного?

Она крикнула:

— Ты убил не голубя!

— А кого?

— Ты убил еще и двух людей!

Я подумал, поскреб голову когтем. Мириам пугливо отпрянула в глубину убежища.

— Всего-то? — удивился я. — Мельчаю, мельчаю... раньше целые народы сметал...

— Народы не жалко, — выпалила она, — а вот двух... это подло!

— Брехня, — сказал я веско. — Пару коз сожрал, но двух людей... не припоминаю.

— Здесь письмо! — крикнула она обвиняюще.

— Прочти, — предложил я. — И увидишь, что никого не убивал... сегодня.

Это прозвучало зловеще, но она гордо вскинула голову, в глазах вызов. Тонкие пальцы снова развернули маленький листок, я со своим зрением успел заметить мелкий женский почерк, грамотная писала, зараза, или служанка под диктовку избалованной дуры, что ж тут за варвары такие...

— Я прочту, — пообещала Мириам с угрозой, — не об радуешься!

— Давай, — сказал я с некоторой тревогой, письмо от женщины, а это значит — ерунда, капризная дура соскучи-

лась по любовнику, отправленному ревнивым мужем или родителями в дальний гарнизон, что еще может написать женщина, — читай, если разбираешь эти... буковки. Думаешь, меня совесть замучает? Вот так прямо упаду на спину и подрыгаю задними лапами в предсмертных корчах тебе на шасте?

Взгляд ее бегал по строчкам, я видел, как двигаются глазные яблоки, крупные, с широкой радужкой, настолько странного удивительно яркого серого цвета, что я не мог оторвать взгляда.

— «...и в тот же час, когда меня призовут на брачную церемонию, я брошусь из своей башни, чтобы не достаться ненавистному Растенгерку».

Глава II

Она вскрикнула и в бессилии уронила руки. Я посмотрел на нее и отвел взгляд, стараясь уверить себя, что мне по фигу, но странное чувство вины медленно пропитывает всего с головы до ног, как холодная вода вату. Лучше бы перехватить чье-то военное донесение, пусть кто-то потерпит поражение из-за неполученных сведений. И чем больше погибнет, тем лучше. Врага нужно ослаблять, обескровливать и дискредитировать гадкими слухами.

— Ага, — наконец прорычал я, — ага, бросится из башни... И убежит?

Она крикнула яростно:

— Ты совсем дурак?... Она убьется!

— Совсем? — переспросил я. — Это... насмерть?

— А как иначе?

— Ну, — протянул я, — зашибет коготь, поднимется и побежит за добычей...

— Ну почему драконы такие тупые, — воскликнула она с отчаянием, — как ты не понимаешь, что она погибнет, если выбросится из башни?.. А виноват будешь ты!

— Почему я? Я ее выброшу, что ли?

— Ты! — сказала она обвиняюще. — Ты перехватил письмо!

Я протянул насмешливо:

— Так то письмо...

— Ну вот!

— Что — вот?.. Я даже письмо не выбросил.

Ее лицо стало злым и решительным.

— Значит, — процедила она сквозь зубы с такой злостью, что я отчетливо услышал змеиное шипение, — значит... эта сволочь, этот последний гад, этот мерзавец и ублюдок хочет испоганить жизнь Карине?.. Или Вики?.. Да какая разница, таких нужно уничтожать на месте!

Я пробормотал:

— Чего ты взъелась? Все женщины уходят в замужество, повинаясь родительской воле. За того, кого те выберут.

— Много ты знаешь, жаба с крыльями!

— Это знаю, — буркнул я. — Ничего, стерпится — слюбится.

Она выкрикнула зло:

— Ты все забыл? Она же написала, что бросится с башни!

— Пошутила, — предположил я и тут же пожалел о своих словах, Мириам хлестнула по мне огненным взглядом с такой силой, что моя спина запахла горелым, а гребень загорелся алым.

— Ты просто... просто рептилия, — произнесла она. — Знаешь, я не буду прятаться. Ты можешь съесть меня в любой момент. Но съешь сперва этого гада!

— Кого?

— Ярла Растенгерка! — выпалила она с яростью.

Я пошевелил громадами плеч.

— А чем он хуже других? Все так женятся.

— Он подлец, — процедила она люто. — Он вероломен, он лжив, он предательски захватил власть в своем племени кочевых ассиров, он отнял земли у соседей, он притесняет народ... Для тебя все это неважно, однако такие люди не должны ходить по земле! Обещаю тебе, как только ты его убьешь, я сразу же раскормлюсь так, что вкуснее меня не будет никого на свете!

Я задумался, опять поскреб когтями голову. Под жуткий скрип посмотрел на Мириам внимательно, она выпрямилась, бледная и решительная, ответила мне прямым взглядом.

— Надо подумать, — сказал я. — Я могу, конечно, во время своих полетов взять в сторону на пару миль и сожрать этого, как его...

— Ярла Растенгерка!

— Ярла Растенгерка, — повторил я, отметив, что она при этом слове вся взъерошивается и чуть ли не скрипит зубами. — Это нетрудно, да. Но где он в этой огромной пустыне?

— Это не пустыня, — возразила она автоматически и сразу добавила: — Ярл Растенгерк редко сидит в своем шатре. Вот уже десять лет, как носится во главе своего отряда по стране, как хищный волк...

— Тем более его не отыскать, — заметил я.

Она замотала головой.

— Он всегда под баннером с молодым львом. С ним шестеро воинов, но это лучшие из лучших в его проклятом племени головорезов. Их легко узнать по голубым плащам...

Я кивнул.

— Теплее, теплее... С высоты такое рассмотреть можно, ты права. Голубое на зеленом или желтом весьма, я тебе скажу, весьма...

— различишь?

Я сказал обидчиво:

— Я тебе что, муха или пчела, что видят только красное и багровое? Мы, драконы, эстеты, мать вашу... Но все-таки его не увидеть, если заедет в город.

— Он не заезжает, — ответила она уверенно. — Его люди — да, он — нет. Спит и ест в седле. Потому его легко заметить сверху.

— Легко заметить в огороде, — напомнил я, — а не в целой стране.

Она покачала головой и ответила с той же твердостью камня:

— Я примерно знаю, где он шастает.

Я помолчал, рассматривая ее внимательно. Она смотрела в упор дерзко и смело, не отводя взгляда, хотя я смотрюсь как, знаю, видел в воде, достаточно жутковато.

— Ладно, — сказал я, — пойду тебе навстречу. Если обещаешь быстро откормиться. Но что-то слишком уж вспыхиваешь яростью, когда произносишь имя этого ярла! Дело не в бедной принцессе, верно? Жаль, что собирается броситься с башни, ну да ладно, дело житейское. И лучше красивый жест, чем унылая жизнь. Некоторые бросаются вообще без особых причин. Так просто... Какие у тебя счета с этим ярлом? Что тебе надо от него на самом деле?

Она окрысилась, лицо стало злым и неприятным.

— А просто помочь я не могу? Как женщина женщине?

Я подумал, сказал в задумчивости:

— Женщина женщине волк, лиса и дикий дракон... именно дикий. Чтоб женщина женщине помогала?.. Да скорее небо упадет на землю! Это мы, благородные самцы, сбиваемся в стаи для взаимопомощи... э-э... благородной и самопожертвенной.

Мириам, злая как стая голодных кобр, сидела в уголке на корточках. Волосы красным водопадом закрыли мордочку, я не видел лица, только слышал тихий шепот:

— ...Юстигенда?.. Нет, король Кодер не отдаст единственную дочь такой прожженной сволочи... Да и силен, для него Растенгерк мелковат, ни угрозы, ни пользы... Король Денонк?.. У него Ульфисса, эта давно уже замужем... Есть еще Вики, но та еще совсем маленькая дурочка...

Я проворчал:

— Тогда как раз. Чем дурнее, тем лучше.

— Умолкни, ящерица, — огрызнулась она. — Много ты понимаешь... Нет, скорее, письмо от младшей дочери короля Вильдгера. Две старшие уже замужем... Гад, не мог не жевать записку!

— Это ты жевала, — возразил я нагло. — Сейчас твои слюни высохли, посмотри, вдруг да имя прочитается?

Она задохнулась от оскорбления, но в самом деле оты-

скала придавленную камнем бумажку и долго всматривалась в стертые буквы, что значит, дело ставит выше личных обид, достойная дочь степей... и вообще достойная.

— Нет, — сказала она упавшим голосом, — ничего не видно...

— Совсем?

— Кроме того, что уже прочла.

— А других подсказок нет? — спросил я.

Она раздраженно повела плечом.

— Ты же видишь! Нет, конечно.

— Ты сама их начала было искать, — возразил я. — Так не останавливайся! Иди дальше. Король Кодер слишком силен, чтобы родниться с такой мелочью, как ярл Растенгерк, у короля Денонка есть дочь подходящего возраста, а у другого короля — неподходящего... Думай дальше, сортируй, выявляй нужное и отбрасывай ложные варианты!

Она покосилась в мою сторону с удивлением.

— Ты какой-то не такой дракон... Может быть, долго сидел на цепи у какого-нибудь властелина и научился говорить?

Я проревел оскорбленно:

— Я? На цепи?

— Слишком много знаешь, — возразила она. — Что это значит?

— Что убивать пора, — прорычал я угрожающе.

Она всплеснула руками.

— Нет-нет, что за ужасы ты говоришь!.. Тебя убивать надо за то, что дракон, а не за то, что много знаешь!

— Да? — спросил я с недоверием. — А у нас говорят, что если много знает, то убивать пора.

— Так то у драконов, — возразила она. — Злобных, глупых и завистливых. У людей так не говорят!

— А как говорят? — спросил я.

— Иначе, — ответила так, словно отмахнулась от мухи. — Ты говоришь так, как... образованные.

Не дура, мелькнуло в голове. Заметила даже, что фразы строю иначе, чем простолюдины. С другой стороны, откуда

знает, как говорят образованные? Этих диких караванщиков не назовешь верхом культуры.

— Думай, — велел я.

— Это, должно быть, принцесса Барсения, — сказала она медленно. Она задумалась, шевелила бровями, вытягивала губы трубочкой и морщила нос, а я с интересом следил за женским процессом мышления. — Говоришь, ты летел вон оттуда, когда встретил несчастную птичку...

— Нет, — поправил я, — намного западнее. Если совсем уж точно, у меня перед глазами была во-о-от та далекая скала. Я летел прямо на нее. Там и произошло столкновение... Как только я и уцелел при таком ужасном лобовом ударе!.. Могла бы и посочувствовать, хоть для приличия! Женщина, где твое хваленое женское сопереживание?

— Для тебя его никогда не будет, — отрезала она.

— Ну вот...

— Говори дальше, — потребовала она. — Как летел потом?

— Красиво, — сообщил я. — Я всегда летаю красиво. У меня это врожденное, как думаешь? Я тоже так думаю. А хорошие манеры еще и отшлифовали...

Она прошипела зло:

— Я не о том!

— Уже догадался, — ответил я печально. — Всегда вы не о том, всегда не замечаете самого главного... В общем, сделал вираж и пошел к нашему милому гнездышку на прямую, где ты все глаза проглядела, ожидая меня, такого замечательного...

Она не среагировала на ехидство, морщила лоб, кусала губы, а серые глаза то светлели, то становились совсем темными. Я же любовался огненной копной волос, почему-то люблю рыжих.

— Тогда короли Кодер и Денонк отпадают, — заявила она. — Если по той линии, там только три королевства: Королевство Белых Гарпий, королевство Гардекс и королевство Поющих Деревьев.

Я сказал саркастически:

— Всего лишь?

Она кивнула, лицо серьезное.

— Тебе повезло.

— Почему?

— Если бы чуть левее, то за теми королевствами... еще множество. А так — дальше море.

Ужин прошел в молчании, Мириам все еще пытается вычислить, от кого записка, я тоже помалкивал, не в силах уложить в голове факт существования в Гандерсгейме множества королевств. Что множество — понятно, варвары перестанут быть варварами, если сумеют объединиться в единое государство, но сами слова «король» и «королевство»... гм...

Мясо и сыр, к сожалению, могу создавать только такими, какими когда-то ел и видел: то есть дракону не нажраться, а создавать крохотными порциями — умру с голоду в бесконечном процессе.

Но кофе все-таки сотворил, с наслаждением смаковал и неотрывно смотрел в титанические образы воздушных замков, снежных гор, что озарились сперва нежно-розовым светом, затем красным, меняются медленно, неспешно, однако с неотвратимостью природы, уже не горы, а целые горные хребты, настолько огромные и величественные, что даже Великий Хребет померк, и я продумал потрясенно, что человек не зря в поисках величия поднимает глаза к небу.

В недрах облачных гор вспыхивают и свои огни, так мне кажется, одни озаряются чуть-чуть, другие два не сочатся густой багровой кровью, и все таких масштабов, что весь мир внизу совсем крохотный, ничтожный, заставляющий усомниться в своих силах и подумать о высших силах, что, конечно же, там на небесах...

Мириам села в сторонке, но поблизости, спина прямая, красные волосы горят в свете закатного солнца, как его частица.

— Что буркалы вытарашил?.. — буркнула она недружелюбно. — Тебя оттуда выгнали?

Я вздохнул.

— Чего так решила?

— Да вид у тебя... — сказала она тем же почти враждеб-

ным голосом, — обалделый какой-то. И словно тоскуешь. Разве рептилии могут тосковать?..

— Наверное, могут. А люди?

— Ну, то люди... Скажи, зачем улетаешь так далеко и на целый день?

— Дела, — ответил я лаконично.

Она изумилась:

— Какие у рептилий дела? Ешь да спи.

Я подумал и согласился.

— Хорошо, уговорила. Завтра с утра будешь весь день живот чесать.

Она в недоумении посмотрела на свой живот.

— Зачем?

— Да не себе, — пояснил я покровительственно. — Тебе выпало великое счастье чесать пузо мне! Можешь начинать радоваться. Осталось только ночь перетерпеть до такого счастья.

Она вспыхнула, я видел, как уже набрала в грудь воздуха то ли для возмущенного вопля, то ли для злой отповеди, но вдруг пересилила себя и сказала с мягкой укоризной:

— Ты что, совсем? Уважать себя не будешь! Гордые драконы все время летают, летают, летают... и никогда не чешутся. Это неприлично.

— Какие слова знаешь, — пробормотал я. — Не думал, что гордая дочь степей... Тем более, если отец у нее простой проводник караванов.

Она пропустила мои слова мимо ушей и продолжила, словно и не слышала:

— И вообще... если не стерег источник, то зачем ты здесь?

— Дела, — повторил я все так же лаконично.

Она удивилась:

— Дела? Не-е-е-т, тебе что-то здесь понадобилось!

Я посмотрел на нее с интересом:

— Это же человеческие представления о полном счастье, а у нас, великих драконов, они другие...

— Какие?

Я зевнул.

— Женщина... Что будет на завтрак?

Она проворчала:

— Все бы вам только жратаньки... Можешь и по дороге что-нибудь сожрать.

— Что?

— Мало ли, что там бегают? — ответила она. — Вы же все жрете, ненасытные прорвы.

Я зевнул громче, лег у костра.

— Ну вот, еще не поженились, а уже ворчишь. А что будет дальше?

Она зыркнула исподлобья и чуточку отодвинулась.

— Но-но, размечтался, ящерица горбатая! Будет из чего готовить, будешь и жрать. Хоть и не понимаю, зачем тебе, хищнику, хорошо прожаренное?

— Женщина не должна понимать, — сказал я наставительно. — Женщине достаточно чувствовать. Так что ужинай и спи. Мне завтра придется вылететь пораньше, чтобы успеть и в самые дальние концы Гандерсгейма.

— Других драконов ищешь? Чтобы снова подраться?

Но я прикрыл глаза и притворился, что сплю.

Глава 12

Наверное, зря я лег так близко ко входу. Свежесть утреннего воздуха проникла сквозь зазоры между чешуей, проморозила шкуру и даже мясо, начала добираться до костей. Я очнулся, чувствуя, что всего перекашивают судороги, конечностей нет вообще и весь я словно уменьшился. Сердце вяло сокращается не чаще, чем раз в минуту, кровь почти не поступает в конечности, уже почти обморожены, на глазах ледяная корка, словно я всплакнул со сне.

Сердясь на себя и пугаясь разом, мало ли, чего могло произойти, я заставил себя шевелиться. Сердце нехотя пошло сокращаться чаще, остывшая кровь потекла в конечности, там начало щипать невыносимо, словно отсидел всего себя. Температура воздуха в пустыне падает иногда до нуля, а я ж тоже почти холоднокровный, и хотя вряд ли

окоченел бы до смерти, однако мелкие летучие зверьки могли изгрызть до костей, оставив голый скелет...

Мириам спит в норке, молодец. Лишняя предосторожность не мешает. И правда, могу и сожрать спросонья, и задавить ненароком...

У остатков костра на широком камне лежит прожаренная и уже остывшая тушка козы. Я попытался улыбнуться, но строение пасти не позволило такую недрakonью вольность. Мириам инстинктивно выполняет женские обязанности: самец утром должен получить сытный завтрак, а потом выметываться на работу.

Вообще-то можно покапризничать, разбудить и велеть согреть, что за хамство кормить остывшим со вчерашнего вечера, но решил не перегибать палку, все-таки не жена, а пленница, как она полагает, хотя и держится с каждым часом вольнее иной хозяйки.

— Доброго пробуждения, отважная двуножка, — сказал я шепотом. — Спи подольше...

Выбравшись из пещеры почти на цыпочках, я уставился на темное небо с редкими звездами, луна вообще спряталась за тучами. Похоже, рассвет еще не близко. То ли драконы спят мало, то ли я проснулся от голода. А может быть, просто жратаньки восхотел...

Сделав два быстрых шага по площадке, я с силой оттолкнулся всеми лапами. Грузное тело пошло вниз, как камень, и хотя я мощно бил крыльями по воздуху, но они еще не разработались спросонья, все тело полужастывшее, и я все же провалился весьма и весьма, пока не выровнялся и пошел по дуге набирать высоту.

Вот почему драконы гнездятся так высоко, мелькнула мысль. С земли хорошо взлетать уже набеганному и с разогретыми мышцами...

На этот раз сразу от пещеры взял чуть левее, но и в эту сторону потянулись сперва серебряные в лунном свете сверкающие дюны, затем потекла ровная серая долина, есть где разгуляться коннице, как легкой, так и тяжелой, а вдали в холодном ночном воздухе поднялись уступчатые сооружения, и чем ближе я подлетал, тем циклопичнее ста-

новятся, но поверх залегла пыль даже не веков, тысячелетия спят беспробудно...

Со стороны вылезшей из туч луны все в пыльно-серебряном сиянии, но и в этом свете смутно вижу остатки развалин древних крепостей, дворцов, замков, убежищ.

Плыву над миром под звездным небом и луной, но странное ощущение, словно неистовое солнце жжет спину с такой силой, словно я, как Икар, приблизился к нему слишком близко. Вот-вот с меня полезут если не перья, то чешуя, а потом я, красиво объятый пламенем, полечу, трагически стеная, вниз... И не полечу, а упаду, хотя падение тоже почему-то называют полетом... Странно, даже если человек споткнется на ровной дороге, говорят, что полетел...

Я попробовал сделать спину зеркальной, но все равно ощущение странного жара, что-то не получается, тогда вообразил, что белая, как снег, не поглощающая лучи, а отражающая взад, однако прохладнее не стало.

Наконец догадался задрать голову и посмотреть вверх: среди звезд движется нечто темное, угловатое. Блеснуло в лунном свете металлом, исчезло вдали...

Сердце забилось чаще, что кстати, в голову полезли разные мысли, но я сцепил зубы и погнал их метлой и пинками. Звездные баггеры — потом, а сейчас я вязну в мелочовке, нужно сперва разгрести это все, а то утону, вообще будет не до баггеров.

Королевство Белых Гарпий, где живет подходящая по возрасту, чтобы писать любовные записки, принцесса, прямо по дороге, затем пойдет королевство Гардекс, а за ним королевство Поющих Деревьев. Интересно, какого же размера здесь эти странные образования...

Крылья растопырились, давая зависнуть в этой плотной субстанции, именуемой воздухом, постепенно снизился, укрывшись незримностью, и во все глаза рассматривал появившийся город.

Ощущение такое, что на руинах огромного мегаполиса возник типичный средневековый городок. Контраст не так велик, когда на руинах Капитолийского холма неграмотные пастухи пасли таких же неграмотных коз, а везде среди

обломков мраморных плит проросли не только трава, но кустарник и даже рощи, однако чувствуется, что предыдущий город был по уровню выше... И громаднее, а при низком уровне общества это невозможно, и архитектура выше классом, и остатки прямых и широких дорог говорят о могуществе более сложного образования, чем гипотетическое нынешнее королевство в рамках одного или двух-трех городов...

Белые Гарпии или не Белые, мелькнула мысль, но тут сказать точно рискованно: вон там дальше еще один город, а если слева — то на горизонте виднеется еще один. Впрочем, для вторжения не так важно, как называется какое королевство, если их множество. Граф Ришар в первую очередь обратит внимание на проходимость дорог, на колодцы и удобные переправы. А укрепленные города можно пока будет оставлять в тылу...

Постоялые дворы во всех странах похожи настолько, словно строят их по одним чертежам. Хотя, конечно, функциональность подсказывает и форму, и размеры, как самого дома, так и огороженного двора для коней, повозок и вспомогательных служб.

Я летел вдоль дороги и на перекрестке, как и ожидал, заметил просторный дом, правда, одноэтажный, зато с очень широким и не огороженным крепким забором двором, границы которого определил только по мелким хижинам кузницы, пекарни и конюшни. Еще хорошо и добротно оборудован колодец, без него постоянного двора просто нет.

Леса поблизости не видно, но мне хватает и густых зарослей. В снова темной и почти беззвездной из-за туч ночи я опустил, ломая кусты и распугивая заснувших птиц, выждал некоторое время, прислушиваясь, не слишком ли большой переполох вызвал, вдруг да что-то большое и опасное сочтет, что я вторгся в его владения, и вознамерится выгнать, надо быть готовым взлететь немедленно...

Однако все затихло, птицы вернулись в гнезда, а кузне-

чики застрекотали снова. Я неслышно перетек в человека, очутившись уже не по колено, а почти по горло в песке. Надо не увлекаться размерами, а то скоро не смогу таскать этого тираннозавра с крыльями.

После доспехов хотел было снять и верхнюю одежду, все-таки она из Орифламме, как называют здесь Сен-Мари, если верить Мириам, но где прямо сейчас взять кожаную, да еще и моего размера...

Ладно, вывернусь как-нибудь. Политик должен уметь выворачиваться, как мокрый уторь, из любых цепких рук.

Но все-таки сердце колотится, как овечий хвост, а ноги в коленях подрагивают, когда вроде бы уверенными и хозяйскими шагами пересек дверь и грубо пнул дверь ногой. Массивная, из толстых досок, она распахнулась во всю ширь и с грохотом ударилась там о стену.

Я шагнул, расправляя плечи, взгляд суровый и надменный, готовый к любой встрече, но в зале с низким потолком такой гам, шум, песни и довольный рев застольщиков, что никто не заметил моего театрального появления. Воздух спертый, несмотря на широко распахнутые широкие окна, пахнет жареным мясом, луком, на столах зажаренные барашки, окорока, большие круги сыра и, конечно, бутылки с вином.

Сердце мое все еще колотится, нагнетая кровь в мышцы, но душа перевела дух. Слава богу, здесь, что и везде: жратва, пьянка, веселый гогот и грубые шутки, только грубее и демонстративнее. В обществе, где главным достоинством считается сила, каждый старается ее выпячивать. Кто ради доминирования, а кто для самозащиты. И каждый старается выглядеть страшнее и злее, чем есть на самом деле.

Напрягая плечи, я с прямой спиной прошел к свободному столу. Только теперь на меня обратили внимание, но не все, конечно, а кто расположился за соседними столами. Крепкие парни в грубой одежде из кожи прямо на голом теле, волосы взлохмачены, почти у всех щетина, хотя бородастых не вижу, сапоги с низкими голенищами, что и понятно, по болотам не ходят...

Я опустился на лавку, хозяин направился ко мне не-

спешно, толстые руки блестят от пота, на ходу вытер о грязный, засаленный фартук.

— Еды и вина, — сказал я громко. — А еще с собой на неделю.

Он остановился перед моим столом, брови чуть приподнялись.

— На неделю? С радостью. Хотя здесь по дороге везде хорошие постоялые дворы.

— Спасибо за предупреждение, — сказал я, — но предстоит дорога через большую пустыню.

За столами умолкли, прислушиваясь с интересом. Хозяин сказал почтительно:

— О, это трудный путь даже для больших караванов.

— Я уже проходил его трижды, — бросил я небрежно. — В одиночку.

Хозяин кивнул и удалился, за столами одни отвернулись и продолжили хвастливую беседу, в мужской среде это более открыто и честно, чем в женской, другие же продолжали посматривать с недружелюбным интересом, в первую очередь замечая раздражающие всех мужчин мой рост и широкие плечи, что как бы автоматически их низводит до существ второго сорта.

Один такой, похожий на молодого неандертальца, крупный и мускулистый, голова сидит прямо на плечах, точнее — шея толще самой головы, с выпуклой грудью и массивными кулаками, смотрел зло и с вызовом, но я, пару раз встретившись с ним взглядом, проигнорировал приглашение к ссоре, а, приняв из рук хозяина тарелку со свежеподжаренной бараниной, с удовольствием начал пожирать, помня, что это во мне вопит о голоде дракон.

Варвар поерзал, то и дело поворачиваясь в мою сторону, наконец шумно осушил чашу с вином, проливая на грудь целые ручьи, подумал и спросил громко соседа:

— Кулан, как ты думаешь, чего это вон тот... ага, он, в такой одежке?

Варвар, которого называли Куланом, бросил на меня оценивающий взгляд.

— Побывал в походе, — сказал он равнодушно.

Задира ждал от него чего-то более развернутого, но тот лишь жевал мясо, заедая кашей, и не поднимал головы. Еще один собутыльник сказал доброжелательно:

— Угарь, наливай... Ты завтра будешь на охоте?

Угарь будто и не слышал, его тяжелый взгляд наливался злобой. Жажду подрагаться даже не скрывает, прорычал, как зверь:

— Эй ты!.. Одежка оттуда?

Я нахмурился, обращение неучтивое, ну да ладно, ответил равнодушно:

— Оттуда.

— Что, — спросил он громко и с издевкой, — нравится?

— Да, — ответил я, хотя уже решил промолчать, но проклятый рефлекс вежливости заставляет отвечать на прямо прозвучавший вопрос. — Нравится.

В нашу сторону оборачивалось все больше народу, разговоры затихали, все начинают прислушиваться, уже предвкушая неизбежную драку.

Варвар свысока посмотрел на меня, облил полным презрения взглядом мою одежду.

— И чем она тебе нравится?

— Тебе не понять, — ответил я лаконично.

Он широко оскалился, вот и явный повод для драки, заговорил громко, одновременно вздувая грудь и поводя довольно широкими плечами:

— Да, одежду недоноски Орифламме делают тоньше и нежнее, чем наши женщины. Хорошая одежда. Наши женщины ее обожают. Правда, мужчины предпочитают мужскую, но тебя это не беспокоит, правда?

В нашу сторону посматривают уже все, я видел хмурые улыбки на суровых лицах.

Я вздохнул и сказал достаточно громко, чтобы услышали и за дальними столами:

— При каждом постоялом дворе находится вот такой... вы его видите?.. считает себя удалцом и потому задирает приезжих. Дурак, цапался бы только с местными, которых знает... Ах-ах, первый парень в стойбище!.. Но и за ним

есть жизнь... Ты хочешь подраться, дурак?... А ты хоть с кем-то дрался из настоящих?

Он смотрел на меня тупо, под низким лбом что-то происходит, но я не уверен, что соображает правильно, хотя чувствуется, искру неуверенности я заронил.

— Я со всеми дрался, — прорычал он с угрозой.

Я покачал головой:

— Не стану тебя убивать, дурак. Потому что не дерусь просто так. Я убиваю! Ты, местный дурак, ничего не видел, кроме этого засранного угла, а я бывал в битвах под Керном, Швецигом, Уланбергом, Швицкаенбергенем, Каратозом, Верденом! Я сражался с железнобокими рыцарями графа Ришара, грозной пехотой Максимиллиана, выдерживал град стрел самого Альдера! Я выносил из боя на своих плечах друзей, а за нами гнались закованные в железо с головы до ног железные рыцари на железных конях. Я отступал из Орифламме в арьергарде, сдерживая натиск этих закованных с головы до ног в сверкающую сталь чудовищ, жаждущих нашей крови, и вот сейчас меня задирает какой-то сопляк, который ничего не видел, кроме этого клочка степи?

Мой голос гремел и наливался трагическими нотками. Меня слушали, раскрыв рты. На лицах появлялось почти-тельное выражение. Я ощутил момент, когда рождается зерно великой и прекрасной саги о подвигах благородных людей степи в грязной и развращенной стране колдунов и монстров.

Задира втянул голову уже не просто в плечи, а почти в задницу, таким стал маленьким и сплюснутым. Мои слова грохотали мощно, красиво и трагически, сверкая молниями, что на миг высвечивает сцены великих битв, а сам местный герой расплющивался, словно они вбивали его в землю, как стопудовыми молотами.

— Одежда на мне, — закончил я веско, — знак доблести! Это скальп, это шкура побежденных!.. Это зримое доказательство, что мы были там и побеждали!.. Пройдут не годы, а даже дни, и наши великие подвиги потускнеют под напором мелких и сиюминутных забот. Увы, сотрутся в памяти,

уйдут в прошлое, и многие забудут, что мы — народ героев! Забудут, что мы — лучшие, уникальные, у нас собственный путь, и Запад нам не указ.

На их лицах проступала скорбная гордость, что да, они великие, но не могут устоять надолго под натиском жен, детей, мелочной суеты и вот таких дураков, что одежду из побежденного Орифламме считают признаком слабости.

— Мы, герои, — прогремел я, — можем носить их одежду с гордостью, ибо нашу самобытность ничто не поколеблет и не подточит!.. У нас собственный путь!

— Ура, — сказал один из гостей, он смотрел восторженно и преданно, как на вождя, что поведет к победам.

Я подумал, что в самом деле мог бы возжечь ярость масс и повести на свершения, демагог я еще тот, хотя в моем срединном все мы демагоги, но здесь это была бы слишком великая подлость к этим грубым, но вообще-то чистым и честным людям, прямым, как их мечи.

А они вскакивали из-за столов и поднимали над столом чаши с вином.

— Мы лучшие!

— Никто нам не указ!

— У нас свой путь!

— Мы самый древний народ!

— Наш край — родина героев!

Хозяин подошел с самым почтительным видом, поклонился так, как кланяются только великому хану и знаменитым акынам.

— Великие слова, — произнес он жарко.

— Потому что мы великие, — ответил я веско и уточнил: — Великий народ! Самобытный.

Он сказал жарко:

— Я велю всем своим людям, детям и женам запомнить и повторять это ежедневно, чтобы эти святые слова вошли в плоть и кровь. Такое создает героев, а те создают новые народы!

Я кивнул:

— Да-да. И вина тоже. Всего в запас на неделю. У меня еще долгий путь.

Он посмотрел внимательно.

— А как насчет постоянных дворов дальше по дороге?

Я сказал гордо:

— И что? Настоящие воины едят в седле. И всегда на скаку, на полном скаку! Чтобы ветер в лицо, птицы над головой, а из-под копыт всякие хомяки и суслики!

— Я запомню эти великие слова! — сказал он с жаром.

Глава 13

Хозяин постоянного двора даже не поинтересовался, почему я пришел из ночи и ушел в нее, слишком сильное впечатление, просто ошеломляющее, какой же я молодец, умею, ну просто хитрая сволочь, а когда говорил, у самого голос дрожал, и чуть не прослезился, гад двуличный. Вот так и возникают легенды о великих воинах, сперва безымянных, потом эти подвиги и яркие слова группируются вокруг некоего известного полубогатырского имени.

Едва постоянный двор остался за спиной, я прошел в темную чащу мелкого кустарника и начал процесс превращения в летучую тварь. На этот раз не в тираннозавра с крыльями, а в привычную мне легкую, размерами и весом, что-то вроде барана с крыльями альбатроса. Все произошло так быстро, что даже удивился почти забытому чувству простоты и легкости метаморфозы.

В воздух я не поднялся, а взлетел пулей, крылья работают так часто, что вижу одно мельтешение. И хотя скорость полета не выше, если относительно ориентиров на земле, но ощущение скорости просто кружит голову. Соседний город приблизился, я высмотрел открытые ворота, опустился в темноте и уже оттуда вышел на свет факелов, укрепленных в толстой каменной кладке.

Широкий проем между воротными башнями зияет, как брешь. Я не сразу сообразил, что ворота не распахнуты, их нет вовсе. В стенах торчат мощные крюки и навесные петли, так что вообще-то ворота можно изготовить и навесить

снова, причем — достаточно быстро, если вдруг созреет мятеж против варваров...

Небо уже светлеет, хотя улицы долго пребудут в ночной сонной одуре, на улицы вышли водоносы и щедро поливают каменные тротуары, а также редкую зелень возле домов и в огороженных сквериках, где распускаются дивные цветы. Я то и дело раскрывал рот: ни в Сен-Мари, ни в Ундерлендах, ни в Армландии, Фоссано или Турнедо не поливают улицы. Ни в жару, ни вообще. А здесь... это совершается строго и торжественно, как остаток некоего древнего ритуала, смысл которого давно потерян.

Улочка, ведущая от городских ворот, вывела на центральную площадь. Я вздрогнул, по телу пробежали мурашки, а ноги примерзли к земле. Впереди на массивном черном постаменте высится то, что всякий раз ввергало в недоумение при взгляде сверху на города. Огромный меч, поднимающийся на высоту пятиэтажного дома, стилизован настолько, что уже и не меч, а просто остроконечная колонна из гранита, разом похожая на копье, дротик или гигантскую стрелу, но нет, все-таки меч...

Меч, повторил я тупо, но с пониманием, меч. Мечта всех мужчин в начальном возрасте. Когда уже половозрелые самцы, имеют право заводить семьи, рожать детей и даже править государством, а по уму еще дети: грубые, жестокие и прямодушные. А для детей меч — символ самого главного на свете и решение всех проблем.

Дома в один-два этажа как будто в испуге отступили от меча подальше, и он высится грозно и надменно в центре площади, в центре города. И хотя наверняка установили горожане, зримо подчеркивая подчиненность варварам, однако от него веет силой и жестокостью, которую в городах постепенно теряют все народы. В городах люди учатся уживаться еще больше, чем на больших пространствах, еще и еще, а это означает отказ от грубой силы, иначе в городских кварталах воцарился бы ад, и сами города исчезли бы достаточно быстро. А меч... меч молча говорит, что у кого он в руке, зачем тому переговоры?

Стараясь не таращить глаза слишком уж заметно, это выдаст во мне чужака, я все же краем глаза посматривал на колонну, пока дома не скрыли ее полностью.

Дальше улочки с базарами, я копировал манеру поведения местных, все-таки дети городов и дети степи по-разному смотрят, двигаются, разговаривают и жестикулируют.

Впереди народ расступается почтительно, двое обнаженных до поясов и загорелых до коричневости варваров идут посреди улицы вольно, как по степи. Народ пугливо шарахается к стенам. Возчик, обогнавший меня, судорожно натянул вожжи, заставив коней прижать телегу к стене так, что колесами заскребла по камню и остановилась.

Мне достаточно было одного взгляда, чтобы понять — они те, кем я прикидывался на постоялом дворе. Побывавшие в Орифламме, прокаленные в боях, такие сразу поймут на брехне неспособного вспомнить ни одного военачальника, кроме вождей, чьи имена на слуху и у противника.

Я поспешно отступил в тень, а потом и присел за прилавком мелкой лавчонки. Варвары, играя на солнце блестящими плечами, идут по завоеванному городу, это чувствуется, они хозяева, но в то же время не видно в них стремления убивать и резать, а всех встречающих женщин насиловать.

Как назло, остановились прямо возле прилавка лавчонки, где я затаился. Хозяин, не замечая меня, я согнулся в трех шагах за горами товара, сразу же воскликнул весело и угодливо:

— Вы пришли в нужное место, герои!

Один, лицо в шрамах и сам с разнесенными в стороны могучими эполетами плеч, прорычал недоверчиво:

— А ты откуда знаешь, чего нам надо?

Хозяин воскликнул еще веселее:

— А что еще нужно молодым и яростным? Не настойки для цвета лица же... ха-ха... да мази? У вас потерт пояс, а ваш великолепный друг внимательно посмотрел во-о-он на того всадника.

— И что?

— У него, — объяснил торговец с подъемом, — под седлом такая красивая и, главное, новенькая попона...

Варвар криво усмехнулся, лицо жутко искривилось, а второй нахмурился еще больше.

— Молодец, — сказал он поощрительно, — понимаешь... Да, мне нужен хороший пояс. А то старый уже не выдерживает...

— ...брюха, — подсказал второй негромко.

— ...тяжелый меч, — закончил шрамолицый. — Но дру-
гу моему нужна не попона.

— Узда? — спросил хозяин и повел рукой в гостеприимном жесте. Справа на балке висят, позванивая украшениями, сотни самых разных уздечек. — Большой выбор!

Второй варвар буркнул в спину первому:

— Уздечка нужна не мне, а моему коню.

Тот звучно захохотал, уперев руки в бока, отчего мускулы красиво вздулись по всему телу.

— Я вас перепутал, прости!

— Дурак, — буркнул второй беззлобно. — Это тебе нужна узда на твой широкий рот. Болтаешь... как женщина.

Первый посерьезнел, голос его стал повелительным:

— Показывай пояса.

— А уздечки?

— Посмотрим сами.

Я пригнулся еще ниже, второй варвар приподнимается на цыпочки, перебирая уздечки, а хозяин выложил первому на прилавок расшитые медью, серебром и даже мелким бисером всевозможные пояса: от тонких, почти на девичью талию, до широченных, что закроют и даже затянут весь живот и спину, как надежный корсет.

Варвар перебирал долго, придираясь к кольцам, на которые должен подвешивать ножи, фляги и прочие нужные вещи. Кольца, как я понял, должны быть не просто прочными и удобными, как уверял хозяин, но и красивыми, ибо женщина привлекает взор платьями, а мужчина — оружием и воинским снаряжением.

Его друг уже выбрал узду, а пока этот перебирал пояса, слишком их много, чтобы сразу заплатить и уйти, уздечник

взял еще и красиво выкованные тяжелые стремяна, небрежно бросил на прилавок монету и высокомерно ждал, пока шрамוליций определится с выбором.

В том в самом деле чувствовалось нечто женское: перебирал долго и все примерял, что уж никак не по-мужски, спрашивал совета у друга, тот высокомерно морщил нос и отворачивался, словно стыдясь такого знакомства.

Наконец они ушли, я начал потихоньку пятиться, как вдруг хозяин сказал, не оборачиваясь:

— Можешь не убегать. В задней комнате есть вода, есть ложе, если ты слишком устал.

Я пробормотал ошарашенно:

— Вы... меня заметили?

— И сейчас вижу, — ответил он, все еще стоя ко мне спиной.

— К-к-ак?

Он медленно повернулся, чтобы не пугать, широко улыбнулся.

— Ты совсем новичок в этих делах?

— Ну, — пробормотал я, — как сказать...

Он окинул оценивающим взглядом мою фигуру.

— Похоже, тебя взяли прямо с поля. Ты силен и крепок... Пойдем.

Он прошел мимо, нимало не заботясь, что товар останется без присмотра, толкнул дверь. Я осторожно зашел следом. Комната невелика, опрятна, вода в бочке, накрытой деревянной крышкой, капли просачиваются между плотно стянутыми обручами стругаными досками, в углу на табуретке медный таз с водой, большая кружка.

Еще узкое ложе, стол, три стула и единственное окошко во дворик: Узковато, но проснуться все-таки можно.

— Садись, — сказал хозяин доброжелательно. — Ты откуда?

Я осторожно сел, стул жалобно пискнул под моим весом. Хозяин смотрит весело и доброжелательно, я склеил виновато-растерянную улыбку:

— Да так вот... захотелось посмотреть... как в городах живут...

Он округлил глаза.

— А сам ты не из города?

— Н-нет...

— Я думал, — пробормотал он, — наши только в городах.... Хотя слышал, конечно, будто где-то остались... или даже появились и села, но считал выдумками...

— Наверное, не выдумки, — ответил я осторожно. — Все течет, все меняется.

Тонкая улыбка скользнула по его бесцветным губам.

— Странное сочетание умного взгляда, хороших манер и наивных вопросов... Интересная игра, для меня это новое. Так, говоришь, тебя послал не Клонгерк?

Имя он выпалил чуть громче и быстрее других слов, при этом впился взглядом в мое лицо. Но я лишь чуть удивленно вскинул брови, а хозяин продолжал смотреть мне в лицо, и я догадался, что помимо моей реакции его интересует и еще что-то, словно прощупывает с помощью неизвестных мне амулетов что-то еще спрятанное как за его словами, так и за моей показываемой реакцией.

Я наконец пожал плечами.

— А кто это?

Он с явным разочарованием выдохнул спертый в груди воздух.

— Да, крепкий орешек. Никакой реакции!.. Хотя ни в одном из городов нет такого человека, который не слышал бы о Клонгерке.

— Я ж из деревни, — напомнил я. — Отрезанной от мира.

Он все еще смотрел с сомнением, но вдруг улыбнулся широко и сказал предельно дружески:

— Все равно переведи дух здесь, прежде... прежде чем отправиться знакомиться с городом. Я больше ничего не буду спрашивать, успокойся.

— Благодарю, — сказал я, — я в самом деле устал, а горло мое пересохло.

— Я вернусь в лавку, — сказал он, — увы, бросать ненадолго нельзя без присмотра. И хотя за ней сейчас смотрят сразу двое соседей, но и они пройдохи... Да и не хочу быть должником. Отдохни, я скоро вернусь!

Глаба 14

Я мелкими глотками отхлебывал из чаши удивительно холодную чистую воду. Через окошко видна шумная многолюдная улица, народ выглядит здоровым и довольным, только чересчур горластые, хотя да, это же базар. Но неужели торговец здесь и живет, этот гам, похоже, не прекращается и всю ночь...

В соседней комнате хлопнула дверь, послышались приглушенные голоса. Я напряг слух, подслушать могу все, что угодно, нужно только сосредоточиться и отсеять остальные шумы, однако послышались шаги, в дверь постучали, что очень удивило, я автоматически сказал «Открыто», и через порог шагнул крепко сбитый, но уже холеный мужчина с немалым животом и тремя подбородками, живым хитрым лицом и юркими глазами мелкого торговца.

— День добрый, — произнес он жизнерадостно. — У нашего общего друга нечасто бывают гости. Вот я удивился и тоже зашел поздороваться.

— Здравствуйте, — заговорил я осторожно. — Да я просто шел мимо. Так уж получилось, что вот... да...

— Он задержится, — сообщил он.

— Что-то случилось?

Он усмехнулся, ответил легко, самым тоном подсказывая, что это дежурный ответ, верить ему не обязательно, у цивилизованных людей часто говорят не то, что есть на самом деле, а что просто более подходит к ситуации:

— Много покупателей. Не может отойти от прилавка.

Мы одновременно сели за стол, я чувствовал ошупывающий взгляд, в глазах гостя мелькнуло острое разочарование. На груди среди амулетов один очень слабо засветился багровым и тут же погас.

— Меня зовут Херберт Форест, — сказал он прежним доброжелательным тоном, улыбка тоже оставалась той же дружеской и располагающей, свой, дескать, парень, со мной можешь и по бабам, и вообще делиться всеми секретами — не выдам ни жене, ни другим собутыльникам. — Мы тут живем скромненько, тихо, изолированно даже.

В других городах не бываем... Кстати, если ты из дальних районов, то как прошел без пайцы?..

Я пробормотал:

— Ну, почему же без пайцы...

Он хохотнул:

— Тогда почему прячешь? Значит, помимо торговли, еще и какие-то иные дела?... Ладно-ладно, я не расспрашиваю. Молодые и должны жить активно. А то что-то замирает жизнь...

Я покивал, держа соответствующее выражение, дескать, старики всегда ворчат, что раньше и солнце светило ярче, и птицы чирикали звонче, и молодежь была почтительнее к старшим... хотя, кто знает, может быть, в этом городе... и подобных ему, в самом деле...

Он согнал улыбку и сказал уже более деловым голосом, но все так же дружески и доверительно:

— Ты крепок с виду и, похоже, бывал в переделках. Но все же не появляйся без пайцы за городскими воротами.

Я улыбнулся, он всем видом приглашает к дружеской откровенности, но спрашивать, что такое пайца, я все-таки не рискнул, вообще буду выглядеть упавшим с луны.

— А как, — поинтересовался я вежливо, — вообще идут дела?

Он хитро прищурился.

— Какие?

— Да всякие, — ответил я.

Он с улыбкой покачал головой.

— Кроме торговых?

Я пробормотал:

— Ну почему же... Торговля — двигатель экономики. А то и прогресса.

— Верно, — согласился он. — Но тебя интересует не совсем торговля, верно?

Я сказал еще осторожнее:

— Не одной торговлей жив человек...

Улыбка его стала шире, а в глазах появилось победное выражение, дескать, сумел меня расколоть, сумел. Даже заставил то ли проговориться, то ли раскрыться.

— Похоже, — произнес он серьезнее, — ты из Горных Орлов?.. Они что-то усилили активность в последнее время. Уже и с атарками торгуют, а те вообще на другом конце страны!

— Кочуют, — сказал я понебрежнее, — сейчас далеко, завтра будут ближе. Почему бы такое не учесть?

— И повернуть себе на пользу?

— Умные люди из всего извлекают выгоду, — заметил я смиренно.

— Атарки могут оказаться хуже варваров, — предостерег он.

— Вечных союзников не бывает, — сказал я еще скромнее и добавил расхожую мудрость: — Бывают только вечные интересы.

Он вскинул брови, это для меня расхожее, а тут звучит, как откровение, подумал, почему-то вздохнул, веселое выражение слетело окончательно, словно пыль под сильным порывом ветра.

— Вы там не понимаете, — заговорил он тоскливо, — что своим несогласованным поведением сбиваете цены!.. Нам, торговым людям, нужно держаться единой политики. Сегодня у вас чуть выгоднее ситуация, завтра у нас, так что же — топить друг друга на потребу варварам?

Я посмотрел настороженно, он сразу снизил голос и опасливо оглянулся по сторонам.

— Ну, — пробормотал я, — конечно, хорошо бы совместно... гм...

Он сказал все еще тихо:

— Соперничая, ослабляем себя, а варвары хохочут, получая оружие и доспехи за бесценок!.. Они нам уже продают сырье почти по той же цене, по которой мы вынуждены отдавать им готовый товар! Так вообще разоримся и выйдем от голода!

Я старался не смотреть на его холеное лицо и колыхающийся живот, кивал, но лицо держал нейтральным, каким и должно быть у человека, за которого меня принимают.

— Не одной торговлей жив человек, — повторил я негромко, потому что неведомый Клонгерк явно ждет како-

го-то ответа, а мне надо держаться так, будто что-то для него делаю или визнаю, — мы ведь... гм... люди. У нас всякие должны быть интересы.

Он смотрел очень серьезно.

— Да, всякие. Но одни должны превалировать над другими.

— Торговля?

— Выживание, — отрубил он. — В нашем случае — это ремесла, которыми варварам просто не овладеть, и умелая торговля тем, что делаем только мы.

— Худой мир лучше доброй ссоры, — согласился я. — Хотя не все с этим согласны.

Он поморщился.

— Знаю. Таких всегда слишком много. Вирек, хозяин этой лавчонки, вообще предположил, что ты гонец от одного из тех сумасшедших обществ... как их там, ну, которые мечтают начать борьбу с варварами! Много я таких видел...

— И что? — спросил я. — Все погибли?

Он посмотрел с удивлением.

— Что? Да их никто и пальцем не тронул. Варвары, может быть, и рады бы, чтобы против них выступили с оружием, они подраться любят. Не-е-ет, у нас все разваливается само. А кто умнее, тот быстро уходит и начинает заниматься торговлей, изготовлением доспехов или оружия, копит деньги, покупает дома и женщин...

— А кто не умнее?

Он поморщился.

— Тот уходит позже. Совсем мало дураков, что до старости вынашивают такие идеи. Сам понимаешь, какова их ценность, когда уже несколько сот лет только собираются как-то освободиться от варваров! Дураки. А подумали бы, кому это надо? На самом деле, под варварами живет как нельзя лучше. Это только считается, что мы под варварами. На самом деле — варвары под нами! Да-да. Найдется ли у варваров хоть один доспех, хоть один меч, который они сделали сами?.. Только в самых диких и отдаленных племенах женщины носят те платья, что соткали сами, а все остальные щеголяют в одеяниях, сделанных в наших горо-

дах!.. Пусть даже из кожи, но это мы делаем из кожи — просто такой заказ! Варвары, если уж говорить начистоту — наша наемная сила, вот что такое варвары.

Я сказал ошарашенно:

— Но ведь варвары... захватили этот край? И завоевали все-все в Гандерсгейме?

Он поморщился, кивнул.

— Это было много сотен лет тому назад. Похоже, ты в самом деле из диких краев, где уцелели даже села. Говорят, если это не легенды, в горах уцелела пара несдавшихся племен, так и не понявших, в каком мире теперь живут... Варвары завоевали тогда только долины, а города взять не смогли. Не только штурмовать, даже осаждать не умели!.. Потому наши держались еще много лет, а за то время научились вести переговоры, принимать гостей, заключать торговые сделки... Было даже не завоевание, хотя в конце концов ворота городов были открыты, и варвары въехали с развернутыми знаменами, празднуя победу. Но за это время их вожди поняли, что нельзя резать куриц, несущих золотые яйца. Наши города признали власть варваров, обязались выплачивать дань, а за это варвары снабжают нас всем необходимым. Всем необходимым, понимаешь!

— Необходимым, — уточнил я осторожно, — по меркам варваров?

Он посмотрел победно.

— Хорошее уточнение. Значит, понимаешь больше, чем говоришь... Нет, ты не из деревни. Необходимым по нашим меркам! К тому же варвары ничего не ценят выше оружия и своих коней, потому постепенно наши города стали богаче, чем были до завоевания. Так что за дурь пытаться сбросить такую удобную нам власть?

— Зажрались, — сказал я сочувствующе.

Он подумал, повертел в уме незнакомый термин, кивнул.

— Очень точно. Зажрались! Наша молодежь думает, что без варваров будет лучше. Дураки редкостные.

— Просто молодые, — сказал я.

Он посмотрел внимательно.

— Понимаешь?

— Догадываюсь, — пробормотал я.

Он кивнул.

— Вирек прав, ты прошел хорошую школу. Но выучку спрятать трудно. Слишком хорошо понимаешь многие сложности, чтобы оказаться выходцем из деревни. В любом случае, даже если наша встреча неофициальная и без вверительных знаков, я могу заверить, что мы отвергаем всякие предложения присоединиться к разным фрондирующим группам. Категорически!

— Мы? — переспросил я невинно.

Он кивнул.

— Я говорю от имени наиболее влиятельных горожан. Там достаточно назвать мое имя, чтобы все поверили в мои полномочия говорить от лица города.

Я позволил появиться улыбке, откинулся на спинку стула.

— Вы говорите так, — сказал я многозначительно, — словно подозреваете во мне разведчика со стороны варваров.

Он мгновение смотрел на меня оторопело, будто не допускал такой дикой возможности, потом раздвинул губы в усталой усмешке и махнул рукой.

— Варвары слишком самоуверенны и самонадеянны, чтобы прибегать к таким нечестным, с их точки зрения, уловкам. Но вы своим замечанием, брошенным вот так легко и без усилий, только доказали, что мы все — изощреннее, хитрее, изворотливее. Это для нас было бы нормальным во имя сбора нужных сведений засылать провокаторов, как вы заметили. Потому с нашей сегодняшней политикой мы мягко и незаметно правим варварами, хотя они по-прежнему уверены, что они такие же господа, как и триста лет назад!

Я старался держаться так же нейтрально и чуть глуповато, пусть верит, что я прикидываюсь дураком из соображений секретности миссии, и хотя в самом деле прикидываюсь из этих самых соображений, но сейчас сам в такое под-

полье загнал эти соображения и миссию, что никакие маги не нащупают и никакие амулеты не заблокируют.

— Я понимаю ваше отношение, — ответил я ровно, — да, понимаю.

Он кивнул, лицо чуть помрачнело.

— Главное, чтоб доложили.

Я улыбнулся.

— Докладывать некому. Я просто... путешествую.

— Да-да, — согласился он. — Так вот постарайтесь пропутешествовать обратно целым и невредимым, а там на месте расскажете, что видели и что слышали. В том числе и мое откровенное мнение.

Я улыбнулся еще шире.

— В числе других интересных встреч и событий.

— Да-да, вы ведь просто расширяете кругозор.

— Конечно! — подтвердил я. — Обязательно, просто непременно расскажу во всех подробностях и ничего не пропущу. Разве смогу не похвастаться, где бывал и с кем говорил?

— Да-да, — сказал он. — Обязательно упомяните, что говорили со старшиной торгового союза всех ремесленников Хербертом Форестом.

Глупо не посетить по дороге пару трактиров, и хотя жратва уже не нужна, однако посидел за общим столом, послушал, потом ходил по базару и приценивался, а еще больше слушал и задавал наводящие вопросы.

Сперва, собирая сведения об устройстве своей марки, беззвучно ругался, кривил губы, потом только морщился. Тот вот город и есть все королевство Белых Гарпий. Правит им, естественно, король.

Ну да, король. Один город, и уже — королевство!.. Бред какой-то. Правда, я знал бред и похлеще: на островке Итака вообще не было городов, только несколько домов с приусадебными участками, но все-таки правителя называли королем, хотя тогда именовали просто рексами, но потом рексами называли даже императоров.

Да и вообще все те менелай и агамемноны владели крохотными клочками земли, но именовались царями. Здесь наверняка были просто выборные главы городов, что в условиях военного времени получили временно неограниченную власть... да так и не выпустили ее из рук, впоследствии укрепив ее еще больше и объявив себя королями.

А почему нет, если во главе любого крохотного племени варваров стоит вождь, гордо именующий себя конунгом?

Тогда тот, который их всех объединил, не меньше чем император. А то и вовсе... страшно подумать...

Вообще-то устройство моей марки чем-то напоминает древнюю Элладу, где существовали и даже процветали города-государства типа Афин, Фив и прочих. Правда, земли вокруг тех городов не были заняты враждебным народом. Здесь, скорее, ситуация, как в Древнем Египте, куда вторглись воинственные гиксосы, они же уккры, и несколько сот лет или даже тысяч правили Египтом, но не понимали местный уклад и не трогали непонятные для них скопления людей, называемые городами...

Хотя нет, здесь совсем иное, что это я, как страус, все ищу аналогии, чтобы нашлось за что спрятаться. А то договорюсь до Греции, занятой турками, которую поехал освобождать Байрон, или до Италии, захваченной Австрией, против которых поднялись карбонарии и прочие гарибальдийцы. Здесь же Гандерсгейм, здесь все иначе. А самое худшее отличие — угнетенные не хотят освобождаться от такого угнетения...

Правит этом городом-королевством Белые Гарпии великий король Вандерлит. Чем великий, никто не уточняет, но великий — так великий. У него вообще нет дочери, но есть она у соседнего властелина города-королевства Гардекс Узиланда. И ту вполне уже можно выдавать замуж.

В трактире я узнал, что король Вандерлит — умница и хитрец, а в соседнем городе живут одни дураки, что шерсть выгоднее покупать у жителей Гардекса, а обрабатывать в королевстве Поющих Деревьев, руду самую качественную добывают в копиях Бретокса — наверное, тоже не меньше, чем королевство, но плавильные мастерские самые лучшие

в Йеремланде. Однако скоро они объединятся, если ярл Растенгерк возьмет в жены принцессу Вики...

Я насторожился, услышав сразу два знакомых имени.

— А почему?

— Ярл Растенгерк, — объяснили мне охотно, — покровительствует королевству Бурландия. Очень покровительствует! У него самого там мастерские, здания, он провозглашен наследником престарелого короля Бенедикта... Это единственный из варваров, что старается породниться с горожанами!

— У него это получается, — буркнул второй с непонятной интонацией. — То ли хитер, то ли... Другие вожди на него смотрят косо. Города у варваров считаются рассадниками нечистот и гнилости духа.

— Словом, — продолжил первый, — оба королевства окажутся в руках ярла Растенгерка. А то и три, если он сумеет подчинить зажатое между ними королевство Бретокс. Это значит...

Он замолчал многозначительно, давая мне возможность понять недосказанное.

— ...долой торговые пошлины! — сказал я бодро.

— Молодец, понимаешь.

— Уменьшение расходов на аппарат угнетения, — добавил я, на меня вытаращили глаза, я пояснил: — Один суд вместо трех, одна тюрьма и одна виселица...

Все захохотали и протянули ко мне кружки с пивом.

Глава 15

Я отворил дверь трактира в темень, это значит, почти полночь, летом темнеет поздно. Пока мы пировали, в городе заперли последние лавки, улицы пустеют, надо уходить, а куда, если нет своего дома. Значит, марш в свою пещеру, ящерица, рептиль чешуйчатый...

На улицах тень, а в узких переулках вообще мрак, приличный народ исчез, остался всякий подозрительный, среди которого, естественно, есть и приличные, восхотевшие неприличных развлечений.

Воздух еще сухой и горячий, но снизу тянет сыростью, словно с заходом солнца раскрылись подвалы, подземелья, а также... бр-р-р-р... могилы.

Я бодро миновал ворота, никто не обращает внимания на человека, который не бродит неуверенно, а идет целеустремленно и деловито. А что с заходом солнца идет не в город, а из него, что ж, некоторые торговые дела требуют особых условий.

За городом лунный свет ярче и заметнее, мир кажется неподвижным, зачарованным. В траве старательно верещат кузнечики, каждый на свой лад, но в целом получается довольно слаженный оркестр, в кроне деревьев заливаются умопомрачительными трелями соловьи.

Свежесть воздуха медленно вытесняет духоту ушедшего дня, мир людей засыпает, вряд ли кто обратит особое внимание, даже если увидит, как вдалеке от стен взметнулся в небо некрупный и потому не слишком опасный дракон, к тому же я всегда прикрываюсь незримостью.

Тугой теплый ветер загудел, как туго натянутая струна, как огромный басовитый шмель. Я завис в центре спящего мира, а подо мною поплыла темная земля, над спиной с торчащим гребнем медленно двигаются тусклые звезды и пугливо смотрит на мою звериную мощь бледная робкая луна.

Я чуть изменил наклон крыльев, и вселенная послушно повиновалась, ускорив движение навстречу и одновременно медленно и неспешно приближая далекую землю.

Мысли все еще разбегаются, как озабоченные поисками корма тараканы. По словам Херберта, а я ему верю, положение захваченных городов совсем не такое катастрофическое, как я вообразил. Жители жируют, хотя и, пряча улыбки, низко кланяются варварам, как победителям. Вроде бы хорошо, я как бы рад, что хорошо устроились, обхитрили, обвели вокруг пальца наивных и простодушных, хоть и жестоких, детей степи или пустыни, как там у них точнее, но для меня было бы намного лучше их угнетенное положение. Если не хотят поддержать собственных инсургентов,

вряд ли обрадуются «освобождению» от гнета, который гнетом вовсе не считают.

А вот нашу власть как раз и сочтут гнетом, игом, насилием, подавлением завоеванных с таким трудом и терпением вольностей и свобод. Церковь введет строгие правила, а нечисть будет выжигать каленой метлой. То бишь каленым железом, а выметать... запачканной метлой, остатки будут красиво и торжественно сожжены на святых кострах под благочестивые молитвы.

Следующий город с разбросанными вокруг него деревнями я заметил буквально через пять минут полета, королевство Йеремланд, как назвали его там в таверне. И король здесь по имени... нет, среди множества имен короля Йеремланда никто не назвал. Зато известно, что у него есть две дочери...

Мириам сказала, что ярл Растенгерк мог потребовать себе в жены Карину или Вики, дочерей соседних королей, а в трактире сказали, что выбор пал на Вики...

Башню, издали похожую на поставленный стоймя карандаш, ухитрились выстроить на вершине высоченной, хоть и пологой горы, с тыльной стороны небольшого уютного дворца. Но это с той стороны гора пологая, а здесь обрывается резко, словно разрубили по вершине и одну часть увезли или развеяли по ветру.

Оттуда прекрасный вид: роскошная долина в серебристом лунном свете, вся зеленая, если днем, сразу три небольших реки, множество садов, два крупных города, села, деревни, огромные поля, одному человеку такие не обрабатывать, так что здесь первобытнообщинный строй или какая-то иная форма коллективного труда.

Правда, на вершину такой башни не просто подниматься, разве что для особо торжественных случаев, но тот, кто туда вскарабкается, будет вознагражден зрелищем неимоверно расширившегося мира.

Я заметил внизу движение, опустил голову, фокусируя зрение. По узкой тропе серпантинном на гору мчится во весь опор небольшой отряд на поджарых конях. Когда лошади устали, их перевели на рысь, затем все перешли на шаг.

Я не слышу храп усталых коней, но ключья белой пены на удилах вижу отчетливо.

Всадников семеро, у каждого за плечами трепещет легкий плащ голубого цвета. Блестят покатые шлемы, на плечах лунное серебро дробится на пластинках чешуйчатой кольчуги.

В памяти всплыли слова Мириам насчет голубых плащей, в этом случае впереди сам ярл Растенгерк. Если так, то вот та башня с тыльной стороны дворца и есть упомянутая в записке...

Чешуя сама по себе задвигалась на спине и боках, зримое выражение радостного возбуждения. Ах да рептиль, я же умница, недолго и перебирал варианты, сразу вышел на верную цель, а ведь мог бы перебрать десяток городов-государств...

Я раздумывал, как поступить дальше, а на вершине башни появилась тоненькая девичья фигурка. Крыша плоская, окружена каменным бордюром человеку до пояса, можно любоваться окружающим видом и не свалиться... хотя чтобы упасть, особенно стараться не нужно.

Снизу ее не видно, однако замелькали огни факелов, я рассмотрел людей, что бегом ринулись к башне. Дверь открылась легко, огни один за другим исчезали в темном проеме.

Попалась, бедняжка, мелькнула мысль. Что ж, все женщины выходят замуж по воле родителей. Большинство даже не пищит, а остальные быстро смиряются.

Девушка подошла к парапету и наклонилась, упираясь в него животом. Посмотри, посмотри, сказал я про себя. Увидишь, падать далеко, страшно, а дальше тяжелый удар о землю и...

Последние два человека с факелами в руках вбежали в башню, у основания стало темно. Луна скрылась за облаком, я первые мгновения с трудом различал крохотную фигурку.

Женщина оглянулась, прислушалась. Чувствуя неладное, я вовсю заработал крыльями. Воздух свистел и ревел, а женщина медленно поднялась на парапет, раскинула руки...

— Дура! — прорычал я. — Что ты делаешь! Это грех...

Мое тело прорезало воздух, как тяжелый камень из катапульты, в голове стучала мысль, что не успею, потом ослепительно блеснула другая — жертва все равно разобьется о мою спину, даже нанижется на острые шипы спинного панциря...

Еще три могучих рывка, сбоку словно обрушилась на меня жесткая тень каменной стены башни, с такой силой я влетел в нее, а сверху уже с большой скоростью приближается тихий безнадежный крик.

Я быстро пошел вниз, повернулся боком, через две-три секунды ощутил толчок. Еще пару мгновений падал, уравнивая скорости, чуть не перестарался, земля приближается слишком быстро.

Поджатые к пузу верхняя и нижняя левые лапы больно чиркнули о землю. Рожденный ползать летает боком, вот как я, но сейчас можно осторожно выровняться...

Женщина тут же начала сползать вниз. Я стиснул челюсти и сосредоточился, чтобы удержать ее гребнем и острыми шипами. Она закричала так жалобно и отчаянно, что защемило сердце.

Я некоторое время занимался крыльями, постаравшись увеличить их для скоростного полета, а на спине тем временем это существо освободило продырявленное шипами платье, ветер в тот же миг сорвал ее со спины. Я услышал жалобный вскрик, извернулся и ринулся обратно и вниз, держа взглядом падающую фигурку.

Ее несет к земле, беспорядочно кувырякая, как выброшенную за ненадобностью куклу. Я догнал и ухватил передними лапами. Она пискнула и затихла. Не рискуя пересадить ее на спину, я так и летел до самой нашей пещеры Черного дракона, как ее окрестила Мириам. Лапы затекли, я попытался передать добычу из передних в задние, но те, хоть вроде бы точно такие же, но отказались не то что держать, но даже взять такое в когтистые ладони.

Гора приближается медленно, черный зев вырастает еле-еле, я наконец влетел, сразу плюхаясь на зад, проскре-

жетав им по каменному полу, высекая багровые и так заметные в ночи искры.

Мириам выбежала из своего укрытия, как только я остановился и выпустил из лап спасенную. Она не открывала глаз, Мириам склонилась над нею.

— Ты совсем озверел? Это не коза!

— Но есть можно? — спросил я с надеждой.

— Я тебе не позволю! — закричала она. — Как ты мог?

— Да вот сумел, — ответил я гордо. — Думаешь, легко было?.. Давай, немедленно хвали меня, женщина!

— За что?

— Да просто так! Мы это обожаем. Я же старался, не видишь? Я сумел! Я замечательный...

— Ты чудовище...

Она оборвала себя на полуслове, длинные золотые волосы закрывают лицо спасенной, я вижу только изящную девичью фигурку в легком платье, но Мириам торопливо отодвинула прядь с лица, всмотрелась и покачала головой.

— Она не должна была попасться тебе...

— Почему?

— Ты украл королевскую дочь, — сказала Мириам неуверенно, — у нее платье со знаками королевского дома... У нее очень дорогие серьги... Кто это? Зачем ты задушил ее?

— Вроде бы не совсем, — ответил я неуверенно.

— Она не дышит!

— Разве что совсем чуть, — сказал я, — а то пищала, понимаешь... Мы, гордые драконы, не очень любим мышей.

Она метнула на меня гневный взгляд, сбегала за чашей, я лег в сторонке и наблюдал, как брызгает водой в нежное лицо, никогда не знавшее открытых лучей солнца.

Принцесса тихо-тихо застонала, длинные ресницы затрепетали, веки начали медленно раздвигаться. Взгляд синих глаз был по-детски удивленным.

Луна сияет на небе яркая, почти как солнце, а если привыкнуть к серебристому свету, то и не ночь вроде. Принцесса Вики с ее невероятно широко распахнутыми синими глазами потрясающе и удивительно прекрасна. А еще когда вот, как сейчас, удивленно смотрит на Мириам, глаза рас-

пахнулись еще шире, хорошенький ротик приоткрывался, и у нее такой вид, что мне вдруг восхотелось ухватить ее в крылатые объятия и защищать от всего на свете.

Мириам улыбнулась ей как можно приветливее и сказала ласково:

— Ты у друзей. Не беспокойся!

Принцесса прошептала тихим детским голоском:

— Где... я?

— Главное, — ответила Мириан, — если я верно догадываюсь, кто ты... от ублюдка Растенгерка ты спасена.

Только я чувствовал постоянный подтекст в ее словах, особенно в последних, когда сообщила, что спасена только от Растенгерка, но не от того, что ее ждет дальше.

Принцесса всматривается в ее лицо, меня не замечает, я с той стороны стараюсь не шевелиться, пусть пока видит только Мириам.

— Кто ты?

— Я друг, — заверила Мириам.

— Как я здесь... оказалась?

Мириам спросила настойчиво:

— А ты не помнишь?

— Н-нет...

— А что помнишь?

Она зябко вздернула узкими плечиками.

— Я услышала звуки труб и увидела, как прибыл отряд всадников, а во главе — человек с баннером ярла Растенгерка. Я поняла, что пришел мой час. Они въехали во двор, а пока их размещали во дворце, я тайком поднялась на свою башню. Наступил вечер, гостей позвали на пир, а потом, как я поняла, послали за мной. Я с башни видела, как меня искали сперва во дворце, а потом во дворе при свете факелов. Потом несколько человек открыли дверь в башню и начали подниматься по лестнице...

Она судорожно вздохнула, жемчужные слезы полились из ее прекрасных глаз. Мириам заботливо промакивала их, страхась вытереть, чтобы не поранить грубой тканью нежнейшую кожу принцессы.

— И что сделала ты?

Принцесса всхлипнула.

— Я поняла, что никогда больше не увижу своего любимого героя, которого намечтала себе. А мной будет владеть омерзительный дикарь, степной ярл. Я вышла наверх, посмотрела на мир...

— И?

— ...бросилась с башни, — произнесла принцесса упавшим голосом. — А потом ничего не помню... В ночи упала на что-то жесткое и непонятное. Потом снова падала, а меня хватали лапы ужасного демона... А когда я снова пришла в себя, я увидела тебя...

Мириам украдкой взглянула поверх нее на меня. В ее взгляде я прочел благодарность, что не шевелюсь и не привлекаю внимание.

— Тебя спас и принес сюда наш друг, — сказала она осторожно. — И ты еще увидишь своего любимого героя, которого намечтала... и даже намечаешь еще лучшего! Еще не все потеряно!

Лицо принцессы вспыхнуло счастьем, глаза заискрились, как две утренние звезды.

— Ты говоришь правду?

— Да, — заверила Мириам.

— Но этот злобный дикарь будет меня разыскивать всюду!

— Лучше бы разыскивал, — сказала Мириам, — а то все решат, что либо разбилась, а труп утащили бродяги, чтобы в безопасном месте снять драгоценности, либо поймал в воздухе ночной демон и проглотил... Ладно, тебе нужно увидеть своего спасителя. Только не пугайся, он хороший, а сейчас вообще спит... крепко спит... Он такой, жрет да спит.

Повинуясь ее настойчивому взгляду, я поспешно опустил голову и закрыл глаза. В запаховом зрении не так все отчетливо, но вижу, как принцесса очень медленно и со стонами переворачивается на другую сторону, все-таки ушиблась о мою спину, неженка.

Сперва она даже не сообразила, что увидела, странная закованная в чешуйчатую броню туша со сложенными на спине крыльями, потом взгляд упал на массивную голову с

закрытыми глазами... я услышал жалобный вздох, принцесса откинула голову и застыла.

Мириам охнула:

— Только бы не померла!

Я пробормотал:

— С чего бы?

— От страха, — огрызнулась она и снова принялась брызгать холодной водой ей в лицо.

Я посмотрел по сторонам.

— А чего она испугалась?

— Тебя, чудище!

— Я не чудище, — ответил я с достоинством, — это вы, люди, чудища немытые... А я красавец, умница, золотце и вообще венец творения.

Она прошипела:

— Тихо, красавец...

Принцесса слабо застонала, веки затрепетали, глаза открылись чистые и невинные, я услышал слабый вздох:

— Что... что мне почудилось?

— Тебе не почудилось, — произнесла Мириам ласково. — Это тот, кто не дал тебе разбиться. И тот, который поможет тебе снова вернуться к себе домой, когда минует опасность.

Я бросил на нее предостерегающий взгляд, что за обещания от моего имени, Мириам ответила взглядом, что сейчас можно и соврать, иначе нежная принцесса снова рухнет в беспамятство, а на самом деле ничего хорошего от меня не ожидает, так что умолкни, рептилия мерзкая и чешуйчатая...

Я умолк, даже глаза закрыл снова. Принцесса медленно повернулась в мою сторону, охнула, смертельно побледнела и снова откинула голову. Мириам пощупала ей лоб, уже привычно побрызгала водой, потормошила, похлопала по щекам.

Мне надоело, я поднялся, рыкнул:

— Вы тут... развлекайтесь вволю, а я летаю пока.

— Еще ночь, — напомнила Мириам.

— Для меня нет ночи, — ответил я надменно.

Глава 16

Летняя ночь коротка, но ее быстро наполняют ароматы дневных цветов, что поднялись высоко и составляют отчетливо видимый светящийся слой. Земля все еще не остыла, хотя скоро утро, теплый воздух пытается поднять меня выше, чем изволю.

Раскинув крылья, я неслышно скользил в ночном мире, всматриваясь в землю. Пусть сейчас для меня все в черно-белом, зато каждый камешек вижу отчетливо, главная задача: составление карты для вторжения — продвигается успешно.

Странное ощущение, словно с каждым взмахом крыльев земля выглядит населеннее. Небо быстро светлеет, однако внизу глубокая тень. И даже когда облака вспыхнули празднично-розовым огнем, земля оставалась в глубоком тяжелом сне, пока слева не заблестало море огней: крупный город.

Любопытство уговаривало чуть свернуть в ту сторону, но я же сейчас картограф, а не раскапыватель сокровищ, да и город живой и бодрый, проснулся так рано, а то и вовсе не спит, в больших городах всегда так. Ладно, все узнаем, когда водрузим здесь наши знамена. Юг на той стороне океана, а здесь, несмотря на пальмы и верблюдов, — Север, и форпосты южан не допустимы ни в каком виде.

Город самый громадный из тех, что я видел. Я снизился и прошелся на достаточной высоте, чтобы рассмотреть и в то же время в надежде, что у Небесных Игл потолок все-таки ниже.

В город тянутся бесчисленные подводы, доверху нагруженные мешками с зерном, битой птицей, по всем четырем дорогам через ворота гонят на убой стада коров и овец.

Как я понимаю, горожане оставили себе только ремесленничество, а вроде бы самые необходимые для выживания отрасли хозяйства: зерно, скот и даже ловля рыбы в море, — в руках варваров. Но, похоже, горожан это устраивает, никто даже домашнюю птицу не заводит, хотя могли бы. В городе чисто, опрятно, все прекрасно одеты, дома сияют

новенькой отделкой, ремесла процветают и совершенствуются, на площадях то и дело танцы, празднества, бродячие актеры дают представления, на расстеленные платки щедро падают монетки...

Я зябко повел чешуйчатыми плечами. Перед глазами встал грозный призрак неизбежного поражения в надвигающейся войне. Не надо быть особым мыслителем, чтобы понять очевидное: города поддержат бывших захватчиков, с которыми сейчас в тесном симбиозе. А если соединить отчаянное сопротивление бесчисленных племен варваров и умелое взаимодействие с ними горожан, что сразу превратят города в крепости, нам придется очень несладко.

Так что захватить Гандерсгейм простым вводом крестовых войск, как думалось вначале, не получится. Если брать аналогии, то будет что-то вроде похода победоносных войск Дария в бедную и пустынную Скифию. Он вел с собой полумиллионную армию, под которойгнулась земля, но скифы генеральному сражению предпочли партизанскую войну. Вскоре от грозной армады, перед которой содрогался весь мир, остались лохмотья, а сам Дарий в своем бегстве спасся только потому, что греческие наемники, не веря в гибель несметной армии, охраняли мосты для ее возвращения на месяц дольше, чем им было велено, хотя должны были уже разрушить и уйти. Убегающий Дарий успел перебежать на свою сторону раньше, чем его настигли скифы.

Мелькнула кремнистая долина, под брюхом проплыли холмы с голыми верхушками, а солнечные лучи наконец соскользнули с облаков и упали на землю. Там вспыхнуло золотым огнем, пламя пронеслось по верхушкам деревьев, по буграм, оставляя в тени впадины, но и там уже не ночь, а полупрозрачная тень, где видны самые мелкие детали, все цвета и краски.

Я работал крыльями чаще, дважды встретил стаи гусей и журавлей, оба раза погнался с раскрытой пастью и недурно позавтракал, а внизу тем временем ландшафт остается тем же, однако обрамление быстро меняется. Я сперва не поверил глазам, когда многочисленные стада исчезли, а

склоны холмов оказались заняты не стадами овец, а виноградниками. Долины распаханы и засеяны, а на пространстве, где в первой трети Гандерстейма помещалась одна охотничья семья, теперь десяток крупных сел на сотню-другую добротных домов, утопающими во фруктовых садах.

Эта оставшаяся часть моего маркграфства населена настолько плотно, что даже в Сен-Мари я не замечая таких густонаселенных районов. По дорогам везде тянутся в обе стороны караваны, десятки повозок ползут под началом одного человека, а на окраине каждого села машут крыльями добротные каменные мельницы, к которым безостановочно идут подводы, переполненные мешками с зерном.

Эту часть уж точно не захватить с ходу. Мало того, что богатый край предполагает могучую экономику и множество населения, способного крепко держать в руках оружие, но здесь еще сама природа словно постаралась огородить народ от захватчиков: бурные реки, пара ущелий с очень хитро построенными мостами... Нужно подготовить особый отряд, чтобы заранее тайком захватили эти мосты и переправы и удерживали до подхода основных войск...

А еще особенность: в какую бы сторону я ни направлял полет, в каждом крупном городе в центре высятся черные стелы, гордо и напыщенно утверждают власть меча. В городах помельче это обычно столб из дерева с остро отесанной вершинкой, иногда выкрашен в черный цвет, иногда нет.

Правда, дважды увидел победные стелы, выложенные из розового камня. То ли черного не нашлось, то ли местные отцы города сумели убедить варваров, что черный — знак скорби, а в данном случае больше подходит белый или хотя бы светлых тонов, так как они не скорбят о победе варваров, а ликуют, да, ликуют...

Города, а это целые королевства, остаются на моей мысленной карте без названия, как и реки, озера, горные проходы и длинные ущелья, затрудняющие победные марши вперед к победе. Гайдерстейм втрое меньше Орифламме, но природа потрудились в поте лица, создав широкие степи, есть где разгуляться степным народам, жаркую пус-

тыню с частыми вкраплениями роскошнейших оазисов, а также многоводные реки, на берегах которых так много поселений.

Хватает даже гор, чаще одиночных, редко — по две-три, места занимают мало, зато снабжают камнем все окрестные города-государства.

Дважды я опускался в безлюдных местах отдохнуть и подкормиться, заодно пограбил одно из стойбищ, но лишь напугал и забрал пару мешков, убедившись, что там есть одеяла, скатерть и прочие необходимые вещи. Когда повернул обратно, солнце уже пошло сползать по стене прозрачного синего купола к его основанию, что уперлось в землю.

Верхушка моей горы показалась из-за горизонта медленно и неохотно, я ощутил смутный прилив радости и чаще заработал усталыми крыльями, но все же не забыл по дороге схватить двух коз и держать в когтях покрепче, пока опускался к заветной площадке.

В пещере багровое пламя костра, но заметно только с высоты, с земли никто не увидит из-за выступающих каменных стен. Я повернул крылья парусами, выставил вперед лапы и мягко опустился на каменную площадку подальше от пещеры, хотя, конечно, когти противно заскрежетали по камню, оставляя бороздки.

В темной глубине мелькнула перед огнем фигура, я не рассмотрел, чья, медленно и почти робко вошел, стараясь выглядеть как можно более миролюбиво.

Мириам, напряженная, как струна, сидит у костра и смотрит на меня исподлобья. Принцесса вскочила, как трепетный мотылек, прелестнейшее, почти детское личико в божественном испуге, глаза огромные, чудесной формы ротик распахнут в удивлении, взгляд перебегает с Мириам на меня и обратно.

Я буркнул, как можно сильнее смягчая голос:

— Чего не спите?

Мириам ответила настороженно:

— Тебя ждем.

— Хорошо, — сказал я удовлетворенно, — верные жены и должны ждать возвращения... А вы верные? Ах да, тут по-

неволе будешь верными... Хотя шах Шахрияр предупред-
дал, гм...

Мириам зашипела, как разъяренная змея:

— Ты, гад, летаешь в ночи, скот ворует, а если бы тебя
крестьяне палками забили?

Я сказал довольно:

— Заботишься, значит?

— Еще бы, — отпаривала она. — Ты заташил нас сю-
да, ты и опускай обратно!

Я бросил на нее короткий взгляд. Похоже, врубилась
быстро, что не сожру, вон как дерзит. Или это для принцес-
сы, чтобы поддержать ее дух?.. Это да, но и сама уже не ве-
рит в свое откармливание... Где-то я дал маху, проявил свое
гнилое интеллигентское нутро образованной рептилии.

— Я кое-что принес, — сказал я.

Мириам тоже зыркает на принцессу. Я продолжал оста-
ваться у входа, чувствуя страх Мириам, впервые не рину-
лась в убежище при моем появлении, не хочет пугать прин-
цессу.

Я постарался взглядом и вообще всем видом показать
Мириам, что понимаю ее стремление сделать пребывание
принцессы как можно более комфортным, странная жажда
служить высокорожденной всеми фибрами души. На вся-
кий случай я, тихонько громыхая костями, лег от них по-
дальше. Но это чтобы не пугать Мириам, а принцесса, судя
по ее виду, даже не соображает, что на свете есть звери, ко-
торые могут укусить, лягнуть, боднуть или ужалить.

Мириам нахмурилась, я у самого выхода, надо пройти
совсем рядом, но я даже голову повернул в другую сторону
и закрыл глаза.

Принцесса спросила тихо:

— Он что, спит?

В ее нежном голосе почудилось разочарование.

— Рептилия, — ответила Мириам презрительно.

— И что?

— Только едят и спят, — объяснила Мириам.

— Все так делают, — возразила принцесса, — одни
только люди спят меньше других.

Я смолчал, что не рептилия, те не летают, даже птеро-

дактили не были рептилиями, ну да ладно, чего с них взять, пусть говорят, за разговорами их меньше трясет. У женщин всегда так: когда языки работают, страх в испуге перед их болтовней прячет голову под крыло.

Мириам осторожно прошла мимо, задевая стену, я слышал, как начала перебирать добычу. Принцесса бесстрашно ощупывала мои чешуйки, а я, несмотря на толстую броню, чувствовал ее трепетные пальчики. Отвага ее идет от непонимания, что ее, дочь короля, кто-то или что-то посмеет обидеть. Если ее берегли даже от солнечных лучей, чтобы не оставили жуткие ожоги на ее нежнейшей коже, то явно не может даже представить, что я вот распахну пасть и...

Зато Мириам это прекрасно понимает и даже чувствует. Вся напряженная, как струна, перенесла в пещеру коз и прочую добычу, дважды задев меня кожаными мешками.

Принцесса вернулась к костру, личико покраснелось, щечки подкладывает в огонь с таким восторгом и ликованием, что и дураку видно, как ее берегли и лелеяли, а огонь видела только в подвешенных к потолку светильниках. Или магический, который уж точно не укусит за розовые пальчики.

Мириам сказала тихо:

— Спасибо.

— Пожалуйста, — ответил я тоже шепотом. — А за что?

— Не знаешь?

— За коз?

— Не прикидывайся. Сам знаешь.

— Не знаю, — ответил я нагло. — Мне вообще-то спасибо можно говорить без конца и по любому поводу. Разрешаю. Даже за то, что я есть. И что я такой чудесный, замечательный, великолепный, самый лучший в мире охотник и вообще красавец...

Она прервала:

— Что все-таки отыскал Вики и сумел спасти от Растенгерка. Я тебе даже почти прощаю того бедняжку голубя. Ты, можно сказать, частично искупил свою вину.

— Ага, — сказал я, малость прибалдев, — спасибо, что не ударила.

— Пожалуйста, — ответила она милостиво и с таким ви-

дом, будто сама удивилась своему великодушию. — Ты... ну, словом, бить не буду.

— И за то спасибо, — сказал я. — Давайте спать, пока ты не передумала?

Она вздохнула.

— Сама удивляюсь своей доброте.

— Мы похожи, — сообщил я.

Глава 17

Тело ноет от тяжелого и дальнего полета, Мириам и спасенная вроде бы наконец заснули, успокоившись, в своей норке. Я растянулся посреди пещеры и тут же провалился в тяжелый сон, когда перед глазами стереоскопическая карта превращается в двухмерную, где горы опускаются и напоминают о себе только коричневым цветом, реки вилюжатся прихотливыми змейками, а со стороны Брабанта идет пунктир наступающего крестоносного войска.

Проснулся в странном ощущении, что у меня под мышкой что-то теплое и мягкое. Не открывая глаз, прислушался, медленно повернул голову и чуть-чуть сдвинул крыло.

Тесно прижавшись ко мне, мирно спит, свернувшись калачиком, принцесса. Детское личико разругалось, губки припухли и капризно надулись, но улыбается во сне, даже пробормотала что-то и крепче вцепилась в мою шерсть: изнутри на крылья я нарастил мех, не для тепла, конечно, с его помощью полет совершенно бесшумен, как у совы или летучей мыши.

Как бы ее не перепугать, вертелось в голове ошарашенное. Да и вообще, как сюда попала, дурочка, теперь заикой станет, снова пять раз в обморок упадет...

Ее ресницы затрепетали, она сладко зевнула и распахнула глаза. Я не успел отстраниться, она вздрогнула, потом с усилием улыбнулась.

— Прости, — сказала она нежным и вместе с тем капризным голосом, — но там на шкурах так жестко и холодно. А ты такой теплый...

— Гм... — пробормотал я, — ага, ну да... я такой...

— Прости, я ночью перебежала к тебе, но ты не проснулся, так что я тебя не побеспокоила...

— Нисколько, — заверил я.

В проеме убежища Мириам показалось заспанное лицо гордой дочери степей. Я видел изумление в ее глазах, принцесса просто не понимает, что дракон — это зверь. Когда ей вчера сказали, что это свой, она так и приняла это, что свой, даже не задумавшись, что и свои могут быть опасными.

— Доброе утро, Мириам, — прорычал я. — Ты это хотела сказать? Или у вас, надменных властителей песков и чертополоха, не здороваются по утрам?

— Доброе утро, — проговорила она с угрозой. — Если ты знаешь, что это такое.

— Знаю, — сообщил я.

— Что это там, а?

Я посмотрел по сторонам, на темный свод, оглянулся в сторону сверкающего солнечным утром входа в нашу темную пещеру.

— Где?

— У тебя под крылом!

— Нам хорошо, — ответил я нагло. — Тепло и мягко. А тебе?

Она медленно вышла к нам, на щеке отпечатались багровый рубец, в покрасневших от долгой бессонницы глазах разрастается злость на доверчивую дурочку, что даже не понимает, куда заползла в поисках тепла, хлебнет горя... если переживет следующие полчаса.

Принцесса сладко зевнула, как пушистый и ласковый котенок, грациозно потянулась и медленно села. Пальцы правой руки ощупали растрепанную прическу, в вытаращенных глазах, с утра особенно чисто голубых, появились недоумение и обида.

— Что у меня с головой?

— Хорошие волосы, — похвалил я. — Могли бы оторваться, мы летели, как стрелы из замкового арбалета!

— Но все перепуталось, — сказала она с отчаянием, глаза наполнились прозрачными слезами. — Кто мне их расчесает? И заплетет?

Я сказал задумчиво:

— Наверное, я. Больше никому.

Она посмотрела на меня с удивлением.

— А ты сможешь? У тебя такие лапы...

— Придется, — ответил я со вздохом. — Мириам не станет. Она гордая! Дочь акына, саксаула и протяжных песен. И вообще — дикий человек.

Мириам сказала сердито:

— Перестань издеваться над ребенком.

— Какой ребенок? — возразил я. — Она почти замужем. Значит, умная. Вики, ты же умная?

— Умная, — подтвердила Вики. — Все об этом говорят. Но вообще-то я больше красивая.

— Это заметно, — сказала Мириам едко. — Слушай, рептиль, ты как... в хорошем настроении?

— Костлявых не ем, — заверил я твердо.

— Хорошо...

Она вышла медленно, осторожно, словно все еще готовая при любом подозрительном движении с моей стороны юркнуть в свою норку. Вики смотрела на нее доверчиво, Мириам обняла ее, прижала к груди, баюкая некоторое время, как ребенка, потом отстранила и взялась за ее прическу.

Оказывается, вся эта громада волос скреплена массой шпилек и незаметно перевязана ленточками. Как только их вынули, на плечи, спину и на грудь хлынули водопады чистейшего золота, на стенах заблестали радостные сполохи.

Мириам возилась с ее волосами с явным удовольствием. Я смотрел с интересом, все при деле, Мириам наконец произнесла в пространство:

— Бедный ребенок!

— Какой же бедный, — возразил я. — Вот, все платье расшито золотом! И пуговицы из драгоценных камней...

— Она разлучена с любимым, — пояснила Мириам, — пусть и воображаемым.

— С воображаемым нигде не расстанутся, — поправил я.

— Когда натыкаешься на такую вот жабу с крыльями, — сказал Мириам, — все воображение рассыпается. И еще она выдернута из родного гнезда.

— Из гнезда сама выпала, — уточнил я. — Как птенчики в летнюю бурю! Но те не виноваты, а она сама...

— Женщина никогда ничего не делает сама, — сказала Мириам твердо, — мы только реагируем на ваши обиды.

— Как?

— По-разному, — сказала она. — Да, по-разному. Одни дерутся, другие убегают...

— Головой в окно, — сказал я саркастически. — Или с башни! Тоже мне выход!

— Честь дороже жизни, — сказала она надменно. — Но ящерице такое не понять. В общем, Вики нужно поскорее как-то вернуть. Здесь она погибнет, как нежный цветок на палящем солнце. Ярл Растенгерк, наверное, уже убрался в свои проклятые степи...

Я пожал плечами, спина захрустела костяными пластинами, а гребень гордо поднялся, как невысокий парус.

— Возвращай. Я спас ее, это достаточно.

— Ты не спас, — возразила она.

— А кто ее поймал? Она, знаешь ли, тоже, можно сказать, летела!.. Красиво и гордо. И, наверное, осталась бы в песнях и примерах для таких, как ты, дура неграмотная. Хотя нет, ты ж письмо прочла... Признавайся, где научилась? Как Тарзан в лесу?

Она зло ощерилась, словно загнанный в угол зверек, глаза забежали из стороны в сторону.

— Что ты прыгаешь, — сказала она, переходя в атаку, — как мелкий воробей, ты же дракон все-таки, держись достойно. Сам не понимаешь, что спрашиваешь! Ты не спас, а продлил мучения. Спасти — это передать в надежные мужские руки. Чего принцесса и жаждала всем сердцем. Как все мы вообще-то жаждем. Так и случилось бы, не перехвати ты по дуру и жадности письмо! Вики, кому ты писала?

Принцесса сказала печально:

— Своему дяде. Он сейчас в королевстве Дурган обучает местных строить глубокие шахты.

— Ну вот, — сказала Мириам. — Видишь? Дядя, возможно, успел бы ее спасти.

— Как? — удивился я. — Он умеет летать? Да и вообще... Нужно мне было то письмо! Я просто наказал дурака, что, как и ты, вышел за границы дозволенного.

— Люди всегда выходят за границы дозволенного, — отрезала она. — Если бы не выходили...

— То бы жили в райском саду, — вздохнул я.

— Но ты сожрал невинного голубка, — продолжила она неумолимо, — морда ненасытная! И тем самым причинил непоправимый вред.

Я поскреб голову когтями. Мириам невольно сжалась и даже отшатнулась, но осталась на месте.

— Какой же непоправимый? — возразил я. — Она спит под моим крылом! Разве это не высшее счастье?

Она набрала в грудь воздуха, глаза загорелись праведным гневом, а щеки вспыхнули так ярко, что стали цвета ее великолепных волос, но посмотрела на меня, стиснула челюсти и процедила сквозь зубы:

— Да, наверное...

— Ну вот!

Ее серые, как обнаженная сталь, глаза сверкнули холодно и зло.

— Давай подумаем, — предложила она сдержанно, — как ее вернуть.

— Отцу?

— Дяде! — сказала она злобно. — Ты же видел, что отец собирался с нею сделать!

— Хотел передать хорошему человеку, — сказал я рассудительно. — В вечное пользование. Ну хотя бы даже во временное, что тут плохого? Не понимаю... Слушай, женщина, с тобой все в порядке?

Она насторожилась, спросила замедленно:

— Ты о чем?

— Ты о себе так не беспокоилась, — напомнил я, — как об этой пташке! А сейчас тебя прямо трясет. Что с тобой? Взрыв альтруизма?.. Самопожертвование?.. Почему такой резкий и болезненный интерес? Она кто тебе — сестра?.. Дочь?

Она смотрела исподлобья, заколебалась, я чувствовал, что готова что-то сказать или в чем-то признаться, однако после молчания пробормотала:

— Опять град вопросов, будто и не дракон, а какая-то мелкая ящерица... Несolidно.

— Ты не ответила, — напомнил я, она угрюмо молчала, я сказал великодушно: — Ладно, оставим это на потом, но обещаю — еще вернемся. Что за дядя и где он обитает?

Она ответила незамедлительно:

— Как только принцесса сказала, что письмо адресовано дяде, я могу сказать, где он находится.

— И что? — спросил я саркастически. — Вот я шас понесу эту вот... этот цветочек, вручу ее дяде и скажу: на, теперь заботься сам?

Мириам сказала угрюмо:

— А разве не это правильно?

— Нет, — сказал я твердо.

— А как?

— Супротив родительской воли низзя, — отрезал я. — Они старые, дольше жили, лучше знают.

— Но Вики не любит ярла Растенгерка! Ту сволочь вообще никто не свете не любит и любить не может!

— Стерпится, — заявил я безапелляционно, — слюбится. Ты лучше скажи, какой тебе в этом интерес?

Она взглянула на меня с откровенной злостью.

— Ты же сказал, что оставим это на потом!

— Так уже сколько времени прошло? — удивился я. — Вот «потом» и настало!.. Ответствуй, а то сожру!

Она поморщилась, но не спросила, в самом ли деле готов сожрать, то ли меня не хочет ставить в неловкое положение, то ли сама еще не до конца уверилась в моем миролюбии.

Принцесса оглядывалась по сторонам, глаза распахнулись, как настежь открытые окна.

— Как отсюда далеко видно... И как красиво!

Мириам вздохнула, а я сказал в пространство:

— Я одного не понимаю...

— Чего? — спросила Мириам. — Чего ты не понимаешь, ящерица, если ты не понимаешь всего?

— Я не понимаю самого главного, — сказал я твердо. — Когда вы кормить меня будете, такого красавца и главу семьи? Пусть даже временной. Это весьма даже как-то непонятно. Я на вас удивляюсь, где ваши инстинкты?

Мириам подумала, нехотя кивнула.

— Ладно, вообще-то позавтракать стоит. И эту жабу бородавчатую покормить заодно, а то квакать разучится. И комаров ловить не сможет.

Принцесса смотрела на нее огромными, как блюдца, глазами, не все понимает такой странный юмор, потом перевела взгляд на меня, и я ощутил, как по мне прошла теплая волна покоя и ласки.

Мириам деловито складывала щепочки для костра. Сверху положила поленья потолще. Я терпеливо ждал, могу поджечь сразу дерево, Мириам словно ощутила мою снисходительность, внезапно резко подняла голову и прямо посмотрела мне в глаза.

— А ты уверен, — спросила она, — что ты... дракон?

Я дернулся, чуть не проглотив приготовленный в глотке огненный шар.

— Чего? А кто я?

Она продолжала рассматривать меня строго и внимательно.

— Вот Вики предположила, что ты — прекрасный принц, заколдованный в этого мерзкого зверя.

Я с облегчением перевел дыхание, пронесло, а то уже лапы затряслись, с преувеличенной озадаченностью осмотрел свое великолепное блестящее тело, сплошь покрытое чистой молодой чешуей, прочной, как алмаз, и подогнанной просто ювелирно.

— Мерзкого? — переспросил я. — А что не так?.. Крылья не те?.. Или лапы?.. Или живот?.. Или...

Она проследила за моим взглядом и поспешно перебила:

— Нет-нет, все прекрасно... в смысле, это меня не интересует вовсе. Но я человек, а мы за красоту признаем только человеческие пропорции.

Я недовольно хрюкнул.

— Какие люди ограниченные!.. Я вот признаю красоту и грациозность оленя, нежный трепет бабочки, достоинство жука, добродушие шмеля, изящество цветка, грациозность белки...

Она сказала виновато:

— Извини, я не подумала. Мы тоже все это признаем.

Я спросил капризно:

— А меня, значитца, не признаешь? Что прекрасной принцессе во мне не нравится? Я вот могу даже так...

Ядохнул огнем очень осторожно, чтобы не разметать сложенный шалашик. Береста сразу вспыхнула, оранжевые язычки поползли вверх по прутикам.

Мириам вздохнула.

— Ей как раз все нравится. Даже вот такое. Это я все думаю...

— Думаешь? Поздравляю!

— Не оstri, ящерица. Ящерицы не оstriят.

— Много ты про нас знаешь, — ответил я с достоинством. — Хочешь, расскажу про наши брачные обычаи? И красивый в своей необыкновенности ритуал откладывания яиц на большую луну?

Она отстранилась и проворчала:

— Вот так прямо на луну? То-то она вся в пятнах... Нет, не хочу.

— Многого себя лишаешь, — произнес я высокомерно. — Но чего требовать от существа без перьев и с плоскими ногами? От мыслящего тростника, а то и чертополоха?.. Ладно, хрюкай, что надумала. Вижу, глазки блестят, как у блудливой козы.

Она покачала головой, сходила в пещеру и вернулась с освобожденной от шкуры тушей козы. За нею тянется мокрый след по земле, предусмотрительная Мириам держит добычу в холодной проточной воде, чтобы мясо не испортилось за время жаркой ночи.

Часть 2

Глава 1

Я

ждал, Мириам начала деловито срезать мясо тонкими ломтиками, я видел, как ей не хочется меня о чем-то просить, наконец она сказала с такой решимостью, словно прыгнула в ледяную воду:

— Я вот все думаю, как помочь бедняжке!

Я изумился:

— Правда? А что стряслось? По-моему, она еще живая!

— Разве это жизнь? — спросила Мириам. — Я допускаю, что ты нас не съешь, а отнесешь и оставишь где-нибудь вблизи города. Но мы, люди, всегда стремимся к большему...

— Ага, — сказал я понимающе, — чтоб еще и шкуру с меня содрать, и голову нести на палке, и косточки на свистульки... Да, вы всегда хотите большего, на чем и ломаете шеи.

— С тобой не сломаем, — сказала она торопливо. — Ты такой сильный, могучий, яростный, даже огнем умеешь плевать...

— Я не только это умею, — уточнил я скромно. — Понимаешь, мне ваши муравьиные дела не совсем... любопытны. Я большими масштабами интересуюсь.

Она сказала с вызовом:

— Тебе мало, что принцесса Вики — единственная дочь могущественного короля?

Я отмахнулся.

— Да-да, я уже понял, что тут за короли и какие у них королевства. Давай помогу тебе с завтраком, а то наша нежная принцесса умрет с голоду.

Мириам фыркнула.

— Ты? Поможешь? Я боюсь, она и это жареное мясо есть не сможет... Хотя коз ты поймал молодых и сочных, хвалю.

— Спасибо, что не ударила, — сказал я снова. — Но я имею в виду другую помощь...

Я сосредоточился, постарался вообразить все, что пытался создать, с наибольшей точностью, а сейчас память работает на меня... на каменный пол начали шлепаться тонко нарезанные и обернутые в тончайшую пленку ломтики сыра, ветчины, карбонада, стейка, корейки, буженины...

Она проследила за волшебной едой уже намного спокойнее, чем в прошлый раз, а пока я тужился и создавал миску с кофе, мне хотя бы тазик, она взялась освобождать сыр от пленок.

Принцесса пришла на зов, оторвавшись от созерцания красоты дивного утра, переходящего в ясный день, Мириам указала ей на расстеленную скатерть.

— Садись завтракать.

Принцесса с сомнением смотрела на сыр, тонкие ломтики мяса и невиданные фрукты.

— Это все нам?

— Это вкусно, — заверила Мириам.

— Не сомневаюсь, — ответила принцесса и добавила с сияющей улыбкой: — Если все это принес наш Шумил...

— Ах-ах, — сказала Мириам саркастически, — какое доверие! И кому? Отвратительной жабе. Да еще и худой.

Я буркнул:

— Это же хорошо?

— Жабы должны быть толстыми, — безапелляционно заявила Мириам. — Вики, возьми этот сыр, просто тает во рту. Эта толстая ящерица умеет воровать!

Я не стал поправлять, чтобы определилась, кто я: худая жаба или толстая ящерица, а то еще кем-то обзовет, это у нее такая защитная реакция на мою доминанту, не привыкла к давлению, лег и наблюдал, как они пробуют все сперва настороженно, потом уплетают с превеликим энтузиазмом.

Запивали они шербетом, вполне напиток для двух мо-

лодых женщин, а я, сожрав целиком козу, вылакал полручья и вышел на площадку довольный и осоловелый, в рассуждении, что еще два-три дня, и карта всего Гандерсгейма будет готова с мельчайшими подробностями. Хоть и без названий.

Женщины уже закончили завтрак, Мириам о чем-то глубоко задумалась, явно искала посуду, которую нужно помыть, это у женщин рефлекс, а тут такой облом, поневоле впадешь в ступор. Принцесса, сидя у входа в пещеру, задумчиво заплетала в золотую косу голубую ленту. Воздух теплый, сухой, с едва заметным ароматом цветов, хотя даже с моим зрением их не рассмотреть внизу. Наверное, ветер бережно принес и положил к ногам принцессы. Далеко по восточному краю поднимается, как по стене из светло-голубого стекла, мелкое с утра солнце.

Утренние тени быстро укорачиваются, небо чистое, облака бегут мелкие и совсем жиденькие, медленно растворяются в бездонной сини.

Бровки принцессы нахмурены, косу перебросила на грудь, вообще-то весьма заметную и созревшую, хоть сама и выглядит полуребенком. Взгляд устремлен вдаль, наши разговоры с Мириам, переходящие в спор и даже перебранку, не слушает, лицо мечтательное, а грудь волнующе приподнимается и ниспадает от частых девичьих вздохов.

Я зевнул, сказал бодро:

— Принцесса, у меня для тебя кое-что есть.

Она вскинула на меня взгляд чистейших, как горные озера, дивных голубых глаз.

— Ой, правда? А что?

— Пойдем, — пригласил я. — Покажу.

Мириам вскочила на ноги.

— Вики, не ходи с ним!

Принцесса вскинула тонкие бровки.

— Почему?

— Потому что это гнусная ящерица!.. Потому что это мерзкая рептилия! Потому что это вообще гад, хоть и с крыльями!

Принцесса озадаченно смотрела то на нее, то на меня, а я объяснил ласково:

— Ревнует. Ну, ты же знаешь женщин...

— Знаю, — соврала она храбро и пошла со мной.

Я нарочито пропустил ее во внутреннюю пещеру первой, а то Мириам может ухватить и не удержать, а сам двинулся и закупорил своим толстым задом вход, когда принцесса, как зачарованная, медленно шла к сокровищам.

— Что это?.. — прошептала она в восторге. — Откуда это?

— Местные драконы, — пояснил я, — сродни сорокам. У вас сороки воруют блестящее?

— У нас вороны воровали, — пожаловалась она. — Один раз такой красивый браслет украли... Правда, сороки тоже воруют, но к нам не залетали.

— А здесь местный дракон воровал, — пояснил я. — А то и грабил. Что ему воровать, когда может отнять?.. Словом, бери, пользуйся. Дарю.

Она присела на корточки, тонкие пальцы перебирали кольца и перстни, не обращая внимания на монеты, тем более на кувшины и подносы, это дело слуг, а вот браслеты сразу начала примерять. Почти все соскальзывали с ее тонких передних лапок, лицо ее стало таким огорченным, а губы искривились, вот-вот заревет горько и безнадежно, как умеют только дети по любому пустяку.

Я сказал поспешно:

— Это можно ужать. Хочешь, сейчас придавлю малость.

Она пугливо посмотрела на мои могучие лапы с когтями.

— Нет-нет, ты их сплужишь! Надо очень осторожно и нежно.

Видимо, я все-таки сдвинулся, за спиной раздался раздраженный голос:

— Он такой!.. Ишь, нежный...

Мириам возникла в проходе, уперев руки в бока. На лице ни следа раскаяния, что орала на меня, эстета и щедрую душу, грубо и немзыкально, превратно истолковав мои возвышенные порывы.

— Хочешь поучаствовать? — спросил я коварно. — Чего явилась?

Она сказала резко:

— Незамужней девушке неприлично оставаться наедине с мужчиной.

— Даже в пещере? — спросил я.

Она пожала плечами.

— А что пещера?

Я нахально улыбнулся.

— Так я же этот... рептиль?

Она смерила меня недобрым взглядом.

— Еще какой! Все вы одинаковые. Только и думаете...

Я сказал с лицемерным вздохом, ориентируясь больше на слушающую нас принцессу:

— Да, мы только и думаем, думаем, и вообще мыслим. Не то что женщины. Потому мы мудрые!

Принцесса с жаркой благодарностью обхватила меня за шею и, не успев я отвернуть голову, вlepила жаркий поцелуй.

— Спасибо тебе! Спасибо, добрый дракон! Ты самый замечательный, ты самый красивый, ты самый лучший на свете!

Мириам в неловкости переступила с ноги на ногу, на меня метнула убийственный взгляд. Сволочь, прочел я в нем, нельзя так обманывать ребенка. Я ответил мысленно, что не обманываю, это есть тут некоторые, что не захотели войти и взять все это блестящее, обзывали меня гадкими словами и вообще на что-то намекали, а принцесса, чистая душа, поверила, как валаамова девственница, и вот огребла по полной и все еще гребет, как цыпленок, обеими лапками.

Глаза Мириам перестали полыхать огнем, словно ощутила непоколебимость доводов, уже по-деловому осматривалась, без всякого почтения пнула золотой кувшин старинной работы. Он чуть качнулся, слишком тяжелый, чтобы выполнять какую-то работу, кроме как быть украшением и кричать о богатстве хозяина.

— Это не один дракон таскал, — сказала она.

— В паре? — спросил я. — С самкой?

— Нет, — пояснила она. — Не одно поколение.

— Чего так решила?

Она пнула уже другой кувшин, но тот даже не вздрогнул, словно доверху набит золотыми монетами или золотым песком.

— Этот вот из эпохи династии Упетингов, — сказала она сумрачно. — А вон эти — из Версавии.

— Подумаешь, — возразил я. — Коллекционера ограбил, только и всего!

— Коллекции не возят через пустыни взад-вперед, — отрезала она. — Но тебе этого не понять, ящерица?.. А из дворца сорока кувшин не унесет...

Принцесса, сидя на каменном полу, радостно попискивала, счастливо перебирая кольца, драгоценности, серьги, подвески на грудь. Так же машинально, повинаясь непонятным нам, людям, и даже ящерам, женским инстинктам, замедленными движениями одела на шею золотой медальон с красным камнем на золотой цепочке, затем три ряда жемчужных нитей, перебрала кольца, выбирая покрасивее, как предполагаю, или подороже, кто этих существ знает...

Мириам все-таки поглядывает на сокровища жадно, жалеет, что была дурой, надо было идти, ну и что, пусть даже дракон, зато какой богатый, здесь на трех королей хватит, драконы не одно столетие стаскивали сюда сокровища...

В пещере тесно, даже мне повернуться не получится, Мириам буквально подлезла мне под брюхо и деловито шарилла обеими ладонями по земле в районе задних ног, ничуть не страшась, что наступлю и раздавлю.

— Что ты ищешь? — поинтересовался я.

— Яйца, — ответила она. — Вдруг нащупаю яйца...

— Яйца? — переспросил я. — Какие? Зачем?

— Драконьи, — объяснила она. Посмотрела на мою морду и поспешно сказала, заливаясь румянцем: — Можно взять и вырастить из драконьего яйца маленького дракончика!

— Ого, — сказал я. — И что?

— Приручить, — объяснила она. — А когда подрастет, посадить на цепь у входа во дворец.

— Чтоб людей жрал?

— Чтобы все видели величие и могущество короля. Давай и тебя посадим на цепь?

Я прорычал:

— На цепь? Зачем?

— Это так красиво, — заверила она, — от тебя все будут без ума! Цепь — лучшее украшение для мужчины.

Я подумал, заинтересовался:

— Короткую цепь или длинную?

Она вздохнула.

— Короткую мужчины рвут, а на длинной всю жизнь счастливы.

Принцесса повертела головой, на детски чистом личике отразилась горькая обида.

Я спросил участливо:

— Что случилось?

Мириам вклинилась саркастическим голосом:

— А ты не понимаешь, рептиль?

— Нет.

— Зеркала нет, — сообщила она победоносно. — Что все сокровища мира, если нельзя показать другим... и даже увидеть на себе?

Принцесса жалобно посмотрела в нашу сторону.

— Милая Мириам, — сказала она просяще, — что-то здесь не так... Мне кажется, золотая цепочка и золотой медальон с рубином как-то не совсем рядом с жемчужными нитями... Белое с желтым не сочетается. Вроде бы так не совсем красиво. Как думаешь?

— Гм, — сказал я.

Мириам раздраженно дернула плечом.

— Вики, не обращай на рептилию внимания. Что жабы в красоте понимают?

Я подумал, что мужчины в таком случае все до одного рептилии, даже репильные рептилии, что на рептилиях сидят и рептилиями погоняют. Все мы полнейшие рептилии в таких непонятных вопросах, как духи, макияж и шляпки с перьями.

— Мне вот другое интересно, — произнес я в пространство, — зачем этот дурак таскал это?

Мириам оглянулась, в глазах безмерное удивление.

— А тебе не лучше знать?

Я поинтересовался:

— Потому что дурак?

— Потому что дракон, — поспешно уточнила она.

Я отмахнулся.

— Он дикий, а я — цивилизованный, слуга великого повелителя всех драконов. Мне эта ерунда ни к чему. В наших краях ходят в жемчуге по щиколотку.

— Ого!

— Золотыми слитками, — добавил я, — швыряют в бродячих собак. А вороны алмазы клюют.

Она спросила непонимающе:

— Зачем?

Я поморщился.

— Дуры, что с них взять? Как и женщины.

Принцесса, уже обвешанная драгоценностями, как новогодняя елочка, тяжело покрутилась возле сундуков, на ней должно быть не меньше десяти килограммов золота и камешков, затем вздохнула так печально, что у меня защемило сердце, и начала замедленными движениями снимать с себя всю эту ерунду.

Мириам с облегчением перевела дыхание, в таком виде с принцессой возиться было бы еще труднее. Я поглядывал на гордую дочь пустыни искоса, вслушивался в интонации.

Что так быстро догадалась, что не собираюсь ее жрать, — ладно, просто умная и догадливая. Что буквально сразу начала со мной борьбу, обзывая рептилией, а то и вовсе рептилем, отстаивая какие-то позиции — понятно, сила воли, характер, выкованный в жестокой борьбе за выживание в жаркой пустыне... но откуда ей знать про эпоху династии Упетингов или династию Версавии? Тем более отличать принадлежащие им предметы?

— Мириам, — позвал я тихонько.

Она быстро оглянулась.

— Да, жаба с крыльями? Снова хвост прищемил?

— Да, — согласился я. — Помассируешь?

— Размечтался!

— Давай колись, Мириам, — сказал я мирно. — Ты не простая дочь погонщика верблюдов, верно?

Она огрызнулась:

— Мой отец не погонщик, а проводник караванов! Это очень высокая должность. Немногие умеют...

Я прервал:

— Ладно-ладно. А почему не визжала в диком восторге, завидев столько золота и украшений? Любая другая с ума бы тронулась от таких сокровищ.

— А что толку, — проворчала она, — мы же здесь, в твоей берлоге. Какой толк наряжаться перед рептилем?

— А инстинкты?

Она нахмурилась, глаза засверкали подозрением:

— А что это? Ты на что, гад подколодный, намекаешь?

— Натура, — пояснил я. — Суть женская.

Она помолчала, меряя меня злым взглядом.

— Рептилии все дурные, вижу. Если брать женскую суть, то и королевская дочь должна визжать при виде золота, забыв обо всем. Так? Значит, я все-таки не одна такая.

— Или хорошо воспитанная, — предположил я. — Либо наконец сообразившая, что не в золоте счастье, а в таком вот красавце, как я.

Глава 2

Она фыркнула и, отвернувшись к принцессе, начала с преувеличенным интересом выпрашивать о ее жизни во дворце. Потом мне показалось, что интерес вовсе не преувеличенный, но что Мириам преследует на самом деле, так и не придумал, из-за чего даже немного отложил старт с обрыва.

Принцесса щебетала уже весело и беззаботно, счастливая, что избежала брака с ненавистным Растенгерком. В будущее, как я понимаю, никогда и раньше не заглядывала — не женское дело, в ее жизни все решали за нее, и сейчас она в полной наивной уверенности, что за нее будем решать и заботиться о ней мы двое.

Нежная и чистая, как выкупанный младенец, она чири-

кает насчет своего бассейна, Мириам слушает так, словно знает, что это такое, суровая и решительная, резкий контраст с этим наивным ребенком, который весь — широко распахнутые в радостном удивлении глаза и приоткрытый пухлый детский рот.

Я перевернулся на спину, балансируя на покато́й спине, подрыгал в воздухе лапами, удерживая равновесие. Да и просто потому, что приятно вот так лежать и дрыгать конечностями.

Мириам поглядывала опасливо, не обрушусь ли всей тяжестью на них, принцесса смотрит с интересом, как на огромного щенка, что решил поваляться на зеленой лужайке.

— Мириам, — сказал я благодушно, — ты ничего не хочешь мне сказать?

Она ответила моментально:

— Только то, что ты — рептиль! И гадкая ящерица с крыльями! И гад подколотный.

Принцесса сказала обиженно:

— Мириам, ты чего такая злая? Посмотри, какой он хороший...

— Хороший, — удивилась Мириам. — Что в этой жабе хорошего?

— У него спина в ровных таких пластинках, — объяснила принцесса. — По бокам красивые, пузико все нежное, белое, в чистейшей, как жемчуг, чешуе... А лапы? Чудесные, толстенькие, пальцы с перепоночками, ты только посмотри!..

Мириам лишилась дара речи, а я глядел на нее победно и скалил зубы. Но когда Мириам набрала в грудь воздуха для новой атаки, я сказал поспешно:

— Давай начистоту, Мириам. Я понимаю, человеческое сострадание и прочие нелепые чувства, но все-таки ты чересчур взволновалась, когда прочла перехваченное письмо. Слишком уж!

Она быстро зыркнула на меня и уронила взгляд.

— Больно ты понимаешь в сочувствиях, ящерица.

— Мало, — согласился я. — Так что, не хочешь пополнить мои знания?

— С какой стати, — удивилась она, — буду что-то объяснять ящерице? Пусть даже с крыльями?

— Потому что я понимаю достаточно, — объяснил я, — чтобы понять: простолюдины скорее чувствуют радость, чем горе, когда у высокорожденных случаются неприятности. Тем более она — королевская дочь, а ты — дочь степняка из племени кочевых народов.

— Мы люди, — буркнула она нехотя. — Тем более женщины.

— Ну-ну, — сказал я саркастически, — женщины разве не вредят друг другу?

— Много ты знаешь, — сказала она зло.

— Много, — согласился я гордо. — Потому повелитель драконов земных, небесных, подземных и звездных послал решить судьбу вашей страны именно меня. Любой другой, не раздумывая, просто превратил бы этот край в пепел или погрузил бы под воду.

Она зябко вздрогнула, а принцесса, что проснулась от благородной задумчивости и начала прислушиваться к нашему разговору, спросила неожиданно:

— А ты не та Мириам Сероглазая из рода Огненных Всадников, что отказалась выйти за Растенгерка десять лет назад?

Мириам вздрогнула. Крепкие плечи напряглись, а взгляд, который метнула на принцессу, впервые не был таким покровительственным и даже дружественным.

— Той Мириам давно нет! — Голос ее прозвучал зло и резко. — Мы сейчас занимаемся твоей судьбой.

Я проговорил лениво:

— Интересно, интересно. Я все думал, что вас связывает... Оказывается, один и тот же самец? Ты десять лет тому назад отказалась выйти за Растенгерка, а теперь из весьма примитивной ревности не хочешь, чтобы он женился на Вики?

Она выкрикнула зло:

— Что ты понимаешь, рептилия! Вики чиста, как лилия, но может попасть в руки этой гнуси!.. Это несправедливо!

— Не увиливай, — предложил я. — Что у тебя с этим Растенгерком?

Она раздраженно посмотрела на меня, на принцессу, снова перевела взгляд на меня.

— Ничего, — ответила она с вызовом. — И никогда не было! Он хотел взять меня в жены, но до меня дошли кое-какие слухи о его грязных делишках. Потом мой дядя Камбре тайком побывал в его землях, все разузнал и вынужден был подтвердить. И кое-что узнал еще... Я решила избежать такого брака любой ценой. Однако отец и дядя полагали, что, несмотря на все, я должна выйти за Растенгерка, это в интересах наших королевств!

Я кивнул.

— И ты сбежала?

— Да!

Я брезгливо отстранился.

— Не кричи так, оглохну.

— А что делать, если ты, ящерица, не слышишь очевидных вещей...

— Очевидных для испорченных людей, — возразил я с достоинством, — а для простых и честных драконов это какая-то глупость.

— Почему?

— А что ты выиграла?

Она посмотрела на меня с вызовом.

— Этот дикий и самовлюбленный ярл был настолько оскорблен, что поклялся отыскать и наказать меня. И все эти десять лет он рассылал везде отряды, а сам все еще рыщет во главе самых преданных и верных... И только сейчас его ярость, похоже, утихла, он решил взять в жены нашу бедную Вики.

Я рассматривал ее очень внимательно.

— А кто тогда караванщик, что проливал столько слез?

Она произнесла с горечью:

— Мой приемный отец. Сперва я нанялась к нему служанкой, но он быстро раскусил, что я из знатного рода, я почти ничего не умела. Но не выдал, я жила у него и многому научилась. У него была когда-то жена и двое детей, но

умерли, и он весь жар отцовской любви перенес на меня. А потом, чтобы не оставаться дома в опасности, я начала сопровождать его. По правде говоря, мне куда больше нравилось путешествовать по стране, чем сидеть дома.

— Да и скрываться так проще, — пробормотал я.

Она кивнула. Принцесса смотрела на нее, широко распахнув глаза, прелестный ребенок, услышавший чудесную сказку.

— И ты смогла?.. Столько лет?

Мириам пожала плечами:

— Мне нравилось. Это лучше, чем жить в золотой клетке во дворце.

— Мне это знакомо, — ответила принцесса тихо.

Я посмотрел с удивлением, даже Мириам покосилась в ее сторону. Принцесса поняла, улыбнулась чисто и невинно.

— Для меня родной дом стал клеткой, как только туда перестали допускать певцов и танцоров, так веселивших меня.

Я набрался сил, насоздавал снова сыра, он удается мне легче всего, разных видов мяса, что услужливо подает наверх память, несколько разных колбас, в том числе кровяных, которые всегда любил, сдобных булочек, таких нежнейших здесь выпекать еще не могут, пусть у женщин будет вдоволь еды, когда мои крылья понесут такого прекрасного зверя над просторами Гандерсгейма.

Мириам наблюдала молча, даже не двигается, молодец, чтобы не нарушать концентрацию. Она уже заметила, что после такого колдовства я устаю так, словно перетащил гору с места на место, отдыхаю с высунутым языком.

На ее лице можно прочесть даже благодарность, что вот стараюсь для них, самому достаточно и козу догнать на пастбище и сожрать с рогами и копытами, но я знаю, что вслух никогда не скажет «спасибо», а вот насчет тупого рептиля — наверняка. Этим как бы нивелирует зависимость от угнетателя.

— Вот, — сказал я наконец, — это еда. Я не хочу вер-

нуться вечером и увидеть сытую Мириам и косточки на месте Вики.

Мириам нахмурилась.

— Это у тебя такой юмор, жаба?

Вики посмотрела на Мириам с испугом и спросила жалобно:

— Мириам, разве ты съела бы меня, если бы у нас было нечего есть?

— Больше слушай эту жабу, — огрызнулась Мириам.

— Слушаю, — ответила принцесса и, светло улыбнувшись, прошептала тоненьким голоском: — Говори, Шумил!

Я сказал важно:

— Но не переедайте! Обильная еда вредит телу так же, как изобилие воды вредит посеву.

Мириам сказала злобно:

— Что за жабы пошли — разговаривают! Лети уже, глаза бы наши тебя не видели!

— Злая ты, Мириам, — сказал я со вздохом. — А злобе и придиркам не место в супружеской жизни.

Она охнула:

— Супружеской?

Принцесса оглянулась в нашу сторону, глаза ее счастливо засияли, как два солнца.

— Супружеской? — вскрикнула она с ликованием. — Ой, как здорово! Шумил, милый...

Мириам смотрела на нее с бессильным гневом. Я окинул их обеих взглядом и подумал, что женщины в виде опасности — явной, полуявной и косвенной — встречаются что-то непропорционально часто. Точнее, опасность подстерегает почти всегда в виде женщин. Хоть знатных, хоть незнатных, умных или, напротив, — красивых, суровых или жалобных, хитрых или простодушных, коварных или же готовых отдать тебе все и вся, в том числе себя с душой и телом...

Нарушено, как мне кажется, равновесие между полами. Впрочем, равновесие мы сами нарушили, отправляясь на подвиги, а дамам велев сидеть в башне у окошка и махать вослед надушенным платочком. Но если по опасным доро-

гам, темным лесам, пустыням и прочим местам шляются в поисках подвигов одни мужчины, то, понятно, враг должен подстергать в самом, так сказать, опасном виде. При встрече с волком или львом рыцарь сразу опускает забрало и берет в руки копье, но при встрече с женщиной он вообще снимает доспехи, расслабляется и закрывает глаза, дурак, чтобы она без спешки вонзила в него вампирьи зубы. Или предложила себя в жены, что одно и то же.

Так что в природе полное равновесие. Можно предположить, что в процессе постоянных подвигов рыцари перебили большую часть чудовищ, но не устояли перед женщинами. И потому на борьбу с рыцарями эволюция зла все больше, точно по Дарвину, выдвигает на первый план зарекомендовавшую себя опасность в виде женского тела и вообще женскости.

В то же время еще не пришло время эмансипации. Женщины все послушно сидят у окошек и машут платочками уезжающим на подвиги мужчинам. Когда-то придет пора, на подвиги будут уезжать они, а мужчины займутся кухней и стиркой. Кому повезет, тот поедет на подвиги с женщиной-напарником, что будет драться, стрелять, бить задней ногой в нижнюю челюсть, всегда готова на секс без всяких прелюдий, прикроет и спасет, а ночью между делом поправит мужчине гормональный баланс.

Причем опасность в виде женщин не обязательно должна быть прямой: злые колдуньи, обольстительные вампириши, оборотни, но и такие вот беспомощные, что цепляются тебе на шею и смотрят умоляющими глазами, мол, спаси, помоги, вытри слезы и сопельки, утешь, останься со мной, поменяй подгузники, да какие там великие дела, лучше вынеси мусорное ведро...

Я тяжело вздохнул, по площадке пронесся ветер.

— Брехня... И снова брехня... Везде брехня...

Принцесса вздохнула и смотрела на меня прекрасными глазами с полнейшим сочувствием во взоре, настоящая женщина, даже не поняла, с чего это я взгрустнул, а уже сочувствует и готова утешать.

Мириам оглянулась, брови в удивлении взлетели на лоб.

— Что?

— Брехло, — повторил я печально. — Кто это из нас никогда не был дворцовой женщиной?

Она с самым независимым видом пожала плечами.

— Это не брехня, а невинная женская ложь. Она позволяет нам выживать в этом злом мире.

— Море драконов?

— Море мужчин, — огрызнулась она и добавила с едким сарказмом: — Прости, но ты ярко выраженный самец, знаешь? Потому я так реагирую... И еще потому, что ты гад чешуйчатый!

Принцесса сказала жалобно:

— Мириам... не надо, а то я заплачу. Ты же королевская дочь, а так нехорошо ругаешься.

— Как торговка рыбой, — вставил я ехидно. — И голос повышает, как голодный верблюд в колючках. А еще, стыдно выговорить, единственная дочь короля!.. Как его зовут, кстати? Хотя твою королевскость в тебе нужно искать долго и упорно, рыжая. Хотя вообще-то я знал регионы вроде Имеретии или Картли, где даже последние погонщики мулов — сплошь князья, все грузчики, водоносы и вообще все-все — князья простые, сиятельные и даже великие... Так что не надо мне про королевских дочерей. Ценность их в иных регионах весьма преувеличена.

Она огрызнулась:

— Ты говоришь про каких-то там князей! У нас их вообще нет. А отец Вики — король Йеремланда! Понимаешь, король!

— Король Йеремланда, — пробормотал я, — гм... звучит неплохо, даже солидно. Если, конечно, его королевство побольше одного села или деревни...

Она вспыхнула от гнева:

— Да как ты смеешь!

— Ах-ах, — сказал я хмуро, — видал я и даже видывал всякие королевства. Иные плевком можно было накрыть.

— Верю, — сказала она дерзко, — ты достаточно слюнявый. Но королевство отца Вики велико, хотя...

— Ага!

— ...хотя не так, как у короля Вильдгера. Однако и он ищет союза с могущественным степным вождем, ярлом Растенгёрком, предлагая дочь за его сына...

Я спросил коварно:

— А что насчет твоего отца? Как велико его королевство?

Она запнулась, зыркнула исподлобья, рассерженная, но и вдруг заосторожничавшая, сразу подобравшая коготки и спрятавшая острые зубки.

— А тебе зачем?

Я пожал плечами и с удовольствием прислушался, как сладко хрустят, сдвигаясь с мест, широкие костяные плиты доспехов.

— Да хватит ли у него платы, — ответил я гулко, — за мои драконьи услуги. Ведь ты просила вчера защитить тебя и твое королевство от ярла Растенгерка? И после чего ты безбоязненно сможешь вернуться к отцу?

Она помолчала, спросила медленно и очень осторожно:

— А что ты хочешь? Золота?

Я презрительно фыркнул.

— Драгоценностей?

Я засопел и отвернулся.

— Искусных изделий? — спросила она с надеждой. — Не говори, что тебе нужны люди в жертву, — не поверю!

— Но верила же.

— А теперь не верю. Что ты хочешь?

Я подумал, ответил уклончиво:

— Сперва оценим платежеспособность нанимателя. А там уж возьмем процент от общей суммы. Не хочу проделывать, поняла, существо с красной шерстью на голове? А сейчас давай чеши меня, так лучше думается и даже мыслится.

Она широко распахнула глаза.

— Чесать? Дракона?

— А что тебе мешает?

Она пробормотала:

— Да как-то не приходило в голову, что такое может понравиться...

Я охнул.

— Ну ты совсем дура! Нет на свете зверя, которому не нравится, когда его гладят и чешут!

— Хорошо-хорошо, — сказала она поспешно и с раскаянием, — я в самом деле дура... Давай почешу. В самом деле, коней всегда чешу, а почему отказывать ящерице... хоть и противная, зато с крыльями... Правда, в чешуе, как рыба...

— А лапы с перепонками! — сказал я гордо. — Как ты не видишь, лохматая, что я красавец? С ума сойти, где твои глаза? Я вижу, а ты — нет, хотя я прямо перед тобой. Нет в тебе чувства прекрасного. И глаза у тебя не те. А еще женщина! Самка даже. В некоторых краях это даже выше, чем женщина.

Она чесала, а я, расслабляя усталые мышцы, неторопливо продумывал ситуацию и расклад сил. Если помочь, как настаивает Мириам, и устранить угрозу со стороны степного ярла, быстро набирающего силу и авторитет среди степных народов, то можно приобрести союзника. Хотя зачем дракону человек-союзник? Даже если тот король? Не очень-то понятен такой союзник и Ричарду Длинные Руки, чьи войска уж начинают стягиваться к границе с Гандерсгеймом. Хотя любой союзник хорош сам по себе, но здесь короли больно мелковаты...

— Еще раз, — потребовал я, — как называется твое королевство? Где находится? Размеры, численность, обороноспособность, пароли, явки... В смысле, бедное или богатое?

Она вздохнула и ответила на удивление послушно:

— Королевство Меркер, король — Франсуа Меченый. Размеры... Три города, восемнадцать сел... Сейчас, может быть, больше или меньше, мы далеко, я ничего о нем не слышала уже десять лет... Обороноспособности никакой, потому что войска только у варваров. Стены у всех трех городов высокие и толстые, но ворота сняты. Богатство? Скорее, богатое, чем бедное...

— Где оно?

— Отсюда, если на запад, то нужно пройти земли во-семнадцати королевств...

Я выслушал, кривясь, хоть и мысленно, моя закос-тевшая морда всегда выглядит красивой и надменной, как у графа Ришара. Ворота можно быстро навесить, если все подготовить заранее, но главный минус — далековато его владения. В такие глубины Гандерстейма не проведешь войско тайком, чтобы обосноваться мощной базой в укреп-ленной крепости.

Правда, можно пробиться с боями... гм... Но поставит ли король благодарность за спасение своей дочери выше интересов государства... хотя я и не знаю, что там за инте-ресы, но в любом случае в его землях сейчас покой, равно-весие и благополучие. А пришельцы с запада — прежде все-го тревога...

Да и какое спасение, мелькнула ироничная мысль. Для короля дочь имеет цену, если только удачно пристроена за стратегического союзника. А так... все равно, сбежала тай-ком или упала с башни.

Глава 3

Вики подошла к нам, вся пропитанная солнцем, пахну-щая свежим воздухом и ароматами далеких цветущих по-лей. Мириам оглянулась, на губах снисходительная улыбка, дескать, вот чешу это животное, чтобы не рычало и слу-шалось, не обращай внимания.

Принцесса подсела ко мне вплотную, я положил морду на лапы, и наши глаза оказались на одном уровне. Мои, полу-прикрытые плотной кожистой пленкой, которую и стре-ла не пробьет, и ее, широко распахнутые, чистые, голубые, как у новорожденного ребенка, доверчивые и кроткие.

— А можно, — спросила она тихо, — я тебя поцелую?

Я на миг потерял дар речи, едва не закашлялся, Мириам охнула и перестала скрести мне бок.

— Ты это, — спросил я опасливо, — чего вдруг?

Она спросила настойчиво:

— А ты чего боишься? Я принцесса! Моего поцелуя добивались все принцы соседних королевств.

— Боюсь? — переспросил я с достоинством. — Ничего я не боюсь! Просто ты, уж прости, такая противная... У тебя даже чешуи нет.

— Но ты можешь потерпеть? — спросила она со странной настойчивостью. — Чуть-чуть?

Я сказал оскорбленно:

— А с такой стати буду терпеть, если противно? Мы, драконы, себя не насилуем. Других — другое дело, их не жалко, даже приятно... но тебе такое знать пока рано, одно-ко себя?..

Она протянула ко мне руки, я поспешно отвернул морду. Она вздохнула и остановилась, взгляд погас.

— Знаешь, — произнесла она тихо, я тупо и с чувством вины смотрел, как она отошла к костру и медленно опустилась на камни, — когда-то в древние времена, говорят, был такой случай... Девушка поцеловала дракона, а он превратился в прекрасного юношу!

Я вздрогнул, зябко повел плечами.

— Кошмар! Чудовищно!.. Насколько же она была отвратительной, что красивый и гордый дракон превратился в это омерзительное существо!.. Вот так и общайся с людьми. От вас одни пакости. Недаром вас едят сразу без всякого «драсте».

Она сказала торопливо:

— Нет-нет, там все было не так! Он был когда-то человеком, но его заколдовали, превратив в дракона. Когда она его поцеловала, он всего лишь вернулся в человека!

Я сказал с сомнением:

— Брехня.

— Почему?

— Даже если побыл драконом совсем немного... это же так прекрасно, ни за что не захотел бы снова в человека. В дракона превращают в награду, а не в наказание!

— А если не знал, что превратится?

— Но превратился? Ну тогда с горя тут же сожрал дуру, что лишила его такого счастья...

Она покачала головой и напонила:

— Он же стал человеком.

— И что?

— Он не смог ее сожрать.

— Тогда просто прибил? — предположил я. — За дурость? Не поверю, что стали жить долго и счастливо. Как мог прожить без полетов?

Она подумала, голос ее прозвучал неуверенно:

— Говорят, он часто поднимался на самую высокую башню и смотрел в ночное небо...

— А потом, — предположил я, — однажды прыгнул...

Она зябко повела плечами, спина сгорбилась.

— Это... страшно. Хотя падение и похоже на полет... но лучше такое даже не вспоминать.

Я поднялся, осторожно встряхнулся, стараясь не задеть их колышающимися боками с острыми шипами.

— Ладно, вы тут порассуждайте глубокомысленно о важных вещах... в смысле, пощечите о тряпках и бусах, а я летаю по делам.

— Какие у ящерицы могут быть дела? — спросила Мириам подозрительно.

Принцесса сказала обиженно:

— Мириам, как ты можешь? Это совсем не ящерица. Он прекрасен...

— Эта гадкая шелудивая жаба? — переспросила Мириам в изумлении. — Вики, да более мерзкого существа просто не бывает на свете! И еще он собирается нас съесть.

Принцесса подняла на меня взгляд чистейших глаз, я видел в них предельное доверие, и сказала тихо:

— Ну и пусть ест. Ему можно.

Мириам закатила глаза, а я рыкнул, скрывая смущение:

— Не потеряйтесь тут.

Они вышли из пещеры посмотреть на мой взлет, и я едва плечи не вывихнул, постаравшись сразу с края рвануться вверх по крутой дуге. Моя тяжелая туша тянет вниз, мышцы трещат, а суставы выскакивают из сумок, но я поднялся красиво и гордо, словно сокол, и только под облаками пришла трезвая мысль: а на хрена? Выпендриваюсь перед

двумя красивыми дурами, чуть сухожилия не порвал, тоже мне дракон! Да и для Ричарда Длинные Руки как-то мелко-вато...

Ну и что, сказал себе, оправдываясь. Инстинкт! Если по уму, то могу и отказываюсь от красоток, что врываються прямо в спальню... кстати, надо узнать, кто такая... вернее, кто за нею стоит и чего добивается... а если не по уму, то все мы одинаковые, это верно...

Солнце мою горбатую спину не жжет, лучам не проникнуть сквозь толстую броню, но прогрело так, что я раскрыл пасть и высунул язык, как запыхавшаяся после долгого бега собака. Чтобы не заполучить еще и тепловой удар, реже месил плотный воздух крыльями, чаще планировал, растопырившись весь, как старая и хитрая камбала, благо восходящие тепловые потоки стараются поднять мое дельтопланистое тело еще выше.

Земля проплывает медленно, словно огромный ковер, утаскиваемый неторопливыми волами. Совсем недавно я оставил зеленый край, где луга да леса, а здесь чаще вижу выжженную степь с короткой травой, а то и золотые барханы песка, с которыми упорно сражаются оазисы и упрямо вцепившиеся в землю длинными корнями дубовые рощи.

Ярко выраженной границы между Орифламме и Гандерсгеймом, конечно, нет, однако переход из лесостепной полосы в пустыню слишком короток и заметен. Здесь солнце кажется ярче, светит сильнее, а привычные дубы и березы начинают уступать островкам пальм и олив. Да и чувствуют себя в этом знойном мире дубы неловко: опускают ветви, горбятся, стараются выглядеть мельче, в то время как пальмы возносятся горделиво и высоко, распуская в пламенном воздухе широченные листья.

Я всматривался в проплывающую внизу землю, весьма обширные территории, старательно запоминаю расположение рек, ущелий, крупных городов, но какая жалость, что нет ясно видимых надписей: город такой-то, а этот — такой-то, а еще чтоб цветными линиями были обозначены границы между королевствами. А самое главное, чтобы вся эта однородная масса скачущих варваров как-то различа-

лась, мелькающие баннеры мне ничего не говорят, а мои военачальники вряд ли образуют такой аналитический центр, который на основании собранной информации составит точную политическую карту...

Хотя, кто знает, могут и составить. Я зря недооцениваю своих лордов, они привыкли понимать этот мир.

От глаз в мозг пошел новый сигнал, я насторожился и заново просканировал проплывающую внизу пустыню, что же это заметило мое подсознание или сознание, это неважно...

На вершине песчаного бархана расположился, подогнув под себя ноги и застыв в такой неудобной позе, косматый человек с блестящей под солнцем худой спиной и резко выступающими позвонками. Из одежды я усмотрел лишь набедренную повязку из шкуры, ноги голые, кожа на подошвах толстая, как копыта, что почему-то пустило предостерегающий холодок вдоль длинного хребта, а гребень на спине принял боевую стойку.

Жаркое солнце жжет спину и плечи, напекает голову, со всех сторон раскаленные пески...

Ура, сказал я себе беззвучно. Похоже, это тот, о котором со страхом и восторгом говорила Мириам. Рискнуть или не рискнуть?.. Против меня статистика, но на моей стороне — опыт тех, чьи кости перемолоты под завалами Великих Войн Магов. Ну хоть что-то же я знаю больше, чем остальные? Дурак буду, если не воспользуюсь. И трус. Главное — трус.

Я сделал круг на большой высоте, сложил крылья и начал опускаться как можно беззвучнее, держа взглядом песок в сотне шагов за спиной великого отшельника. Он не оглянулся, погруженный в глубокие думы, но у меня создалось странное впечатление, что видит меня отчетливо. И как снижающегося дракона видел, и как человека, что возник на месте припесочившейся крылатой рептилии в куче вновь возникшего песка.

Горячий и жаркий, как раскаленный металл, он сдавил спину и грудь, я забарахтался, поспешно выползая на поверхность. Отшельник не поворачивался, что несколько задевает, видит же меня, гад, даже не удивился, тоже мне йог,

я отряхнулся и пошел к нему широкими шагами, что не просто, когда сапоги увязают в песке почти по колено.

— Я с миром!.. — провозгласил я громко. — Приветствую вас, мыслитель! Промысленная мысль приобретает вид мудрости, подобно тому как уже в семени прозревает большое дерево. Ничто не свободно так, как мысль человека. Проснувшаяся мысль всегда будит другую. Удобнее грешить мыслью, нежели делом... Гм, простите, это из другого раздела мудрости.

Солнце блестит на широкой костлявой спине, словно на отполированном морскими волнами валуне, нечесанные волосы падают на плечи и свисают с обеих сторон лица.

Отшельник не повернулся, пришлось осторожно обойти его по широкой дуге, но и тогда он не поднял голову. Я осторожно приблизился и опустил на горячий песок, стараясь тоже подогнуть под себя ноги.

— Я много слышал о великом Мидурге, — сказал я почтительно. — Вы ведь и есть тот самый мудрец, что обьял разумом землю и небо?

Он медленно поднял голову, я содрогнулся, никогда не думал, что человеческое лицо, даже настолько и страшно опаленное солнцем, все-таки может выглядеть так ужасно. И всего-то на нем отпечатались нечеловеческая скорбь, тоска. И чувствуется, что это выражение не менялось... очень давно.

— Я никого не приглашаю, — произнес он ровным голосом, но угроза в нем прозвучала такая, что пески вокруг покрылись изморозью, — но почему-то приходят... и приходят.

— И никто не ушел живым? — спросил я.

Он даже не взглянул на меня, а голос прозвучал так же ровно:

— Думаешь, ты, чужестранец, умеющий превращаться в дракона, уйдешь? Для меня что дракон, что комар.

Я огляделся по сторонам.

— Не вижу костей.

— Зато прибавилось песка, — ответил он коротко.

— Разумно, — согласился я.

Он произнес тем же нечеловечески ровным голосом:

— Ты знаешь, кто я и почему я здесь?

— Честно говоря, нет, — ответил я виновато. — Знаю только имя, а еще говорят, что сильнее вас нет мудреца. Больше ничего не знаю, но я нездешний...

Он прервал:

— Я — Мидург, мне семь тысяч лет. Я ищу истину. И все, что мне может помочь...

Я почтительно вклинился:

— Но тогда нужно идти к людям!

Он прервал еще резче:

— Самые мудрые из них не знают и тысячной доли того, что знаю я! Это сборище глупых животных, зачем-то наделенных речью.

— Муравьи сообща тащат и дохлую мышь, — обронил я.

— Мудрость сообща не добывается. Ты можешь сказать мне что-то настолько важное, чтобы я оставил тебе жизнь?

Я подумал, сердце колотится бешено, сломил тонкую сухую веточку и разломил ее на шесть одинаковых по длине прутиков.

— Уверен, ваша великая мудрость поможет сложить четыре треугольника. Если сумеете, то...

Он посмотрел на меня с недоумением.

— Четыре?

— Да.

— Из шести палочек?

— Абсолютно верно.

Он с сомнением покрутил их в руке.

— Это возможно?

Я кивнул.

— Иначе бы не спрашивал.

Он нахмурился, начал раскладывать их так и этак, вскоре ровный песок был весь испещрен следами, словно вокруг нас ходило множество птиц, но треугольников получалось не больше двух. Даже на третий всякий раз не доставало одной палочки.

— Ерунда, — сказал он раздраженно. — Это невозможно!

— Все очень просто, — сказал я. — Хорошо, если это для вас слишком сложно, то вот задача попроще...

Я быстро потыкал в песок прутиком, оставив девять точек по три в ряд. Получился аккуратный такой квадратик. Мудрец следил за моими пальцами внимательно, словно подозревал хитрый трюк.

— Зачеркните, — предложил я, — их все четырьмя линиями...

Он хмыкнул и, зачеркнув тремя, посмотрел на меня восторженно.

Я закончил:

— ...не отрывая пальца от песка. Или прутика. Словом, не прерывая линию.

Он попробовал повторить, не получилось, с ходу попробовал так и эдак, нахмурился, брови сошлись на переносице, я чувствовал, как напряженно раздумывает, над головой возникло легкое облачко перегретого воздуха, сгустилось, медленно налилось багровым огнем.

После продолжительного молчания буркнул:

— А эта загадка имеет решение?

— Конечно, — ответил я небрежно. — Очень простое.

Он проворчал:

— Какое?

Я ответил любезно:

— Для этого нужно всего лишь выйти за рамки вашего мировоззрения. Вы в скорлупе своих мудрых взглядов, варитесь в собственном соку.

Он смотрел угрюмо, я молчал и любезно скалил пасть.

— Хорошо, — сказал он наконец. — Покажи, как это сделать можно.

Я наклонил голову и сделал голос понимающе-язвительным:

— Это значит, как я понимаю, что вы не в состоянии сами решить?... Хорошо-хорошо, не нужно взрывать мир! Вот как это делается.

Я легко перечеркнул все девять, дважды выйдя за пределы незримых стен квадрата, поднял голову и с удовольствием смотрел в его лицо с отвисшей челюстью.

Наконец он проговорил с досадой:

— Как просто...

— Все объясненное кажется простым, — согласился я. — Кстати, оно и является простым. Но для этого надо либо уметь смотреть на вещи... как и взгляды, кстати, под другим углом, либо уметь выходить из рамок, которых нет, но которые мы почему-то ставим себе сами.

Он медленно и с явным трудом оторвал утрюмый взгляд покрасневших глаз от рисунка на песка. На меня взглянули сузившиеся от ярости зрачки одураченного чародея.

— А ты... умеешь выходить из этих рамок?

— Легко, — ответил я и добавил поспешно: — Что не моя заслуга, конечно.

— У тебя были великие учителя?

— Да.

— Кто?

— Человечество, — сообщил я. — Это наш путь. Вы хоть и живете тысячи лет, но ваш кругозор ограничен собственным опытом, взглядами, привычками, предрассудками, предпочтениями. Мы же согласились корпускулироваться, разбились на сотни, тысячи, миллионы, а потом и миллиарды тел, что хоть и составляют одного человека, мы его называем человечеством, но умирают, передавая этому Большому Человеку накопленные знания. Однако он коптит, меняет, добавляет другие. От большинства отказывается сразу, другие выбрасывает по истечении срока годности или изношенности, берет на смену новые, более совершенные и точные... Таким образом мы не зашорены, мы не бываем в плену своих взглядов. И вот потому мы развиваемся намного быстрее, чем любой мудрец, даже живущий свои сотни тысяч лет.

Он смотрел исподлобья, раздраженный и начавший гневаться, но я видел и смятение в его взгляде.

— И что... ваши мудрецы уже знают, зачем это все?

Я покачал головой:

— Увы, еще нет. Но я даже не буду спрашивать, до чего домыслились вы, великий, потому что... только не гневайтесь!.. наши мудрецы явно продвинулись дальше и знают

больше. Не потому, что они мудрецы, а потому, что у нас каждое поколение становится на плечи предыдущего, и потому у него кругозор больше. А вы, великий, выше не становитесь...

Я поднялся, медленно отряхнул одежду от песка. Отшельник смотрел снизу вверх, лицо начало меняться, я поспешно отвел взгляд в сторону.

— И все-таки ты дурак, — сказал он внезапно, — ты не понимаешь самого главного.

— Чего?

— Почему маги уходят от людей, — ответил он раздраженно.

Я покачал головой:

— Не все уходят. Многие живут в городах и даже селах.

Он отмахнулся в еще большем раздражении.

— Не понимаешь, — повторил он, — то не маги... а так, пыль. Маги — это... которые могут многое. И потому нам нельзя жить среди людей. Те сразу превращаются в ленивых тварей. Сперва это еще люди, что иногда просят о пустяковом для нас одолжении, ну там спасти умирающего ребенка, вылечить отца, на которого упало дерево и сломало спину... потом начинают просить все больше и больше, потому что можем дать все простым щелчком пальцев, а в таком случае как не хочется работать, орошать поле соленым потом!.. И вот постепенно целый край превращается в бездельников, которые не хотят работать, не хотят даже сами думать, потому что мы умнее и всегда можем подсказать решение получше! А то и сделать все за них.

Я подавленно молчал, потом пробормотал:

— Простите, мудрый. Я в самом деле никогда не смотрел с этой стороны... Вы правы, человек всегда старается сделать меньше, а получить больше. На этом и покоятся основы прогресса.

Он хмыкнул.

— Да, но прогресс возможен, если нет помощи со стороны, и надо самим! А когда достаточно просто попросить...

Я спросил:

— А почему не отказаться?

Он посмотрел на меня с жалостью.

— Как? Когда приползают на коленях, когда приводят голодных оборванных детей? Когда говорят обвиняюще: тебе достаточно шевельнуть пальцем, и мои закрома наполнятся зерном, подвалы окороками, а бочки — вином! Хуже всего, что это в самом деле так. Я могу даже пальцем не шевелить, но закрома всех домов на много миль вокруг наполнятся зерном, а кувшины — медом. Но к чему это приведет дальше? Мы ведь живем тысячи лет, ты не можешь представить, во что превращаются эти люди всего через два-три поколения!

— Могу, — ответил я.

— Как?

— У меня свои методы, — ответил я таинственно. — Другая школа... Приятно было пообщаться, но мне надо лететь по своим мелким муравьиным делам. Драконы сродни муравьям. Как и люди вообще-то.

Он спросил внезапно:

— А что насчет четырех треугольников?

Я засмеялся и, оставив один на прежнем месте, три палочки воткнул кончиками в песок, поставив шалашик над ним сверху.

— Всего лишь выйти из плоскости мышления!

Он в великом изумлении смотрел на получившуюся фигуру. Губы шевелились, будто снова и снова пересчитывал треугольники, хотя что там считать, все четыре видно сразу.

Я отошел на несколько шагов, чтобы не засыпать его песком при взлете, отшельник поднял голову.

— Погоди!.. — произнес он, в голосе впервые прозвучало смятение. — Ко мне приходят короли за помощью... но редко получают. Что хочешь получить ты?

Я широко улыбнулся и медленно перетек в огромного дракона, очутившись в ямке из песка. Уже в прекрасной личине закованной в броню рептилии, развел крылья, готовясь к прыжку.

— Выходите за пределы, — возгласил я мощно, — искатель истины! Не губите жизнь, топчась на месте.

Он смотрел ошалело, как я оттолкнулся и красиво взмыл в небо. Уже там меня догнал его крик, полный потрясенного изумления:

— Но это помощь мне! А что тебе?

— Христиане всегда помогают слабым и хилым, — крикнул я так гордо, словно на мне рыцарские шпоры, а не когти на задних лапах. — Это наш долг!

Глава 4

Могучие рывки отдохнувших крыльев быстро поднимают в высокие слои, где воздух не так накален, к тому же как на ладони вся область с рощами, речками, горами и холмами, а также удобные зеленые долины, где можно попутно пасти коней, а людям отдыхать в тени деревьев.

Вообще-то надо бы что-то попросить взамен, явно же этот гад может очень многое, а у меня проблем выше крыши, но теперь уже поздно... да и тогда было поздно: рыцари не просят, а сами оказывают одолжение, как я и сказал потом. Слишком красиво и эффектно я показал свое превосходство, хотя это вообще-то не мое, а всего человечества, что придумало как тысячи загадок, так и ответы на них. Но все равно, мое или не мое, а надо было держать гонор, нельзя просить рыцарю, хотя демократ попросил бы, но я, такой дурак, когда надо быть демократом — рыцарство так и прет, так и прет, пошло оно в задницу...

Расстроенный, я тем не менее летел мощно и красиво. Мало ли, какие сомнения терзают и вообще раздражают душу гнилого интеллигента, но это я очень глубоко внутри интеллигент, а снаружи сама круть — уверенная, бескомпромиссная и ломающаяся вперед во имя правого дела.

Впереди показался город, просто город, сейчас имя неважно, просто заметка для памяти, здесь можно разместить на прокорм пару больших отрядов, да еще церковь начать строить на месте нынешней стелы...

Город выглядит большим и богатым, только стела оказалась слишком мелкой. Мелькнула мысль, что здесь

карбонарии берут верх, вот уже уменьшают символ зависимости... хотя как, не понимаю!.. Нет, здесь, скорее, другое. Выстроили стелу, вполне соизмеримую с размерами небольшого городка, но с того времени город разросся, выплеснулся за стены, а потом опоясался новой стеной, вон видна и старая... ага, а дома здесь старые сносили и строили новые, что значит, еще как не бедствуют...

На городской стене двое стражников задрали головы. Я горделиво ухмыльнулся, моя личина исчезновения надежна, как никогда. Я сам чувствую, как управляю ею все легче и проще...

Один из стражников указал в мою сторону пальцем, словно в самом деле видит грозного дракона, громко закричал. Неужели все-таки рассмотрели, мелькнула мысль. Молодцы отцы города, снабдили этих ребят самыми могучими амулетами, что проникают через любую защиту...

На стене появились еще двое, быстро подняли что-то наподобие большого арбалета на станине. Я смотрел с интересом, действуют умело и слаженно, молодцы. Старший махнул рукой, блеснула металлом стальная тетива, в мое сторону сорвалась крупная стрела, размером с дротик. За нею остается дымный след, а потом и вовсе посыпались искры.

Я беззвучно засмеялся и небрежно сделал красивый рывок в сторону. Стрела должна промчаться мимо, затем упасть на землю... Я похолодел, когда она вдруг моментально изменила курс и понеслась на меня, да еще и с заметным ускорением. Я едва успел сделать резкий нырок, стрела сейчас промчится выше...

Меня тряхнуло, жуткая боль пронзила насквозь, сразу же по ушам ударил недобрый треск испаряемой брони на спине. Мимо пронесло костяные пластины с окровавленными кусками плоти. Меня перевернуло, на крепостной стене далекие фигурки запрыгали, донеслись отвратительно ликующие вопли.

Теряя сознание от боли, я распластал крылья, не в силах ими пошевелиться. Земля начала приближаться, я попытался расправить плечи, но адская боль заставила взвыть. Кровь выбрызгивается горячими струями, ее сдува-

ет ветром и бросает капли мне в морду. Я выл и хрипел, челюсти стиснуты, только бы не потерять сознание еще в воздухе...

Навстречу понесло оливковую рощу. Я вломился в верушки, там трещало и ломалось под моим телом, что-то вонзилось в мое израненное, лишенное брони тело.

Я взвыл еще раз и потерял сознание...

Громкие голоса и треск ветвей заставили вздрогнуть и очнуться. Я приподнялся на дрожащих руках, на лицо прилипли травинки и листья, я в человеческом теле у подножья кучи песка начал отползать в кусты.

Какое счастье, что деревья смягчили падение.

— Идите сюда! — донесся крик. — Здесь что-то не так!

— Следы? — крикнули с другой стороны.

— Нет, — ответил первый голос, — обломаны ветки и откуда-то песок.

— И что?

— Дурак, а ты видел в этой роще белый песок раньше? Мы же тут раз в неделю бываем!

Голоса умолкли, я понял, что следопыты направляются в мою сторону. Тяжело дыша, я заполз глубже под защиту кустов. На мне изорванная одежда, ноют и чешутся бока и плечо, меч утерян, не превратились в лохмотья только сапоги.

Голоса приближаются, я приподнялся на четвереньки и отбежал к толстому дереву, а там, держа его между собой и преследователями, рискнул углубиться в рощу.

Острая боль то и дело скручивает мышцы. Что стряслось с моей регенерацией или раны несовместимы... или почти несовместимы с жизнью? Я упал в выемку и заполз под нависшую над нею корягу, как и положено рептилии или гаду подколодному, затаил дыхание.

Вскоре почти над головой слышались шаги, один остановился и смотрел в мою сторону, но поверх моего убежища.

Второй крикнул в нетерпении:

— Ну чего?

Первый сказал хмуро:

— Вряд ли теперь поймаем... А если он превратился в червяка? Или в муравья?

— Дурак, так даже великие маги не могут!

— А они тебе докладывали? — осведомился первый. — Этот жё явно чужак. Все в королевстве... да и соседи знают, у нас небо держат чистым от драконов, гарпий и даже коршунов. Кто бы ни прилетел, его тут же в пух и перья... Так что это дальний чужак, точно говорю!.. Вот и напоролся...

— А где труп? Такого дракона да не отыскать? Он же десяток деревьев повалил!

— Говорю ж тебе, — сказал первый раздраженно, — его только ранили! А теперь он превратился в муравья, жука или еще какую-то мелочь. Нас хоть тысячу сюда пришли искать, без толку. Сидит где-то на дереве и зализывает раны.

— Может, посмотреть на деревьях?

— Ну, посмотри-посмотри.

Судя по хрусту веток под ногами, один из стражников в самом деле послушно пошел осматривать деревья. Его обматерили за дурость.

Наконец эти двое ушли, я прислушивался к затихающим голосам, это хорошо, что терпел, их тут с полсотни, с одними бы красиво дрался, а другие бы нашпиговали арбалетными болтами в спину...

Выждав еще, а то вдруг, я бываю и очень осторожным, хоть и потом, к сожалению, я медленно, все время посматривая на небо и по сторонам, выдвинулся из рощи. Неуютно оставлять за спиной надежные толстые стволы олив, за которыми так удобно прятаться, но вдруг маг пошлет на поиски загадочно исчезнувшего дракона своих учеников, от тех с моим скудным арсеналом не спрячешься.

Справа всего в полумиле раскинулся город, над которым меня и шарахнуло. С земли видно отчетливо, что не такой уж и плоский, как видится сверху, в центре небольшая возвышенность, на которой огромный, как целый город, дворец. Деталей не рассмотреть, но видно, что строился тоже веками, слишком заметно наслоение разных стилей, вкусов и характеров архитекторов.

Справа от роши намного дальше еще город, поменьше, но чем-то похож, даже дворец, смахивающий на небольшую крепость, на подобной земляной выпуклости. Все правильно, я сам как-то не доверяю замкам, что строятся посреди поля. Здесь не замок, нет привычных зубчиков на стенах или на фасаде, но, скажем так, фортификация...

Главное же, как сказал тот искатель подбитого дракона, небо над королевством перекрыто для крупных летающих целей. Правда, не думаю, что так уж и перекрыто, но над городами наверняка драконам появляться не дозволено... А это значит, надо сперва выйти из опасной зоны.

Я ускорил шаг, настороженно глядя по сторонам. В лохмотьях одежды, без меча, усталый и жутко голодный, регенерация жрет калории, как каледонский вепрь, желудок кричит и в исступлении начинает грызть ребра.

И все-таки я осторожничал, перебегал от одного островка деревьев к другому, прятался в кустах и пробирался там, как гордый лев, то есть на четвереньках.

Наконец удалось выбраться в совсем уж странное место: грубо изломанные скалы, нагромождение исполинских глыб, по виду похожих на металлические слитки, однако на некоторых поднимаются дивные цветы: нежные, на тонких стебельках, с изысканными чашечками и красиво вырезанными лепестками. На мой взгляд, такие непросто вырастить и в оранжерее, капризные даже с виду, а чтоб вот так жили сами по себе...

Миновав это опасное уже необычностью место, я вздохнул и зашагал свободнее, вряд ли погоня углубится за мной так далеко...

Тропинка сузилась, зажата между крупными валунами, некогда последняя скала рассыпалась на фрагменты, я прибодрился, перевел дыхание, но впереди пала грозная тень: силуэт человека с упертыми в бока руками.

Я поднял голову, черноволосый с черной смоляной бородкой и густыми чернющими бровями, картинный разбойник, да еще и крупная серьга в ухе. Он крикнул насмешливо:

— Стой! Сбор за топтание земли нашей.

Не оглядываясь, я увидел, как из-за валунов выскочили и загородили отступление двое. Впереди поднялся еще один, да и разбойник, явно вожак, легко спрыгнул и заступил мне дорогу.

Крупный, жилистый, он поиграл коротким мечом, пальцы другой руки на рукояти длинного ножа за поясом.

— Ты зря пошел по этой дороге, — сказал он с довольной ухмылкой. — Ну раз уж пошел... оставь свой кошелек и топай дальше.

Я осведомился:

— Ребята, что у вас с глазами? Я похож на человека, у которого есть кошелек?

Разбойники скалили зубы, вожак ответил уже серьезно:

— Похож. Одежда порвана, но на тебе ни одной царапины. Ты больше похож на человека, который украл что-то ценное и сумел вовремя удрать.

Рядом с ним разбойник, лохматый, тертый, с быстрыми глазами, сказал быстро и почти благожелательно:

— Деньги не пахнут, когда их нет. Сэр, у вас манеры благородного человека. А разве для человека вашего сословия не самое ценное на свете — идти чистым и свободным?

Я осторожно косился на тех, что зашли сзади и теперь с оружием в руках приближаются с боков.

— Но зачем вам деньги? У вас самих такая свободная жизнь... И наверняка чистая совесть.

Тот же лохматый и тертый сказал так же примирительно:

— Деньги все могут сделать. Они срывают горы, высушивают реки. Нет такой вершины, на которую не мог бы взобраться нагруженный золотом осел.

— Хорошо сказано, — пробормотал я.

Он продолжал еще громче, явно воодушевленный:

— Деньги — общее достояние! Каждому позволено брать столько, сколько он хочет... при условии, что он это может.

Они подошли совсем близко, я возразил совсем тихо:

— Вы очень ученый человек. И знаете, что деньги причиняют больше всего неприятностей, когда их делят...

Они переглянулись, я попал в больное место, и в тот же

миг мой кулак ударил одного в лицо, от взмаха лохматого я увернулся и выдернул у него из руки меч. Он только охнул, когда острое лезвие вспороло живот его жожаку.

Четвертый ринулся, размахивая мечом, я торопливо уклонился от удара, полоснул несчастного по горлу. Тот, которому я кулаком разбил нос, бросился на меня с поднятым топором.

Я с легкостью увернулся, разбойники не имеют представления об искусстве фехтования, разрубил ему голову и сделал шаг к грамотному, у которого я отнял меч. Он как раз подхватил оружие из руки жожака, но посмотрел на меня и торопливо бросил клинок мне под ноги.

— Мне против вас не выстоять, — произнес он невесело. — Прошу подарить мне жизнь... сэр.

Я смерил его придирчивым взглядом, типичный разбойник, но строит фразы грамотно, цитирует великих, жаль убивать этого местного Франсуа Вийона.

— Ладно, — сказал я, — живи. Но вот к твоим мудростям еще одна: деньги портят людей, поэтому неудивительно, что некоторые не видят в деньгах для себя опасности. Теперь убирайся!

Он поклонился, попятился, все еще поглядывая на меня настороженно, двинулся спиной в заросли, и уже оттуда донесся его веселый голос:

— Вы правы, ваша милость! Деньги не пахнут. Пахнут те, у кого их нет...

Глава 5

Я шел быстро, если и будут меня искать еще, то не за пределами же своего королевства.

Редкий кустарник сменился каменной россыпью, я слышал, как по ту сторону косогора простучали частые шаги, опустил ладонь на рукоять меча и пошел медленнее.

Невысокая скала ушла в сторону, из-за каменной гряды на тропу выпрыгнул запыхавшийся человек, я узнал того грамотного разбойника, у которого отнял меч.

Он упал на колени, голову склонил на миг в почтитель-

нейшем поклоне, но тут же поднял и прямо посмотрел мне в лицо.

— Меня зовут Омаль, — сказал он торопливо. — Могу ли я жизнь, которую вы пощадили, вернуть вам?

Я подумал, кивнул.

— Можешь.

Он счастливо подхватился, едва я прошел мимо, потащился сзади. Некоторое время я следил за ним в других диапазонах, однако не пытается ударить в спину, хотя за поясом длинный узкий нож и короткий и опасный меч на перевязи, а удобные моменты подворачиваются не однажды.

— Ты кто? — спросил я отрывисто, потому что герой должен говорить зло и коротко, это дракон может молотить языком, с него взятки гладки.

Разбойник ответил быстро:

— Бывший десятник из племени Черных Рысей.

— За что изгнан?

— Выпили с другом вина в походе.

— Да, — протянул я, — это серьезное нарушение... Вот что, Омаль. Наш корабль потерпел крушение, меня выбросило на берег. Так что я не знаю, как тут живут...

Он ахнул:

— Господин с островов? Как я не догадался, видя такой рост и силу!.. Старики говорят, что такие люди остались только на островах, откуда наши предки! А здесь мельчают, забывают о нашем великом прошлом героев!

— Да уж, — проворчал я, — потому этот край падет под второй волной завоевания. Разнежившихся всегда захватывают.

Он подумал растерянно, наконец произнес:

— Ну... если завоюют люди нашего корня...

— Только королей и всю власть сменят, — заверил я. — Зато этот край...

— Гандерсгейм, господин!

— Гандерсгейм станет великой державой и захватит все соседние королевства. Мы всегда так делаем.

Он вздохнул:

— Жаль, у нас в соседях только королевство Сен-Мари.

— Ничего, — заверил я, — и до других доберемся! А сейчас мне нужно понять, где мы. Что это за королевство? Если уж я оказался здесь, я должен узнать побольше, прежде чем вернуться к своему народу...

Из зарослей с оглушительным треском ветвей выметнулся громадный ящер. Я успел увидеть огромную пасть, усеянную длинными острыми зубами, красный, как ад, зев и горящие лютой ненавистью маленькие глазки. Омаль закричал, а я выхватил меч...

...прыгать в сторону поздно, я подпрыгнул как можно выше, ноги трянуло, а я, извернувшись, всадил меч обеими руками в загривок. Куда метил, не попал, скорость чудовища была слишком велика, но лезвие удачно вошло между пластинками на спине, рукоять вырвало из моих рук, едва не вывернул пальцы.

Ящер пронесся дальше, я упал и уже на земле увидел, как он быстро разворачивается для нападения снова...

Яркий лиловый свет охватил его с головы до ног, морда перекосилась, земля дрогнула от ужасающего рева. Ящер сделал еще пару шагов в мою сторону, его качало, он завалился на бок, дрыгнул лапами и... растаял в воздухе.

Омаль подбежал с обнаженным мечом, растерянно оглядывался, пригнувшись и в позе готовности встретить нападение, потом поднял мой меч и принес бегом.

— Как вы, мой господин?

— Цел, — проговорил я. — Но эта сволочь располосовала чем-то мой сапог.

— Зато ноги целы, — сказал он утешающе. — Но что за тварь, что за тварь...

— Я таких еще не видел, — сказал я.

Он сказал со злорадством:

— Представляю, как он сейчас корчится!

Я спросил тупо:

— Кто?

Он объяснил с удивлением:

— Как кто? Колдун, понятно. Который вошел в этого зверя и заставил его напасть на вас. Зверя вы убили целиком, а колдуна... ну, как бы малость.

— Убил?

— Немножко, — повторил он. — По-нашему, ранили.

— И это хорошо, — сказал я. — Хоть поцарапал гада...

Он сказал горячо:

— Чтоб такого зверя контролировать, нужно было отдать не меньше четверти своей мощи! И жизни. Так что он теперь не рад, что с вами связался.

Я сказал озабоченно:

— Как бы еще мстить не начал.

Он отмахнулся.

— Ему не до того. Это не великий колдун, те вообще людей не замечают.

— Лучше пойдем отсюда побыстрее, — сказал я.

Несмотря на жаркий солнечный день, весь мир оставался серым с примесью некоторой желтизны, словно в воздухе висит мельчайшая пыль и все окрашивает в свой цвет. Даже само солнце не больше чем белый кружок, серые облака, серые горы и серые деревья.

Затем мы шли по краю озера с неприятно серой водой, куда падают серые тени от серых деревьев. По контрасту с оставленным за спиной зеленым сочным миром, полным стрекотания кузнечиков и бегающих муравьев, я чувствовал себя, словно попал в унылое чистилище и с каждым шагом приближаюсь к границе Ада.

Омаль вытянул руку.

— Люди. Поселок.

Я пригляделся, сперва искал взглядом домики или хотя бы хижины, потом увидел, что мой спутник указывает на норы в сухой глиняной стене.

— Думаешь, стоит зайти? — спросил я с сомнением.

Он заметил, что я то и дело оглядываюсь, спросил настороженно:

— Что-то заметили, мой лорд?

Я покачал головой:

— Нет...

— Но что вас беспокоит?

— Именно это и беспокоит, — ответил я сумрачно. — За нами должен идти отряд головорезов... отставая всякий раз

ненадолго, как только мы делаем что-то неожиданное и опасное для нас же самих, но потом они начинают снова наступать...

Он испуганно оглянулся, ничего не увидел, но добросовестно некоторое время прислушивался, потом перекрестился и сплюнул на землю.

— Такие страсти рассказываете... Кто за нами может идти?

— Отряд наемников, — сообщил я. — А во главе местный гад, который заплатил им золотом за наши головы. Нам нужно оторваться, приятель!.. Впрочем, как бы мы ни спешили, они все равно будут отставать всего на один шаг. Так что лучше нам сосредоточиться на финальной схватке в главном храме, полном золота и прочих сокровищ, а также Кристаллов Власти, половинок Мечей Силы, фрагментов Печатей Мощи, Камней Вечности, амулетов Неуязвимости, талисманов Победы, стрел Альбиноса...

Он вскрикнул:

— Господи, что еще за стрелы Альбиноса?

Я отмахнулся.

— Мне откуда знать? Может, не Альбиноса, а какого-нибудь Анубиса или Святого Ануса. Это не важно. Можно, конечно, отдохнуть, я просто чувствую, что храм уже близко. С другой стороны, нельзя не зайти к этим по дороге, это будет неправильно...

При нашем приближении из нор начали выходить люди в серой запыленной одежде и с широкими капюшонами на головах, полностью скрывающих лица.

Они прямо под стеной с норами встали в полукруг и выкрикивали нечто нечленораздельное, как мне показалось, затем я уловил ритм, начали хлопать в ладоши и притопывать, ветки кустов мелко задрожали.

Налетел ветерок, поднял опавшие листочки, но не понес дальше, а закружил посреди поляны. Люди этого странного поселка начали выкрикивать странно звучащее слово, все громче и громче, смерч усиливался, начал поднимать с земли слежавшиеся листья.

Я вздрогнул, посреди поляны зашевелилась земля, на-

чала медленно подниматься серо-коричневым горбом. Мне казалось, поднимается огромный медведь, что заснул несколько лет тому назад, а за это время на него намело горю листьев.

Омаль вздрогнул, прошептал:

— Не шевелитесь...

Чудовище, облепленное сухими листьями, приблизилось к нам, обнюхало очень старательно, я задержал дыхание и старался ни о чем опасном не думать, с таким зверем шутки плохи.

Омаль даже глаза закрыл, на лбу выступил пот. Чудовище неодобрительно фыркнуло, вернулось на прежнее место и с неожиданной легкостью провалилось сквозь землю.

— Пронесло, — проговорил Омаль, вздрагивая. — Фу-у-ух...

— А мог бы сожрать?

— Говорят, такое бывает часто...

Я на всякий случай не двигался, а жители начали по одному открывать лица. Нас пригласили на вытоптанную площадку, где быстро разожгли костер, начались простенькие пляски. Мы с Омалем осторожно присели у огня, как вдруг на дальнем пригорке словно из-под земли выпрыгнули люди в кожаных доспехах и с оружием в руках. Кое-кто из них, спрятав мечи, поспешно доставал из-за спины луки.

Я поспешно подхватился:

— Бежим!

Омаль заговорил обиженно:

— Но как же без боя...

— Их десятки человек, — прервал я, — и с ними маги!

Мы ринулись в кусты, а там, пригибаясь, в лес. Слышно было, как преследователи ворвались в стойбище. Послышался звук рога, воины племени ринулись в бой и сразу сцепились с чужаками.

— Они их побьют! — крикнул Омаль.

— И очень быстро, — прокричал я на бегу, — так что не задерживайся, давай быстрее!

Он крикнул немного погодя мне в спину:

— Вообще-то я полагал, что местные перебьют, их все-таки намного больше. А еще дома и стены помогают...

— Мечтай, — крикнул я, — но не замечтайся... О, Господи!

Дорожка вывела к узкому висячему мостику через пропасть, а на той стороне буквально отвесная стена. Мостик, как видится отсюда, упирается прямо в стену...

За спиной послышались крики.

— Не отставай! — прокричал я.

Мы понеслись плечо в плечо, мостик трещал и угрожающе раскачивался. Я оглянулся на бегу, лучше бы этого не делал: на той стороне показалось с десяток преследователей, но, хуже того, мост трещит за нашими спинами и рушится с такой скоростью, словно старается поскорее провалиться под нашими ногами.

Что-то это мне смутно напоминало, нечто очень далекое, мичинеристое, буквально из детства, я бежал и шарил взглядом по той стороне, все верно, интуиция или странный выверт памяти подсказали, что с последней доски моста...

— Нужно подпрыгнуть как можно выше! — прокричал я.

С разбега мы прыгнули, мои растопыренные пальцы ухватились за каменный уступ. Я с трудом подтянулся, залез, рядом подтянулся и упал, тяжело отсапываясь, Омаль.

Я с минуту лежал, потом осторожно свесил голову и посмотрел вниз. От моста вправо и влево вдоль каменной стены идут соблазнительно удобные тропки, достаточно широкие, чтобы продвигаться даже двоим плечо в плечо. Однако сверху видно, как обе упираются в тупик, а внизу все та же бездна с острыми камнями на далеком дне.

Плечи мои зябко передернулись. Когда, поцеловав стену в тупике, человек вернется, то и моста уже нет, остатки ощерились зубами обломков на дне, и до уступа вверх не допрыгнуть и не дотянуться. Остается ждать, пока заснешь от усталости и свалишься в бездну...

— Пойдем, — сказал я тяжело. — Если память не изменяет, мы еще в пределах королевства.

— Но мы оторвались!

— Если те гады не отыщут окольный путь...

Мы взобрались выше, дальше ровное каменистое плато, но как только сделали пару сот шагов, как вдали вынырнули все те же преследователи.

Омаль выругался в бессилии.

— Это все маги им помогают! Надо оторваться, пока их чары до нас не дотягиваются.

— Тогда прибавь шаг.

Мы бежали и бежали, чувствуя, как пересыхает во рту, а в груди разгорается пламя. Впереди почему-то все слышнее рев реки, а когда кусты распахнулись под нашим натиском, мы едва не сорвались с каменной плиты в бездну, где ревет и пенится бурная и очень быстрая река.

Омаль развернулся и ухватился за рукоять меча.

— Если они перебили воинов того племени, — сказал он решительно, — мы встретим оставшихся и зарубим их!

— А если они все остались целы? — спросил я с горечью. — Наверняка все. А вот мы...

Я схватил его за плечо, рванул на себя. Омаль потерял равновесие, а я толкнул еще раз уже в сторону обрыва и полетел вниз вместе с ним. Омаль стиснул челюсти, и ни звука не вырвалось из его рта, хотя в глазах был ужас и ожидание неминуемой смерти.

— Я не спросил, — крикнул я, — каким стилем ты предпочитаешь...

Сильнейший удар о воду оборвал умничанье, второй удар был снизу в подошвы. Нас понесло, переворачивая и швыряя, как тряпичные куклы. Омаль вынырнул неподалеку, я протянул ему руку, но он даже не посмотрел на нее и бешено работал всеми конечностями, стараясь подгрести к берегу.

Нас несло между высоких стен, рев становился все громче, я понял в ужасе, что этот чудовищный грохот идет от невидимого сейчас водопада. Целая река падает куда-то вниз, а там даже страшусь представить, что ждет...

— Это конец? — крикнул он.

Голова его и плечи иногда высывались настолько, словно он стоял на дне, подгибая колени.

— Все так думают, — ответил я бодро. — Держись!

— За что?

— За самолюбие!

Грохот водопада заглушал все звуки, я набрал в грудь побольше воздуха, мощный поток увлек прямо в падающую в бездну струю, размером с Ниагарский водопад. Я скользил, как по стеклянному ложу, дивный вид, если посмотреть налево, еще более дивный, если направо...

Но я посмотрел прямо и от ужаса похолодел всем телом. Острые камни высовываются, как зубы исполинского зверя, однако струя падает все же не прямо на них, я ощутил, что запас воздуха уже вышел, поспешно сменил его на новую порцию, и в этот момент вся масса падающей воды обрушилась в вырытый ею глубокий бассейн.

Я думал, что никогда уже не вынырну, хотя вроде бы и мчусь к поверхности, как пробка, наконец там посветлело, я увидел рябь множества пузырьков. Меня выбросило наверх с такой силой, что я увидел свои пятки в воздухе, затем снова в воду, но на этот раз я чувствовал, что спасен.

Некоторое время я позволял воде просто нести себя, как бревно, по мне даже лягушки пару раз прыгнули, затем поднял голову и начал осматриваться.

Течение все еще быстрое, но вода уже не бурлит, не клокочет. В сторонке мелькнуло серое, я не успел подгрести и протянуть руку, как на поверхности показалась мокрая голова Омаля.

Он отфыркивался, отплевывался, глаза дикие.

— Вы знали?

— Опыт, — сказал я лаконично.

Он огляделся, сказал счастливо:

— Мы только что миновали границу королевства!

— И что, больше не погонятся?

— Ни за что, — заверил он. — Они выгнали нас к соседям, сейчас хихикают. Дескать, вредить будем им, а это всегда приятно.

Мы гребли потихоньку, сберегая силы, в направлении берега, но вода унесла обоих довольно далеко, прежде чем ноги ударились о дно, а пальцам удалось ухватиться за свисающие в реку корни.

Омаль выбрался первым и распластался у самой воды, раскинув руки и тяжело дыша. Я выкарабкался следом, долго отплеывался, стоя на четвереньках, во рту слизь и даже стебли речных растений, словно побывал утопленником.

На берегу в полумиле от нас возвышается странная уступчатая пирамида, я долго всматривался, ломая голову над знакомой конструкцией.

— Пирамида ацтеков, — пробормотал я. — Странно, очень странно...

Омаль осторожно поинтересовался:

— А это кто такие?

Я отмахнулся.

— Да это неважно. А вот что ацтеки — странно. Почему так далеко от их родной Ацтекии? Или это инки, что было бы несколько понятнее и приемлемее... Но даже если майя... гм...

Он оглянулся в нетерпении.

— Там много золота?

— Было много, — сообщил я, — но Кортес выгреб все.

— Тогда нам ацтеки ни к чему, — заявил он решительно. — А майя?

— У тех золота и не было.

— Тогда они вообще недостойны жить, — определил он.

Я кивнул:

— Да, это учтено. Даже ацтеки, отдавшие золото, больше не живут.

Глава 6

Впереди показался город, и хотя мы уже в другом королевстве, но теперь мне любой населенный пункт кажется враждебным и крайне опасным.

Зато Омаль ожил, весело рассказывает о Гандерсгейме, и хотя знает не так уж и много, я жадно впитывал все, потому что умный человек черпает знания даже из грязных источников, и вообще — кто не хочет умереть от жажды, должен научиться пить из всех стаканов.

В воротах на нас не обратили внимания, прекрасно, го-

рожане заняты своими ремесленно-торговыми делами, я старался всем видом не обращать на себя внимания, Омаль же, напротив, раздвинул плечи и шел, задевая прохожих.

На площади вблизи стелы в честь победы собралась большая толпа. Я с некоторым удивлением увидел десятка два варваров, все обнажены до пояса, среди тщательно одетых горожан. Все держатся плотно, вот уж в самом деле одна нация без разделения на победителей и побежденных, слышатся довольные крики, смех, веселые вопли. Омаль тут же вклинился, я пошел следом, оправдывая себя тем, что надо получше узнать нравы местного люда.

Толпа оказалась не толпой, а плотным кольцом, внутри которого просторный круг, где двое мускулистых и обнаженных до пояса варваров со звоном широких мечей бьются красиво и яростно, делают финты, наносят ложные удары. Грудь одного уже в крови, у противника неглубокая рана на плече и еще одна в боку. Кровь стекает широкой полосой и намочила брюки до самого колена.

Омаль тут же вошел в азарт, как и все в толпе, орал и вздымал кулаки, глаза горят азартом, рот перекошен. Мне показалось, еще немного, и начнет участвовать в ставках.

Победитель получил монеты проигравших, вышла вторая пара, тоже варвары, эти дрались на шипастых булавах, схватка длилась вяло, крови почти нет, многие воплями выражали недовольство, но когда устроители объявили имя нового бойца, толпа взорвалась приветственными криками.

В круг вышел очень жилистый, высокий и хищно красивый воин с двумя мечами в руках. Один из устроителей провозгласил:

— Непобедимый боец Идерлунг! Найдется ли на этот раз противник отнять его славу?

Крики затихли, Идерлунг прошелся по кругу, красиво играя мышцами. Они двигались по всему телу, прекрасный рельеф, изумительная растяжка, прорисована каждая жилка, все напрягается по команде и демонстрирует готовность выполнить любое повеление.

Омаль повернул возбужденное лицо в мою сторону.

— Мой лорд, не хотите попробовать?

— Не хочу, — ответил я твердо.

— Жаль, — сказал он, — все ставят на него. Такие бы деньги собрали...

Устроители переговаривались, глядя в мою сторону. Я не понял, почему вокруг меня стало свободно, Омаль тоже отступил и сказал торопливо:

— Похоже, вас выбрали... Или вы сами?

— С какой стати? — спросил я нервно.

Идерлунг бросил на меня прицельный взгляд, я выгляжу растерянным, а толпа уже отхлынула от меня, я хоть и не сходил с места, но оказался в середине круга.

Устроители довольно посмеивались, в толпе из рук в руки переходят монеты. Идерлунг пошел по кругу, медленно и старательно разогреваясь, профессионал, страшно гримасничал и вздувал мышцы, время от времени выпускал дикий крик ярости, глаза сверкают бешено, вид безумца, но я видел, что все напускное, на самом деле никакого бешенства, никакого берсеркизма...

Он пошел во второму кругу, все еще с дикими криками ярости, а главное, долго и утомительно размахивал обеими мечами, демонстрируя отточенную технику, а еще подпрыгивал, кувыркался и бил в воздух ногами.

Народ орал ликующе, подбадривал, я тоже раскрыл глаза пошире и ахал, а воодушевленный Идерлунг вошел в раж и замахал мечами еще чаще, превратив их в сплошное сверканье острой, блестящей на солнце стали, затем сделал сальто, побил воздух подкованными сапогами, и все это, не переставая размахивать мечами.

Я отступал на шаг, еще на шаг, еще, на морде дикое изумление таким мастерством. Великий герой поединков торжествующе улыбался и под оглушительные вопли размахивал и размахивал, бил во все стороны, выдавая мне и всем тайные приемы, а главное, изматывая себя в таком циркачестве.

Уловив момент, когда движения любителя красоваться на публике от усталости замедлились, а плечи заблестели от пота, я быстро шагнул вперед и одновременно парировал красивое движение его меча. На долю секунды позже мой

кулак с сочным хрустом впечатался в его нос, ломая хрящи. Кровь брызнула широкими струями.

Идерлунг покачнулся и упал на спину. Ликующие вопли оборвались, словно их отрезало. Мало кто даже увидел, как все произошло.

Я сказал громко:

— Простите, испортил зрелище. Но оно и меня касалось, кстати.

На меня глядели с раскрытыми ртами, я старался смотреть хищно и рассерженно, мол, порву любого, кто вякнет слово против. Мало ли что, настроились любоваться прекрасным танцем с мечами до вечера, но эта хрень к скупому и невыразительному искусству боя отношения не имеет. Тем более к бою насмерть, когда важна не красота, а эффективность.

Омаль громко и победно захохотал, на меня смотрит с любовью и гордостью.

— Мой лорд, — сказал он, — это был самый короткий бой за всю историю поединков.

Идерлунг, корчась на земле, пытался зажать обеими ладонями лицо, а из сломанного носа кровь всегда хлещет ручьями.

Я спросил громко:

— И что... это вот... что там ползает... и есть воин?

Омаль хихикнул громче.

— Его здесь считали великим! Что значит, не видели настоящих...

Я отмахнулся.

— Ладно, пойдем. Некогда смотреть на всякую ерунду.

Устроители торопливо подошли ко мне, один обратился с почтением:

— Великий воин, назови свое имя и свой клан, дабы мы почтили их славой и призами.

Я сказал надменно:

— Прирожденная скромность заставляет меня утаить мое имя, но скажу лишь, что я из клана Черных Рысей.

Лицо Омалья вспыхнуло от счастья, он смотрел на меня

так, что скажи ему броситься на меч, сразу же убьет себя со счастьем и ликованием на лице.

Устроитель поединков сказал с еще большим почтением:

— Это очень благородно в данном случае умолчать о личном имени и назвать клан.

Второй сказал с поклоном:

— Да будет отмечен твой клан на Великом хуралé! А пока прими, как победитель, вот этот приз...

Он протянул на деревянном, обгрызенном с краю подносе раскрытый мешочек, я уловил блеск золотых монет. В толпе довольно и завистливо закричали. Я улыбнулся гордо и красиво, я же теперь варвар-победитель, ладонь ощутила приятную тяжесть драгоценного металла.

— Нет выше дара, — сказал я громко, — чем победа в жаркой схватке. А золото... Его мы снова добудем в Орифламме!

Народ ликующе заорал, когда я швырнул монеты высоко вверх, чтобы успели поблистать золотым дождем под солнцем, прежде чем обрушиться на их головы.

Омаль смотрел на взметнувшиеся руки с жадно растопыренными ладонями со смешанным выражением восторга и жалости. Я похлопал его по плечу, мы отступили и, пока народ в суматохе одни монеты ловил на лету, за другими падал на землю, выбрались из толчеи.

Дома отгородили нас от площади, Омаль сказал с тем же выражением:

— Красиво... Но не лучше те деньги оставить было себе?

Я удивился:

— Деньги? Что деньги?.. Это так, ерунда для мужчин...

Он вздохнул:

— Да, но все-таки...

Я запустил руку в карман, пальцы нащупали три оставшиеся монеты. У него расширились глаза, когда я небрежным жестом впечатал их ему в ладонь.

— Держи. Такое же золото. Если не лучше.

Он рассматривал жадно, потом поднял на меня взгляд, в котором восторг разгорался все ярче.

— Красиво живете там на островах...

— А жить и надо красиво, — сказал я наставительно и поперхнулся, слова застряли в гортле.

Высоко над городом летит нечто, оставляя за собой дымный след, похожее на дракона, но не дракон, а совсем ужасное, чуждое этому миру. Мне напомнило уродливого скат-гнюза, электрическую рыбу, что лежит на дне моря, плоская, как блин, а когда накопит заряд, поднимает свою змеиную головку и всплывает к поверхности, неуязвимая и смертоносная.

Морда проплывающего над городом зверя похожа на черную закопченную печь из металла, где уже прогорели дыры. Сквозь них горячие угли светятся жутко и страшно. Когда эта жуть распахнула пасть, дрожь прошла по моему телу: зубы не длинные и острые, что больше пугают, чем вредят, а настоящие зубы хищника, привыкшие дробить кости противнику.

Глаза горят оранжевым, из пылающих ноздрей с силой вырывается пламя, а пасть похожа на вход в ад...

— Что это? — крикнул я. — С таким не справятся даже магические стрелы... Он весь из железа!

Омаль зябко передернул плечами, побледнел, но проговорил относительно спокойно:

— Такие появляются только к самым великим смутам! Недоброе предзнаменование. Будет великая война... или большой мор. Последний раз этого зверя видели, когда на эти земли впервые пришли люди с моря.

— Он нападет?

Омаль покачал головой:

— Он никогда не нападает.

— Тогда с кем дерется? Такие не могут не драться!

— Неизвестно. Известно только, что не замечает ни людей, ни скот. Как будто нас и нет вовсе. Даже обидно.

Я пробормотал:

— Ну, такую обиду стерплю. Как этот воробышек держится в воздухе?

— Чистая магия, — ответил он авторитетно. — Это... из другого мира.

— Какого другого? — крикнул я затравленно. — Других нет! И вообще Земля на трех слонах...

— Из мира магии, — уточнил он. — Так говорят. Я человек неученый, просто у меня память хорошая на умные слова. Но про другие миры я своими ушами слышал.

Я смотрел вслед улетающему чудищу уstraшенными глазами. С таким монстром ничем не справиться. Местные это понимают и не пытаются его задевать, а вот вторгнувшаяся армия из Орифламме, то бишь Сен-Мари, может попытаться добыть редкий трофей. Хотя в Сен-Мари рыцарство уже в упадке, но есть армландцы и брабантцы, так что дракон может в конце концов озлиться и уничтожить войско пришельцев...

— Одно хорошо, — добавил Омаль, — этих чудовищ не удастся ни раздражить, ни приманить! Живут выше облаков, а на землю никогда не опускаются.

— А-а-а, — сказал я с облегчением, — тогда пусть порхает... А как, ты говоришь, люди с моря захватили эти земли?

Он пожал плечами, признался:

— Это не мое дело, конечно, но было так интересно узнавать! Все пьянствовали, а я искал мудрецов и расспрашивал о древних временах...

Я слушал внимательно, память у Омаля в самом деле прекрасная, жаль, не умеет сортировать сведения, но все-таки я понял, сопоставляя фрагменты, что варвары высадились в очень удачное для себя время: в Сен-Мари в самом расцвете лютовал сепаратизм. Все части королевства обособились, воевали друг с другом, стараясь укрупниться за счет соседа, и варвары довольно легко захватили прибрежную полосу. В Геннегау обратили на них внимание, когда те подчинили себе уже несколько мелких баронств и даже графств, но прошло еще почти сто лет, пока королю Людольфingu Первому удалось воссоединить большинство областей Орифламме и укрепить свою власть настолько, что начал подумывать о возвращении в лоно королевства отколовшегося Гандерсгейма, укрепившего самостоятельность Брабанта и обособившихся Ундерландов.

В торговых рядах я купил рубашку, добротный пояс, а оттуда зашли в ближайшую таверну при постоялом дворе, где я удивил Омаля своим неаристократическим аппетитом. С набитым ртом я объяснил, что великие воины умеют наедаться и в запас. Он качал головой, помалкивал, но глаза его становились шире, когда я пожирал блюдо за блюдом, и мое исхудавшее лицо наливалось жизнью, розовело, костлявые плечи округлились, а руки стали толще и мускулистее.

— Вот бы мне так, — сказал он завистливо. — А еще выспаться в запас.

— И это могу, — ответил я скромно.

— Эх, есть же счастливые люди!.. Эй, хозяин!

Я не понял, зачем он заказал комнату на ночь, лично я намерен поскорее вернуться, раз уж вышли за пределы королевства, где беспощадно сшибают все крупные цели в небе.

Мы поднялись на второй этаж, там комнаты в мансарде, выпрямиться можно только в самом центре, дальше полотно спускается в обе стороны к самому полу. Омаль с довольным видом осматривался, явно лучше и не видывал, а я услышал шорох на крыше, сосредоточился и перешел на тепловое зрение. После короткого обморока, пока перед глазами всю плыло и кружилось, увидел, как там наверху двигаются багровые тени.

Омаль тоже насторожился, начал всматриваться в свод, затянутый паутиной. Я огляделся, в углу сиротливо стоит забытое кем-то старое копьё со сломанным наконечником.

— А я вот лягу здесь, — сказал я громко и взял копьё.

Омаль молчал, еще не зная, что я задумал, а я всматривался в потолок, доски подогнаны плотно, но мои ноздри улавливают частички запаха и рисуют не только тело, но и его положение.

Когда один остановился на миг над узкой щелью, я с силой вогнал в нее копьё. По ту сторону раздался вопль, древко в моих руках сильно трянуло. Я чувствовал, как остальные сгрудились как бараны, так что поспешно освободил острие и вогнал его в соседнюю щель.

Потеряв второго, они разбежались и поспешно начали

соскакивать с крыши, а самые толстые спускались, цепляясь за выступы камней.

Омаль с мечом наготове пригнулся, готовый к схватке.

— Неужто все еще погоня?

— Странно? — спросил я.

— Очень, — сказал он. — Думаю, нам лучше убраться.

— Я тоже не люблю, — согласился я, — когда загоняют в угол.

Убрав мечи в ножны, мы вышли через главный вход, догадываясь, что прямо посреди людной улицы нападать не станут. Никто не повел в нашу сторону и глазом, каждый занят своим делом, все спешат делать деньги, молодцы, поскорее завоевать бы эти земли, где кипит такая активность...

— Вот они!

Крик был громким, не очень-то и таятся, а это значит, либо у них больше сил, чем мы думаем, либо за ними власть...

Как два убегающих лося мы вылетели за городскую стену, прямо широкая дорога, но справа и слева густые кусты. Омаль ринулся за мной, ветки тресали и обламывались, указывая наш путь, я мечтал выбежать на каменистое взгорье, где не оставим следов, да чтоб еще скалы, подземелья...

Омаль прокричал:

— Они отстали!

— Мне такое не нравится, — ответил я нервно. — Мы не так уж и шибко бегаем...

— Но все-таки убежали!

— А не загоняют ли нас в ловушку?

— Не накаркайте, ваша милость...

Мы выбежали на ровную местность, чуточку воспрянули духом, и тут из зарослей высокой травы впереди поднялись утрюмые воины с копьями в руках. Выставив их перед собой, медленно пошли вперед, соблюдая ровную линию. Не меньше человек двадцати впереди...

Я огляделся. Так и есть, десятка полтора поднялись справа, столько же слева. А за спиной все слышнее торжествующие крики.

Выставив копья, они приближались, настороженные, готовые моментально тыкать отточенными остриями во все, что метнется навстречу или попытается прорваться через их ряды... За первой цепью из травы, словно только что выросла, поднялась вторая, за ней проступили очертания еще людей с оружием.

Омаль прошептал озадаченно:

— Даже не представляю, как нас выследили...

— И как узнали, — пробормотал я, — где устроить засаду?... Ладно, мы еще живы. И не все потеряно.

— Нас бояться, — шепнул он. — И в плен брать не будут.

— Еще не все потеряно, — повторил я.

— Мы дадим славный бой, — сказал он чуть громче. Плечи его напряглись, пальцы крепче стиснули рукоять меча. — Они запомнят и расскажут, как мы дрались: двое против сотни!

— Да, — ответил я, — конечно...

Глава 7

Передний ряд остановился с выставленными в нашу сторону копьями. Не просто остановились, а замерли, застыли. Омаль понял, хотя не видел, как и я, из-за чего так, огляделся затравленно, но у наших противников даже глазные яблоки не двигаются, словно все моментально превратились в ледяные статуи.

— Колдовство, — прошептал он.

— Омаль, — сказал я тихо, — ничего не трогай.

— Конечно-конечно, господин! Я последний человек на свете, кто захочет пробудить их от их сна.

Над поляной раздался негромкий голос, холодный и равнодушный, однако такой моши, что услышат его, как мне почудилось, на любом конце света, если того пожелает владелец:

— Кажется, я вовремя?

Омаль вздрогнул и начал судорожно озираться. Я перевел дыхание и ответил вежливо:

— Да, хорошие люди всегда вовремя. Хоть к обеду, хоть просто так.

Голос продолжил с той же равнодушной интонацией:

— Вы можете отпустить своего... спутника.

Я понял, что обращаются ко мне, ответил с некоторым напряжением:

— Да-да, я как раз собирался это сделать. Омаль, здесь справлюсь пока один, а ты... гм... топай в Йеремланд.

Он все так же озирался по сторонам, оголенный меч в готовности покачивается в руке, мускулы напряглись так, что вот-вот порвутся.

— Где вас там искать?

— Я сам тебя найду, — пообещал я.

Голос как будто приблизился, уже над самыми головами, я даже услышал сдержанный смешок, а затем прозвучало совсем уж снисходительное:

— Ты, которого зовут Омаль, можешь проверить их карманы. Они все только вчера получили месячное жалованье, а их начальник Йомель, он с султаном на шлеме, видишь?.. еще ни монеты не истратил...

Омаль нервно захохотал, крикнул:

— Спасибо, великий колдун! С вашего позволения, я и сапогами с ним поменяюсь, а то мои что-то прохудились.

Голос прозвучал уже с равнодушными, просто нечеловеческими нотками:

— Делай с ними все, что захочешь. Они служат моему противнику... А вас, дорогой варвар с дальних островов, прошу...

В пространстве неуловимо быстро изменилось нечто: я на краткий миг увидел ночное звездное небо, стражи с выставленными копьями исчезли, как и скалы, кустарник и весь мир. Свет разом померк, пахнуло прохладой и приятной после изнуряющего зноя сыростью. В подошвы снизу ударило твердым с такой силой, что я чуть подогнул колени, будто спрыгнул с высоты.

Прохлада и сырость не исчезли, я осторожно выпрямился и настороженно огляделся. Мои ноги на каменном полу из больших плит розового мрамора, подогнаны тща-

тельно, даже слишком, словно во дворце, но стены из темных, грубо отесанных глыб, вдобавок в толстом слое сажи. После яркого дня здесь особенно темно и мрачно.

Три факела освещают пространство только вокруг себя, потому подчеркнуто зловеще выглядит пурпурный зев распахнутой печи. Мелькнула сгорбленная фигура, на том конце зала тщедушный человек на длинном ухвате размещает на углях горшок с зельем.

На высоте человеческого роста три окна, я покосился на багровое зарево. Подсвечены заходящим солнцем не только облака, но и само небо неприятного темно-красного цвета, словно туша небесного животного со свежесодранной кожей висит прямо над миром.

За спиной послышался насмешливый голос:

— Как вам моя загородная землянка?

Я повернулся медленно, стараясь показать, что не испуган, да и не пугать резкими движениями хозяина. Он хитро шурил глаза, высокий, худой, с узким лицом и близко посаженными глазами. Длинный плащ темно-синего цвета ниспадает с плеч и ложится складками на пол. Темный камзол, темные брюки и такие же сапоги, все в цвет и тон, только с длиной плаща перебор, как на мой взгляд. Что подметает пол — ладно, здесь не грязно, но если кто-то пойдет сзади, обязательно наступит.

— Я здесь один, — произнес он спокойно. — Нет-нет, я не читаю ваши мысли. У вас очень выразительное лицо. Да и глаза слишком уж говорящие... Хотя заметно, что вы совсем не рядовой варвар. Значит, должны следить, чтобы вас разгадывали поменьше.

— Виноват, — ответил я учтиво. — Молод еще, не научился.

— Но учитесь?

— Весьма ревностно, — заверил я.

— Это хорошо, — сказал он. — Мне нужен человек, который легко принимает новое и не цепляется за старое. Я — маг, магистр Жакериус Глассберг. Совсем недавно это я правил городом, над которым вас подстрелили, и всей прилегающей области.

— Переворот? — поинтересовался я.

Он поморщился.

— Мой ученик Гизелл долго и упорно готовился захватить власть. Все ученики о таком мечтают, я знал о всех его ухищрениях, следил за ними со снисходительной усмешкой... Однако он неожиданно получил поддержку извне, а к этому я не был готов.

Я сказал настороженно:

— Мне кто-то говорил, что великие маги не снисходят до людских дел...

Слабая улыбка раздвинула его губы, а глаза блеснули весельем.

— Вы мне льстите, причем, как вижу, непреднамеренно. Увы, я не великий маг, как и Гизелл. Великие в самом деле уходят из этого мелочного мира. А мы те, кто на подходе к тайнам великих... Однако вернемся к нашим делам...

Выражение его лица мне совсем не понравилось, я лихорадочно пытался перехватить инициативу или хотя бы раздобыть чуть больше информации, она всегда кстати и никогда не бывает лишней, пробормотал торопливо:

— Простите... Одного не понимаю...

Он насмешливо улыбнулся.

— Только одного?

Я поймал взглядом промелькнувшую тень за окном, от облаков уже ни следа, а небо стало еще неприятнее и зловещее.

— Пока да, — пробормотал я, — уже вечер?.. Я что-то пропустил?

Маг ухмыльнулся.

— Нет-нет, мой дорогой варвар, абсолютно ничего. Это вообще не окна.

— Догадываюсь, — сказал я с дрожью в голосе, — подвал глубокий, какие окна, даже если под самым потолком... Но что это?

Он пожал плечами:

— Так ли это важно? Когда мчишься на коне по степи, нужно ли знать, что за трава хрустит под копытами твоего коня? У вас хороший конь?

— Лучший, — заверил я, как должен говорить варвар, хотя его хитрая усмешечка не понравилась, ясно дает понять, что знает обо мне больше. — Самый замечательный! Но как это получилось?

Он снова пожал плечами, глаза стали непроницаемыми.

— Надо ли вам знать, как работают старые заклятия?.. Я все, что узнаю из древних книг, читаю так и эдак, поворачиваю и опрокидываю... Не заметил, когда и с помощью какого так получилось. Сидел спиной к этой стене. А потом уже, как ни пытался, убрать не мог.

— Разгадать пытались?

Он отмахнулся.

— В первые дни. Но когда много более неотложных дел, как-то отодвигается то, что не принесет немедленной отдачи... Однако вы слишком любопытны для варвара.

Усмешка его яснее ясного говорила, что я не тот, за кого себя выдаю, и я пробормотал:

— Вообще-то варвары по натуре любознательны.

— Что касается оружия, коней, — согласился он с прежней насмешкой с голосе, — конской упряжи... Но не колдовства.

За его спиной по стене побежали крупные красные знаки. Я подумал было, что буквы, но слишком красивы, нет функциональности, потом вспомнил об искусстве каллиграфии: умельцы каждую букву снабжали такими завитушками, что мама не горюй, хоть на выставку, но тогда выставок не существовало, и монастырские писцы соревновались друг с другом.

Стена потемнела, а знаки начали выстраиваться в некую систему. Я снова решил, что все-таки письменность, а если в одну линию, так восточники вообще пишут в столбик, а их иероглифы похожи на что угодно, только не на буквы. Но пишут не только буквами.

Знаки наливаются багровой мощью, некоторые замирают, другие начинают вращаться, как огненные колеса, даже разбрасывают искры, я поймал себя на том, что пока замороженно рассматриваю их, маг изучает меня, напрягся и вперил в него требовательный взгляд.

Он примирительно улыбнулся.

— Не будем играть в прятки.

Я пробормотал:

— Уж я точно не играю.

— Я видел, — произнес он, — как вы весьма самонадеянно попали под удар Небесных Стрел...

Я собирался смолчать, никто не видел, как я затем превратился из дракона в человека, откуда колдун это знает, но он уже второй раз об этом упомянул, и я наконец пробормотал тупенько, стараясь выиграть время:

— Небесных, это когда с неба на землю... Не так ли?

— Верно, — согласился он. — Но они точно так же бьют и с земли в небеса. А небесные потому, что вроде бы доставлены с неба. Вас не удивляет, что я сразу увидел в том драконе человека... к тому же весьма наивного, молодого, наглого и безрассудного?

Я почтительно поклонился.

— Когда повзрослею и наберусь мудрости... надеюсь, тоже буду видеть всех насквозь так же ясно, как видим огонь сквозь промасленную бумагу.

Он усмехнулся.

— Мудрость не всегда приходит со старостью. Старость чаще приходит одна. А молодость я увидел в том, что человек зрелый сперва бы узнал, что впереди. Если же зрелый и новичок вдвоём, вообще бы осторожничал... Кто вы? Кстати, что это мы все еще стоим...

Он повел рукой, посреди зала возник добротный стол, под стиль залу темный и очень мрачный. На столешнице появились неуместно богато украшенные кубки и чаши, кувшины с вином и широкие блюда с легкими яствами.

— Прошу вас, — прозвучал властный голос, что отдался эхом под сводами. Мне показалось, что голосом маг тоже что-то делает, как-то прошупывает меня или уже старается воздействовать, подчинить, взять на поводок. — Вы, варвары, привыкли вести мудрые беседы за чашей вина, не так ли?

В голосе снова ясно прозвучала насмешка, сам же сказал, какой из меня варвар, я ответил очень вежливо:

— Как и вы, маги.

Он захохотал, запрокидывая голову.

— Хороший ответ. Все-таки вовремя я, не так ли?

— Вовремя, — согласился я, — особенно, если учесть, что вы заметили меня намного раньше...

Глаза привыкли к слабому освещению, я рассмотрел вдоль стены с десятков скелетов, все стоят, отдельно на большой полке множество человеческих черепов, от крохотных, с кулак, до великанских.

Маг наблюдал с саркастической усмешкой, поинтересовался с ехидцей:

— Ну как?

Я пожал плечами:

— Знакомо.

Он вскинул брови, они красиво и зловеще изогнулись, как черные изломанные молнии.

— В самом деле?

— В самом-самом, — ответил я небрежно.

— Вы пытались учиться магии? — спросил он с недоверием. — Или просто часто заходили в гости к магу-приятелю?

Я небрежно отмахнулся.

— Нет, у нас знание анатомии и физиологии входило в курс начальной подготовки рыцарей. Раны перевязать, то да се. Потому должны были знать как расположение костей, так и сухожилий, нервов и работу гормональной системы.

Он слушал с нарастающим интересом.

— Кости, сухожилия — это мне понятно, а что такое... все прочее?

— Это долго объяснять, — ответил я любезно.

Он улыбнулся и сказал настойчиво:

— Все же прошу вас... хоть в нескольких словах...

Я вздохнул.

— Ладно, но если что непонятно, спрашивайте.

Он слушал очень внимательно, я видел, как то и дело теряет нить, но я помочь не старался, так тебе, гаду, и надо, прошелся по патологоанатомии, что будет понятно лучше всего, но сделал акцент на том, что вскрытия помогают ловить всяких злокозненных магов, отравляющих или как-то

иначе вредящих здоровью, дальше углубился в работу центральной нервной системы.

Он вконец обалдел, потряс очумело головой и спросил недоверчиво:

— И это входит в курс вашей подготовки рыцаря?

— Да, — ответил я небрежно. — На уровне пажа. К оруженосцу требования повыше, конечно. Он должен знать... Впрочем, вам это неинтересно.

Я надкусил изящное пирожное, сделал довольную рожу, но сам напрягся, совершая мысленное усилие. В моей ладони появилась чашка с черным кофе, ладонь приятно обожгло.

Маг вздрогнул, я сказал виновато:

— Простите, но к вашим чудесным лакомствам... просто не мог удержаться! Хотите?

Он поморщился.

— Что вы, молодежь, ничего своего придумать не можете? Хорошо, сделайте и мне чашку этого странного напитка.

— Вы о чем? — спросил я настороженно.

Он сказал брюзгливо:

— Ну что это за несолидное шелканье пальцами? Если уж шелкать, так чтоб горы рушились.

Я сказал с достоинством:

— Я вообще-то больше по части строительства. Рушить и дурак может... Простите, я имел в виду не вас, а просто дураков, что ничего другого не умеют.

Он пожал плечами:

— Зря вы так. Все сперва учатся ломать и рушить, а строить — потом. И не все, конечно... Многие так и остаются рушителями. А вы, значит, выросли?

— Не до могущества, — заверил я. — Просто до понимания, что строить достойнее, чем рушить. Конечно, если не имеется в виду умение строить козни или заговоры. Даже строить глазки — уже терпимо... Хотя рушить куда приятнее, сам знаю. Вот подрасту и начну строить! Я вам такое настрою!

Он вздохнул, лицо потемнело.

— Представляю.

Чашку кофе он держал в пальцах без страха и опасения, кофе выпил быстро, я сделал еще чашку, побольше и полную, до краев.

— У вас на лице написан вопрос, — сказал он наконец с великой неохотой, — говорить мне о таком неприятно, но придется. Дело в том, что мой ученик, конечно, силен. Да, как я говорил, плюс помощь извне, в которой я пока еще не разобрался. Однако я не слабее!..

— Даже не зная силу тех, кто ему помог?

— Этой силы едва-едва хватило.

— Но если не нужно больше, зачем расходовать?

Он кисло усмехнулся.

— Маги тоже люди... И часто ведут себя, как дети. Например, почти всегда расходуют больше, чем нужно... для демонстрации своей мощи. Все любят пустить пыль в глаза.

— Глупо, — сказал я. — Это же выдавать противнику свои секреты!

Взгляд его запавших глаз не оставлял моего лица.

— Вы правы, но слишком... правильно правы. Жизнь мага очень небогата внешними событиями, и когда приходится что-то в ней совершать, то мы обычно... гм... перехлестываем. Мальчишество, согласен. Но никто не может удержаться. Вам по молодости трудно представить себе такое, но даже у глубоких стариков хватает мальчишества... порой совершенно дурацкого.

— В этом может таиться слабое место, — сказал я. — Я имею в виду возможное мальчишество вашего противника.

— Он силен, — повторил он отстраненным голосом, взгляд устремился в пространство, — но я не слабее. И если бы ему не помогли...

— Вы этого не ожидали?

— Да. Я все же не верил, что он решится. Все-таки казался таким преданным учеником, ловил каждое слово, записывал, учился усердно, держался подобострастно...

Я хмыкнул.

— Самые усердные и предают. Они потому и усердные, что мечтают поскорее сбросить учителя с его места и самим взгромоздиться. Сколько таких было...

Он посмотрел с удивлением.

— А вы откуда знаете?

Я поморщил нос.

— Умный учится на чужих ошибках... хотя все равно их делает. Я именно такой умник.

Глава 8

Он почти не слушал меня, бормотал что-то, поводил ладонями с растопыренными пальцами над поверхностью стола. Посуда моментально исчезла, ногти медленно синели, от них начали стрелять короткие злые молнии. Я вздрогнул, столешница пошла рябью, появилось нечеткое изображение, укрупнилось, налилось резкостью. Я с изумлением узнал изломанные пластинки моей костяной брони, остатки гребня. Земля слиплась в тяжелые ржавые комья, пропитанные моей кровью...

— Здорово вас шарахнуло, — произнес он с удовлетворением.

Я посмотрел с укором.

— Вы довольны?

— Это мои стрелы, — объяснил он. — Это я закрыл небо от всех крупных тварей. Правда, драконы у нас не появлялись лет сто, а вот гарпии докучают часто. Но и драконы, оказывается, легкая цель. Если бы не ваша удивительная живучесть... гм...

Я сказал поспешно:

— У нас на островах народ крепкий. И живучий.

Он хмыкнул.

— Только не говорите, что все могут превращаться в драконов!

— Нет, конечно, — подтвердил я, хотя был соблазн брякнуть такое, но это слишком, не поверит, врать надо так, как всю жизнь врем, правдоподобно. — Только те, кого маги изберут и назначат...

Он внимательно рассматривал разбросанные взрывом

куски моего костяного панциря, изломанные иглы гребня, хотя, понимаю, уже смотрел, и не раз смотрел.

Брови то сходились над переносицей, то приподнимались на середину лба, наконец произнес с непонятым удовлетворением:

— Да, редкая живучесть. Мне хотелось бы рассчитывать на вашу помощь, когда я буду готов вернуть власть над городом.

Меня передернуло, я сказал после паузы:

— Вы же видите, от меня почти нет пользы.

— Когда полезли напролом, — уточнил он. — Но если бы знали, что небо закрыто?.. Молчите, я знаю, как бы вы поступили.

Я в самом деле подумал, что только идиот полезет грудью на копьё, умный найдет, как пройти к цели другим путем.

— А вы уверены, — сказал я осторожно, — что удастся его свергнуть? Я почти бесполезен. Меня подстрелили, как мальчишки воробья. До сих пор корчусь от стыда. У него могут быть и другие... средства защиты.

Он отмахнулся.

— Это я нейтрализую. Главное — при захвате дворца. Там да, будет серьезно. Дополнительной защитой я вас обеспечу, не беспокойтесь. И с самим Гизеллом схлестнусь я. Вам придется сдерживать простой народ. Ну, тот, который все еще полагает, что для войны достаточно влезть в прочные доспехи и вооружиться длинным мечом... ха-ха!..

— Ха-ха, — подхихикнул и я, хотя, по моему мнению, вообще-то для войны как раз и достаточно крепких доспехов и длинного меча. Ну еще арбалет не помешает. — Но вам придется готовиться еще долго?

Он кивнул:

— Да, но у нас, магов, времени на все хватает. Как только буду готов, я позову.

— Как?

Улыбаясь, он приподнял над столом крохотную чешуйку. Чистенькая, уже отмытая или просто почищенная от засохшей крови, она блистает в слабом свете, как отлитая из чистейшего золота.

— Достаточно бросить ее в огонь. Вы ощутите и зов, и направление, откуда он идет.

— Гм, интересное свойство.

Он покачал головой.

— Не знали?

— Нет, — признался я.

Он кивнул.

— Впрочем, верно. Должны знать лишь то, что маги поручили. А поручили, как я понимаю, осмотреть береговую полосу и ряд ближайших городов, которые захватите в первые же дни после высадки.

— Верно, — пробормотал я. — Откуда все знаете?

Он отмахнулся.

— Это повторяется и повторяется. Века и тысячелетия. Это вам кажется, что всякий раз додумываетесь до чего-то нового. Впрочем, в этой мелочи могу даже помочь...

Он повел над столом ладонью, словно изображал волны. Посуда сдвинулась на край стола, на середину медленно опустилась, взявшись прямо из воздуха, старинная карта с выцветшим содержанием, обгрызенными и опаленными краями.

Маг снова повел ладонью. Серая и бесцветная, она очень медленно начала заполняться изображениями, наливаясь цветом, а горы так и вообще приподнялись коричневыми бугорками. Я осторожно прикоснулся кончиками пальцев к тонкой голубой ниточке, ощутил холод и влагу, но когда убрал руку и посмотрел на ладонь, кожа все так же сухая и теплая.

— Работа Древних, — сказал он почтительно.

— Да уж, — пробормотал я. — Умели...

— Их мудрость была безграничной!

— Ну, — сказал я осторожно, — насчет безграничности...

— Сомневаетесь?

— Мудрые воздерживаются от войн, — уточнил я. — Во всяком случае, от таких... когда камня на камне. И эта карта теперь бесполезна.

Он долго с печалью всматривался в нее, руки уже нача-

ли было сворачивать ее в рулон, но дрогнули и замерли. Глаза расширились в изумлении.

— Что? — спросил я тревожно.

— Карта, — произнес он. — Карта меняется...

Голубые нити рек исчезали и появлялись в других местах, весь широкий лист мерцал зелеными пятнами, что появлялись в одних местах, исчезали в других, но постепенно зелени становилось меньше, а желтого цвета больше. Лицо магистра погрузнело, я деликатно промолчал. Войны не делают землю плодороднее и обильнее, хотя иногда по ней текут кровавые реки.

— Карта заметила вас, — произнес он потрясенно. — Вы уверены, что... не маг?

— Абсолютно, — заверил я. Хотел было перекреститься, но решил, что это чересчур. — Мы пошли другим путем, как сказал великий... вождь и учитель. И все еще идем, идем, идем. С тех пор, как послали. А карта... Что карта? Может быть, просто созрела. Или накопила заряд и включилась.

— Включилась?

— Восстановила силы, — объяснил я. — Бумаги тоже устают. Есть даже термин такой: усталость металла! А бумага еще слабее, думаю.

— Это пергамент, — уточнил он, — но, полагаю, вы правы, что вообще-то удивительно.

— Тем более! Теленок вырос, стал коровой. Не-е-ет, все проще! Вы просто рассматривали то, что изображено. А я вот не эстет, я воин-дракон, мне красоты до... пигасовской свечи, мне современная топография нужна. Вот карта и выдала данные на сегодня... Возможно, она может и другие расклады...

Он затаил дыхание и смотрел, как исчезли мелкие реки и озера, вообще пропали пески и леса, зато возникли и подрагивают красные извилистые линии, густой сеткой наброшенные на земли Гандерстейма. Затем появились цвета, совсем другие, под ними исчезали города, леса и даже озера...

— Возможно, — сказал я осторожно, — это политические границы... тогда... или сейчас. Или тектоническая

карта. А может, метеорологическая? Кто знает, из меня филуменист не очень уж великий, хотя и знатный. Да, у вас ценная вещь. Не назову сокровищем, я практик, и если вещь ничего не дает моему огороду, то на фиг она?

Он хмуро усмехнулся уголком рта.

— Не старайтесь, все равно не отдам.

Я махнул рукой.

— Не прошло, и не надо. Спасибо, я уже запомнил, где и что.

Он сказал с уважением:

— У вас прекрасная память.

— Дикарская, — сказал я с горделивой скромностью. — Не забивал ничем лишним.

— Гм, — сказал он озадаченно, — интересный подход. Я больше верил в упражняемость... В общем, вы с вами договорились? В благодарность за спасение — я вас спас, помните? — поможете захватить город. Кроме того, если захотите, получите и другие выгоды.

— Какие?

Он поморщился.

— Не знаю. Такие, чтобы и вам было интересно, и меня не обременило. А сейчас давайте я вас выпущу из своего подвала...

— Только не к этим, — попросил я, — а то вдруг про-снутя...

— Нет-нет, — заверил он, — чем дальше от столицы, тем больше мест, которые Гизелл не контролирует. А мы сейчас вообще в соседнем королевстве, хотя и рядом с границей. А насчет той стражи не беспокойтесь. Чтобы легче было шарить по их карманам, ваш помощник прикончил всех. Так, на всякий случай. Дитя природы, что с него возьмешь. Он ведь из разбойников, не так ли?

— Так, — ответил я с неохотой.

— Но не лишен благородства, — прокомментировал он. — Так что понимаю ваш выбор.

Мрак сгустился, свечи словно отдалились, холодный ветер пробрал меня до костей, мелькнуло звездное небо. Я успел рассмотреть изломанные страшным ударом небес-

ной стрелы костяные пластины моего панциря, напрягся и стиснул челюсти, снизу стремительно приближается земля, однако изображение смазалось еще раз, на миг ощутил головокружение и дурноту, сразу же в глаза ударил яркий свет открытого пространства, а подошвы опустились на землю удивительно мягко, почти нежно.

Со всех сторон песчаные барханы, я нахожусь в ложбинке между двумя золотистыми гигантами. Из пустоты прозвучал голос мага:

— Вы полностью вне зоны влияния Гизелла. Здесь он так же слеп, как и все остальные. И его людей здесь нет.

— Спасибо, — сказал я. — Мне с моим помощником пришлось бы добираться сюда долго.

— Не очень, — сказал он безмятежно, — однако я рад помочь. Впрочем, услуга за услугу.

— Все помню, — ответил я.

Ушел маг или нет, не знаю, да и неважно, если в летящем на большом расстоянии драконе сумел рассмотреть человека, превращенного в крылатую тварь. Песок начал сползаться к моим ногам, я снова ощутил дурноту, а голова закружилась, но тело уже начало наливаться дурными соками, мышцы вздуваются так, что ноют, кости и суставы трещат, я сцепил челюсти и торопил превращение, сейчас меня и воробьи заклюют, пока в полубеспамятстве...

Глава 9

Восстановив в памяти карту, я изменил угол наклона крыльев, мир послушно повернулся, и предвечернее солнце больно ударило в глаза. Я поспешно опустил плотную кожаную пленку, оставив узкую щель, сверкающий купол отрезало, оставив внизу далекую землю.

Искрытся, как огни святого Эльма, свежие сколы камней, словно некая сила раскалывала круглые валуны, как орехи, но тени все длиннее, растут и сливаются друг с другом, в низинах уже печальная тень, словно на кладбище,

где даже в солнечный день мертвенная бледность и тишина смерти.

Когда и долины потонули в полумраке предночи, некоторое время еще сияли вершины невысоких гор, затем землю поглотила тьма, зато в небе с особой пышностью и роскошью ста тысяч верселей пламенеют горы облаков, где извергаются свои вулканы, растекается небесная лава, поджигая небосвод...

Далекую гору с черным отверстием близко к вершине я увидел издали, сердце радостно дрогнуло, когда рассмотрел багровую искорку костра, а еще через несколько могучих взмахов крыльев — две крохотные темные фигурки.

Вовремя вспомнив, что сейчас я как бы глава семьи, а это в любом обществе прежде всего — кормилец, я вздохнул и, раскинув крылья, начал высматривать добычу, но мысли, оставив это примитивное занятие инстинктам, пошли перебирать возможности завоевания Гандерсгейма.

Сейчас после общения с Омалем и магистром Жакериусом Глассбергом я обзавелся очередной теорией, почему проваливаются вторжения из Сен-Мари. Здесь по каким-то причинам крупные маги не ушли в заоблачные высоты. Скорее всего, просто не добрались еще до настоящих высот мастерства. Местный народец не мешал, даже как-то использовал их умения для своих нужд. Маги в свою очередь в чем-то приспособили население, так что все жили в удобном симбиозе. Когда вторглась чужая армия и принялась все рушить, в том числе посягнув и на власть местных магов, те дали сокрушительный отпор...

Трижды через каждые два-три поколения Сен-Мари пыталось подчинить себе Гандерсгейм, и всякий раз армия уничтожалась полностью и так безжалостно, что в конце концов в Геннегау эту идею оставили. А потом очень медленно сами варвары начали завоевывать королевские земли...

Во всяком случае, эта идея ничуть не хуже, чем все мои предыдущие. И вообще всякое новое должно быть лучше и продвинутое старого.

Две крохотные фигурки расположились на площадке перед пещерой. Дрова сложены шалашиком, но огня нет,

экономят дерево, хотя я в прошлый раз притащил с большим запасом. Мириам завидела меня первой, вскочила. Я ожидал, что убегут в пещеру, но обе лишь отступили к стене, чтобы я не смел их в бездну взмахами крыльев.

Я спланировал как можно аккуратнее, лапы вытянул и выставил вперед, чтобы посадка прошла, будто сел воробышек, аккуратно сложил на спине крылья по обе стороны острых шипов хребта и закрыл их сверху броней панциря, будто какой-то майский жук.

Перед Мириам упали три туши молодых и сочных газелей, сухое дерево, однако она все равно выпрямилась в обрамлении огненно-красных волос, как злобная фурия, и крикнула разъяренно:

— Ты где столько шатался?

— Ага, — сказал я радостно, — соскучились? Ну, наконец-то...

Мириам огрызнулась:

— Вот нисколько!

Принцесса смотрела на меня чистыми ясными глазами, пухлые детские губы расплывались в улыбке.

— А я соскучилась... сильно!

— Ну вот еще, — оборвала ее Мириам. — Ничего ты не соскучилась.

— Соскучилась, — возразила принцесса. — И ты тоже соскучилась! Ты же говорила...

— Ничего я не говорила, — опровергла Мириам и сразу же перешла в наступление: — И что ты, рептиль, увидел нового, что задержался так?

— Ярла вашего ненаглядного видел, — ответил я. — Хороший под ним конь... И плащ хорош, больше ничего не рассмотрел. Может быть, у него и штаны хороши?

Мириам бросила быстрый взгляд на принцессу, та побледнела и зябко обхватила себя за плечи обеими руками.

— И почему ты не сожрал того гада? — потребовала Мириам. — С твоей-то харей!

Я фыркнул.

— Мириам, хоть ты и дочь короля, но я не у вас с отцом на службе, если еще не сообразила, такая ты умная. А на

вкус, думаю, ты не лучше крестьянки. Так что сбавь тон. Я рептиль непривередливый. Сожру и косточки не выплюну.

Она присмирела, а принцесса подошла и обняла меня за голову, прижавшись всем телом.

— Не кричи на нее, — попросила она жалобным голосом. — Она хорошая... И не совсем уж и такая злая, как кажется. В ней что-то есть и хорошее, правда.

Мириам скривилась, все-таки есть в ней от дочери степей, что предпочитают быть кем угодно, но только не хорошими.

— Ладно, — сказала она примирительно, — но сожрать его ничего не стоило, а благодарности нашей не было бы границ...

— И в чем выразилась бы ваша благодарность? — спросил я нагло и оглядел ее с головы до ног.

Она вспыхнула, щеки стали алыми, глаза заблестели.

— Ах ты ящерица поганая! Рептиль, а туда же!..

Принцесса смотрела с удивлением то на нее, то на меня.

— Мириам, — спросила она жалобно, — ты чего снова такая злая?.. Разве Шумил тебя чем-то обидел?

Мириам, зло сверкая глазами, посмотрела на нее, на меня, вздохнула и опустила плечи.

— Принцесса, — произнесла она, — ты слишком невинна и не знаешь, что эти вот все — гады и рептилии!.. Только и думают, только и думают, они все такие... Понимаешь? Нет, тебе такое понимать рано, хотя тебя уже и определили в жены. Словом, запомни: ярл Растенгерк и эта отвратительная ящерица — одно и то же. Только один — человек, другой — дракон. Вот если бы один другого сожрал и подавился — вот бы счастье!

Принцесса смотрела умоляющими глазами, прижалась ко мне крепче и тяжело вздохнула:

— Не понимаю... Ты у нас замечательный, Шумил. Зачем она тебя обижает?

— Влюбилась, — пояснил я и гордо пошевелил гребнем. — Я же красивый, правда?

— Ты замечательный, — сказала она жарко. — Ты самый лучший!

Мириам рассерженно сказала «тьфу на вас обоих», ухватила сразу двух газелей за крохотные рожки и потащила в пещеру. Принцесса с великим энтузиазмом бросилась помогать, бестолково пихалась и путалась под ногами. Я проводил их снисходительным взглядом, все-таки молодец, и такую мелочь помнил, хотя на голову свалилось достаточно, чтобы забыть даже свое имя. Но на сегодня приключений хватит, надо отоспаться, дать отдохнуть натруженным крылышкам, непросто держать в воздухе такую тяжелую задницу.

Они старательно притапливали на дне ручья тушу, принцесса тонкими передними лапками подавала тяжелые камни, Мириам укладывала их так, чтобы из воды ничего не торчало, хотя, на мой взгляд, за ночь ничего не испортится, воздух не настолько горяч.

Мириам оглянулась на меня, глаза в ужасе расширились.

— Дракон вернулся!

— Ага, — сказал я гордо, но в некотором недоумении, — ты только сейчас заметила?

— Да не ты, дурак... А вон тот, дикий!

Со стороны входа страшный рев потряхнул пещеру. Заскрипели камни, по стене пробежала трещина. Вовнутрь ворвался ветер от взмаха могучих крыльев, разом потемнело, а с той стороны на уступ рухнуло массивное тело. Я видел только две лапы с широко расставленными когтистыми пальцами, очень похоже на два ствола дерева с толстыми корнями, широкая грудь уходит вверх, головы не видно...

...только успел подумать, как дракон наклонился, в проходе появилась его голова с безумно горящими глазами. Женщины завизжали, Мириам вжалась в угол, а принцесса, напротив, ринулась ко мне и попыталась спрятаться под крыло.

— Мириам, — рыкнул я. — Быстро заведи ее!

Мириам, надо отдать должное, сумела перебороть страх, я видел краем глаза, как она выскочила из укрытия и буквально выдернула принцессу, а я уже отращивал на лбу ост-

рый рог, стараясь сделать его как можно прочнее и длиннее.

Дракон, не переставая реветь, начал вдвигаться в пещеру. Если начнем драку здесь, размелем в пыль даже камни, а от женщин останутся только мокрые пятна, я наклонил голову, задержал дыхание и ринулся на таран.

Удар сотряс меня всего, хотя я успел укоротить шею до минимума. Треск кожи, плоти и суставов, дикий рев и тяжелые удары сверху по спине, но я упирался в землю изо всех сил, наступал, выдавливая чудовище из пещеры. Закатное солнце с линии горизонта ударило в глаза багровым светом, задние лапы дракона соскользнули с уступа.

Он заревел хрипло, я уперся и попытался вытащить рог, но тот погрузился слишком глубоко. Дракон соскользнул с уступа, мой рог оказался прижат к камню. Я хрипел и стонал, оставалась надежда, что раненый монстр соскользнет с рога, однако его когти процарапали камень и, не в состоянии удержать чудовищно тяжелое тело, сорвались с противным скрипом.

Меня сдернуло с легкостью, я с ужасом ощутил, что падаю вместе с тяжело раненным зверем. Его крылья беспорядочно хлопали по воздуху, я тоже заработал своими изо всех сил, земля приближается стремительно, я услышал надсадный скрип, рог вышел из раны, откуда сразу хлестнула река темной крови, а я поспешно распустил крылья...

Поздно для полета, снизу донесся звучный удар, треск, я тяжело рухнул на тушу дракона с переломанными костями. Все-таки растопыренные крылья смягчили падение, но в череде дикий страх, жажда взлететь и унести куда угодно, а все мои сердца стучат часто и суматошно.

Кровь из распоротой груди дракона хлещет тугой струей, в красном ручейке поплыл мусор, понесло сухие листья. Я переводил дыхание, чуть было не начал превращение в человека, чтобы проверить насчет повреждений, как далеко сверху прозвучал жалобный крик:

— Шумил, ты жив?

Мириам и принцесса, лежа на уступе, пугливо смотрели вниз через край. Я поднялся, с трудом расправил крылья.

— А ну назад!

Их как ветром сдуло, мои крылья дрожали и потрескивали, я тяжело тащил себя наверх, словно всплывал со дна пруда с тяжелой гирей на ноге. Стена ползла вниз отвратительно медленно, у меня уже кончились силы, когда завершилась плоской площадкой. Я залез на нее, цепляясь когтями за край, и сразу распластался, переводя дух.

Мириам и Вики выглядывали из пещеры. Принцесса вырвалась из рук Мириам, подбежала ко мне и, обхватив мою голову, горько заплакала:

— Он тебя обидел? Он тебя покусал?

— Не-е-ет, — прохрипел я. — Просто я устал его лупить... Он был такой толстый...

— Зато ты победил!.. Ты замечательный!

— Да, — согласился я, — я такой...

Мириам подошла к краю и осторожно посмотрела вниз.

— Ого, отсюда он еще больше... Или это его так расплескало?... Шумил, я думала, ты только зануда, но оказалось, что и боец... Или тебе просто повезло?

— Конечно, — огрызнулся я, — повезло... У тебя иначе и быть не может, правда?

Она вернулась ко мне, села рядом с моей головой и непривычно ласково погладила по носу.

— Прости. Сильно он тебя? Я могу тебе чем-то помочь? Перевязать?

— А ты умеешь?

— В переходе через пустыню, — ответила она, — бывает всякое. Какие только звери не нападают!

Я проворчал:

— У нас, жаб поганных, как ты говоришь, раны заживают быстро. Нам нужно только в это время не гавкать над ухом, а гладить, чесать и говорить ласковые вещи.

Мириам покосилась на принцессу, та уже давно гладит, чешет и шепчет что-то в мою ушную раковину, прижимаясь нежными пухлыми губами.

— Ладно, — пробормотала она, — пусть заживает вдвое быстрее. Но что насчет той мрази...

— Знаешь, — сказал я устало, — наблюдая за небесны-

ми светилами... да-да, драконы могут видеть звезды и днем, я одновременно успел подумать и задней левой ногой о ваших совместных проблемах... Ваш любимый ярл Растенгерк, о котором только и думаете, скачет сейчас от города в излучине реки, где двухголовая гора, по направлению к городу, где справа и слева оливковые рощи, а на востоке большое озеро...

Принцесса сделала большие глаза, а Мириам сказала с презрением:

— От города Кенерда к городу Марбелю. Тоже мне дракон, такого не знает!

— А ты знаешь имена всех муравейников в лесу? — отпарировал я. — Да еще на муравьином языке? Эх, существо... Да еще рыжее.

— А что тебе рыжая?

— Рыжие, — сказал я авторитетно, — все брешут.

Она спросила возмущенно:

— И где я тебе брехала?

— Везде, — ответил я и добавил, отсекая возражения: — И всегда. Иначе какая ты женщина?

Принцесса сказала жалобно:

— А я не брешу... Я что, не женщина?

— Нет, — ответил я со всевозможной уклончивостью дракона, — ты чудо, ты небесный цветок, ты сама мечта... какая ты женщина? Женщины — еще те звери и даже зверюшки... Так вот, вас обоих ярл Растенгерк все еще интересуется? В смысле, вы в него все еще влюблены безумно и страстно до глубины фибр?

Принцесса зябко передернула плечами.

— Не шути так! Мне страшно.

Я приподнял крыло, она тут же юркнула под него и прижалась ко мне всем трепещущим телом.

Мириам проследила за ней хмурым взглядом, полным тревоги и вместе с тем неудовольствия.

— Что не так? — осведомился я.

Она процедила с таким нажимом, словно грызла камни:

— Эта мразь никого из нас не интересует. Ничуть! Но я

не отказалась бы увидеть его кишки на ветках. Этот гад... не должен поганить землю!

Я зевнул, натруженные мышцы ноют, но не сладко, как у набегавшегося человека, а очень даже горько и едко. Пожалуй, стоит втихую уменьшить размеры. Эти дуры не поймут, спишут на обман зрения, дескать, просто привыкли...

— Ну вы тут решайте, — сказал я, — кому на свете жить, кому умереть... вы ж такие умные!.. а я малость вздремну. Все звери спят помногу в отличие от мерзкой обезьяны и человека, которую Великий Дракон сотворил из этой обезьяны.

Глаза мои закрылись, под их чесание я провалился в тяжелый сон, но и в нем помнил, что спать надо тихо, не дергать задними лапами, а то ненароком размажу этих существ по камням...

Глава 10

Долгое время высадившиеся на берег племени варваров управлялись ярлами и конунгами. Потом, когда завоевание Гандесгейма было завершено, постепенно конунги стали именоваться королями, а ярлы так и остались ярлами, но теперь они все были в подчинении королей. А те ярлы, у которых хватило сил отстоять захваченные земли от соседей, тоже провозгласили себя королями.

Когда наконец завершилось упорядочивание, на земле Гандерсгейма существовало не меньше ста семидесяти королевств.

Я открыл глаза, даже во сне создаю государство, я же государственный, по крайней мере — сейчас, сперва не поверил ощущениям, очень медленно приподнял крыло. Принцесса и Мириам, обнявшись и поджав ноги, мирно спят, прижавшись к моему боку. Лицо принцессы нежное и мечтательное, пухлые губы стали еще крупнее и просто просятся, чтобы их накрыл мужской твердый рот и смаковал нежность и чистоту, а Мириам покраснелась, во сне это очень красивая молодая женщина, с высоко поднятыми скулами,

решительно очерченным подбородком и стильно запавшими щеками.

Я некоторое время любовался обеими, такие разные, но трудно сказать, какая красивее, обе прекрасны, наконец осторожно вытянул голову и тихонько дунул особым образом на приготовленный с вечера шалашик из сухих поленцев.

Дрова зашатались, но устояли, а оранжевый огонек охватил бересту в самом низу и начал робко лизать, как щенок руку хозяина.

Пламя начало разгораться, веки Мириам дрогнули, приподнялись, открывая удивительно крупные серые глаза, просто волшебные в своей необыкновенности.

— Доброе утро, — сказал я негромко, — Мириам Сероглазая...

Она осторожно освободилась из рук принцессы, та тут же сонно вцепилась в мою шерсть и зарылась в нее лицом.

— Что это ты вчера съел? — пробурчала она тихо. — Или тот дракон тебе по голове сильно стукнул?

— Нельзя вспоминать о твоём прозвище? — переспросил я. — Красивые у тебя глаза, Мириам. Не захочешь, так сами напомнят. Просто необыкновеннейшие...

Она старалась смотреть зло и непримиримо, но в некий миг растерянности в глубине глаз проглянула другая женщина: тихая, ласковая, нежная, стремящаяся к такой же ласке и ответной любви, но тут же незримая стена в ее глазах разгородила нас, и на меня с вызовом смотрела прежняя гордая и высокомерная дочь степей.

— Что ты понимаешь, — сказала она грубо. — Жаба с крыльями, а туда же — рассуждает! Куда мир катится?..

— Пора, Мириам, — сказал я.

Она вскинула брови.

— Ты о чем?

— Пора возвращаться, — объяснил я. — Я свои дела здесь закончил... почти что. А тебе надо либо к приемному отцу, либо к настоящему. Не дело приличной женщине наводиться с драконом в одной пещере. Да еще и спать с ним... Ты же приличная?

Она зашипела в ярости, на щеках выступили красные пятна.

— Я не спала с тобой, рептилия!.. И не тебе заботиться о моих приличиях, урод чешуйчатый!! Весь в бородавках, а тоже — рассуждает! Умников нажрался, живоглот брюхастый...

Принцесса сонно заворочалась, крепче вцепилась в мою шерсть и попыталась вжаться в меня целиком, чтобы на поверхности вообще ничего не осталось, однако почему-то не получилось, и заспанные глазки приоткрылись в недоумении и детской обиде.

— Доброе утро, — сказал я ласково. — Это и от Мириам, а то она и слов таких не знает.

На миг мне почудилось, что блеснул выдернутый из ножен острый меч, это Мириам сверкнула холодной сталью глаз.

— Ящерица, — произнесла она с непередаваемым выражением, — до чего же ты гнусная, подлая и бородавчатая...

Принцесса сказала сонно:

— Это ты про кого?

Мириам с усилием ласково улыбнулась.

— Да есть тут одна подкоряжная... Как спалось?

— Всю ночь с Шумилом летали, — сообщила принцесса все еще хрипловатым со сна детским голоском. — У меня тоже отросли крылышки, и мы поднимались к звездам, опускались на волшебные луга фей...

Мириам фыркнула.

— Какая только дурь во сне в голову не лезет! Вики, мы тут планируем, что делать дальше. В смысле, эта жаба с крыльями отнесет меня к приемному отцу или к родному. И то и другое — чревато. С тобой так вообще... Возвращаться опасно, оставаться здесь не можешь вечно...

Принцесса широко распахнула удивительные глаза. После сна они у нее настолько нежно-голубые, что небо должно со стыда скукожиться и закрыться облаками.

— Почему не могу? Зато с милым Шумилом...

— Жабе пора под корягу, — заявила Мириам. — Под жабью. Нечего ей тут очеловечиваться!

Я вздохнул, женщины разом умолкли и повернули головы.

— Сперва навестим твоего приемного отца, — сказал я. — А там посмотрим...

— Жабы далеко вперед не заглядывают? — съязвила Мириам.

Принцесса сказала жалобно:

— Мириам, ну какая же он жаба? Жабы холодные и противные, а Шумил теплый, даже местами горячий...

Мириам поспешно прервала:

— Принцесса, ты слишком наивна, чтобы говорить о таких вещах вслух.

— О жабах?

— О таких жабах, — уточнила Мириам с нажимом. — Ладно, я согласна. Летим к моему отцу. Вообще-то я сама об этом подумывала. Странно даже, что первым сказал этот рептиль...

— Почему? — удивился я. — Мы, благородные драконы, очень чувствительные создания. Это вы, люди, существа грубые, злобные, мерзкие, бесчувственные, лживые, подлые, гадкие, тупые, глупые, грязные, неуклюжие, бестолковые, ограниченные, коварные, бездушные...

Они слушали долго, а я увлекся, вытаскивая из бездонной памяти новые определения, которые, как ни странно, в самом деле соответствуют человеку. Правда, как сказал Достоевский, человек широк, в нем столько же хорошего и очень разного, но кому это интересно. Все мы предпочитаем, чтоб в других было побольше говна, на их фоне кажемся себе и другим лучше и чище.

— Какой ты умный, — восхитилась принцесса.

А Мириам сказала пораженно:

— Ну и ящерица, ну и болтливая... Я бы решила, что самка... Нет-нет, прекрати, верю, я же не спорю, это характер у тебя такой странный, если с точки зрения человека. Насчет приемного отца ты прав, но, боюсь, помрет от разрыва сердца, когда появится вот такая огромная ящерица с крыльями. Да еще со мной на спине.

— И со мной, — прочирикала принцесса счастливо. — Твой отец будет рад. Правда!

Мириам посмотрела на нее в сомнении.

— Тебе лучше остаться.

— Почему?

Мириам в затруднении пожала плечами:

— Да по всему!.. Ветром сдует, простудишься, воробей по дороге клюнет, ворона громко каркнет...

— И пусть каркает, — отважно заявила принцесса. — Вот несколько не испугаюсь! Милый Шумил, не оставляй меня здесь одну, я умру от одиночества!

Я посмотрел на одну, на другую, очень уж оживились, увлеклись даже, чирикают, словно на распродаже платьев.

— И как вы это мыслите? — спросил я саркастически. — Кто-то здесь брякнул, что полетит, видите ли, на мне верхом! Как на каком-то вислоухом осле!..

Мириам быстро возразила:

— Ну почему вислоухом? У тебя уши просто прекрасные!

— Потому что их вообще нет, — сказал я саркастически. — Вернее, не торчат. Нет уж, это вы обнаглели. Я понимаю, привыкли, что вам все угождают, но я, знаете ли, тоже привык к этому.

Мириам спросила:

— Тогда почему ты здесь?

Я зевнул и ответил нагло:

— Надоели эти угождения.

— Тогда поугождай сам, — заявила она, — для разнообразия. Тебе будет интересно! А мы полетим на тебе, как на великом и прекрасном драконе!.. Мы уже передвигались по воздуху, забыл? Сперва ты нес меня, а потом вернулся с принцессой.

— Нет уж, — сказал я твердо. — И так пришлось потом нырять в озеро. Отмываться! Очень мне надо, чтобы по мне снова текло...

Мириам сказала с тяжелым вздохом:

— Ладно, говори, как ты собирався меня доставить к моему приемному отцу. В лапах?

— Точно, — сказал я, — и время от времени ласково, но с чувством стискивая по дороге. Сама знаешь, с каким чувством! Только чтобы слышать твой скрипучий, как колесо ветряной мельницы, голос, дорогая! И все ласковые прозвища, что ты знаешь. Не подумай ничего лишнего или постороннего.

Она посмотрела на меня исподлобья. Я приготовился к возмущенным воплям, но она вдруг сказала очень смиренно:

— Ладно, если это тебя утешит, то что ж... потерплю.

Я вздохнул, чувствуя, что проиграл.

— Ладно, можем попробовать... Принцесса пусть сидит тихая, как мышка, ждет.

Мириам сказала быстро:

— Да-да, мы слетаем быстро! Туда и обратно.

— Ага, — сказал я саркастически, — мы слетаем.

Мириам посмотрела на меня с недоумением:

— А что я не так сказала?

Я отмахнулся:

— Да все правильно. Ты лети впереди, показывай дорогу. А я за тобой.

Она сверкнула словами:

— Ну что ты такой гадкий? У нас так говорят. Потому что люди все делают вместе. Потому и говорится так. Это у рептилий каждый себе.

— Драконы не рептилии, — напомнил я с негодованием.

— Ладно-ладно, — сказала она уступчиво. — Ты что-то особенное, как почему-то уверены все мужчины. Так вот, особенное, я уже готова... Не ухмыляйся, жабенция! К совместному полету, понял?

Принцесса взмолилась:

— Я ни за что не останусь в этом ужасном месте! Я умру здесь от страха.

Я в удивлении огляделся.

— А что тут ужасного? Мило, вот даже Мириам от счастья слов не находит. Так довольна, так довольна, что будет отныне жить здесь, пока не съем!..

Мириам пропустила мимо ушей насчет съедения, даже не вздрогнула, к сожалению, слишком быстро перестала

верить ужасному обещанию, тем самым обломав кайф наполовину. Ее руки деловито перебирали вещевые мешки и доставали веревки, а принцесса подбежала, попробовала подластиться к ней, Мириам неумолимо ее отстранила, тогда принцесса перепорхнула ко мне и жарко обняла за шею.

— Милый Шумил! Ты такой красивый, такой замечательный, такой сильный!.. Неужели ты меня оставишь? Наверное, у тебя просто не хватит сил нести двоих, но тебе, как всякому мужчине, признаться в своей слабости просто невозможно?

Она попыталась вклепить мне жаркий поцелуй прямо в губы, но я дернулся, ее губы впечатались в бронированную щеку, оставив там горящий след. Я чувствовал этот поцелуй даже сквозь броню в три пальца толщиной, довольно странное и необычное ощущение, настолько интересное, что вообще-то я не прочь, чтобы повторилось.

Она не размыкала нежных рук вокруг моей шеи, в чистых детских глазах полнейшее доверие и невинность.

Я пробормотал, как можно сильнее смягчая драконий голос:

— Ну-ну... Однако солнечные лучи оставят на твоей коже сильнейшие ожоги! Взмах крыльев бабочки для тебя сильнейший сквозняк, а горошина под периной... гм... словом, если Мириам тебя возьмет, она среди вас двоих старшая, благодаря своей лютости и природной злобности, то я еще как не против.

Мириам не успела опомниться, как принцесса благодарно бросилась ей на шею и вклепила такой же горячий детский поцелуй, полный чистоты и невинности.

— Спасибо, спасибо, милая Мириам!

Мириам отстранилась, спросила с подозрением:

— За что?

— Что берешь и меня!

Мириам посмотрела на меня так, словно уже взяла за хвост и, раскрутив в воздухе, собиралась шмякнуть головой о каменный уступ.

— Я так не... Тебе-то зачем?

— Мне одной здесь страшно!

Мириам огляделась, словно впервые увидела, и удивилась, что мы не в роскошнейшем дворце, а в неуютной пещере из серо-черного камня, где кроме крошечного ручейка под стеной и нет жизни.

— Там будет еще страшнее!

— Мне с милым Шумилом ничего не страшно!

Мириам поморщилась:

— С этим гадом?

Принцесса невинно улыбнулась и похлопала длинными и густыми ресницами.

— Он совсем не гад. А еще он такой мягкий, теплый, заботливый, нежный, замечательный...

Мириам оглянулась на меня в великом негодовании, словно вот прямо не верит своим ушам, я нагло усмехнулся и гордо поиграл плечами. Упустила дура красавца, кусай теперь локти.

— Вики, ты в своем уме?

— Ну, Мириам, ну милая, ну хорошая...

Мириам крепилась еще пару минут, однако принцесса подлащивалась так умело, что Мириам метнула в мою сторону огненный взгляд и проворчала:

— Ладно, только я тебя хорошенько привяжу, чтобы не сдуло. И укрою.

— А ты?

— Укроюсь тоже, — заверила она.

Я поинтересовался:

— А усидите? Я полечу быстро.

Мириам охнула:

— Сидя на спине? Там у тебя одни шипы и колючки! И весь ты какой-то неудобный.

— Не бреши, — сказал я обидчиво. — Принцесса и то сидела... сперва. И даже лежала.

— То-то вся в кровоподтеках, — сказала Мириам обвиняюще. — Ладно, но нужны ремни, много ремней... принесишь?

— Зачем? — спросил я с подозрением.

— А как же тебя взнуздаем? — удивилась она. — Без этого никак...

Я прорычал грозно:

— Я тебе что, корова? Или лошадь?.. Я могучий дракон! Могу вас обеих проглотить за один раз. А ты мне такие ду-рости...

Она не слишком испугалась, уже чувствует драконью манеру общаться, хотя и отступила на шаг.

— Ладно-ладно, — проговорила она примирительно, — но как мы будем управлять?

— Никак, — отрезал я. — Никто мною не может управ-лять, кроме моего великого и ужасного господина, власте-лина всех драконов на земле, под землей и в других мирах!

Я склонился при упоминании своего сюзерена и усерд-но постучал лбом о землю.

Она спросила:

— Даже в других мирах?

— Да, — ответил я. — Есть огненные драконы, есть звездные драконы, есть лунные драконы... И над всеми властвует великий и могучий властелин всех драконов!

— Да, — пробормотала она, — это в самом деле еще то чудище, если у него такие, как ты, на побегушках. А как... полетим?

— Вот так и полетим, — сказал я твердо. — Я полечу! А вы будете пищать наверху и умолять, чтобы летел тише. В крайнем случае можете подсказать, в какой стороне при-емный отец, точнее, где эта самая Иглеаза.

— Запомнил, — буркнула Мириам с тревогой в голо-се. — Надо с тобой поосторожнее.

— Почему?

— Мало ли, чего назапоминаешь...

Я отвечал машинально, сам сосредоточился на мучи-тельной трансформации: между шеей и плечами с немалы-ми трудностями вырастил два сиденья, ну, не совсем так уж, но не на шипах же им разбивать нежные ягодички, кро-ме того, есть за что держаться, к чему привязываться, и да-же некий щит из костяного панциря, за ним можно при-гнуться, спасаясь от встречного ветра. Правда, для защиты от нападения сверху снабдил этот щит длинными острыми иглами.

— Ты быстро летаешь? — переспросила Мириам на всякий случай.

— Быстро, — буркнул я.

— А далеко?

Я подумал, ответил честно:

— Думаю, быстрее и дальше меня летают только слухи.

Она привычно поморщилась, даже как-то заранее, словно на любые мои слова нужно фыркать и презрительно кривить харю, но в серых глазах предательски проступило некое подобие улыбки.

Я лег и, повернув голову, терпеливо наблюдал, как обе карабкаются мне на спину. Вернее, взобралась Мириам, а потом тащила принцессу, усаживала ее, привязывала к иглам гребня, заботливо укрывала плащом и укутывала, превращая в подобие куколки черноплечего махаона.

Сама она села на самом загривке, крепко упершись каблуками сапог в роговые выступы на костяной броне. Правда, вокруг пояса захлестнула веревку, но другой конец обвязала вокруг моей шеи.

— Так удобнее, — объяснила она невинно, в глаза мне смотрела честными-пречестными глазами. — А то шип еще обломится...

— Ну-ну, — сказал я, — дерзай, дочь.

— Кто-кто?

— Да была одна, — объяснил я, — привела на веревке дракона в город, где его и убили. Девственница, между прочим.

Она передернула плечами.

— Как подлю!

— Вот-вот, — согласился я. — Учти, я ни на что не намекаю. Это ты сама что-то подумала.

Она стиснула зубы, злая, как кобра, опять ее замысел разгадан, заколебалась, бросая на меня быстрые и вместе с тем осторожные взгляды, но я почему-то больше возражать не стал, дурак, наверное, и она, поколебавшись, сделала вид, что говорили совсем о другом.

— Готовы? — спросил я. — Ладно, теперь пищите, разрешаю...

Глава 11

Я разогнался, насколько позволила площадка, с края мощно толкнулся всеми лапами, но все же заметно провалился в воздухе. Дополнительный вес хоть и мал, но плюс своя тяжеленная задница — принцесса вскрикнула, не то испуганно, не то восторженно, но ее тонкий голосок все равно прозвучал жалобно. Я поспешил распахнуть крылья во всю ширь, хотя сперва намеревался нырнуть вниз и пройти над самой землей, пугая обеих.

Теплые потоки воздуха подхватили и начали поднимать кверху. Мне оставалось только держать крылья растопыренными и не давать теплым струям развернуть их ребрами.

У подножья горы безобразная драка за останки дракона, звери ведут себя отвратительно, совсем как люди. Слетелись пернатые, сбежались песчаные волки, появились даже подземные звери и начали поспешно рыть землю под драконом, так что растерзанная туша погружается в почву, словно тонет в трясине.

Дальше пошли оливковые рощи, отдельными пучками держатся пальмы, неожиданно и удивленно распахивают глаза небольшие озера, они видят меня отчетливо, в отличие от людей с их опущенными к земле глазами. Караваны верблюдов вижу почти постоянно, а впереди всегда на крохотном ослике проводник, длинные загорелые ноги почти задевают песок...

— *Bona Terra, Mala Gens*, — изрек я глубокомысленно.

Мириам сказала с подозрением:

— Это по-драконьи?

— Да, — сообщил я. — Настоящая мудрость возможна только на древнем языке мудрецов с перепончатыми лапами и такими же крыльями.

— А как по-нашему?

— Хороша земля, — перевел я, — да народ плох. Все хорошее уместилось на моей спине. Остальное придется окультурировать. Точнее, культивировать. Что значит сперва все взрыхлить, засеять добрым и вечным, потом терпеливо растить, тщательно выпалывая сорняки...

Я снизился и пронесся на высоте в пару сот ярдов, и женщины визжали сперва в страхе, затем в восторге, земля проносится внизу с дикой скоростью, ветер ревет, мир то медленно приближается, то резко уходит вниз, когда работаю крыльями, а когда впереди показались обрывистые горы, я не стал набирать высоту и пронесся по ущелью.

Отвесные стены на дикой скорости замелькали по обе стороны, сливаясь в серые полосы, женщины прижались одна к другой и пугливо умолкли.

Городов столько, что будь у меня прежняя память, уже сбился бы со счета. Край населен куда плотнее, чем я думал еще вчера. Сейчас вот перевалили через небольшую каменистую возвышенность, и сразу же за ней распахнулся дивный плодородный мир, заросший дикими цветами, но такими крупными и яркими, что расцвели как праздничными огоньками всю долину.

— А это что? — спросил я. — Опять какое-то заповедное поле мертвых?

Принцесса не поняла вопроса, а Мириам крикнула насмешливо:

— Какое поле? Здесь драконов отродясь не видывали!

— Что ж, — ответил я, — удивим народ.

— Не надо, — сказала она поспешно, — не отвлекайся, не отвлекайся!

— А сожрать пару людишек? — спросил я. — Зато все сразу увидят, что это ты мне велела.

Она спросила настороженно:

— Это почему?

— А чья веревка у меня на шее?

Она нахмурилась, закусил губу, я слишком умело повернул знак ее власти против нее же. Принцесса беспрестанно ахала, растопыривала глаза, полные удивления и восторга, раскрывала рот и то и дело указывала розовым пальчиком на скачущих далеко внизу людей или проплывающие в сторонке города и села.

— Как замечательно!

— Что? — спросил я. — Сидеть на спине и показывать пальчиком?

— Нет, летать! Ты такой счастливый, такой счастливый... У тебя крылья!

— Чтобы получить полное удовольствие от полета, — объяснил я мудро, — крылья вообще-то и не нужны. Они нужны, если захочешь почувствовать удовольствие от полета во второй раз.

Мириам сказала саркастически:

— Ах-ах, как мудро!

— А то, — сказал я гордо. — Драконы — это мудрость с крыльями. Хоть и рептилья.

— Ты же говорил, что драконы не рептилии!

Я отмахнулся.

— Да это так, к слову. Как будто рептилией быть хуже, чем голым и противным человеком! На самом деле рептилии... это венец природы! Вот ты, понятно, не венец. А я — венец.

— А я кто? — осведомилась она.

— Не знаю, — признался я. — Наверное, копыта. Или хвост. Но не венец, точно...

Она поморщилась.

— Подумаешь, оно с крыльями! Надо же... А у меня душа летает!

— У женщин есть душа?

Она фыркнула.

— Это у вас, жаб-переростков, нет души! А если и есть, то не крупнее комаров.

— Комар, — сказал я рассудительно, — это хорошо. С крыльями! А вот у людей души вроде червячков. Ползают, ползают...

— А ты откуда знаешь?

— Мы, драконы, — сказал я важно, — мудрые. Все на свете знаем. А что не знаем, то и не надо. Зачем знать ерунду всякую? Главное, знать не многое, а нужное.

— Ах-ах, — сказала она саркастически. — Так и поверю, что ты знаешь хоть что-то полезное.

Земля внизу начала приподниматься, я ощутил по спине теплового потока. Финиковые пальмы стали попадаться реже, зато почва стала каменистее, суше. Впереди начал

вырастать древний и полуразрушенный хребет, я рассмотрел ущелья, котловины, горы в дырах и кавернах. Отвесные стены как швейцарский сыр — обычная участь старых и рассыпающихся гор, разрушения всегда начинаются изнутри, с разрастания крохотного кариеса в большое дупло, а затем в Мамонтову пещеру...

Иногда успевал увидеть в темноте пещер огоньки, что значит, люди все-таки и здесь живут. Но кто, не монахи же — отшельники, аскеты всякие?

Стали встречаться на склонах козы, эти везде пролезут, потом овцы — сперва редкие, диковатые, потом ухоженные стада, наконец внизу потянулись села, мелкие города...

Воздух здесь прохладнее, однако яркое, хоть и непривычно маленькое солнце прогревает левую сторону и слепит глаз. Теплые потоки доносят запах слабо горящего кизяка, при отсутствии леса это основной отопительный материал. Пахнуло подгорелым мясом, из-за гряды отвесных скал появилось неширокое озеро, полное густой тени, вода кажется загадочно темной.

Я рассмотрел множество стрижей, проносящихся над ее поверхностью, странные птицы, словно их творила не природа, а умелые дизайнеры с закидонами, слишком демонстративно изысканны формы крыльев, вилкообразный хвост и это странное умение летать над поверхностью воды и зачерпывать крохотным клювиком воду...

Сверху донесся восторженный вопль принцессы:

— Озеро!.. Настоящее!

Мириам спросила:

— Ты что, озер никогда не видела?

— Никогда, — вскрикнула принцесса. — У нас только крохотные бассейны, везде мрамор, никакой травы... Шумил, миленький, давай спустимся и посидим на берегу?

Мириам сказала раздраженно:

— Я тоже устала сидеть на этом костлявом чудище, но нам нельзя задерживаться.

Я повернул голову, обе уставились на меня из-за широких шипов гребня, глаза блестят, лица покраснелись, то ли от встречного ветра, то ли от возбуждения. Мириам крепко

держится за шип, принцесса же уцепилась всеми четырьмя за ближайшие выступы и наросты.

— Сделаем привал, — согласился я. — Вы устали.

— Мы можем лететь дальше! — возразила Мириам и добавила ядовито: — Но если ты уже выбился из сил...

— Еще нет, — ответил я, — хотя ты уже потяжелела. Похоже, откормилась, пора тебя есть. Но я сам хочу осмотреть озеро.

Мириам проигнорировала насчет упитанности, хотя и пошупала себя за складку на боку, спросила удивленно:

— Тебе зачем? Поселиться в нем вздумал?

— Да, — ответил я твердо. — Буду воду мутить.

— Зачем?

— Чистая слишком, — объяснил я. — Непристойно чистая. Оскорбительно. Разве в такой крупную рыбу поймаете?

Пока земля приближалась, я охватывал взглядом и дороги, что идут вблизи озера, хоть и не подходят близко. Когда через эти земли пойдет крестоносное войско, нужно маршрут наметить так, чтобы по дороге были либо вот такие озера, где можно не только пополнить запасы воды, но и напоить всех коней, либо большие колодцы, оазисы, водопады, хотя бы мелкие речушки с пригодной для питья водой...

Озеро расположилось у подножья отвесных скал, даже одной скалы, длинной и вытянутой, разделенной разве что зубцами, означающими вершины. С большой высоты падает ручей, разбивается о широкий каменный уступ и дальше красивой серебристой лентой, не касаясь стены, устремляется к поверхности озера.

В той части оно бурлит, разбегается волнами, что странно быстро гаснут, и дальше озеро кажется наполненным темным маслом.

Я сделал полный круг над скалами и озером, рассматривая с высоты, неожиданно для женщин устремился к каменному выступу и, повернув крылья, мягко сел подальше от края.

Ручей не слишком большой, водопад умеренный, да и

высота небольшая, хотя брызги разлетаются далеко и сразу намочили мне левый бок.

Мириам спросила, не двигаясь с места:

— А к озеру?

— Сперва посмотрим, — отрезал я. — Слезайте. Можете помыться под проточной водой. Или вам надо обязательно в озере, где оставили пот, грязь и слюни те, кто купался до вас?

Мириам пробормотала что-то нехорошее. На что я услышал укоризненный возглас принцессы: «Мириам, как ты можешь... он хороший...», на что Мириам ответила, судя по тону, еще хлеще. Я бы подслушал с удовольствием, но поток воды шумит, плещет и даже чавкает, так что дождался, когда слезут обе, и шагнул к краю.

Принцесса, правда, замешкалась, я извернулся и сам снял ее лапой, стараясь не повредить. Она счастливо пищала и прижималась к моим перепонкам горячим недетским телом.

Мириам быстро сбросила платье, мелькнув непривычно белой кожей, встала под падающую струю, взвизгнула, но выдержала, не выскочила с паническим воплем.

Я зачарованно смотрел, как вода красиво разбивается о ее голову и плечи, сверкающие брызги летят во все стороны, словно каскады дорогого жемчуга. Принцесса поймала несколько капель на подставленную ладонь, вздрогнула и поспешно стряхнула на землю.

— Как ты можешь? Такая холодная!

Мириам крикнула весело:

— Это сперва! Потом привыкаешь...

— Да ни за что в жизни, — ответила принцесса твердо и, отступив подальше, села под стеной на камень.

Мириам, в ореоле из серебряных брызг, смотрится чудесно, кожа напряглась под холодными струями, но счастливо хохочет и, вскинув голову, с наслаждением подставляет лицо струям.

Я смотрел искоса, вроде бы должен отвернуться, но я же большой крылатый змей, а не мужчина, так что мне можно. Хотя в то же время и мужчина, так что нельзя, потому и иду на компромисс и смотрю одним глазом.

Вскинув руки, она рассекала падающую сверху воду, словно ныряет вверх к самым небесам, струи бегут по телу, кожа от холода пошла пупырышками, груди округлились, а ярко-красные кончики вытянулись и затвердели, как камешки.

Перехватив мой заинтересованный взгляд, она спросила живо:

— А ты никогда не купаешься?

— А что, — спросил я, — от меня дурно пахнет?

— Да вроде бы нет, — ответила она неуверенно, — как-то не обратила внимания. Просто купаться... хорошо. Даже просто так.

— А я, — ответил я, — только когда моюсь.

Она опустила голову, взгляд пробежал по залитой водой площадке из камня.

— Здесь места хватит и для тебя. Я посторонюсь.

— Спасибо, — буркнул я. — А вдруг спихнешь вниз?

— Ты просто распустишь крылья, — произнесла она со вздохом. — Это не поможет...

— Сожалею, — сказал я саркастически, — но ничем помогать не стану. Убиваться головой о стену ради твоей радости как-то не собираюсь. Представляю, как ликовать-то будешь!

Она покачала головой:

— Не представляешь.

Я буркнул:

— Ладно, я пошел. А то еще попросишь потереть тебе спину.

— И не мечтай, — ответила она.

— Ну, — сказал я намекаяще, — мечтать можно обо всем, мечтать не запретишь. Но тебе лучше не знать, что я сейчас намечтал...

Ее брови поползли вверх, а глаза испуганно расширились. Мгновение смотрела с непониманием, щеки залил нежный румянец. Я саркастически хмыкнул, она встрепенулась, посмотрела в страхе и неуверенности, сделала попытку закрыться ладонями, одновременно нагибаясь и сводя колени вместе.

— Ага, — сказал я обвиняюще, — вот какая ты испорченная! Я ничего такого и не думал, что ты вон надумала, будто я подумал!

И, гордо отвернувшись, я на всех четырех с достоинством подошел к краю, вытянул шею, всматриваясь в озеро, потом просто свалился вниз. За спиной прозвенел испуганный вопль Мириам, но я нырять с такой высоты не стал: растопырил крылья, пронесся, пугая стрижей, над поверхностью и, выставив лапы с растопыренными когтями, плюхнулся на берег у самой воды.

За спиной разочарованно квакнуло. Я быстро повернулся, в воде широкие круги с высокими валиками. Лягушек такого размера не бывает, а те, что бывают, уже называются не совсем лягушками.

Подойдя к воде, я опустил морду сперва к самой поверхности и долго всматривался. Солнце по ту сторону скал, и дно не высвечивает, затем я погрузил голову по макушку и, приспособив глаза, старался увидеть что-то угрожающее или опасное. Не для этих двух, их можно сюда не опускать, но конное войско будет двигаться понизу, не хочу терять доблестных крестоносцев из-за водяных хищников, если они здесь окажутся...

Чувство опасности начало подкрадываться незаметно. Я насторожился, быстро посмотрел по сторонам, даже на небо. Высоко-высоко с каменного уступа свесили головы Мириам и Вики, бесстрашные дуры, а вдруг голова закружится, вылавливай из озера, где что-то медленно и непреклонно поднимается из глубин, словно бронированный кашалот...

Я отступил, можно и не оглядываться, опасность грозит из воды, прямо мурашки по коже, хотя кожа у меня покрыта чешуей, которой я уже сумел придать прочность лучшей стали.

Глава 12

Из воды, словно взлетающая гигантская летучая рыба, выметнулась, поднимая тонны воды, исполинская змея. Вместо того чтобы красиво изогнуться и долго злобно ши-

петь, пока придумаю, как с нею справиться, метнулась на меня без всяких правил, быстро и злобно.

Я успел только дернуться, но ее пасть распахнулась невероятно широко, а я знаю, что даже мелкая змейка в состоянии проглотить целое куриное яйцо. Зубы мерзко скрежетнули по моей шее, я постарался ухватить ее лапами, не получилось, изогнул шею и дотянулся до ее головы.

Мои зубы сомкнулись на ее черепе, ощущение такое, словно пытаюсь раскусить валун. Змея, ощутив неудобство, попятилась и потащила меня с такой легкостью, что я струхнул и поспешно разжал челюсти.

Змея остановилась, снова начала подниматься из воды, а я поспешно попятился. Она сделала новую попытку атаковать, на этот раз пыталась ухватить за лапу, я извернулся и сразу цапнул за голову. И снова она потащила с такой легкостью, что я опять испуганно выпустил ее из пасти и отступил еще дальше от берега.

Рассвирепев, змея начала вылезать, я попятился еще чуть, на суше у меня преимущество, уже собрался напасть, как вдруг в том месте, где туловище должно истончаться и переходить в хвост, из воды начал подниматься гребень... впятеро выше, чем у меня... толще... массивнее...

Вытаращив глаза, я видел, как поднимается ужасающе огромное животное, это его шею я принял за змею, хотя голова, правда, для таких размеров совсем крохотная.

Водяной динозавр выдвинулся наполовину из воды, задние лапы и длинный хвост в озере, на меня смотрит с дикой злобой. Я прикинул, сколько доблестных рыцарей поляжет, пытаясь сразить это чудовище, взревел и сам метнулся навстречу. Динозавр среагировать не успел, я ухватил пастью змеиную голову, так, как удобнее мне, начал сжимать челюсти сильнее и сильнее, наконец звонко хрустнуло, кольнуло острой болью, это сломал собственный зуб, но задержал дыхание и продолжал сжимать сильнее и сильнее.

Динозавр наконец послал сигнал в задние лапы, они начали отодвигать грузное тело обратно в озеро. Меня втаскивало в воду, я уже вцепился всеми четырьмя в шею, пробовал ломать ее, динозавр поднял меня с легкостью в воз-

дух и размахивал, как тряпичной куклой, отыскивая столб, о который удобнее шмякнуть.

Между челюстями затрещало, я ощутил во рту соленость, у динозавров кровь еще больше похожа на морскую, чем наша. Им вообще можно спустить всю кровь и закачать вместо нее морскую воду, динозавр даже не заметит разницы...

Я выпустил наконец раскушенную и раздавленную голову, кое-как выплыл на берег и сел там, вздрагивая от пержитого. Вода в озере бурлит, бьет ключом, поднимается внезапными фонтанами.

Я оттолкнулся от земли, взлетел кое-как, поднялся повыше, а оттуда неловко приземлился на каменный уступ.

Принцесса бросилась мне на шею.

— Ты не пострадал? Оно тебя не покусало?

— Все в порядке, — прохрипел я.

Мириам поглядывала в нашу сторону, потом кивнула:

— Наш рептиль сам кого хочешь покусает... Взгляните.

Сверху хорошо видно, как приподнимается огромная туша и остается на поверхности, распластав конечности, похожие на ласты. Вокруг сплюсненной головы уже начинает суетиться трусливая рыба мелочь, самые смелые решаются подплыть совсем близко, укусить и тут же отпрянуть. Затем все больше смелели, а когда набросились всей стаей, я отвернулся и сказал натужно бодро:

— Озеро относительно почищено.

Мириам спросила с подозрением:

— Для чего?

— Ты хотела сказать, от чего?

Она покачала головой:

— От чего, понятно. Но у тебя другая цель?

— Верно, — согласился я. — А ты умная, оказывается. Наверное, невкусная...

Она промолчала, но на лице боролись противоречивые чувства, словно хотела возразить, в самом деле какая из женщин признается, что у нее не сладкое мясо, с другой стороны — я же совсем недавно готовился съесть, как бы снова не вернулся к здоровой идее.

Обе оживленно чирикают на моей спине, укрывшись плащами от встречного ветра по самые глаза, а я рассматривал важно плывущую землю внизу и вспоминал битву при Кресси. Доспехи у французского и английского войска были одинаковыми, как и мечи, топоры, луки и арбалеты. И сами они не отличилась друг от друга, дети одной культуры и одного мировоззрения. Но англичане разгромили французское войско с соотношением потерь двадцать тысяч против двухсот.

Нет в мире более яркого примера, что умелое построение и точное взаимодействие лучников, ратников и тяжелых рыцарей и есть ключ к победе.

У меня же задача, как мне кажется, даже проще, если не углубляться в мелочи. Кортес и Писарро с небольшими отрядами конкистадоров наносили поражение огромным войскам индейцев. На их стороне были невиданные для индейцев доспехи, страшные кони и огнестрельное оружие. Мое крестоносное войско теоретически способно довольно быстро сломить сопротивление этих разрозненных племен, что перестали быть единым кулаком после поражения в Орифламме, или Сен-Мари, как им больше нравится.

Здесь главное — не дать им объединиться, а постараться натравливать одно племя на другое, как делали все завоеватели, а еще ни в коем случае не повторять ошибок прежних попыток подчинения и ни в коем случае не трогать магов. Но как... как? Мы же крестоносцы! Мы несем веру Христа на своих знаменах...

Сзади раздался ликующий вопль:

— Вон там на перекрестке дорог маленький домик!.. Там мой отец!

— Ты его видишь?

— Нет, мы там жили...

— Хорошо, — ответил я, — снижаюсь. А ты прыгай наверху и размахивай лапками, чтоб не разбежались. От восторга, понятно.

— А не свалюсь?

— Так в родном же дворе упадешь, — утешил я. — Прямо на пороге...

— Свинья!

— Ну вот еще и свинья...

Я распластал крылья, надеясь, что отсюда с глухой стены сяду незаметно, а там Мириам забежит с другой стороны дома и постучит в двери. Принцесса повизгивала, я чувствовал, как в полном восторге постукивает по спине задними лапками.

Едва я опустился на землю и застыл, Мириам тут же начала торопливо сбрасывать плащ, веревки, ремни, а спустилась с такой скоростью, что почти скатилась на землю. Принцесса начала было освобождаться тоже, я проворчал, что ей лучше оставаться на моей горбатой спине.

— Думаешь, тебя плохо встретят? — спросила она наивно.

Я промолчал, а тем временем Мириам бегом обогнула дом. Я настроился терпеливо ждать некоторое время, возможно, долго, однако Мириам появилась буквально через минуту, растрепанная и бледная.

— Скорее! Он умирает...

Уже не стараясь скрываться, я обошел дом, дверь распахнута настежь, мне не войти, но голову просунул, а шея у меня длинная. Мириам с плачем бросилась на грудь залитого кровью мужчины с седыми редкими волосами и короткой белой бородкой, тоже запятнанной кровью.

Тело его покрыто колотыми и резаными ранами, их множество, явно пытали, несчастный еще дышит, истерзанный, весь в запекшейся крови. Я стиснул челюсти. Пытают, чтобы расколоть упряма, добыть тщательно укрываемые сведения, но что могли пытаться узнать у этого старика? Скорее, мучили просто по привычке, походя. Раз уж пришли, то почему не поиздеваться?

Мириам упала на колени возле приемного отца и ухватила его за руку. В глазах заблестели слезы, наполнили до запруды и, прорвав ее, медленно и трудно поползли по щекам.

— Отец!.. Кто это был? Зачем они это сделали?

Я убрал себя из дверного проема и проревел:

— Мириам, выйди.

Она зло оглянулась.

— Зачем?

— Это не для женщин, — сказал я значительно.

Она помотала головой.

— Ни за что!

Я через окно смотрел на старика, у того в глазах мелькнул ужас, но мы, мужчины, умеем держаться, и голос его прозвучал хоть едва слышно, но твердо:

— Мириам... оставь нас ненадолго.

Она сверкнула глазищами, однако поднялась, еще раз посмотрела зло и с подозрением, но вышла из комнаты. Я через окно протянул к умирающему лапу. Старик вздохнул и закрыл глаза. Я осторожно коснулся его груди перепончатой пятерней, ничего не ощутил, попытался нащупать в себе ту струнку, что делает паладина еще и врачом-телем ран.

Он открыл глаза и уставился на меня с немым изумлением.

— Что случилось? — проговорил он с трудом. — Боль ушла... но я еще жив.

Я поспешно убрал лапу. Он смотрел ей вслед, в глазах снова мелькнул страх, но тут же испарился.

— Пока лежи, — прорычал я как можно тише. — А кровь, хоть и засохла, не стирай. А то пойдут разговоры, начнут приносить всяких безруких и безногих...

Он прошептал:

— Как ты сумел... Кто ты? Небесный Дракон?

— Смертным знать не велело, — сказал я значительно, но дал себе пинка, что перестарался, надо было всего лишь чуть подлечить, а дальше выкарабкался бы сам. Но в драконьей шкуре не рассчитать усилие, да и, похоже, моя лекарская мощь все еще усиливается. — Закрой глаза и поспи. Утром станет лучше.

Он послушно опустил веки, все еще красные и воспаленные, я попятился и вытащил голову из дверного проема. Мириам тут же с плачем, ничего не слушая, ринулась мимо меня в дом.

Принцесса, слезая, споткнулась, я поймал ее на лету. Она обхватила меня за шею и поцеловала в щеку.

— Ты такой ловкий, а все громадные такие неуклюжие...

— Я уключий.

— Что там случилось?

— Ее отца кто-то избил, — объяснил я. — И вообще... поработал ножом. Люди, как ты уже начинаешь догадываться, немалые сволочи.

Она вскрикнула, округлив глаза:

— Какой ужас!.. Надо ему помочь!

— Уже, — ответил я.

Она сразу спросила шепотом:

— Ты помог?

Я пробурчал:

— Чего ты такая догадостная?.. Я морально помог. Поддержал словом. В смысле, своим видом. И ему сразу стало легче. Выздоровеет. Ты положи куда-нибудь те побрякушки из драконьего тайника, а то Мириам сейчас не до них. Потом дом новый купят, стадо овец... Или верблюдов. Сами будут водить, а не наниматься...

Она с сомнением покрутила головой.

— Вряд ли.

— Почему?

— Мириам сильная, — сказала она с великим уважением в голосе. — Злая, решительная. Вот увидишь, захочет отомстить тому, кто так с ее приемным отцом...

Дверь распахнулась, на пороге появилась Мириам. Вид у нее был решительный и злой.

— Я так не оставлю, — прошипела она, как большая змея. — Я найду эту сволочь! И медленно уничтожу...

Я сказал вяло:

— Ты не знаешь, кто это. Разбойников здесь, как муравьев.

— Знаю, — заявила она. — Отец сказал, что его расспрашивали обо мне. Когда он рассказал, что меня унес и съел дракон, только тогда его перестали истязать.

— Мог бы сразу рассказать, — буркнул я.

— Он сразу и рассказал, — крикнула она люто. — Но они начали пытаться еще до расспросов!

— Люди, — прорычал я, — всего лишь люди. Злые, жестокие, подлые, вероломные, сволочные, предающие... и все остальное, чем можно назвать зверей, рыб, птиц, пауков, скорпионов, камни, лед... Ну и как ты найдешь виноватого?

Она выкрикнула:

— Я догадываюсь, кто это сделал!

— Кто?

— Ярл Растенгерк, — выпалила она. — Он все эти десять лет горел жаждой мести и разыскивал меня, чтобы по квитаться за оскорбление!

Я выставил вперед лапу, прерывая поток ее настолько горячих слов, что прожигают даже мою толстую броню.

— Погоди, погоди... Он же перестал тебя разыскивать, раз решил взять вместо тебя принцессу Вики!

Мириам сказала так резко, что зубы ее лязгнули, будто ножницы:

— Меня он разыскивал не для того, чтобы взять в жены, жаба!..

Я проворчал озадаченно:

— А для чего еще служат женщины?.. Странные вы существа.

Принцесса сказала мне преданно:

— А не знаю, для чего женщины... Но я буду тем, кем ты меня захочешь.

Мириам, не слушая ни ее, ни меня, сказала люто:

— За это Растенгерк заплатится не просто головой... Я с живого сдеру шкуру, а потом зажарю на медленном огне!

— Шкуру?

— Нет, шкуру натяну на барабан и буду на нем играть, когда его начнут поджаривать на углях!

— Добрая ты, — сказал я.

Она обернулась ко мне, злая, как кобра, но спросила с надеждой в голосе:

— Ты знаешь, как помучить дольше? Чтобы орал, выл и умолял о пощаде... нет, о быстрой смерти?

— Я не женщина, — ответил я с достоинством. — Не люблю мучить. Все звери милосерднее женщин. Я, к при-

меру, убиваю сразу. А ты... хоть выбрала, что играть будешь?

Она посмотрела бешеными глазами, даже не соображая, что я спрашиваю. Принцесса прижалась крепче и чмокнула в костяную щеку.

— Что теперь?

— Мириам доставлена на место, — сказал я тупо, — что еще? Можешь пока остаться с нею.

Мириам слетела с крыльца быстрее, чем брехня, я увидел прямо перед собой ее бешеные глаза, отшатнулся, а то еще укусит, а она завизжала:

— Мы должны догнать этих сволочей и стереть их с лица земли!..

Я прикрыл крылом принцессу и отодвинулся с нею опасно, бешенство заразно, прорычал:

— Все люди — сволочи.

Принцесса пискнула из-под крыла:

— Я тоже?

— Ты не человек, — пояснил я. — Ты существо... из света и радости.

— А Мириам?

— Тоже существо, — сказал я. — Из яда, злости и бешенства. Мне заранее жалко того, кто на нее клонет.

Мириам прокричала:

— Помоги мне! Клянусь, ты получишь от меня все, что пожелаешь!

Принцесса высунула голову из-под крыла и начала прислушиваться очень внимательно. Ее невинно голубые глаза потемнели, а взгляд был прикован к пылающему лицу Мириам.

— Дракону ничего не нужно от женщины, — заявил я надменно.

— Врешь, — сказала она с убеждением. — Ты не зря здесь! Ты прибыл издалека, у тебя какая-то цель. Я не знаю ее, но клянусь помочь всеми силами, всей душой и сердцем, если поможешь свести счеты с этой сволочью, этим презренным гадом, ярлом преподлейшего племени ассиров, Растенгерком!

Я сказал скептически:

— Ты сильная женщина, признаю. Но что ты можешь? Твои возможности, увы, не больше, чем у муравья.

Она выкрикнула взбешенно:

— Я — дочь короля! Довольно мне прятаться от этой мрази! Когда-то и я была такой же робкой, как Вики. Моей отваги хватило только на то, чтобы бежать, но сейчас я уже не та Мириам Сероглазая, сейчас я Мириам... Жестоко-сердная!

Вики пропищала из укрытия, как мышь из подполья:

— Вернешься во дворец?

Мириам заколебалась, но после паузы сказала твердо:

— Я должна. Отец мой стар, а еще я услышала от приемного отца, что он сильно болен. Я знала, как он мечтал о сыне, и старалась научиться всему, что должен знать и уметь наследник престола. Если ты, Шумил, мне поможешь отомстить, я помогу тебе... в любой твоей миссии.

Я задумался. Острые когти безуспешно поскрипели по костяному черепу, ожидаемого приятного ощущения не получилось. Попробовал почесать пузо, там да, приятно.

Я тяжело вздохнул.

— Ладно, попробую поверить на слово. Мне в самом деле кое-что... не помешает. Правда, не уверен, что будешь в состоянии... впрочем, попытка не пытка. У меня еще несколько дней в запасе. Даже недель, увы. Итак, ты хочешь, чтобы мы выследили твоего ярла и обрушились сверху?

Мириам выдохнула жарко:

— Да! И клянусь еще раз, я сама и мое королевство, в котором верну себе власть, будем в твоём распоряжении.

— Хорошо, — сказал я. — Учти, ты дала клятву. А теперь полезайте мне на спину. Попробуем посмотреть вдоль до-роги.

— Они могли и через барханы, — напомнила Мириам.

— Тогда отыщем по следам, — ответил я.

Принцесса сказала жалобно:

— Страшно...

— Хватайся за руку, — сказала Мириам.

Они торопливо карабкались на спину, я хмуро старался убедить себя, что в самом деле никакой благотворительности, я же политик, вот думаю, как и чем воспользоваться, а жалость к двум диким дурочкам ни при чем. И пусть королевство будет не больше города с парой деревень, но с паршивой овцы хоть шерсти клок, нужно уметь зацепиться и за малость. Так что все ради дела, никакого соплежуйства, никакого сочувствия... хотя, конечно, есть, но свои планы ради помощи всего лишь женщинам не сдвину и на дюйм, хотя рыцари ради женщин вообще готовы воевать с адом, но я политик, политик, политик...

Нога принцессы соскользнула с рогового выступа, Мириам удержала ее на вытянутой руке и от неожиданности выругалась зло и громко.

Принцесса сказала жалобно:

— Ну руки у меня кривые, Мириам...

— У тебя все кривое! — заорала Мириам. — Быстрее же! Эти гады могут уйти слишком далеко!

Я повернул голову и сказал с укором:

— Воспитанные леди не орут, как дикие верблюды! Их голос никогда не поднимается выше... выше... шелеста легкого ветерка. Нежного, даже нежнейшего. Как вот от взмаха крыльев бабочки. Или моих.

Мириам сказала люто:

— Скажи это воспитанным леди. Сейчас я — мстящая дочь проводника караванов.

Принцесса напомнила в детском недоумении:

— Мириам, ты же королевская дочь!

— А это она, — сказал я ехидно, — пытается увильнуть от своих обещаний.

Мириам процедила сквозь зубы:

— Клянусь жизнью своего отца, я выполню все, что тебе обещала... или умру, пытаясь выполнить.

— Лучше я сожру тебя, — сказал я, — королевская дочь должна быть вкуснее проводниковой.

Мириам скривилась, но мне показалось, что даже усмехнулась чуть-чуть. А я лишний раз подивился развитому чутью, которое обычно называем женским. Она в точности

предугадывает, что и как надо, и мы разыгрываем сцены, как будто давно уговорились и даже предварительно поупражнялись. Вообще теперь кажется, что если и страшилась моего облика, то лишь первый день, а то и вообще первые часы. Потом оба умело и слаженно играем роли, я — кровожадного и грубого дракона, а она — испуганной и трепещущей дурочки...

Глава 13

Ветер почти не ощутим, я раскинул крылья и медленно плыл вдоль дороги, всматриваясь в редкие караваны. Мириам свесилась сбоку, я слышу, как поскрипывают ремни, только принцесса сидит наверху тихохонько, укрывшись плащом и выставив наружу нос и любопытствующие глаза.

— Вон там всадники! — сказала Мириам возбужденно.

— Не те, — сказал я. — Ты же сказала, люди ярла носят синие плащи?

— Да...

— Я сам их видел в синих, — напомнил я. — И ярл в таком же. Всего семеро. Верно?

— Да, ты видел их.

— А здесь двенадцать, — сказал я. — И одеты в черное. Дураки...

Она проворчала:

— Почему?

— Черный цвет поглощает солнечные лучи, белый — отражает.

— Мужчинам, — с презрением ответила она, — жара не помеха в великих делах и свершениях. А черный цвет — знак принадлежности к тайному клану Укротителей.

— Снова секта, — буркнул я. — И, конечно же, тайная... Мальчишки.

— Они очень сильны, — крикнула она. — Сильные, жестокие, неуловимые... Среди них есть маги.

— Что хотят эти Укротители?

— Никто не знает...

Всадники остались далеко позади, мы во все глаза

всматривались в дорогу, дальше раздваивается, на всякий случай пролетели по обеим веткам, я чувствовал, что зря тратим время, но Мириам ослеплена жаждой мщения, ладно, пусть, не жалко, а я пока подумаю, как даже эту крохотную зацепку употребить с пользой...

С высоты видно то, чего не замечают пласкатики: руины древних сооружений, что уже и не руины, а только тени, погружившиеся в землю, присыпанные песком, но с высоты видно исполинские фундаменты, проступающие сквозь песок, будто призраки, словно те здания и города все еще живут некой особой жизнью.

Вижу и то, как на месте старых зданий строились новые. Призрачный фундамент всегда толще, весомее и захватывает большую площадь, чем строения хилых потомков. Архитектура менялась, это заметно, от древних времен только массивные фундаменты в виде колец, а в последние столетия строили только прямоугольники, с ними хлопот меньше. Интересно, что за исчезнувшая культура предпочитала здания именно с кольцевым фундаментом? Или, может быть, даже не культура, а цивилизация?

Принцесса пропищала тихонько, но у нее такой голос беспомощного птенчика, что я услышал бы и за тысячу миль:

— Какой ты счастливый, Шумил, милый!

— Я такой, — согласился я и добавил галантно: — Я ведь тебя везу!

Она возразила польщенно:

— Спасибо, но я о том, что у тебя крылья...

— Это для того, — сообщил я, — чтобы тебя, принцесса, прятать под них и укрывать от ветра и холода.

Ее голос зазвенел счастливым смехом:

— Ой, как хорошо ты говоришь...

Мириам, чувствую ее злость, накаляется все больше. Глаза покраснели, и к лицу прилила кровь, она постоянно свешивается и вглядывается во все, что движется и шевелится.

— У тебя красивые глаза, — крикнула принцесса.

— Это потому, что смотрю на красивое, — объяснил я и

добавил на тот случай, вдруг дурочка не поймет: — А смотри все время на тебя.

Она повизгивала от счастья, беспечный ребенок, Мириам перевешивалась с правого бока на левый, я торопливо двигал крыльями, удерживая нас в прежней позиции.

— Знаешь, — сказал я наконец, — давай начнем поиски твоего красавчика с другого конца... Последний раз я видел его... гм... далековато отсюда, однако... у нас сейчас вообще нет зацепок.

Она долго смотрела с молчаливой злостью вниз. Ровная каменистая равнина, мчаться можно в любом направлении, дорог не нужно, следов тоже не останется. А редкие группы всадников, на которых начинаем смотреть с надеждой, всякий раз оказываются просто охотниками или командой для похищения невест.

Правда, трижды наблюдали крупномасштабные набеги на села и стойбища, много раз видели сожженные стойбища, дважды пролетели над битвами многотысячных армий, но Мириам торопит, полюбоваться на взаимоистребление варваров не успеваю, а тактических новинок и не жду: сшибаются две орды с дикими воплями, вот и все.

Внизу довольно четко проступила дорога, а левее я заметил крохотные фигурки скачущих всадников в синих плащах. Дорогу вообще-то им видно, но высокомерно скачут параллельно ей, уже по этому признаку мы все определяем воинов высшего класса. Герои не выбирают дорог, а реки преодолевают, не пытаясь отыскать брод...

Женщины еще глазели по сторонам, когда я, переходя из ровного, как солнечный луч, полета, провалился вниз. Они вскрикнули одновременно, затем Мириам спросила язвительно:

— О кочку споткнулся?

— Твоего ярла увидел, — сообщил я. — Но если передумала с ним здороваться, полетим дальше...

— Где?.. Это же...

Она свесилась на сторону так, что ремни трещат, а меня ощутимо заваливает на бок.

— Он? — спросил я.

— Попался, сволочь, — прошипела она люто. — Сожги его огнем!.. Нет, раздави весом, чтобы кишки наружу!

— Милосердная ты, — укорил я. — При ребенке хоть придержала бы лютость... женскую, привычную, обыденную, без которой жить не можете.

Принцесса боязливо съежилась, но промолчала.

— А что, — прокричала Мириам, — дашь им уйти?

Я сказал недовольно:

— Мы не для того прибыли, чтобы дать уйти. Но посмотри на принцессу и поучись ее благородной сдержанности и манерам! Это из-за его домогательств она бросилась с башни, но молчит, сопит в две дырочки, уже простила по женской кротости. А ты?

Принцесса пискнула слабо:

— Я не простила... Но зато я отыскала тебя, так что теперь никому не хочу зла.

— Золотые слова, — одобрил я. — Злые люди вообще-то и не могут причинить много зла. Настоящее ядреное и могучее зло целиком от нас, добрых и желающих только всеобщего процветания. Мы же всегда целиком и полностью во благо! Ну, как понимаем суть блага в данный исторический момент...

Земля быстро приближалась, всадники заметили мелькнувшую по земле крылатую тень, задрали головы. Я сделал полукруг и, растопырив лапы, тяжело сел далеко впереди на вершину самого высокого бархана из золотого песка, загромождавая им путь.

Они начали придерживать коней, двое отъехали в стороны и, привстав на стременах, высматривали пути бегства. Сам ярл держится во главе, правая рука то и дело привычно опускается на рукоять меча, но я вижу, как тут же отдергивает, вожак должен больше думать головой, чем мышцами.

Один из воинов подскакал быстро и передал ему длинное, почти рыцарское копье.

Мириам даже не закричала, а дико завизжала в ярости:

— Вон он, сволочь!.. Вон он, убивавший моего отца!.. Не дай ему уйти!

Она торопливо развязывала веревки, а потом, не в силах удержаться, схватила нож и двумя яростными взмахами перерезала. Принцесса хватала ее за руки, Мириам оттолкнула, хотела слезть, но заспешила и, споткнувшись, скатилась по моей спине, а там закувыркалась с бархана на противоположную от всадников сторону.

Я угрожающе растопырил крылья, готовый взлететь и снова заступить отряду дорогу. Вперед выехал ярл, он пригнулся к конской гриве, рослый мужчина в легком практичном панцире из кожи, покрытой металлической чешуей, в кожаных штанах и в высоких сапогах с по-степнячьим загнутыми носами.

Он натянул повод, конь не только остановился, но и встал на дыбы, но ярл умело работал шенкелем и поводом, усмирив и заставил стоять почти спокойно.

— Всем не двигаться! — проревел я громовым голосом, от которого оглохли все песчаные суслики на две мили вокруг. — Опустить оружие, не шевелиться, порву всех, сожгу, испепелю, съем!

В доказательство я повернул голову и выпустил мощную струю огня в бархан слева. Песок мгновенно почернел, а в центре огненного удара слился в багровый ком. Люди попятились, один повернул коня и унесся, нахлестывая его так, будто гонюсь именно за ним.

Ярл медленно опустил острием в песок направленное в мое сторону копьё с блестящим наконечником, острым, как жало. Лицо стало мрачным и затравленным, глаза бежали из стороны в сторону.

— Ты и есть тот самый Растенгерк? — спросил я.

Он медленно разомкнул твердые, красиво вырезанные губы.

— Не знаю насчет того самого, — проговорил он медленно, голос звучал утрюмо, однако без страха, — но я в самом деле Растенгерк, ярл племени благородных ассиров.

— Зачем пытал старика? — спросил я.

Он переспросил так же хмуро:

— Старика? Никого я не пытал.

— Если не ты лично, — сказал я громче, уже наливаясь гневом, вспомнил то, что старался забыть, застеночек Кейдана, — то по твоему приказу.

Он покачал головой, лицо стало неприятным.

— Я никогда никого не пытаю...

Голос его прервался, он повернул голову и смотрел неверяще. На бархан взобралась и бежит в нашу сторону Мириам, в руке легкий острый меч. Лицо ее перекосилось, в глазах безумная ярость, ноги проваливаются в песок по колени, но она упорно продвигается в нашу сторону. Плащ, чтобы не путался в ногах, отбросила в сторону. Красные волосы разметало ветром, в нашу сторону уже не женщина спешит, а несется, увязая в песке, жаркое пламя.

— Мириам... — прошептал ярл потрясенно. — Не может быть...

— Стой смирно, — предупредил я. — Повторять не буду.

— Но это же Мириам...

— Стоять! — проревел я.

Мириам упала, быстро подхватила и, размахивая мечом, торопилась к нам. Я повернул голову, двое из всадников послали коней с двух сторон и начали приближаться осторожно, но безостановочно.

— Мириам, — проревел я. — Стой!..

Не слушая, она мчалась прямо на ярла. Меч в ее руке сверкает холодно, рассыпая мелкие злые искорки. Когда между ними оставалось не больше полусотни шагов, я протянул лапу и ухватил ее за платье. Мириам рванулась, платье затрещало, но выдержало.

Ярл закричал что-то злое и, настегивая коня, ринулся в мою сторону, быстро поднимая для удара копьё.

— Стоять! — прогремел я во всю мощь.

Кони вздыбилась все до одного и, сбрасывая всадников, начали метаться во все стороны. Ярл долго пытался сладить, но его конь обезумел, и всадник вылетел, как пробка из бутылки, кувыркнулся пару раз в песке, выронил копьё, но обнажил меч и бросился ко мне.

— Всем застыть! — велел я.

Мириам барахталась, била мечом по моей лапе, высекая искры, наконец отрезала подол, за который я держу, но я отпустил в последний момент, и она упала от неожиданности лицом в песок.

Ярл налетел на меня с боевым кличем. Я выдернул у него меч, подмял, а другой лапой придавил Мириам. Оба барахтались, визжали в ярости, едва не плевались, но я держал крепко.

— Мое терпение лопнуло! — проревел я страшным голосом. — Сейчас оторву у вас обоих задние лапы и буду смотреть, как ползаете!..

Оба нехотя перестали дергаться, лишь прожигали друг друга горящими взглядами. Люди ярла остановились, трепеща, в сторонке.

Я прорычал люто:

— Не злите меня!.. Мириам, ты для меня такой же человеческий червяк, как и это... что под другой лапой. Рассердишь меня, я всего лишь сожму когти...

Ярл вскрикнул:

— Нет, не делай ей зла!

Я проревел:

— Почему?

— Она и так слишком много страдала, — крикнул он.

— По твоей вине, как я понял по твоей глупой морде?

Он прошептал:

— Да...

Мириам выкрикнула с яростью:

— Убей его!.. Или я сейчас выберусь и убью вас обоих!

Я чуть стиснул лапу, вжимая Мириам в песок, она задохнулась и замолчала, тяжело дыша. Ярл выворачивал голову, стараясь не выпускать девушку из поля зрения. Она бросала в его сторону ненавидящие взгляды.

— Тихо, — велел я. — Мне многое в этой истории непонятно. Итак, ты говоришь, что не пытал проводника караванов. Кто он, ты уже знаешь...

Ярл прохрипел под тяжестью моей лапищи:

— Приемный отец Мириам...

— Почему он со следами зверских пыток?

Он попытался пожать плечами, но лишь застонал, когда я на всякий случай вжал в песок сильнее.

— Не знаю. Я когда услышал, что караванщики отдали дракону в жертву необыкновенно красивую девушку с огненными волосами и необыкновенными серыми глазами, сразу же пустился на поиски этих караванщиков. А когда отыскал, по их описанию сразу понял, что это была ты... Это было два дня тому...

Мириам прошипела:

— И как пожалел, что не попала тебе в руки, чтобы ты мог поглумиться!

Он сказал тихо с болью в голосе:

— Я обезумел, разорвал на себе одежды и ушел в пустыню. Я с того далекого дня все десять лет изнемогаю под чувством вины... Убей меня, наконец, я освобожусь от этой тяжелой ноши.

— Ты не просто виноват, — прошипела она люто, — ты, сволочь... ты безумно виноват! Ты посмел потребовать себе в жены принцессу Вики!

Я скосил глаза на принцессу, та сидит на загривке и страшится пошевелиться, затем с интересом покосился в сторону Растенгерка. Ярл больше похож на тех, кто прет напролом, а тут приходится выкручиваться. Мириам заводится все сильнее.

Он вскинул брови, а глаза полезли на лоб.

— Принцессу Вики?.. Ах да, это мои советники поставились, а я их решение утвердил.

— Ах так, — прошипела она люто, — утвердил?

Он произнес устало:

— Это самый простой и надежный способ, как ты сама знаешь, укрепить наши два королевства. Брак с наследницей королевства... но при чем тут вина? Простой политический расчет...

Она завизжала в ярости:

— Тогда о какой вине ты мямлишь?

Он развел руками:

— Перед тобой, Мириам. Ты не овца, а я вознамерился тебя взять, как обычно берут... женщин. В наших племенах

берут. Я всегда любил тебя и преклонялся перед тобой... и ты это знала. После того, как ты исчезла, я поклялся не знать других женщин...

Она слушала, затаив дыхание, но едва он замолчал на миг, прервала голосом, полным яда:

— И, конечно, не знал!

Он вскинул на нее ясный взгляд.

— Не знал.

— Все десять лет?

Он кивнул.

— Для меня что один день, что десять лет, что вся жизнь, ибо слово мое — кремень. Все женщины мира — овцы рядом с тобой. Твой облик всегда перед моими глазами, и я не могу видеть в других женщинах... других женщин.

Она смотрела на него исподлобья.

— И что же? Решился только сейчас? Брак с принцессой Вики?

Он ответил, глядя ей в глаза:

— Это политический брак. Я не вошел бы в ее спальню. Более того, если ей захотелось бы завести себе возлюбленного на стороне и встречаться с ним, я не стал бы им мешать. Мне все равно, для меня как не было других женщин, так и сейчас нет. Я же говорю, это советники, чтобы спасти мой разум, срочно запросили руку Вики, надеясь, что ее редкая красота как-то меня утешит. Наше посольство уже давно гостит в королевстве Йеремланд, но все эти годы я не давал согласия просить в жены дочь короля. Но когда я узнал, что почти отыскал Мириам, но ее отдали дракону... мне стало все равно, я не хотел просто жить больше.

Я проворчал:

— Все эти сю-сю очень даже волнительны и шипательны... Но все же... кто пытал караванщика?

Ярл сказал уже рассерженно, хотя едва дышит под моей тяжелой лапой:

— Говорю же, не я!.. Какой мне смысл? Если бы она где-то скрывалась, если бы можно было попытаться выбить тайну убежища... но если унес дракон?

— Логично, — сказал я, ярл посмотрел с удивлением, — но кто же тогда? И зачем?

Он пробормотал:

— Стоп-стоп... я слыхивал... да слыхивал, но тогда не обратил внимание... что какие-то люди разыскивают де-вушку с красными волосами и серыми глазами. Тогда я не обратил внимание, думал, что это говорят о нас, но теперь понимаю, что мы ни при чем...

Я рыкнул:

— Кто это мог быть?

Он напряженно морщил лоб, наконец прохрипел:

— Боюсь даже выговорить.

— Почему? — потребовал я. — Он великий воин? Маг?

Принц повел взглядом в сторону яростно барахтающейся в песке Мириам.

— Разъярится еще больше.

— Все равно говори, — потребовал я.

Он все выворачивал шею, наконец попросил:

— Отпусти Мириам, ей плохо.

— Она тебя разорвет, — предупредил я. — А еще снимет шкуру, натянет на барабан, тебя будет жарить на мелком огне, а еще повесит, утопит, разорвет конями...

Он пробормотал:

— На нее похоже. Но я не перестану ее любить.

— Дурак, — сказал я.

— Еще какой, — согласился он без горечи в голосе. — А кто из нас не дурак?

— Я, — сообщил я гордо, но ярл уловил сомнение в моем голосе, и я добавил: — Стараюсь. Дракону проще.

Он вздохнул, я осторожно приподнял лапу, вжимающую Мириам в песок, и сразу предупредил:

— Затеешь драку — разорву. Мое слово твердое.

Глаба 14

Она села, вся в песке, отплевывалась, но лицо полыхает все той же священной яростью. Растенгерк смотрел на нее так, что я сразу поверил в его непричастность к пыткам ее приемного отца.

Очень медленно я снял лапу и с его груди, но когтями

пошелкал прямо над лицом, дескать, смотри, с чем шутишь, следи за собой, чтоб я не подумал ничего лишнего.

Мириам вскрикнула яростно:

— Думаешь, этот предатель спасет тебя, мразь?.. Я хорошо знаю, что ты говорил моему дяде! Он долго мучился, не хотел открывать то, о чем ты проболтался по пьяни, но мое счастье для него дороже, и он в конце концов решился переломить себя и рассказать про тебя и твои грязные делишки!

Ярл даже не вздрогнул, только как-то поник, глаза потускнели, однако сказал с усилием:

— Так-так, говори, говори...

Она заорала громко и некрасиво:

— Тебе мало?

— Мало, — ответил он тоскливо. — Кажется, сейчас... Что же я за дурак был! Только теперь начинаю понимать, откуда ветер дует... И почему ты вдруг начала относиться ко мне с таким омерзением. И все те недоговоренности...

— Какие?

— Всекие, — ответил он подавленно. — Множество мелких, не все сразу и упомнишь. Можно не обвинять в лоб, а в нужном месте хитро так улыбнуться, словно знаешь больше, чем говоришь, в другом месте внезапно умолкнуть, чтобы вроде не сболтнуть лишнего... И вот так, крохотными мазками или стежками, как тебе угодно, создать образ последнего негодяя... которому, однако, верен и не желаешь его выдавать.

Она смотрела исподлобья, глаза поблескивают сухо, как слюда, это не Вики, у которой чуть что, сразу море слез.

— Дядя... — сказала она зло, — да, это он тебя выдал.

— Не выдал, — возразил он, — а оклеветал!

— Зачем?

Принц воскликнул:

— Как зачем?.. Избавившись от тебя и обезвредив меня, теперь правит королевством и смеется над нами!

Она покачала головой.

— Вассалы на такое не согласятся. Мой отец жив, я знаю. Отстранить его никто не может, убить — тем более.

Там такая охрана, среди них с особыми амулетами, сразу заметят хоть попытку отравить, хоть... что угодно недоброе.

— Насколько я знаю, — сообщил он, — вся власть уже давно в руках твоего дяди, ярла Камбре. Да-да, так и есть. Отец твой очень болен, уж прости... Уже несколько лет. А последние полгода вообще не встает с постели. Камбре прибрал к рукам всю власть почти с момента твоего исчезновения. Для него не так важно, что королем пока что считается твой отец. Он терпелив и знает, что уже ничто не стоит между ним и троном.

Ее лицо медленно серело. Глаза трагически расширились, я услышал испуганный вскрик, затем прерывающийся шепот:

— Отец болен тяжело?

— Очень тяжело, — сказал Растенгерк сумрачно. — Извини, что такое говорю именно я, однако он уже при смерти.

— А почему никто не знает?

— А кому знать? — ответил он вопросом на вопрос. — Здесь, в пустыне, каждый думает о своих верблюдах, конях, овцах, табунах. От того, кто в столице, ничего не меняется.

Мириам все еще смотрела на него с яростью в глазах и недоверием на лице, но я рассмотрел и глубоко запрятанное страдание от долгой разлуки, а Растенгерк этого и не скрывает, у него все на лице крупными скандинаво-халдейскими рунами, мы, мужчины, бесхитростные звери, хоть и звери.

Принцесса наконец слезла, Растенгерк преклонил перед нею колено, но она смотрела с опаской и недоверием, мотнула головой и прижалась ко мне.

У ярла округлились глаза, а нижняя челюсть начала отвисать.

— Милый Шумил, — прошелестела она нежным голосом, — ты не дашь ему меня обидеть?

— Никому не дам, — прорычал я и покосился на всадников. Они оставили коней на одного, подошли ближе и сели в нескольких шагах. — Ты у меня единственное непристроенное сокровище.

— И не пристраивай, — ответила она, вжимаясь в мою щеку. — Я хочу быть только с тобой...

Глаза Растенгерка вовсе вылезли на лоб, а нижняя челюсть вот-вот зачерпнет песку. Его люди отважно держатся вблизи, но на меня стараются не смотреть, а когда на них грозно и державно смотрел я, как подобает дракону, пугливо пригибают головы.

Принц о чем-то заговорил с Мириам тихо-тихо, я не стал вслушиваться, пробормотал принцессе:

— От любви до ненависти — один шаг. Дураки.

— Неправда, — возразила она.

Я засопел в неудовольствии.

— Почему? Не должна ненависть так быстро перетекать в любовь. Такая трансформация... противоестественна. От любви к ненависти и наоборот нужно идти... долго.

Она поморщила лобик и подвигала бровями, стараясь понять слишком сложную и длинную для женщины мысль.

— А никакого перетекания не было, — заявила она уверенно.

— Как это?

— У них всегда была любовь, — объяснила она снисходительно. — У принца открыто, у Мириам — под пеплом ненависти. Сейчас его просто сдуло.

Она прижалась ко мне, тонкие руки обхватили мою шею, это выглядит, как если ребенок вздумал бы обнять толстое дерево.

— Как хорошо, — сказала она и снова поцеловала меня в щеку, — что никто нам не мешает любить друг друга!

— Гм, — сказал я в замешательстве. — Давай разберемся, что имеем... Король Йеремланда потерял тебя и выгодное замужество, сейчас явно в некотором горе, враги хихикают и быстро прикидывают, как опередить других и захватить потенциально пустеющий трон. На троне в королевстве Меркер смертельно больной король Франсуа Меченый, а на самом деле — его брат ярл Камбре. Как выясняется по непроверенным, но слегка заслуживающим доверия источникам, узурпатор. Вообще-то не узурпатор, дочь в самом деле исчезла, а он единственный ближайший, но все равно — узур-

патор. Для вас. Вы же люди, все толкуете так, как вам выгоднее? Некогда могучее степное племя ассирийцев тоже фактически обезглавлено, ибо его вождь ярл Растенгерк еще десять лет тому отправился на поиски Мириам с отрядом лучших и сгинул, оставив верхушку племени без наследника. Правда, есть слабая надежда на бастардов разного возраста...

Мириам и Растенгерк следили за мной внимательными глазами. Оба битые, страдавшие и потому неуловимо похожие. При упоминании о бастардах глаза Мириам гневно сверкнули, снова став похожими на сталь обнаженных клинков, а ярл суетливо заерзал и всем видом показывал, что это поклеп, брехня, неправда, и вообще недостойно о таких мелочах упоминать, когда он весь пылает от великой любви, пронесенной через десять тяжелейших лет...

— Простите, — сказал он торопливо, — расклад ситуации верен. Я имею в виду шаткость моей, некогда абсолютной, власти... Я могу только вернуться в свое родное племя и выяснить, что там происходит.

— Совсем забросили? — спросил я.

Он опустил голову.

— Честно говоря, я был настолько ослеплен любовью и страстью... и мне казалось, что вот-вот отыщу Мириам, повинюсь, и вместе вернемся...

— Кто там сейчас?

Он ответил невесело:

— Нас четверо братьев. И хотя старший я, но занять место на троне хотели все.

— Понятно, — сказал я. — Можно сказать, трон уже потерян.

— Зато я отыскал Мириам, — возразил он горячо. — А это стоит всех королевств на свете!

Мириам улыбнулась ему, он сел ближе, она положила голову ему на плечо, серые глаза заблестели, как две звезды. У ярла сперло дыхание в зобу, он счастливо охнул и застыл.

— Это хорошо, — согласился я. — Добыть женщину — это все! Это самое главное. Правда, через пару дней, называемых медовым месяцем, станет остро не хватать имен-

но трона, но сейчас о такой мелочи даже говорить как-то неловко, приземленно и меркантильно.

Ярл поднял голову, в глазах появилось выражение, словно эти два священных дня уже начали проходить.

— А что, — проронил он осторожно, — господин дракон, можете в этой ситуации предложить вы?..

— Предложить? — переспросил я. — А мне зачем? Я просто констатирую, что в данный момент благодаря человеческой глупости и слабости... ввиду неких чуйств... два королевства и одно крупное племя варваров... то бишь, благородных ассиров, оказались очень нестабильны. Точнее, политическая ситуация весьма благоприятна для любителей ловить рыбу в мутной воде.

Вики счастливо вскрикнула:

— Так вот зачем ты тогда мутил воду!

— Я тоже политик, — сообщил я. — Общаясь с людьми, можно подцепить не только чесотку.

Растенгерк заметил:

— С вашей помощью мы бы ситуацию смогли как-то выровнять.

Я пустил в небо струю огня и долго любовался оранжевым факелом, что стал сперва красным, багровым, а затем превратился в красивые кольца зловеще-черного дыма. Спутники ярла уткнулись лбами в песок, а кони в испуге потащили коновода по песку в глубь пустыни.

— А мне зачем? — спросил я.

Он сказал еще осторожнее:

— Но вы же помогли Мириам... а принцесса Вики так и вообще... просто не понимаю.

— Мириам попалась случайно, — ответил я. — Помимо своей воли. Думаю, она вам еще расскажет.

Он кивнул:

— Да я уже слышал про жертвоприношение. Мириам тоже рассказала... в двух словах.

— Удивительная женщина, — восхитился я. — В двух словах, надо же!.. Ничего, потом расскажет подробнее. Много раз. Принцессу я доставил к ней по ее настойчивой просьбе.

— Просьбе?

Я улыбнулся жуткой пастью.

— Мириам умеет просить. Она вообще поразила своей отвагой, упорством и жизнестойкостью. Из нее могла бы со временем получиться неплохая дракониха...

Мириам быстро сказала Растенгерку:

— Это похвала, милый.

Он буркнул, поморщившись:

— Я догадался.

— Все остальное меня не касается, — закончил я.

Он спросил настойчиво:

— А позволительно ли мне будет узнать, что вас касается? Насколько помню, обладающие речью драконы давно исчезли из этих краев. Значит, вы издалека. Что вас привлекло?

— Хороший вопрос, — одобрил я. — Из вас получится неглупый правитель.

— Благодарю вас, господин дракон.

— Меня ничто не привлекло, — сообщил я и оглядел их свысока. — Меня послали. Мой господин, величайший из владык и земных властелинов, само имя которого приводит врагов в трепет, повелел и послал.

Я потыкался лбом в песок, выказывая священный трепет при упоминании великого Властелина всех драконов, Растергерк тоже поклонился и сказал почтительно:

— Можно ли нам, простым смертным, услышать это великое имя? Можем ли мы, уточняя, удостоиться такой чести... за прошлые или будущие заслуги?

Я подумал, кивнул.

— Нынешние ваши заслуги... недостаточны, но в счет будущих могу извоить сообщить. Имя моего грозного и ужасного господина, повелителя драконов Огня, Льда, Воды, Ветра, а также всех звездных, лунных и солнечных драконов... пока сокрыто в мраке вечности. Но когда откроется, мир содрогнется!

Ярл вздрогнул, пробормотал:

— Боюсь и подумать, что это за имя.

— Я тоже, — произнесла Мириам враждебно.

— Но я никак не думал... — пробормотал Растенгерк.

Мириам тоже выглядела ошарашенной, а я сказал важно:

— Мой великий и ужасный господин редко выказывает свою мощь даже другим повелителям вселенной, а уж мелким земным властелинам... гм... никогда. Здесь его волю исполняют простые люди: короли, крестьяне, рыцари, олени... хотя олени вроде бы не люди... ах да, точно! Но все равно, и они выполняют его волю. Даже муравьи пойдут и сделают то, что господин велит или прикажет.

Лицо Растенгерка потемнело, в глазах тревога сменялась ужасом, но он ее отодвигал и, когда заговорил, голос уже почти не дребезжал:

— Вы здесь по велению своего господина?

— Да.

— Он велел что-то сделать?

— Да.

— Осмелюсь ли узнать?

Я пророкотал благосклонно:

— В тебе чувствуется мужчина. Ты ведь мужчина, верно?.. А то с этими нарядами вас иногда путаю. Ты не стал спрашивать, почему у меня такие глазки, почему такие ушки и так далее. Мой господин велел осмотреть эту страну и на месте решить, как поступить в случае ее непригодности для господина. Залить всю огнем, затопить волнами моря, обрушить целиком в ад... или оставить все, как есть, но покорить ее своей воле.

Ярл вскинул голову, глаза засверкали неистовым огнем.

— Мы никогда не покоримся чужаку! Наши предки триста лет берут дань с Сен-Мари!

Я буркнул:

— Это было, пока из-за Великого Хребта не явился воин, пользующийся благосклонностью моего господина. Он сразу же поверг к стопам своего коня королевство, разбил и вышвырнул варваров... и все это абсолютно не прибегая к магии, к потусторонним силам, не призывая ни нас, драконов, ни Подземных Демонов, ни Гробхов Моря, ни Вихри Смерти... ни прочие чудовищные силы, над которыми властен мой господин и которые могут разрушить весь мир, а

не только ваши крохотные королевства... Мне вообще-то все равно. Я склоняюсь к тому, чтобы посоветовать ему уничтожить этот край ввиду его бесполезности. Для этого ему нужно будет всего лишь повернуть кольцо на пальце камнем вниз. И — все.

Они медленно и страшно бледнели, снова одинаковые. Мириам непроизвольно ухватила за руку Растенгерка, а тот сжал ее ободряюще, нервно сглотнул слюну и проговорил:

— А что значит покориться воле твоего господина?

Я прорычал как можно небрежнее:

— Собственно, почти ничего. Он может и забыть, что у него есть еще и ваше крохотное королевство. Это так, одни слова... Люди почему-то придают им столько значения, а мой господин столько веков провел в облике человека, что часто и думает, как человек. Но я считаю, что вы трое лично в любом случае должны быть благодарны моему господину...

Ярл спросил настороженно:

— Это почему? Ах да, ты прав...

Мириам медленно опустила взгляд.

— Вообще-то... однако мы благодарны тебе, а не твоему господину.

Я фыркнул.

— Мы, драконы, выполняем волю великого и могучего, будь его имя славно во веки веков и даже дальше! Вернувшись, я должен держать ответ, что видел, слышал и что делал. А делал я только то, что одобрил бы мой господин. Будь мой господин жестоким и коварным, я бы свой полет начал с того, что везде бы сеял пожары, разрушения и смерть...

Растенгерк обнял Мириам за плечи, взгляд его блеснул.

— Передай своему господину, что я готов признать его власть...

Мириам запротестовала:

— Милый, от тебя все отвернулся! А то и взбунтуются!.. Ты только что говорил, что никогда не покоришься!

Он сказал мягко:

— Ты давно сбежала из дворца, не успев изучить многих хитростей. В частности, тайные договоры. В благодарность

за мое счастье, за Мириам, я клянусь в верности твоему господину, хотя об этом и не смогу везде говорить открыто, но обязуюсь скрыто проводить его политику.

Я буркнул:

— Это хорошо. Но вы, любезный ярл, давненько покинули свое племя благородных и великих... как так еще?... асиров. Уверены, что вас там ждут? То-то. Да и вообще... что вы только о себе? Узнаю эгоизм человеческий!.. Здесь еще и принцесса Вики, ей тоже нужно если не домой, то хотя бы к ее пока вымышленному, но где-то же существующему жениху. Однако мы не знаем, где он, а самое главное — сможет ли он прокормить жену? Боюсь, она не такая железная, как Мириам, верблюдами колючками питаться не сможет. Да и звери... это от Мириам разбегаются, а с Вики все будет совсем наоборот.

— Спасибо, — сказала Мириам саркастически.

Вики спросила испуганно:

— Здесь дикие звери?

— Много, — заверил я. — Все сбегутся к тебе, сядут вокруг в пять рядов и будут любоваться, любоваться, любоваться. И сами подохнут, zalюбованные, и ты не выберешься.

Она сказала горячо:

— Ты прилетишь, схватишь меня сверху в свои прекрасные сильные лапы и унесешь под облака!

Мириам и ярл смотрели то на нежную и трепещущую, как тропическая бабочка на северном ветру, принцессу, то на меня, их лица медленно темнели.

Мириам тяжело вздохнула, Растенгерк пробормотал:

— Да, конечно... Господин дракон, вы абсолютно правы. Я счастлив уже тем, что отыскал Мириам. Все остальное — потом: верховная власть в племени, расширение, бастарды... А вот принцессе Вики нужна помощь сейчас. Тем более что я постоянно теперь буду чувствовать себя перед нею виноватым.

Принцесса возразила звонким чистым голосом:

— Нет-нет, сперва нужно вернуть домой Мириам!.. Это проще. А мне придется долго оправдываться, почему оста-

лась жива, когда бросилась с башни, была ли в царстве мертвых, что за демон унес, с какой целью меня вернули в мир живых... У нас ужасно подозрительный верховный жрец!

— И он тоже фактически правит, — предположил я. — Угадал?.. Вот такой я угадистый. Эти служители культа везде одинаковы... Заведуют потусторонней жизнью, но власть у них почему-то реальная.

Принцесса сказала упавшим голосом:

— Да, он такой...

Растенгерк напрягся, когда она обняла мою чешуйчатую шею тонкими нежными лапками и прижалась губами к костяной броне щеки.

— ..но с тобой мне ничего не страшно, — закончила она. — Ты замечательный. И просто волшебный!

Он нервно улыбнулся, но щеки оставались бледными. Его люди все еще стараются выглядеть неподвижными камешками, помнят, что простые воины гибнут первыми. Я вижу, как жадно ловят каждое слово, начинают оживать, немедленная гибель не грозит, а их вождь, похоже, уже сумел договориться и с драконом.

Двое самых отважных потихоньку поднялись и, пригибаясь, попятись, уходя от опасного соседства. Я видел, как помогли успокоить коней, сняли тюки и, разровняв песок, торопливо расстелили походную скатерть.

Растенгерк оглянулся, затем посмотрел на меня с немым вопросом в глазах. Я хотел привычно кивнуть, не получилось, совсем у меня не кивательная голова, зато величаво наклонил эту башню.

— Да, — прогрохотал я милостиво, — можно.

Глава 15

Я не удержался, когда степняки разложили лепешки и высушенное мясо, насоздавал сыров, мяса и сладостей. Мужчины смотрели в благоговейном ужасе, а Мириам и

Вики сразу же ожили, чирикали на своем языке и насыщались яствами.

После обеда Растенгерк отослал воинов охранять нас, заняв посты на вершинах барханов, но, как я понимаю, это всего лишь мера, чтобы не слышали наши разговоры даже они.

Планы на будущее предлагали самые разные, я рассматривал их и милостиво отвергал, а затем втапывал в песок задними лапами. Ни у ярла Растенгерка, ни у Мириам не хватало фантазии на большее, чем явиться с грозным драконом за своими спинами и потребовать.

Что потребовать, они сформулировать четко не могли и даже не пытались, но твердо знали, что потребуют. Громко, ясно и с надменным достоинством.

— Как мудро, — сказал я саркастически. — Достоинно двух будущих правителей!

Ярл криво улыбнулся, Мириам приняла за чистую монету и сказала милостиво:

— Вот видишь...

— Вижу, — рыкнул я. — Вы даже не пришли к единому мнению, куда лететь и у кого что требовать... но, главное, требовать! Да, это по-королевски.

Растенгерк поперхнулся и умолк, но яростная Мириам лишь сверкнула серыми глазами и гордо выпрямила и без того царственно ровную спину.

— Это понятно, — сказала она, — и без объяснений! Только рептилиям нужно объяснять все подробно. Сперва летим в королевство Меркер. Нужно узнать, что там происходит. Если дядя в самом деле прибрал власть к рукам, то потребуем, чтобы знал свое место...

— А если вас пошлют с вашими требованиями? — спросил я.

Растенгерк вскричал оскорбленно:

— Как? При виде вашей мощи, господин дракон?

Я прорычал:

— Я что, должен остаться и постоянно устрашать? Спасибо, всю жизнь мечтал служить муравьям. Не-е-ет, вы должны сразу поставить дела так, чтобы нужды во мне не

было. Иначе все рухнет, а вас схватят и повесят, как только исчезну в облаках.

Мириам покосилась на ярла, теперь она с ним заодно, прорычала едва ли не громче меня самого:

— А что предлагаешь ты?

— Никакого устрашения, — заявил я. — Ярл топает в свою степь и отыскивает свое великое, благородное и лучшее на свете племя. Может быть, его уже и нет вовсе!

Растенгерк вскочил.

— Как это нет?

— Вдруг нашелся умник, — предположил я, — железом и кровью взялся за объединение Гандерсгейма? Я знаю одного, из четырехсот королевств создал одно, зато какое!.. Словом, сперва узнайте, как у вас дела и есть ли вообще шансы у Мириам вернуться на трон, а вам, ярл, в племя. Возможно, узурпаторы уже объявили вас обоих вне закона! И в королевстве, и в племени.

Растенгерк охнул, побелел, а глаза выпучились.

— Такого не может быть, — проговорила Мириам неуверенно. — Такое не должно...

— Ты можешь ехать с ним, — сказал я. — Принцессу Вики отвезу к ее родителям, она так хорошо меня чесала, просто не могу не ответить так же адекватно.

— Нет, — скажу же сказала Мириам, — у меня отец болен! Сперва ко мне. Вдруг он умрет...

Я прорычал:

— Я дракон или почтовый голубь?

— Дракон, — сказал Растенгерк поспешно.

— Еще какой, — поддакнула Мириам.

— Самый лучший, — сказала принцесса и спряталась под мое крыло, высунув только мордочку. — Я тебя люблю.

— Тогда так, — сказал я. — Ярл едет искать свое кочевое племя. За десять лет оно, возможно, вообще на другом конце Гандерсгейма. Или вообще исчезло, ассимилированное еще более воинственными или удачливыми соседями. Мириам может ехать с ним. Принцессу я отвезу сам...

Принцесса пропищала из-под крыла:

— Давай сперва отвезем Мириам?

Я спросил в удивлении:

— Почему такая странная идея?

— У нее отец болен, — напомнила она. — Но самое главное... я дольше побуду с тобой.

Я проговорил ошарашенно:

— Да, это веский довод. Все мы делаем то, что нам хочется, хотя и прикрываемся высокими словами о необходимости. Хорошо, но тогда еще раз определимся...

Озеро при заходе солнца выглядит исполинской чашей, что упала с небес, погрузившись по края в землю, а ее доверху заполнили расплавленным золотом. Моя тень влетела в это золото и пошла скользить странно бесшумно, но как только я подумал об ее эфемерности, неподвижная вода всколыхнулась. Взлетел мощный столб воды, я успел увидеть огромную зубатую пасть, услышал щелчок смыкающихся челюстей и разочарованный рев водяного зверя.

Тень заскользила дальше, а обманутый хищник рухнул обратно и, думаю, со стыда зарылся в ил на самом дне, спасаясь от насмешек, если он там не один. Я же на всякий случай поднялся выше, кто знает, что тут за звери, у меня когда-то жила рыбка-снайпер, стреляла капельками воды и сбивала себе на корм комаров, жуков и бабочек.

Еще когда зверь выметнулся из озера в попытке ухватить мою тень, Мириам обхватила принцессу обеими руками и вжала в себя с такой силой, что та пискнула, как игрушечный зайчик.

— Не бойся, — услышал я голос Мириам, — только не бойся!.. С Шумилом ничего не страшно.

— Да, — пропищала тонким голоском, как придушенная мышь, принцесса, — Шумил их всех побьет.

— С легкостью, — уточнила Мириам.

— Целую стаю, — сказала принцесса счастливо.

Щас, подумал я мрачно, такому чудовищу любой дракон на один кутный зуб. Только в воде могут вырастать подобные зверюки, на суше их раздавит собственный вес. Но в таком небольшом озере этому монстру делать нечего.

Значит, озеро соединяется с морем, что отсюда близко. А если так, то вода в нем соленая, коней не напоишь, и сами будем страдать от жажды...

Я мысленно ругнулся. Оказывается, мало нанести на карту все озера, надо еще и брать пробы на пригодность воды к употреблению... Ладно, будем считать это исключением. В реках вода не может быть соленой, как и в оазисах, а еще в ручьях, которых здесь, к счастью, немало. Правда, из ручья целое войско не напоишь, а разбиваться на отряды и посылать отдельными колоннами рискованно...

Мириам постучала каблуком возле моего уха.

— Эй, рептиль!..

Я прорычал сердито:

— Чего тебе, пласкатик?

Она тут же поинтересовалась:

— Это кем ты меня обозвал?

— Летать не умеешь? — ответил я. — Значит, передвигаешься в плоскости. Что тебе, существушко?

— До моего королевства, — сообщила она высокомерно, словно была императрицей Римской империи времен ее расцвета, — еще далеко. Я не хочу, чтобы ты прилетел обессиленным. Вон там впереди озеро, можем отдохнуть немного.

— А, — сказал я понимающе, — одежду надо прополоскать?.. Ладно-ладно. А то я слышу запах, гм... и что-то течет по мне.

Мириам возмущенно завопила, принцесса озадаченно молчала, не поняв моих загадочных слов, а я с подозрением рассматривал блеснувшее далеко впереди озеро.

— А в нем кто живет?

— Никто, — заверила Мириам.

— Точно?

— Абсолютно, — крикнула она. — Мы трижды останавливались на его берегах и отдыхали.

— Вода пресная?

— Конечно, — ответила она удивленно. — Хорошая вода.

— Пили?

— И сами пили, и коней поили...

— Хорошо, — ответил я с удовлетворением. — Будем считать, что уже снизились, сели, искупались, отдохнули и полетели дальше. Уже без остановок. Где, говоришь, это странное королевство?

— Почему странное?

— Ну, его еще нужно отыскать...

Она сказала зло:

— Я слыхала, что Сен-Мари вроде бы побольше. Ну и что?

Я пробормотал:

— Да, в самом деле... Ну и что?

Навстречу плывет целый ледоход облаков, я не стал врезаться в это неприятное месиво, поднялся выше, и некоторое время мы летели, словно над заснеженным полем.

Принцесса пискнула, указывая розовым пальчиком на крупную полынью, на самом дне которой виднеются крохотные домики. Я послушно нырнул, а когда облака остались выше, рассмотрел сразу два города, связанные общей широкой дорогой и домики по обе ее стороны.

— Лианекс, — вскрикнула Мириам. — Уже близко! Как быстро ты летишь, оказывается... А с виду так медленно...

— Повтори такое, — пригрозил я, — когда я пойду над самой землей!

Мириам умолкла и не проронила ни слова, пока из-за появившейся реки не проступили белые известковые горы, а за ними дома и башни. Принцесса что-то у нее спрашивала, Мириам беспокойно задвигалась, я чувствовал, как она привстала, преодолевая встречный ветер, напряженно всматривается в проступивший впереди большой город. Домики, на мой взгляд, мелкие, аккуратные, улицы извилистые и хаотичные, и все это окружено довольно толстой стеной, по ней могут пройти двое плечо в плечо.

Конечно же, в самом центре площади торчит черная стела. Крупный дворец расположен, как и водится, на краю площади, чтобы народ мог собраться и выразить свое ликование при виде любимого правителя.

Я услышал нежный голос принцессы:

— Это и есть Меркер?

— Да, — ответила Мириам почему-то упавшим голосом.

— Я думала, — произнесла принцесса, — что он побольше...

— Я тоже так думала, — ответила Мириам невесело. — Почему? Я такая глупая? Или я выросла?

Я сказал утешающе:

— Это просто вид сверху, пласкатики. На самом деле внизу все мелко. Даже Гандерстейм не так уж велик... если полетать и над другими землями.

Мириам вздохнула, но промолчала. Я снизил скорость полета, надо подумать, как явиться, а то все слишком поженски: собрались и полетели. Как же, шас нас ждут не дождутся.

Несмотря на общее разочарование, город все же достаточно крупный. Я в задумчивости раскинул крылья и задержался в одной точке пространства. Видны как бы два, даже три города, вложенные один в другой, как кольца. Такое нехарактерно для этой эпохи, а здесь в центре вон самый древний город, его окружают дома и здания заметно другого стиля, а вокруг этого, отделенного кольцевой дорогой, третий город, самый большой, шумный и многолюдный.

Присмотревшись, я увидел вбитые глубоко в землю следы широкой крепостной стены, стена явно мешала и раздражала настолько, что в конце концов снесли, но дорога на ее месте получилась узкая, хотя и ровная, как будто нарисованная циркулем: древние строители свое дело знали...

Улочки во всех трех частях города кривые и бестолковые, везде в самых неподходящих местах лавки. Кони или верблюды на привязи, даже столы с табуретками вынесены из душной и жаркой харчевни. Люди то ли едят, то ли пьют, то ли просто сидят там и мешают остальным передвигаться.

Я повел головой по сторонам, сердце стиснулось непонятной тоской. Город странен, чужд, постройки непонятны, кроме массивной черной стелы, угрожающей острием самому небу, много храмов, и пусть они все стары и ветхи,

но церквей нет, а из меня хреновый принуждатель даже к светлomu и чистому. Я из тех, кто после первой же безнадежной попытки машет рукой и говорит: не хотите, придурки, идти к свету — сидите во тьме!.. А я не буду с вами возиться.

И либо в самом деле пройду мимо и дальше, либо велю все старые храмы сжечь, всех несогласных поставить на колени и окрестить насильно. Но, учитывая, что за моими плечами мощь всей армии Сен-Мари, или Орифламме, как ее здесь называют, наверняка выберу второе.

И пусть знаю, что слишком нетерпелив, что так нельзя, но... так же делалось? И получилось? Непокорных язычников-саксов, зверски распинаявших всех христианских миссионеров, Карл Великий истребил две трети, оставшихся окрестил насильно, и вскоре они стали костяком его христианской империи.

Я чувствовал, как накренилась влево Мириам, рассматривая центральную часть города, где величием и пышностью построек выделяется королевский дворец.

Мириам прошептала с печалью:

— Как все стало иначе...

Я буркнул:

— Всего за десять лет?

— Вы живете по тысяче, — сказала она с печалью. — Что вам такие перемены... Вам надо, чтоб море высохло или горы поднялись из песков, тогда заметите...

— Мы живем по сто тысяч лет, — с достоинством возразил я. — Потому такие умные. Но дворец вроде бы тот, что как-то видел мельком сто лет назад.

— Он стал темным, — произнесла она. — Я вижу крылья зла. И все мои цветы увяли.

— Что такое цветы? Ах да, трава так размножается... Дура.

Мириам спросила непонимающе:

— Почему?

— Корнями надежнее, — сообщил я. — Вегетативно. Скрыто под землей, стыдливо и строго. А цветы... Бесстыдство какое-то. Вот так, прямо наверх, чтоб все видели...

Она задумалась, щечки внезапно покраснели, бросила на меня взгляд искоса, но я ждал ответ, она пробормотала:

— Так это же цветы...

— И что?

— Им можно, — сказала она чуть окрепшим голосом. — И вообще... Как-то странно у рептилий мозги устроены. Такое видите, что нормальный человек никогда не подумает.

— Люди слепы, — согласился я. — А еще дураки. Но ты же увидела? Ишь глазки забежали... Значит, не самая последняя дура. Я просто уверен, что если хорошо поискать, найдутся и еще...

Она сказала подозрительно:

— Ну-ну, продолжай.

— ...красивее, — закончил я. — Хотя, конечно, искать придется.

Она обалдело умолкла, не понимая, как оскорбление незаметно превратилось в изысканный комплимент, всю замысловатость которого не сразу и охватишь, что за гнусная и хитрая рептилия, изворотливая, как песчаная ящерица.

— Давай садиться, — произнесла она со вздохом. — Хотя я уже почти верю Растенгерку, но не думаю, что мой дядя решится противиться.

— Почему нет?

— Он всегда был трусом, — объяснила она. — Сам называл себя осторожным, но осторожны только женщины, а если осторожен мужчина, то это называется иначе...

Глава 16

Я изменил угол наклона крыльев, ощущение такое, словно опускаемся по очень широкой винтовой лестнице без ступенек. Нас неспешно несет по изгибающемуся незримому желобу, где в самом конце ждет игрушечный дворец, тоже медленно вырастающий в настоящий, хоть и очень пестрый.

Впрочем, мелькнула мысль, это на севере краски сдержанные, а здесь все подчеркнуто яркое...

Черная стела в центре площади, стилизована настолько, что просто массивный камень с остроконечной верхушкой, а никакой не меч, даже высотой не превосходит дома по окружности. Отцы города это понимали и благоразумно отодвинули дома подальше, так памятник победы выглядит значительнее...

На ступенях дворца стража с копьями, солнце блещет на остриях, сверкает на металлических шлемах и небольших круглых щитах. Все смотрят прямо перед собой, у людей, как и у черепах, головы трудно запрокидываются наверх, потому так легко на них прыгать сверху, неба почти не видят, и я резко и быстро пошел на посадку прямо перед дворцом.

Они не успели и выговорить «мама», как я тяжело опустился на камни, сложил крылья и сразу замер, чтобы никого не сделать заикой.

Мириам поднялась во весь рост, красивая и надменная.

— Я Мириам Сероглазая, — прокричала она звонко и властно, — дочь короля Франсуа Меченого!.. Всем опустить оружие!.. Это мой дракон, а это моя подруга — принцесса Вики из королевства Йеремланд!

Вики поднялась и приветливо помахала рукой. Лицо ее сияет, глаза блестят, как две утренние звезды, золотые волосы блестят радостными искрами, а сама безумно счастлива, что я ее ношу так бережно и нежно.

Воины закрылись щитами и поспешно пятились. Челадь в ужасе разбегалась, несколько знатных сановников с криками ринулись обратно во дворец.

— Не бойтесь! — крикнула Мириам снова. — Это я, Мириам!.. Вы все меня знаете!

Стражи остановились на почтительном расстоянии, я видел, как пугливо выглядывают из-за щитов, никакая отвага не поможет против такого чудовища, но взгляды их с надеждой устремлялись к принцессе Вики. Юная, прекрасная, с золотыми волосами, о которых слагают песни, очаровательная, она смотрела на них, как живое олицетворение доброты и покоя, безмятежного счастья.

Стражи начали медленно опускать копья остриями к

земле. Мириам покосилась на принцессу, нахмурилась и сказала повелительно:

— Вы в безопасности!

Вперед шагнул крупный мужчина в доспехах с головы до ног, отсалютовал и сказал громко:

— Я — Хорст Шарол, приветствую тебя, Мириам Сероглазая!

— Рада видеть тебя, Хорст, — произнесла Мириам ровным голосом. — Надеюсь, твоя Инелла здорова, Угарл и Гарнер все так же буянят в твоём доме?

Он чуть поклонился, затем прямо взглянул ей в лицо.

— За десять лет много изменилось, Мириам. Инелла здорова, но Угарл и Гарнер уже несут службу на границе, так что досаждать дома перестали...

Мы оба, за исключением простодушной принцессы, уловили намек и предостережение в его суровом голосе. Мириам, не двигая головой, покосилась на меня, я чуть опустил на глаза кожистую пленку, мол, согласен, действуй.

Мир, казалось, застыл, даже испуганный ветерок перестал кружить пыль и пугливо прижался к земле. Мириам очень неспешно и по-королевски величественно сделала шаг вперед. Я опустил голову, затем вообще положил ее на вымошенную крупным булыжником площадь, слышал, как с загровка по шее постукивают по костяной броне каблучки, затем ступила мне на темя. Я придвинул лапу вплотную к морде, и Мириам перешагнула на нее, как на ступеньку, а на следующем шаге коснулась уже земли.

На площади словно бы выдохнули свободнее, однако я тут же поднял голову и посмотрел на всех грозно, пуская из ноздрей легкие сизые дымки. Все снова замерли, как статуи.

В мертвой тишине Мириам сделала два шага к входу во дворец, но на первой же ступеньке оглянулась.

— Дракон, — сказала она властно, — если мне окажут неповиновение, то призови сюда остальных сто драконов и разрушьте все до основания.

Я ответил смиренно:

— Госпожа, я сам здесь все могу разрушить. И даже землю превратить в пепел.

Она гневно сверкнула глазами и повысила голос:

— Это приказ! Пусть все перед гибелью увидят мою мощь!

Я смотрел в ее прямую спину с восхищением. Так вошла в роль, что уже и сама поверила в мое подчиненное положение. Хотя права, чтобы убедить других, надо сперва самой увериться в собственной силе и праве.

Из дворца выбегали люди, отшатывались при виде дракона, некоторые бросались обратно, кто-то застывал на месте, лишь немногие отважились спуститься по краям широкой лестницы, где и застыли, поражаясь собственной безумной храбрости.

Торопливо вышел в пурпурной тоге и с короной на голове очень решительного вида мужчина, высокий и плотный, с короткой злодейской бородкой, густыми, изломанными молниями бровями, черноглазый и широколицый.

Все поспешно поклонились, на что он не повел и бровью, привык, и уже по этому я понял, что перед нами сам ярл Камбре.

Он сразу же остановился там наверху, глаза полезли на лоб при виде жуткого чудовища, перед пастью которого безбоязненно стоит Мириам, а на загривке беспечно сидит золотоволосая юная девушка с ангельской улыбкой.

— Мириам, — проговорил он, запинаясь, — ты... цела?

Она произнесла холодно:

— Как видишь. Что скажешь в свое оправдание?

Он смотрел вытаращенными глазами.

— Но ты... все видели, что тебя унес дракон!

Она указала большим пальцем через плечо, не поворачивая головы.

— Да. Вот он. Так что ты скажешь в свое оправдание?

Он покачал головой, я видел, как быстро он приходит в себя, взгляд стал острым, а глаза сузились.

— Оправдание? Я должен оправдываться?

— Ты оболгал ярла Растенгерка, — сказала Мириам жестко. — Ты разрушил наш брак! Ты сделал так, что я десять лет скиталась по пустыне! И последнее, твои люди пытали моего приемного отца!

Ярл медленно выпрямился, даже стал выше ростом, лицо стало таким же строгим и надменным, как у Мириам.

— Это все выдумки.

— Это не выдумки, — резко сказала она. — Это правда! А сейчас я отстраняю тебя от того, что тебе позволил отец, от управления...

Он сказал твердо:

— Ты не вправе!

Она усмехнулась надменно:

— Ты так думаешь?.. Шумил!

Я проревел медленно и страшно:

— Слушаю, моя госпожа.

— Ты можешь уничтожить этого человека с его стражей?

Я рыкнул:

— Только кивни, госпожа. Заодно могу уничтожить и все это королевство...

— Этого пока не надо, — ответила она повелительно. — Что скажешь, ярл Камбре?

Бледный, как мрамор, он отступил на шаг, но ответил по-прежнему голосом, в котором не чувствовалось страха:

— Мириам, ты не можешь претендовать на трон.

Она спросила дерзко:

— Почему?

— У тебя нет опыта, — ответил он. — Править — нелегкое дело.

Она смотрела ему в лицо смело и не отводя взгляда.

— Опыт есть у моего отца, который и является королем!.. Опыт есть у его советников. Этот опыт нужно использовать только на благо королевства, а не для собственных прихотей. Потому я, ввиду болезни моего отца, беру власть в свои руки, как единственная наследница.

Он стиснул челюсти, но сдержался, даже отвесил почтительно поклон.

— Это неразумно, однако... я подчиняюсь. У нас единственная династия во всем Гандерсгейме, где никогда не дрались за трон. Добро пожаловать домой, Мириам!

Она кивнула, лицо оставалось непроницаемым.

— Благодарю.

Ярл Камбре снова поклонился, лицо его дернулось, уголки рта задрожали, там появилась пена. Рука как будто сама по себе медленно пошла вниз, где сверкает драгоценными камнями рукоять меча.

Мириам остановилась, пальцы ярла стиснулись на рукояти. Кто-то из воинов вскрикнул, это я придвинулся и с интересом смотрю на живых и теплых людишек совсем рядом с моей пастью. Из-за жары она распахнулась, белые зубы сверкают, а панцирь на голове и шее напоминает, что никаким мечом меня не поцарапать.

Мириам оглянулась, напомнила мне буднично:

— Если кто-то из них... то сам понимаешь... разнеси здесь все в пыль, а людей пожри.

Я проревел, стараясь, чтобы это звучало как можно страшнее:

— Слушаюсь, моя королева.

Она бросила на меня косой взгляд, но смолчала. Стражи страшатся шевельнуться, моя голова слишком близко, а шея длинная. Этому чудовищу, то есть мне, стоит чуть нажать, стена рухнет вовнутрь, и оно окажется здесь целиком...

— Вики, — произнесла Мириам после паузы, — тебе все-таки лучше пойти со мной.

Принцесса возразила живо:

— Я останусь с Шумилом!

Мириам сказала требовательно:

— Ты не можешь!

— Почему? — удивилась принцесса. — Я его люблю.

— Это зверь, — сказала Мириам с нажимом. — Это чудовище! Он ужасен...

— Ничего подобного, — возразила принцесса горячо, — он прекрасен! И он добрый. Он не станет ничего разрушать, зачем ты им пугаешь? Чтоб это ненавидели и боялись? Он чудесный!

Мириам медленно синела, глаза стали оловянными, а голос стал злым и хриплым:

— Вики!.. Замолчи. Я не могу тебя оставить с ним. Спускайся. Ты должна обязательно пообщаться с моим от-

цом. Это лишний повод укрепить дружественные связи наших королевств... или завязать, если их еще нет.

Принцесса заколебалась, лицо стало несчастным, словно вот-вот заревет горько и по-детски. Я молча поднял лапу и вывернул перепончатой ладонью кверху.

Мириам, ярл Камбре и воины смотрели, как принцесса шагнула с заливка, я бережно опустил лапу вниз, и принцесса сошла на землю. Мириам взяла ее за руку и, не оглядываясь, повела во дворец.

Я не двигался, хотя молча выругался длинно и крепко, однако на верхней ступеньке Мириам остановилась между колоннами. Выглядела она настоящей королевой, когда величественно повернулась и окинула меня, стражей и всю площадь одним взглядом повелительницы.

— Дракон, — произнесла она властно, — ты можешь пока что отлучиться ненадолго. У меня будет долгий разговор с отцом.

Я с облегчением перевел дух.

— Слушаюсь, моя госпожа. Я скоро вернусь!

Часть 3

Глава 1

Я напряг все мышцы, чтобы прыжок в небо с места получился мощный и красивый. Хотя достаточно просто мощного, красота дракона в его силе, а не в пируэтах. Порыв ветра качнул всех на площади, суставы трещат, сухожилия ноют, но я стремительными рывками уходил вверх, пусть видят, с какой легкостью движется такая огромная и тяжелая туша.

На высоте останавливаться не стал, тугой воздух ревет и трещит под мощным напором. Город быстро остался далеко позади, я некоторое время летел над пустыней, потом впереди выступили полуразрушенные стены необозримой цитадели, настолько огромной, что внутри раскинулись могучая роща, а на остатках циклопических сооружений растут деревья, корнями расшатывая камни, вгоняя в щели цепкие корни и сбрасывая их в густую траву.

За крепостью висит сухая розовая пыль, проступают очертания башен, но после трех-четырех сильных взмахов крыльев вижу, что это мое воображение дорисовывает стройные формы. Чаше всего просто груды камней, реже — каменные кольца в два-три яруса, выше они выщерблены, а шестое-седьмое лишь обозначены одним-двумя еще не сброшенными вниз глыбами.

Однажды сердце дрогнуло: освещенные закатным солнцем, вспыхнули золотом исполинские красные кони размером с трех-четырёхэтажный дом. Нигде вблизи даже остатков жилья, так и кажется, что их создали прямо здесь, обтесав гору из красного гранита.

Я не удержался и облетел их на небольшой высоте. Время пощадило дивную красоту: кровавыми рубинами горят яростные глаза, свирепо раздуты ноздри, все линии прочерчены артистично точно, кони выглядят и одновременно живыми и сказочно прекрасными, когда и грудь мощнее, и копыта шире, и дикой страсти хватит на сто тысяч табунов.

Потом сквозь жаркое марево выступили строгие и торжественные гробницы древних властелинов. Кочевники не знают их имен, но и в городах уже не помнят, разве что в какой-то уединенной и закрытой от мира секте хранят старые записи, но такое обречено на забвенье.

Я спустился и оглядел одну из гробниц, смутно надеясь на счастье дурака, ведь повезло же Аладдину или Али-Бабе, но дураки счастливы только в рассказах убогих и почти потерявших всякие надежды выбраться из нищеты собственными силами. Меня же Господь явно не считает таким, кому нужно подать. Дескать, этот сам возьмет, а то и с рукой оторвет, так что я пошелкал хлебалом, любуясь на дивные цветные мозаики, и снова ринулся в небо, подняв тучу песка мощным взмахом прекрасных в своей уродливости крыльев.

За время моих вроде бы бессмысленных блужданий страшное величие заката померкло, надвигалась долгожданная теплая ночь с ее устойчивыми запахами, неподвижным воздухом и множеством крупных южных звезд.

— Наконец-то, — пробурчал я. — Когда не надо, так на спину прыгаешь, а когда нужна — не дозовешься...

Внизу проплыло звездное небо с бледной пятнистой лунной, даже облака на месте. Большое озеро внизу — настоящее зеркало, даже легкий пар на поверхности не смазывает четкое и пугающе ясное изображение...

— Хватит, — напомнил я себе, — ты улетаешь не за этим...

Озеро еще не осталось позади, как я сделал крутой разворот, любуясь своим прекрасным отражением, ну красавец, ну просто чудо в чешуе, и лег на обратный курс.

Надеюсь, за мной следили от дворца до самого момента, пока я не превратился в точку и не растворился в синей дали. Обратно я домчался не так стремительно и лихо, красоваться не перед кем, особенно в личине исчезника, а как

только вдали показался Меркер... никак не привыкну, что эти города именуют себя королевствами, — поспешно снизился, прошел на бредущем как можно ближе, опустился в тихом месте и поспешно начал обратное превращение.

Небо странно зеленоватое, вокруг луны широкое светящееся кольцо, настолько красивое и загадочное, что еще немного — и тоже начну гадать, что оно предвещает: войну или нашествие саранчи.

На город вместе с ночью опустилась тишина, однако в домах празднично горят светильники, у особо богатых домов выставлены и на улицу, народ расположился на верандах, вытащил стулья и скамейки на улицу, пьют вино, беседуют, наслаждаются прохладой.

— Эй, парень, — позвал меня игривый женский голос, — присоединяйся к нашей пирушке!

Я надул живот и похлопал по нему ладонью:

— Я не лошадь, больше ведра не выпью.

В компании захохотали, веселые и беспечные, уж никак не скажешь, что чуть ли не рабы варваров; как хотелось бы считать. Я тоже хохотнул, помахал рукой и пошел дальше, изображая сытого и всем довольного гуляку.

Город выглядит безалаберным и беспорядочным, но я знаю, что любой беспорядок — это порядок, в законы которого пока не врубился. Здесь не военная демократия варваров, прозрачная и понятная, потому что предельно простая, здесь все сложнее... Дико такое подумать, но в самом деле крестоносное войско может больше встретить сопротивление со стороны горожан, чем варваров!

Продвигаясь неспешно, я глазел по сторонам, но чем ближе приближался к площади, а на той стороне меня ждет королевский дворец, тем тревожнее ежился, а по всему телу забегали злые крупные мурашки. В шкуре дракона куда надежнее, там поверх нее еще и толстая броня из подогнанных пластин, да и всяк убирается с дороги, а здесь просто смотрят заинтересованно на мой рост и плечи, словно прикидывают: побьет меня их местный силач или не побьет. А если побьет, то сильно ли отделаet.

На выходе к площади я замешкался, огляделся и,

скользнув в тень, перетек в личину исчезника. И хотя у стражей должны быть амулеты против таких, но все же это лучше, чем явиться незваным...

Огромные светильники выставлены по всему периметру, не считая тех, что торчат из стен. Дворец красиво освещен, стражей внизу нет, но на верхних ступеньках я заметил блеск металла, между колоннами прошли двое в полном вооружении и скрылись, почти сразу же с другой стороны протопали еще двое.

Я выжидал с минуту, но если меня кто увидит, заподозрит неладное, и, набрав в грудь воздуха, пошел прямо, стараясь не шуметь, не топать, даже не дышать. Стражи как раз развернулись у дальней стены и в ногу пошли в мою сторону. Я поспешно прошел скользящей походкой, сердце радостно екнуло: дверь широко распахнута!

Правда, по обе стороны застыли двое огромных стражей, но никто из них и глазом не повел в мою сторону, и я, ликуя, что в такие душные ночи даже короли распахивают двери и окна, поспешил прошмыгнуть в холл. Негаснувшие факелы и светильники, в которые не требуется подливать масла, высвечивают яркие полотнища на стенах с изображением битв, охоты и пиршеств, но в нишах таятся тени, мы вдвоем с сильно бьющимся сердцем торопливо прошмыгнули в одну и затаились, стараясь не выдать себя шумным дыханием, словно я все еще дракон.

Незримник — это здорово, но не спасение, амулеты по их выявлению есть почти у любой стражи: одни слабее, другие мощнее. Если первые могут указать на простейшего исчезника только прямо под носом, то дорогие и редкие засекут за сотни ярдов. И понятно, что чем ближе к сердцу дворца, тем защита должна быть выше...

На той стороне холла двое вышли из двери слева и принесли накрытый скатертью стол к двери напротив. Я начал присматриваться к ним, стараясь скопировать внешность и манеры, но они слишком быстро исчезли из виду.

На верху лестницы показался грузный человек, идет медленно, погружен в глубокую задумчивость. Он не успел спуститься в холл, как из боковой двери вышли трое муж-

чин в черных плащах. На меня пахнуло опасностью, но все трое ко мне спиной, почтительно дожидаются, пока грузный человек сойдет к ним.

Свет наконец упал на его лицо, я узнал ярла Камбре.

— Мой господин, — донесся приглушенный голос одного из тройки. — Мы мчались на твой зов, как на крыльях!

Второй прогудел мрачным голосом:

— Приказывай, все сделаем.

Третий проговорил тонким голосом:

— Мы рады, что ты о нас помнишь.

Ярл кивнул, лицо выглядит, на мой взгляд, как никогда злым.

— Я помню и не забываю вас, Темный, Черный и тебя, Ночной. Вы показали себя хорошо, но сейчас у меня к вам самое важное поручение, за которое вас ждет большая награда.

Он еще больше понизил голос, их уже не могли бы подслушать ни со стороны дальних дверей, ни с верха лестницы, а я напряг слух так, что слышал все на фоне усиливающегося грохота крови в ушах.

— Слушаем и повинуемся, — ответил Темный за всех. — Приказывай! Ты спас нас от казни, наши жизни принадлежат тебе.

Черный поклонился и добавил:

— Мы были мелкими ворами, но ты дал нам цель в жизни. И мы счастливы служить тебе.

Ярл усмехнулся нехорошо, лицо оставалось таким же злым и неприятным.

— Но плату брать не забываете... Хорошо-хорошо! Я сам больше верю тем, кто делает за плату, а не по убеждениям. Убеждения могут поменяться, а наемники надежнее.

Ага, мелькнуло у меня едкое, мало ты еще повидал наемников, дурак из провинции.

Ярл огляделся и еще больше понизил голос:

— Вы уже знаете, к нам неожиданно вернулась принцесса Мириам...

Наемники ахнули, Ночной проговорил, запинаясь:

— Это невозможно... Ее же унес дракон! Ее отец под пытками все нам рассказал.

Ярл кивнул:

— Да-да, знаю. Он это рассказал бы и без пыток, но ты не мог не потешиться, понимаю. Однако она вернулась как раз на том драконе... Или на другом, это неважно. Сама Мириам не представляет угрозы, но этот дракон в самом деле очень опасен. Я весь день искал против него заклятия, их много, но такого дракона в древних книгах нет... Что-то совсем странное, он прилетел из таких земель, что просто не знаю...

Все трое смотрели, не дыша, а Темный сказал дрогнувшим голосом:

— А простые заклятия... его не свяжут?

Ярл сказал зло:

— Я бы все равно отыскал нужное заклятие, но у нас нет времени. Потому его нужно просто убить! Быстро. Вы все трое разместитесь здесь во дворце. Мириам захочет принять власть из рук отца при стечении народа, чтобы видели все. Дракон тоже явится, как олицетворение ее власти. Войти во дворец он не сможет целиком, но в состоянии засунуть голову и плечи, а шея у него длинная...

Все трое, посерьезнев, слушали внимательно. Страх я не ощутил в них, хотя выглядят матерыми и опытными, а это послало тревожную дрожь по моему телу. Если не страшатся они, словно уже убивали драконов десятками, значит, должен страшиться я.

— Как мы должны это сделать, господин? — спросил Темный.

— У тебя есть Ледяная Игла, — ответил ярл негромко. — Не существует дракона, что устоит перед нею...

Темный спросил тихо:

— Стоит ли переводить такую драгоценность? У меня шесть Костяных Решеток. Их достать проще, даже если истратим все.

Ярл отмахнулся.

— Пустяки. Не жалко.

— Господин, у вас есть еще Ледяные Иглы?

Ярл покачал головой:

— Ледяных Игл нет, но я за эти годы собрал немало всяких... штук. Королевская власть... ха-ха!.. дает немало возможностей для тех, кто не желает их упускать.

Темный почтительно поклонился.

— Вы именно такой человек, мой господин.

— Я расположу вас здесь, — сказал ярл жестко и по-деловому. — В разных местах. Больше нигде эта туша не пролезет. Ты, Темный, бей в голову, а ты, Ночной, и ты, Черный, — в сердце и хребет. Драконы очень живучи, потому нужно, чтобы дракон был убит сразу. Наверняка. Я не хочу, чтобы эта ящерица в агонии каталась и разрушала мой дворец.

Он сделал паузу, Темный все понял первым и низко поклонился:

— Да, господин! Это ваш дворец.

— И все королевство — ваше, — добавил Черный.

Ярл кивнул.

— Хорошо, что вы это понимаете. Помните, дракона нужно убить с первого удара!.. Стреляйте одновременно. Лучше убить его дважды или трижды, чем недобить...

— Все сделаем, господин, — заверил Темный.

Ярл кивнул.

— Ты встань вон там в нише. Когда дракон просунет голову, у тебя будет достаточно времени, чтобы выстрелить без всякой спешки. А промахнуться в такую мишень невозможно...

— А я, господин? — спросил Черный.

— Ты встань наверху лестницы, — сказал ярл властно. — Будешь бить сверху в позвоночник. А ты, Ночной, встань на втором этаже вон там, место удобное, выстрелишь в левый бок. Любой из вас убьет его одним выстрелом! Но я хочу, чтобы наверняка... и с запасом. Тревожит меня этот дракон неизвестной породы... Вот вам, кстати, амулеты на этот случай.

Они поклонились, принимая дары, а ярл повернулся и пошел наверх. Все трое провожали его трусливыми и вместе с тем почтительными взглядами. Когда Камбре скрылся из виду, Темный сказал тихо:

— Если мы убьем этого дракона, ярл пожалует нам дворцы, женщин и поставит своими самыми близкими слугами.

— Не «если», а «когда», — поправил Ночной. — Мы драконов убивали даже простыми стрелами из станowych арбалетов. А если Костяную Решетку... он сразу превратится в грудку костей! Ледяная Игла вовсе разбросает его по залу льдинками, из которых самая крупная будет не больше наконечника для стрелы... Очень уж наш господин опасается этого дракона!

Черный сказал важно:

— Не опасается, а действует наверняка. Сейчас уже ничто не стоит у него на пути к трону.

— Да и не стояло...

— Ну, тогда он не спешил. А сейчас, когда появилась эта Мириам, лучше взять трон сразу.

Темный сказал нетерпеливо:

— Занимайте свои места! Церемония начнется утром, но места лучше осмотреть и занять пораньше. Надеюсь, господин распорядится, чтобы нас никто не тревожил.

Ночной сказал со злобной радостью:

— С амулетами высшей незримости кто нас заметит?

— Наш господин, — пробормотал Темный, — очень предусмотрителен. Ему служить — выгодно.

Глава 2

Затаившись, я наблюдал, как они гордо одевают на шеи амулеты. Все трое сразу исчезли, донесся только довольный хохоток. Я поспешно перешел на запаховое зрение. Голова закружилась, с минуту я, ничего не соображая, всматривался в яркие цветные полосы, затем спохватился и перешел на тепловое. Мир стал иным, но устойчивым, все на местах, ничто не плывет, не колеблется, а три багровые фигуры неспешно расходятся в разные стороны.

Первым занял место в нише неподалеку от меня Темный, этот гад должен выстрелить в меня какой-то Ледяной

Иглой в упор и поразить в голову. Голова у меня такая, промахнуться трудно даже с закрытыми глазами.

Я пошел к нему на цыпочках, он преспокойно опустил-ся на пол, до утра еще далеко, амулет защищает от посторонних взглядов... К счастью, амулет — не талисман, он пассивен, талисман мог бы предупредить о приближении опасности, но ярл и все трое настолько привыкли безнаказанно творить суд и расправу...

Он положил рядом с собой на пол трубку, как мне показалось, длиной в пару локтей. Пламя светильника высветило кончик, там сплошной металл, никаких отверстий.

Что-то уловив, он начал поворачивать голову, но я быстро ухватил его за горло и с силой сжал. Глаза выпучились, он захрипел, пальцы бессильно шарили по полу, звякнуло, но я сильным рывком приподнял по стене и прижал к камням.

— Что, — прошипел я, — непривычно? Не все на свете — только жертвы, да? Кто-то наносит и ответный удар?

— Отпусти, — шепнул он, едва шевеля губами, — иначе ярл рассердится и казнит тебя...

— Что за дурак, — сказал я с отвращением, — так и не понял...

Я с силой ударил затылком о стену, воткнул острие меча в горло и осторожно опустил на пол. Металлический прут успел все-таки подхватить, быстрый гад, сейчас эта штука выскользнула из ослабевших пальцев. Я подхватил на лету и от неожиданности выронил непривычно тяжелую штуку. В последний момент подставил над самым полом ногу, больно стукнуло по пальцам, зато не звякнуло, я снял с ушибленной стопы и сунул за сразу отвисший пояс.

С рыцарями по-рыцарски, с остальными... по-остальному. Ко второму я подкрался точно так же на цыпочках и зашел сзади. Глупо скорчившись, он притаился на втором этаже за выступом лестницы и с таким напряженным вниманием всматривается в полутьму впереди, словно дракон размером с мышь, вот так возьмет и постарается прошмыгнуть незаметно мимо.

Я протянул руку, хотел похлопать по плечу, а когда тот обернется, садануть кулаком в глупую рожу. С другой сто-

роны, я не на публику работаю, а на результат, с силой ударил рукоятью меча в затылок. Слабо хрустнули кости, словно раздавил крупное яйцо, на пальцы брызнуло теплым.

Тело начало опускаться вниз, я подхватил и опустил бережно, словно спящую царевну в хрустальный гроб. На поясе плотно пристегнуты черные коробочки, я насчитал шесть штук, понятно, быстро снял вместе с поясом и заспешил по этажу налево, где в укромном месте засел третий с тяжелым арбалетом в руках.

Он, похоже, ощутил мое приближение, забеспокоился, начал приподниматься и одновременно выставил перед собой арбалет. Я с ходу метнул нож, а сам упал лицом вниз.

Я ждал выстрела, что-то вроде огненного вихря, что пронесется над головой, однако услышал только слабый всхлип, затем падение тяжелого тела.

Даже мертвый он остался исчезником, как и те двое, я видел только рукоять ножа, повисшую в воздухе на две ладони от пола. Судя по багровому силуэту, повезло всадить в глазницу, оттого и не пикнул, ай да молодец я...

Арбалет я забрал, труп прислонил спиной в нише, даже случайно забредший сюда не наткнется ненароком. В холле тишина, через некоторое время прошли двое стражей, простые парни не подозревают, что рядом с ними идет невидимая, но жестокая война спецслужб.

Выбравшись в ночь, я приготовился долго дрожать от ужаса, что на меня кто-то наткнется, однако голова затуманилась на пару минут, никакой тошноты, я как-то слишком быстро ощутил себя в теле рептилии, сделал три быстрых бездумных шага и, скакнув на парапет, прыгнул с него вниз головой.

Только сейчас, распластав невидимые крылья, я сообщил, что превратился в мелкую летающую тварь, что-то вроде уродливого птеродактиля. Как в первый раз, когда только начал осваивать наследие Темного Бога.

Ветер свистел, я устремил прозрачное тело за город. Воздух наконец стал прохладным, запахи эвкалипта и оливкового масла ушли, уступая свежести, небо на востоке быстрее светлеет. Луна медленно закатывается за вершин-

ки высоких деревьев, с них слезает серебро, на некоторое время ветви становятся темными, но скоро на них падет от пылающих облаков алый свет...

Я отыскал укромное место, где много чистого песка, в нем получается лучше всего, закрыл глаза и сосредоточился. Странное ощущение, когда из одной летающей твари превращаешься в другую, минуя стадию человека. Похоже, птеродактиль и дракон в родстве, даже близком, потому что никакой тошноты и головокружения, я всего лишь чувствую постоянный пампинг, прилив силы и мощи, мышцы радостно вздуваются, обрастают новыми волокнами, кости становятся толще, земля удаляется, и я с гордостью ощущаю, что это я расту, наливаюсь звериной силой и жестокостью, становлюсь страшен и лют, все живое разбежится...

Некоторое время я еще стоял неподвижно, надеясь, что стану еще крупнее, но ощутил наконец, что и так перебрал с запросами. Трудно даже дышать, сердце бьется с натугой, а про взлет нечего и думать.

Тяжело вздохнув, я начал новое превращение, почти наполовину заполнив вырытую яму песком. Эта версия дракона достаточно мобильна, в то же время сохраняется прыгучесть, увертливость и сокрушительная мощь.

Я подпрыгнул, ударил крыльями, тело оторвалось от земли неохотно, вообще-то правильнее бы с разбегу, заработал чаще и сразу же повернул в сторону города.

В небе уже вспыхнули облака, но внизу глубокая тень, что уже не ночь, а так, преддверие рассвета. Горизонт только искрится в ожидании появления солнца, а его лучи уже озарили не только облака, но и птиц в небе, только сквозь меня проходят, как сквозь стекло. Нет, пусть лучше, как через бриллиант чистейшей воды, кем я и являюсь, если говорить без ложной скромности...

Я вздохнул и вышел из личины исчезника. Тело сразу ощутило тепло солнечных лучей, гребень заискрился, по нему побежали оранжевые искорки. Когда летел над первой стеной, ее верх вспыхнул алым светом. Я летел прямо к дворцу, медленно снижаясь, народ вскрикивал и шарахался с криками в стороны.

У дворца стражники выставили перед собой копья, но благоразумно отступили. Я, сердито взрыкивая и легонько поплеывая огнем, поднялся по ступенькам и сунулся в двери. Голова и шея прошли свободно, но в плечах застрял, на что я рыкнул сердито, но буянить не стал, лег, чтобы успокоить народ.

Ярл Камбре и Мириам сошли по широкой парадной лестнице вместе, ступая нога в ногу. Ярл держится спокойно, я видел на его лице скрытое торжество, а в глазах то и дело проскальзывает злорадство.

За ними так же медленно двигаются сановники, странная смесь вельмож и старых воинов, что упорно не желают расставаться с боевой одеждой, хотя и сменили ее на легкий вариант.

Мириам выглядит усталой, лицо осунулось, а под глазами круги, словно долго и безутешно плакала. Она бросила на меня короткий пытливый взгляд, я приоткрыл один глаз, взглянул и снова закрыл, объясняя, как могу, что дремлю для других, но не для нее.

— Итак, — сказала Мириам хриловатым голосом, — я объявляю всем, что, как мы и договорились с дядей, он оставляет в распоряжении нашей семьи все свои земли и владения, а сам удаляется в добровольное изгнание.

Среди придворных пронесся удивленный вздох, начался ропот, возгласы, на Мириам смотрели, как на сумасшедшую. Ярл Камбре то и дело бросал нетерпеливые взгляды по сторонам, стараясь делать это незаметно. Вообще-то те трое должны были уже ударить по мне из всех своих смертоносных орудий, еще до того, как Мириам раскроет рот, но и сейчас еще не поздно, все сказанное ею можно обратить в шутку или объявить ее сумасшедшей, нельзя только соглашаться при таком стечении народа...

Он молчал, Мириам выждала некоторое время, лицо стало строгим и сосредоточенным, повернула голову в сторону ярла.

— Ты подтверждаешь, — спросила она громко, — то, о чем мы договорились ночью?.. Ты покидаешь королевство, а я обещаю не преследовать тебя. Ты это подтверждаешь?

Глазные яблоки на лице ярла дергались в орбитах, я видел, как страстно жаждет услышать свист арбалетной стрелы, грохот Ледяной Иглы и что-то еще не менее смертоносное, но эти сволочи медлят, словно все еще прицеливаются, будто в эту неподвижную огромную тушу, заслонившую собой вход, можно промахнуться.

Придворные застыли, шокированные, не верящие ушам своим. Глаза у всех выпученные, уставились на ярла в недоумении и ожидании. Вот сейчас расхохочется, опровергнет, скажет, что это у них такая семейная шутка, а на самом деле все наоборот...

Мириам напряглась, лицо стало неприятным, а в голосе появилась визгливая нотка:

— Ярл Камбре, ты слышишь меня?

Наверху словно взошло еще одно солнышко: принцесса Вики появилась в золотистом платье, что так идет к ее лицу и башне золотых волос, убранных в затейливую высокую прическу. За нею целая дюжина служанок, на ходу расправляют складки на платье и ленты на поясе.

Она увидела меня, заспанное личико прояснилось. Шокированные служанки не успели пикнуть, как она весело, как молодой козленок, вприпрыжку сбежала по ступенькам, легкая, как мотылек. С ликующим визгом бросилась мне на шею, звонко чмокнула в щеку, затем счастливо обцеловала всю морду и прижалась всем телом, донельзя довольная, что снова вместе.

— Как мне тебя не хватало! — сообщила она жарким шепотом. — Не бросай меня, Шумил...

— Я не пролезу в твою спальню, — сообщил я тихо.

Она прижалась крепче и снова поцеловала в щеку.

— Тогда я лягу с тобой там, где будешь спать ты.

Придворные, зыркнув на принцессу пару раз, перевели взгляды на ярла. Тот медленно разомкнул плотно стиснутые, словно скобы капкана, челюсти, лицо дернулось, а голос прозвучал совсем не так уверенно, как я слышал вчера:

— Да, дорогая Мириам, я слышу...

— Почему молчишь?

— Обдумываю.

Она охнула, отступила на шаг.

— Обдумываешь? Это после того, как два часа назад поклялся мне оставить королевство и уйти?

Он бросил быстрый взгляд в сторону, на лице я читал отчетливо, что этих сволочей все равно повесит, даже если и убьют сейчас дракона. Нельзя над ним так глумиться, выставляя на посмешище...

Мириам сказала резко:

— Я не буду ждать вечно! Говори сейчас или... Дракон, ты готов?

Я проревел сонно:

— Только скажи слово. Хоть по одному, хоть всех сразу — но я с удовольствием опустошу здесь все.

Придворные охнули, стражи крепче стиснули копыта и пригнулись за щитами.

Мириам величественно сделала отстраняющий жест.

— Начнем пока с одного... Нет-нет, я подам знак! Не спеши. Итак, ярл Камбре, твое последнее слово? И говори быстро, мое беспредельное терпение кончилось...

Он зыркнул исподлобья, набрал в грудь воздуха, вид решительный и злой. Я напрягся, ожидая неприятности, ярл Камбре не из тех, кто вот так легко отступит...

Сверху раздался испуганный вскрик:

— Тут убитый человек!.. И вот там еще один!

Ярл застыл, я видел, как в его мозгу мелькают тысячи вопросов, возникают тысячи вариантов разруливания ситуации в свою пользу. Часть воинов ринулась наверх, кто-то в самом деле по делу, кто-то воспользовался случаем убираться подальше от страшной пасти огромного дракона.

Мириам стиснула кулачки, бледная и вздрагивающая, я видел, как ей страшно и одиноко, несмотря даже на мое присутствие. Я приоткрыл один глаз и посмотрел выразительно, но красноволосая дурочка не поняла выразительный жест, старается выглядеть жестокой и неустрашимой, хотя в глазах уже проступает затравленное выражение загнанного зверька, мелкого и несчастного.

Сверху прибежал начальник стражи, крупное мясистое лицо полыхает красным от стыда.

— Простите, мой лорд, — обратился он к ярлу, минуя Мириам, — там трое убитых...

— Трое? — проговорил ярл, едва двигая губами.

— Да, мой лорд!.. Они прятались в укромных местах под личинами исчезников. Только сейчас их стало видно...

Ярл спросил быстро:

— Кто они?

— Все в черных плащах, — отрапортовал начальник стражи. — Похоже, они из клана Укротителей.

По рядам придворных пробежала дрожь, словно сильный ветер наклонил высокую траву. Стражи, сжимая оружие, нервно оглядывались по сторонам.

Мириам бросала на меня быстрые взгляды, я посматривал в ответ лениво и успокаивающе. Успокойся, дурочка, повторял я ей мысленно, пусть твой дядя сделает следующий ход и раскроется полнее. А то веришь, три ха-ха, что вот так возьмет и отдаст тебе трон. Даже если бы привела столько драконов, что закрыли бы собой небо, такие люди будут изворачиваться, и даже когда дьявол потащит их душу в ад, и в его руках будут драться, кусаться и лягаться.

Ярл наконец кашлянул, лицо прояснилось, я насторожился, но он тут же объяснил:

— Как жаль, что все три мерзавца убиты!.. Мы бы допросили, как они сюда проникли, кто их послал и что они намеревались делать... Ладно, я позже проведу дополнительное расследование, найду и накажу виновных.

Мириам проговорила неуверенно:

— Ярл Камбре, вы забываетесь!.. Отныне я здесь провожу расследования и наказываю виновных.

Он быстро посмотрел по сторонам и сказал громко:

— Мириам, я остаток ночи провел за старыми книгами и узнал в них, что твой отец умирает вовсе не от старости. Его терзает одна редкая болезнь, она похожа на преждевременную старость, но ее очень легко излечить...

Она вскрикнула:

— Что?

Он кивнул, очень довольный.

— Это могут подтвердить все, кто о ней слышал.

Среди придворных один кивнул, другой, третий. Мне показалось, что они не выглядят такими уж уверенными, но лицо Мириам озарилось надеждой.

— Как излечить?

— Очень просто, — ответил ярл с подозрительной для меня легкостью и даже приподнятостью в голосе, — нужно всего лишь сорвать несколько цветков карниссы, сделать отвар и напоить больного. И все!.. Достаточно одного раза. Только если захочешь спасти отца, нужно сделать это немедленно. Ты сейчас попрощалась с ним, но... если не жаждешь трона ценой его смерти, поспеши привезти карниссу.

Мириам, оцепенев, смотрела в его торжествующее лицо.

— Это... правда?

Он красиво и театрально повел рукой в воздухе, охватывая всю застывшую и очень внимательную аудиторию, прижал ладонь к левой стороне груди.

— Всяк может подтвердить мои слова!..

Мириам произнесла сдавленным голосом:

— Если это правда, я отправлюсь за карниссой немедленно.

Ярл почтительно поклонился, пряча торжествующий блеск глаз.

— А я присмотрю за королевством, дорогая племянница. Уверяю, никто это не сделает лучше. Боюсь, у тебя пока вообще не на кого здесь положиться.

Вики наскучило слушать их переговоры, уже все понятно, покарабкалась мне на голову. Я медленно поднял ее, принцесса весело повизгивала и перебиралась по толстой шее на загривок, где самое удобное место для задницы и можно упереться ногами.

Мириам сошла по ступенькам молча, нахмуренная и сосредоточенная, но на последней круто развернулась.

— Где она растет? — потребовала она.

Камбре победоносно улыбнулся, я чувствовал его триумф, дурочка заглотнула наживку. Умный человек все равно победит, даже если все его приготовления были каким-то чудом нарушены, а соперники явятся с целой армией драконов.

— Я бы мог сказать, — ответил он медленно, — что не знаю... и тем самым навредить тебе...

Она вскрикнула:

— Это навредить отцу!

Он кивнул.

— Верно, навредить моему брату. А этого я не хочу. Что бы ты обо мне ни думала, я все эти годы поддерживал, как мог, жизнь брата. В общем, я долго рылся во всех книгах, пока не отыскал, что ближайшая к нам карнисса растет в долине Бекаар. Отсюда всего трое суток пути, так что я и сам бы отправился и нарвал ее для моего брата...

— Так почему не?... — потребовала она.

Он развел руками:

— Там владения племени красноплечих. Я когда-то с ними очень крупно повздорил... Их вождь сразу же велит схватить меня и с удовольствием повесит. И отца твоего не спасу, и сам погибну зря. Другое дело — ты.

Я уловил в его словах другой смысл, мне по хитростям дядя понятнее и ближе, как ни противно, политик политика видит издалека, а простодушная Мириам спросила с подозрением:

— А почему получится у меня?

Он кивнул в мою сторону:

— Твой дракон снова спит, но не сомневаюсь, что он быстр и силен. Его шкура выдержит как град стрел, так и жалкие для него удары мечей и топоров.

Мириам тоже покосилась на меня. Я вздохнул, костяные щиты на спине и боках задвигались, а частокол игл на спине приподнялся еще выше.

— Да, конечно, — произнесла она почти уверенно.

— Тебе нужно просто оказаться на том месте, — пояснил он, — и быстро нарвать карниссы. Вам даже не придется драться! Внезапно прилетели, навалили и улетели. Это мне пришлось бы пробиваться через шесть королевств с большим войском. Но где я наберу столько воинов, чтобы с боями пройти весь путь, теряя людей, и в конце сразиться с могущественными красноплечими?

Мириам выпрямилась, вспомнив, что она — дочь короля, лицо стало суровым, а голос прозвучал твердо:

— Хорошо. Я все сделаю, чтобы попытаться продлить жизнь отцу!

Молодец, мелькнуло у меня. Вовремя вставила осторожное «попытаться». Жизнь успела потрепать, такая сможет стать королевой...

Все в почтительном молчании наблюдали, как она встала на мою лапу, я осторожно поднял ее на плечи, а оттуда Мириам перебралась на спину и села рядом с Вики.

Я грозно всхрипнул, развернулся всем грузным телом как можно грациознее и быстрее, показывая, что не так уж и неуклюж, как можно подумать. Мириам требовательно постучала каблуком.

— Мы готовы!

Глава 3

Я раскрыл пасть, устранив народ на прощанье, сделал два быстрых шага, с силой оттолкнулся, на мгновение припав к земле брюхом, крылья затрещали, поднимая тяжелое тело с добавочным грузом.

Внизу быстро промелькнули крыши домов и кольцевая городская стена, где стремительно уменьшаются человеческие фигурки с пиками в руках, затем заскользила зелень садов и огородов, деревья отдаляются, сливаются в зеленый шишковатый ковер, словно заросшее мхом старое болото.

Бог дал нам мозги, мелькнула мысль. Хорошие мозги. Даже слишком. С непонятным запасом. Это они создали всю эту цивилизацию, плодами которой человек наслаждается.

Но еще Бог вложил и часть своей души, а вот с нею совсем непонятно. Она обычно молчит, сопит себе где-то в уголке и чаще всего сладко спит, уютно свернувшись в клубок и подогнув лапки. Однако как-то воздействует на все, в том числе и на то, что создают мозги, потому что интуитивно чувствуем, что мозги — это все, они создали этот мир, но жить в нем стоит только ради того, на что указывает душа.

А она обычно ведет себя странно, с мозгами никак не желает идти в одной упряжке...

Мириам постучала каблуком, привлекая внимание.

— Шумил!.. Возьми левее!..

Я помолчал, выныривая из глубокой философии в мир житейской суеты, проревел меланхолично:

— Зачем?

— Долина Бекаара в ту сторону!

— А-а-а-а, — протянул я. — Это до которой трое суток пути?

— Это для караванов, — объяснила она быстро. — Им переходить через реки, горы, обходить пропасти...

— Зато здесь болот нет, — сказал я. — Ладно, садимся.

Она не успела вспикнуть, я наклонил голову и, все так же распластав крылья, пошел на посадку, там такая удобная площадка на возвышенности в обрамлении густых деревьев.

Вики прокричала:

— Как тут красиво! Шумил, ты умеешь выбирать места!

— Самый мой лучший выбор, — сказал я галантно, — это ты. Где ты — там любое место становится раем.

Она счастливо завизжала, я испугался, что бросится на шею прямо в полете, поспешно выставил все четыре и брякнулся на грунт, хотя сперва собирался сделать ритуальный круг.

Мириам оставалась на месте, я протянул лапу и ссадил Вики. Мириам помедлила, я видел, как ее подмывает настоять на продолжении полета, но не совсем же дура, сообразила что-то, медленно сошла на землю следом за принцессой.

Вики тут же присела и начала собирать цветы, отмахивалась от бабочек, которым нужно полакомиться нектаром именно из ее замысловатого букета, а Мириам спросила хмуро:

— Ты голоден, да?

— Не очень, — сообщил я. — Пока летал ночью, перекусил.

— Так что же...

Вики отошла на край поляны, я следил за ней внимательно, а то вдруг какой кузнечик прыгнет на нее и больно лягнет, у нее же синяк останется, или лягушка высунет морду из травы, испугает до икотки...

— А ничего, — ответил я хладнокровно. — Мириам, ты что-то... того. Недопонимаешь весьма и зело.

Она осмотрелась, села на обломок дерева.

— Догадываюсь, — ответила она несчастным голосом. — Тебе все это неинтересно. Уже не забавляет. Я и забыла, что дракону все наши тревоги и радости... просто смешно.

Я буркнул:

— Спасибо, что не ящерице. Или жабе... Насчет смешно... гм... скорее, неинтересно. Присмотрись ко мне внимательнее! Как думаешь, мне в самом деле близки ваши проблемы?

Она сказала с отчаянием:

— Я должна, должна найти карнису! Это вылечит болезнь отца, чем бы он ни болел! С твоей помощью мы быстро добыли бы ее. И доставим вовремя. Отец будет жить...

Я попробовал поморщиться, не получилось, бронированная кожа слишком плотно прилегает к литому черепу, зато голос мой прозвучал со всеми оттенками недовольства и пренебрежения:

— Женщина, ты слишком вошла в роль. Я согласился тебе помочь, потому что... это меня слегка забавляло. Но сейчас мне становится скучно.

Она заломила руки, в полной мере осознав, что я в самом деле не ее подданный. На лице в доли секунды сменилась гамма чувств от негодования и гнева до полного отчаяния.

— Шумил, — проговорила она дрожащим голосом, — прости, я в самом деле... Но я все делала, как ты велел. Сейчас просто потеряла голову от горя. Я прибыла к отцу, которого не видела десять лет, и... он умрет через пару дней!

Я зевнул и сказал равнодушно:

— В мире ежедневно умирают тысячи. Мы не можем всех спасти. А еще больше убивают друг друга в бессмыс-

ленных войнах... Но даже этих дураков не удержать от взаимостребления. А ты — о дряхлом старике...

— Он не старик, — возразила она жарко, но в глазах блеснули слезы, — и не дряхлый!.. Я не могу спасти всех, погибающих в войнах, так хотя бы отца!.. Ты говорил, что послан своим правителем. Что он хочет? Что хочешь ты? Скажи, я все сделаю!

Я изогнул шею, рассматривая ее так и эдак, она прижала кулачки к груди и смотрела на меня снизу вверх с отчаянием и надеждой.

— А как же интересы королевства? — спросил я с издевкой. — Вижу, дядя трон занимает по праву разумного политика. Он не поступится его интересами ради спасения отдельных людей.

Она вскрикнула:

— Дядя — мерзавец!.. Он не интересами королевства не поступится, а своими!.. Интересами королевства пренебрегал всегда. Когда захватил власть — это уже не королевство, а его собственный двор!

О собственном дворе, подумал я, каждый заботится больше, чем о государственном, но вслух сказал:

— Согласен. Но ты, согласишься, как правитель куда хуже дяди. Нельзя ради одного человека, пусть даже родного, поступаться интересами государства. У нас один великий правитель сына родного, попавшего в плен, не согласился выменивать на плененного военачальника. Потому что сын был простым рыцарем, а предложенный для обмена — герцог. Правитель так и сказал, мол, я простых рыцарей на герцогов не меняю. И его сына враги казнили!..

Она сказала жалобно:

— Да. Это подвиг, это великое самопожертвование во имя страны, я понимаю... Но я — слабая женщина, теперь это вижу. Мне нужен отец, я без него ничто. Скажи, что я могу сделать если не для твоего хозяина, он слишком велик, то хотя бы для тебя?

Я оглядел ее с головы до ног, маленькую и вздрагивающую от переполняющих слез. Она смотрела с отчаянием, а

в глазах впервые была не гордыня, а мольба страдающей женщины.

— Мы живем милостью нашего господина, — изрек я и постукался лбом о землю, — и для нас лично ничего не надо. Однако... погоди, я подумаю, что надо сделать, чтобы и этот мой шаг или взмах крыла... если я его сделаю, конечно... были ему на пользу... Насколько я помню, ты весьма запальчиво и не совсем обдуманно поклялась, что ты сама и твое королевство будут в моем распоряжении...

Я смотрел испытующе, она чуть поникла, но сказала сломленным голосом:

— Да, я поклялась... Сгоряча и по злобе, желая отомстить ярлу Растенгерку. Но все равно я верна своим клятвам и эту не нарушу тоже.

Я спросил коварно:

— Почему?

Она вздохнула, но подняла взгляд и словно пронзила меня им насквозь.

— Потому что ты, гнусная ящерица, не потребуешь чего-то... невозможного! Потому что я чувствую тебя, гад подколотный.

— Ага, — сказал я, — уже и ящерица, и жаба... значит, ты в порядке. Ладно, Мириам. Я вижу, что в тебе уже проснулось понимание нужд королевства. Но и о личном не забываешь.

Она смотрела с негодованием, затем яростный блеск в глазах начал угасать, а голос прозвучал почти сломленно:

— Только бы мой отец жил...

Я хмыкнул.

— Мириам, не хитри.

Она вскрикнула:

— Где я хитрю? Я не собираюсь тебя обманывать!

— Может быть, — согласился я. — Может быть, в самом деле не собираешься. Но в то же время понимаешь... или чувствуешь, у вас это срабатывает быстрее, что твоему королевству на самом деле ничего не грозит. И что я вмешиваться в дела вашего муравейника не собираюсь вовсе.

Она смотрела на меня в сомнении, лицо стало растерянным, затем в глазах блеснули огоньки надежды.

— Я о таком не говорила!

— Но чувствовала, — напомнил я. — Потому с такой легкостью и раздаешь подобные клятвы... Ладно, где эта проклятая долина? У меня нет времени порхать над всем Гандерсгеймом!

Принцесса подбежала, со счастливым смехом отбиваясь от двух бабочек, светлая и солнечная, как утренний лучик, пропищала с великим интересом:

— Милый Шумил, а ты чем занимаешься сам? На что тратишь время?

— Сейчас вот ношу тебя, — ответил я галантно, и принцесса заверещала от удовольствия, — но вообще-то драконю помаленьку, раздракониваю и одракониваю, это весьма увлекательно, если драконишь ты, а не тебя...

Мириам прервала решительно:

— Я хорошо знаю, где это!

— Водила караваны? — спросила принцесса с любопытством.

Мириам покачала головой:

— Нет, но те земли известны не только карниссой. Там еще повсюду растет ямба и шашебель, волшебные плоды. Это чудесные земли! Там вечный сад...

На расстеленной прямо на земле скатерти возникли обязательные ломтики сыра, с них начинать творить еду лучше всего, потом мясо, фрукты, сладости, мед. Женщины ели быстро и с жадным удовольствием, я с тоской подумал о кофе, но мне нужно сделать не меньше тазика, а то и бочонка, а это истощить себя так, что не смогу поднять даже крыло.

Вики сказала очень серьезно:

— Шумил, тебе поклялись в вассальной верности Мириам и Растенгерк, но у меня нет королевства, и я клянусь тебе только от себя... Я люблю тебя, Шумил, и всегда буду тебе верна!

Я склонил голову и растроганно лизнул ее ногу.

— Вики, не спеши давать такие клятвы... Мириам, хватит жрать! Ты уже достаточно откормилась.

Мириам поспешно вскочила, все понимает, обняла эту чистую наивную душу за узкие плечи и потащила на противную толстую жабу с крыльями, гада подколодного, ящерицу с перепончатыми крыльями.

Я разбежался, место есть, заработал крыльями, а уже потом оттолкнулся от земли и пошел набирать высоту, не выворачивая суставы в плечах.

Лес кончился, некоторое время я летел вдоль невероятно высокой горы, пологой с одной стороны и как ножом срезанной по вертикали — с другой. И там, из плоскости, выступает чудовишно огромный барельеф в виде крылатого двуногого быка со скрещенными рогами. Фигура исполнена жуткой экспрессии, я летел вдоль этой фигуры, чувствуя себя комаром, облетающем человека, и не мог представить себе, кому и зачем понадобилось высекать такое невероятно трудоемкое... произведение искусства?.. предмет религиозного культа?..

Мириам и принцесса чирикали на своем птичьи-женском наречии, я слышал в их голосах восторг, но без удивления, так что либо уже видели, хоть и не с такого ракурса, либо слышали во всех подробностях.

— Кому-то знакомо? — спросил я. — Что это?

— Вижу впервые, — ответила Мириам. — Мы с караваном ходили другими дорогами.

— Я тоже не видела, — ответила принцесса. — Красиво, но разве это может сравниться с блеском твоей чешуи? С прекрасными иглами на гребне? С тонкими перепонками на всех четырех лапах?

Мириам поспешно перебила:

— Шумил, ты должен лететь выше.

— Почему? — любопытствовал я настороженно и посмотрел вниз с подозрением.

— Во-первых, — важно объяснила она, — никто не достанет стрелой, во-вторых, сверху виднее.

Я буркнул:

— Да ну? И почему мир так устроен...

Мириам заподозрила подвох, замолчала и заранее надулась, принцесса спросила наивно:

— Как?

— Рожденные ползать учат летать крылатых, — объяснил я. — Как думаешь, почему?

Принцесса озадаченно раскрыла глаза, а Мириам надменно выпрямилась и с достоинством смотрела вперед гордо и сурово, как сто королевских дочерей вместе взятых. Ветер красиво трепал ее волосы, словно за нею мчится и не может догнать багровое пламя.

— Я женщина, — произнесла она после паузы, — которая уже начинает ощущать себя частью твоего мерзкого гребня!

— И?

— Потому чувствую, — закончила она, — как лучше лететь. Как правильное.

— Да, — согласился я, — из тебя выйдет настоящая королева. А рыб учить плавать не пробовала?

Принцесса счастливо хихикнула. Сквозь толщу костяного панциря я, странное дело, чувствовал жар ее небольших детских ягодиц даже сквозь толщу костяной брони, и это наполняет мышцы странным томлением и неясным желанием продлить это чувство, а тонкий аромат духов, что никак не выветрятся, все еще щекочет ноздри даже на таком встречном ветре.

Я шел красиво и мощно в нагретом плотном воздухе, впереди темнеющая синь небосклона, а ниже багрово горят против опускающегося светила на удивление свежие сколы скал. Земля голая, каменистая, но сразу за косогором другой мир: свежая сочная зелень, тучная трава, рощи олив... В озере багровеют перевернутые облака, я проворчал:

— Можно лететь и ночью... Но надо ли?

Принцесса прочирикала живо:

— Как скажешь! Мне с тобой и ночью хорошо, мы сможем...

Мириам поспешно прервала:

— Вики, ты настолько невинна, что лучше не болтай лишнего.

Вики спросила обидчиво:

— А что я сказала?

— Пока ничего, — заверила Мириам нервно, — но по своей невинности еще не отличаешь, что можно, а что еще нельзя. Шумил, если ты устал, можем переночевать на земле...

Я с подозрением смотрел вниз, места достаточно заселенные, равнинные, неприступных гор не видно, а спящего дракона мощный удар копьём в сердце в состоянии отправить в ад.

— Ладно, — прорычал я, — за вас беспокоюсь... Украдут еще ночью! С виду кто поймет, что ты сама еще та зверюка...

Глава 4

Ночь наступает на мир снизу, мы еще долго скользили в закатном солнце, я сам весь в багровом золоте, чешуя горит, как жар, мне уже кажется, что я несусь как раскаленная глыба металла, от меня пышет зноем, а когда снизу начала подниматься тьма, я инстинктивно поднимался выше и выше, уходя от ночи.

Наконец, когда женщины начали повизгивать от холода, я опомнился и резко пошел продавливаясь вниз, в теплые потоки. И когда перешел в горизонтальный полет, рассмотрел далеко внизу едва заметные с такой высоты рои искорок, словно в черноте летит рой светлячков, так это выглядит с высоты. Однако за ними разгораются другие огоньки, уже побольше, что остаются на месте. И становится их все больше и больше... Очередная орда степняков совершает ночной набег на соседнее племя, что осмеливается смотреть на ту же степь и ту же траву для своих овец.

И хотя мне, как политику, должно быть приятно смотреть на взаимное ослабление составных частей противника, да и как дракону вообще по фигу, но что-то во мне уже проклюнулось действительно от христианства: все люди —

братья, и любая война недопустима, это оскорбление и грех, это преступление...

Воздушные потоки снизу принесли запахи горящего дерева, ткани и даже плоти. Огни в темноте полыхают оранжевые, и лишь потом, затухая, становятся зловеще-багровыми, словно по земле льется кровь.

Я промолчал, все настолько обыденно, что даже не стал обращать внимание женщин на такие пустяки, как война. Мириам все чаще приподнималась, всматривалась, наконец вскрикнула:

— Долина Бекаар!

— Уже? — спросил я.

— Нет, совсем близко! Вон через ту гряду холмов... и вон ту...

Внизу в черноте показалось нечто странное, словно матовые блики в темной траве, я на всякий случай снизился, долго напрягал зрение, пока не сообразил, что вижу.

В ночи при свете факелов и костров стальные доспехи блестят влажно и грозно, как панцири могучих жуков, которым не страшны даже муравьи с их всерассекающими жвалами. Ночь тиха, однако знамена легонько развеваются, словно от гордости и бахвальства, стремясь показать начертанные на их полотнищах девизы и красочные гербы.

— Вы их видите? — спросил я.

— Ничего не видно, — ответила Мириам сердито.

— Только костры, — чирикнула принцесса. — Это костры, да?

— Эх, человеки, — сказал я снисходительно. — Тоже мне, цари природы... там армия на марше. И направляется, что интересно, туда же, куда и мы.

Мириам вскрикнула испуганно:

— Их надо опередить!

— Думаешь, — усомнился я, — все идут траву рвать? Сколько зело больных, однако, в ваших королевствах.

— Не знаю, — огрызнулась она. — Я вообще-то предположила бы нарвать, пока никто не видит. Мне нужна только карнисса, а не драка за нее!

— Странно, — протянул я, — мне казалось, вы, люди,

больше всего знаете толк в драках. И песни у вас о драках, и легенды, и вообще вся жизнь из драк, драчек и драчонок. И драчиш, когда деретесь не сами по себе, а под знаменами своих властелинов.

— Это драки по необходимости, — сказала она с достоинством. — А также ради пастбищ для скота, жизненного пространства и всяких удобств. Глазам кочевника больно, когда он видит на горизонте юрту соседа!.. А тут, куда ни посмотри, уже юрты. Как тут не воевать?

— Да, конечно, — поддакнул я. — Все войны у вас только по необходимости! Острой. Острейшей. Ну, которую никак не избежать. У вас всего удастся избежать, кроме войн... Ура, вон там высокая гора!

— И что? — спросила Мириам.

— Переждем ночь, — сказал я твердо.

— Чего-то боишься?

— Я вообще-то бесстрашен, — ответил я с достоинством, — однако что-то слишком это легко. Если верить тебе, то до нужной нам долины рукой подать. Прилетим, нарвем в потемках и улетим. А трава дневная или ночная?.. Ага, задумалась. Значит, дневная. На ночь, возможно, не только листки закрывает, но и в землю втягивается. Видывал я такие... Словом, ждите до утра. Уже недолго.

Я заметил высокий каменистый холм с двугорбой вершиной, спланировал и как можно мягче опустился, поблизости могут быть конные разъезды и мелкие заставы.

Мы едва успели устроиться на ночь, как на востоке край неба начал светлеть. Усталые женщины заснули все равно, а я поневоле остался на страже, наблюдал, как медленно поднимается по небосводу нежная алость, словно румянец на щеках стыдливой девушки.

Варварами управляет некто или нечто, но я так и не понял, кто или что. Под что имею в виду не Всемирное Зло или осточертевшего Темного Властелина, а идею или что-то вроде жажды дойти до последнего моря, что вдохновляла романтиков Чингисхана.

Одно ясно четко: объединить и направить на Орифламе сумел вовсе не тот, кто привел их туда. И даже сейчас, когда они воюют друг с другом, у них есть нечто общее, болевая точка или место наслаждения, которую хорошо бы отыскать...

...до того момента, как этот некто снова возьмется терзать этот чувствительный нерв.

Мириам зевнула, приоткрыла глаза.

— Доброе утро, — сказал я ласково.

— Утро добрым не бывает, — отрезала она.

— А-а, — сказал я с сочувствием, — головная боль мучает?

— Моя головная боль пока спит, — буркнула она и кивнула на сладко свернувшуюся калачиком принцессу: — Ты готов?

— Позавтракаем?

Она скривилась.

— Только если очень быстро. Но тебе твоей волшебной еды будет мало?

— Ух ты, — сказал я пораженно, — ты начинаешь заботиться и обо мне?

— Еще бы, — сказала она. — А вдруг издохнешь прямо под облаками?

Я создал сыра, мяса и сладостей, а сам, кое-что заприметив внизу, торопливо сорвался со скалистого уступа.

Женщины только заканчивали сладкие пироги, как я вернулся, сытый и с приятно отяжелевшим желудком. У подножья остались рога и копыта тех, кто бежит слишком медленно.

— Мы готовы, — объявила Мириам.

Принцесса одарила меня счастливой улыбкой, от которой стало тепло на сердце и вообще под шкурой.

— Шумил, какой ты весь выспанный, — сказала она. — Просто сияешь под утренним солнышком!

— Это я тебя увидел, — объяснил я.

Мириам сердито потащила принцессу мне на холку. Я выждал, пока усядутся и закрепят веревки, Мириам от нетерпения готова бежать к заветной долине пешком, оттолкнулся от грунта.

Почти сразу, как только кончилась каменистая долина, внизу потянулось огромное поле, заставленное ярко-красными шатрами. Я сперва видел только их, а потом, снизившись, рассмотрел тысячи и тысячи распростертых на земле людей. Многие в доспехах, хотя ни одного полного комплекта: у одного снят панцирь, у другого наручники, у третьего — наколенники...

Между ними хаотично бродят люди, голые до пояса, в руках горшочки и чистые тряпки. Под лежащими то и дело пламенеет красным, многие перевязаны тряпками, ярко проступает свежая кровь... Возле головного шатра толпятся военачальники, то и дело уносятся гонцы на легких конях.

— Это не поле битвы, — сказал я озадаченно. — Нет убитых, только раненые.

— Отступившие? — предположила Мириам.

— Почему враг не преследовал и не добил?

Она сказала рассерженно:

— А если не мог?

— Ты запретила?

— Почему драконы такие дураки? — огрызнулась она. — У победителя раненых могло быть еще больше.

— Может быть, — согласился я. — Пиррова победа не лучше поражения... Ладно, сейчас увидим...

Огромное поле, превращенное в полевой лагерь, уплыло под брюхом, Мириам даже привстала в нетерпении. Я чувствовал, как и мое сердце начинает колотиться. У меня насчет карниссы свои интересы. Если в самом деле излечивает любые болезни, то надо собрать ее семена и дать отцу Дитриху, монахи больше всех занимаются лечением. Или отводки, если удастся размножить вегетативно.

Принцесса впервые за долгое время подала голосок:

— Поле битвы должно быть сразу за этим холмом.

Еще бы, подумал я. Не могли же отступать несколько миль, вынося раненых.

Верхушка холма уплыла назад, нашим глазам пошло открываться нечто красное, огромное, просторная долина как исполинская чаша лежит в обрамлении невысоких зеленых холмов и вся заполнена кровью...

Сердце дрогнуло и сбилось на миг, потом я сообразил с облегчением, что это не кровь, та бы уже впиталась и вообще почернела бы, свернувшись, а красное... то ли цветут маки, бесконечное поле пурпурно-ярких маков, то ли...

Я спросил жадно:

— Это и есть карнисса?

Мириам, почему-то бледная, как полотно, сказала мертвым голосом:

— Ниже...

— Трава?

— Опустись ниже...

Я повернул крылья и пошел по кругу, стараясь снизить-ся, однако снизу странно теплый воздух неожиданно уперся в растопыренные крылья и не давал снижаться так, как мне хочется.

Озадаченный, я изменил угол крыла, пошел по крутой дуге. Теплый воздух стал горячим, сухим и очень недобрым. Запершило в горле, а наверху раскашлялась, как слабый котенок, принцесса.

Я охнул, наконец-то рассмотрел, что внизу не красные маки, а раскаленные угли. Долина засыпана ими от края и до края, между ними почти не видно земли, горячий воздух поднимается призрачными и колеблющимися струями.

Мириам прокричала:

— Что это?..

Я распахнул крылья, горячий воздух моментально выбросил меня наверх, долина уменьшилась. Я повернул голову и рассмотрел по ту сторону холмов такой же полевой лазарет, только шатры желтые, а лекари в плащах до пола и закрывают лица, как палачи.

— Ничья, — сказал я с горечью. — Да и вообще... в войне не бывает выигравших — только проигравшие.

Принцесса перестала кашлять и спросила в недоумении:

— А где карнисса?

— Похоже, — ответил я, — где сражаются армии, никакая трава не растет. Тем более полезная. При войнах поче-

му-то все полезное гибнет в первую очередь. Даже не знаю, почему.

Мириам вскрикнула:

— Вытоптали!.. Какие сволочи...

— Мириам, — ответил я с досадой, — какое вытоптали? Посмотри получше. Какой-то чертовщиной шарахнули.

Принцесса сказала жалобным голоском:

— Ударил тот, кто проигрывал. Такое оружие берегут, но когда все королевство в опасности...

Я поднялся еще выше, присмотрел густой и довольно обширный лес, пошел в его сторону и внимательно оглядел сверху. К счастью, никаких беженцев, Мириам и принцесса подавленно молчали, когда я снизился и шел над верхушками деревьев, выбирая место.

Полянка подвернулась крохотная, я растопырился весь, гася инерцию, гнал перед собой стену тугого воздуха, но все равно едва ухитрился не разбить морду о набежавшие деревья. Принцесса вскрикнула, когда я ударился плечом и грудью, деревья затрещали, но выстояли.

Мириам сразу же слезла и требовательно протянула к принцессе руки. Я сосредоточился, прямо на низкой траве начали появляться ломтики сыра, аккуратно нарезанная буженина, ветчина, карбонаты, а в довершение создал чашки с кофе.

Мириам села, скрестив ноги, принцесса опустилась, грациозно уложив длинные ноги под себя.

Я спросил громко:

— Кто-нибудь знает, где еще растет такая трава?

Мириам даже не поправила, что это не трава, а священная карнисса. Принцесса вздрагивала и смотрела огромными пугливыми глазами робкой лани.

После долгой паузы Мириам ответила хриплым голосом:

— Дядя знал...

— Другие места?

— Нет, — ответила она люто, — знал, что здесь не отыщем!

— Хороший способ убрать тебя из дворца, — согласился

я. — Думаю, он не считает, что немедленно вернешься и потребуешь ответа.

— А что сделаю?

Я подумал, буркнул:

— Наверное, попробуешь отыскать в другом месте. Мсть мстью, но здоровье отца тебе важнее!

Она потрясла головой.

— Где искать? Я не представляю даже, у кого спросить.

Принцесса спросила жалобно:

— Но зачем? Воюют... это мужчины обожают, но зачем уничтожили карниссу?

— Думаю, — ответил я, — сперва в массовой драке просто вытоптали конницей. Когда носились туды-суды. А потом... из страха, что снова прорастет и вообще долина достанется врагу, шарахнули чем-то из мощной магии. У королей в закромах все еще встречается всякая древняя чертовщина...

Обе ели вяло, Мириам вообще жевала так, что подсунь вместо ароматных ломтей сыра стельки ее сапог, сжует и проглотит так же бездумно. Взгляд устремлен вдаль, я вижу по ее лицу, что не столько отыскивает карниссу, как уничтожает тысячами способов коварного родственника.

Она подурнела за последние полчаса, глаза ввалились, а скулы резко и неприятно натянули кожу. Принцесса пробовала робко обнимать тонкими лапками, пытаясь утешить, Мириам зло поводила не по-женски широкими плечами.

Я подумал еще, сказал медленно:

— Знаете что, дорогие дамы... Побудьте здесь, никуда не высовывайтесь. Есть одна дикая мысль... я же сам дикий, понимать должны, вот и хочу проверить одну дикость...

Мириам вскинула на меня полный недоверия, но и надежды, взгляд.

— Насчет карниссы?

— Да, — ответил я.

— Можешь узнать?

— Попытаюсь, — ответил я. — За попытку не бьют... вроде бы. По крайней мере, у нас, драконов.

Принцесса сказала жалобно:

— Хочу быть драконом.

— Хоти, — разрешил я, — когда сильно хочешь, все может получиться.

Глава 5

Не-е-т, стучало в драконьей голове, эти земли завоевать так просто не получится. Это не Сен-Мари, варвары воевать готовы всегда, к тому же всегда и воюют. Пока дерутся друг с другом, но это как грызущиеся собаки, что разом прекращают распри и бросаются всей стаей на появившегося волка.

Правда, и мы не погрязшие в покое сен-марийцы, особенно боевой костяк армландцев, тоже не знающих иной жизни, как непрерывные войны с соседями. Однако после легкой победы над Орифламме, боюсь, здесь нас ждет если не поражение, но очень нелегкие испытания.

Я порылся в памяти, отыскивая хоть какие-то аналоги. Крестоносное войско, вторгшееся в сарацинские земли, в прямых сражениях обычно побеждало, однако сильно страдало от ночных набегов, от внезапных нападений легкой конницы.

К тому же у сарацин всегда пополнение, а крестоносцы воевали тем составом, что с великими трудностями сумел преодолеть невероятно длинный и трудный путь и добраться до этих странных земель, где пальмы, верблюды... В моем случае, к счастью, коммуникации не настолько протяженны, помощь из Бранбанта всегда смогу направить, а в сам Бранбант будут стягиваться из всего Сен-Мари...

Да что Сен-Мари, из Армландии, Фоссано и даже Турнедо! Вообще-то, будь я помешан больше на гигантомании, мог бы объявить священную войну неверным, Реконкисту, и призвать под свои знамена рыцарей всех королевств с той стороны Великого Хребта. Но это значило бы увязнуть здесь еще больше...

Земля послушно плыла подо мною, наконец я увидел знакомое место, где я вышел в этот мир, когда магистр Жа-

кериус Глассберг, маг и бывший властелин города-государства, выпустил меня из своей «землянки». И хотя он может быть где угодно, однако меня не оставляет ощущение, что и сам держится на таком расстоянии, чтобы его бывший ученик не мог нащупать, в то же время не отдаляется слишком, чтобы не упускать врага и следить за каждым его шагом.

Я сложил крылья и грузно опустился на землю, пробежал чуть, чем туша тяжелее, тем сложнее посадка, наконец замер и огляделся. Седой туман, как борода Мерлина, укрывает низкую траву, поверх торчат верхушки стеблей и белых камней, гладких, как огромные яйца.

В прошлый раз здесь был песок, много песка. Маг знал, что я его использую, и потому опустил меня между двумя барханами. Сейчас же здесь безжизненная каменистая поверхность, трава чахлая, сухая, серого цвета.

Я осматривался по сторонам и вдруг увидел, как из-под одного огромного камня пробивается лучик света. Подумать, что маг совершил такую оплошность, это не уважать ни себя, ни мага: я весело хмыкнул, одним движением лапы отбросил камень, отошел на пять шагов и начал превращение в человека. Снова тошнота, головокружение, слабость и чувство полнейшей беспомощности...

Сколько длилось это состояние, не знаю, но едва я себя осознал человеком, засыпанным песком до пояса, поспешно выкарабкался, сблеванул по дороге к норе, а там поспешно полез вниз. Дорога оказалась очень комфортная, хотя наверху сразу же загремело, и посыпались мелкие комочки земли, что значит, камень прикатился на место и закупорил дыру. На этот раз, думаю, плотнее, чтобы свет на поверхность уже не выбивался.

В конце подвального спуска дверь, я толкнул ее ногой, переступил порог и застыл. В прошлый раз здесь было нечто вроде огромного мрачного каземата, где сгорбленные чернокнижники варили непонятные зелья, закутавшись в темные плащи до пола и укрыв головы капюшонами, словно открытые лица заставят скиснуть настойки.

Тогда на полстены царствовала печь с открытой заслонкой, багровый свет пылающих углей освещал половину по-

мещения, в то время как факелы едва намечали место возле себя. Сейчас зал еще огромное, но словно орда варваров пронеслась на конях, ломая и круша все, что можно сломать, а потом прошли сотни лет, пауки сплели прочные занавеси из паутины, жуки источили остатки мебели, а роскошные светильники смялись в лепешки под собственным весом.

Я осторожно шел по залу, ничего не трогая. Пол из превосходного мрамора, плиты подогнаны так ювелирно, что только по затейливому рисунку могу найти стыки, да и то не уверен, что там стыки, а не рисунок, столы вычурно резные, светильники сложной и дорогой работы, на полу множество помятой посуды, среди них половина блестит серебром и золотом...

Странно, мелькнула мысль. Похоже, я здесь первый. Немыслимо, чтобы не подобрали хотя бы вон тот золотой поднос. Либо с ним что-то не так, либо меня просто проверяют...

— Впечатляет, — сказал я громко. — Запустение, запустение, запустение... Но, правда, слишком художественное! Посуда разбросана так, словно ее не разбрасывали, а специально раскладывали. Столы перевернуты и сломаны красиво, драматургично... А эти вот кубки, сиротливо брошенные безжалостной рукой... или выпавшие из дрогнувшей длани — красиво, восторгаюсь! Очень символично...

Обломки столов зашевелились, начали сползаться один к другому. Кубки и прочая посуда на полу задвигались, столы тем временем восстанавливались, выстроились ровными рядами, их укрыли разноцветные скатерти, а наверх со скоростью испуганных лягушек запрыгивали с пола кубки, чаши, тарелки.

Изогнутые безжалостно светильники обрели прежний гордый вид, в чашах вспыхнул огонь: яркий, радостный, почти солнечного спектра.

— Красиво, — повторил я снова. — Не любитель театра, но эффекты весьма зело ценю!

Маг возник в дальней половине зала, мгновение постоял, раскинул руки, словно давая полюбоваться и на него и

ожидая аплодисментов, наконец неспешно пошел в мою сторону.

— Рад, — сказал он с удовольствием, — что понравилось. А еще я в восторге от вашей реакции.

— Спасибо.

— Похоже, вы повидали всякое...

— И не говорите, — сказал я. — Кто-то страдает от недостатка информации, кто-то ею захлебывается. Есть даже термин такой «лишняя информация».

Он посмотрел с удивлением, нахмурился, тень неудовольствия пробежала по суровому лицу.

— Зажрались у вас, — ответил он брюзгливо. — Как может информация быть лишней? Я бы перебил таких. Это не простолюдины, верно? Предатели...

— Они самые, — сказал я. — Простите, что потревожил вас, уважаемый сэр Жакериус.

Он отмахнулся, никак не среагировав на провокационное «сэр».

— Вижу, не просто зашли поболтать.

— Вы все насквозь видите, — сказал я как можно более лгливо.

Он усмехнулся.

— Не подлизывайтесь, вам это несвойственно. Это не ваш стиль. Учтите, будете должны вдвое!

— Согласен, — ответил я.

Он повел ладонью, сзади меня под колени боднул стул, я невольно сел. Стол подбежал, трепеща чистой до хруста накрахмаленной скатертью, маг сел сбоку. Я в свою очередь повел дланью, появились нарезанные ломтики сыра, карбонатов, буженины, ветчины, гроздья винограда, а в довершение всего я наполнил горячим кофе две большие серебряные чаши с драгоценными камешками по ободу.

Маг смотрел с интересом, мне показалось, заинтересовали не столько сыр и мясо, как идеально нарезанные ломтики, человеческая рука не может с такой точностью, значит, не просто украдено со стола какого-то короля, колдовство иного рода...

Я взял чашу, ожег пальцы, торопливо перехватил дру-

гой рукой, некоторое время переключивал из ладони в ладонь, дурак, нельзя наливать в металлическую посудину, да еще без ручки, век живи — век учись, дураком помрешь...

— Что срочное, — поинтересовался магистр учтиво, — вас привело ко мне? Кстати, примите поздравления.

— С чем?

— С быстрым поиском.

— Разве это быстро?

— Очень, — заверил он. — И точным.

Я наклонил голову.

— Спасибо. Правда, я вряд ли нашел бы, если бы не получил от вас след, как спуститься в этот подземный зал.

Он рассеянно повел рукой.

— Ну, это не совсем зал... и не подземный вовсе, но это неважно. Вы точно определили общее место, это вам в заслугу. Так что случилось?

— Нужен цветок карниссы, — сказал я. — Король Франсуа Меченый умирает. Это из некоего королевства Меркер. Говорят, его может вылечить только карнисса.

Маг кивнул.

— Если король умирает не от старости, то карнисса в самом деле способна помочь. Она лечит любую болезнь, дивное свойство... Кстати, невежественные люди отваривают сами цветы, но гораздо больше полезных свойств в корнях. К тому же цветы в это время года уже опадают, а корни можно вырыть всегда.

— Чудесно, — сказал я. — Вы просто кладезь мудрости. Где это растет?

Он развел руками:

— Сейчас уже только в одном-единственном месте. На горе Карагиле. На самой вершине. Там много редкостей. Травы необычные, насекомые такие, что нигде не встретишь...

— Прекрасно, — сказал я. — Как туда попасть?

Он хмыкнул, оглядел меня с интересом.

— Все-таки вы молоды, хотя иногда кажется весьма зрелым, если послушать ваши рассуждения. Вот так сразу, как туда попасть... Во-первых, это на другой стороне Ган-

дерсгейма. Почти под самым Великим Хребтом. Во-вторых, теперь эту гору охраняют.

Я насторожился.

— Почему?

Он пожал плечами:

— Не интересовался. Могу только предположить...

— Предположите, — попросил я.

Он усмехнулся одной половинкой рта.

— Последние места, где росла карнисса, были буквально сожжены. Там даже камни горели и плавились.

— Зачем?

Он посмотрел в упор.

— Не догадываетесь? Все, как всегда... Войны, сражения, каждый боялся, что при отступлении ценности достанутся врагу, и... уничтожал их сам. Теперь ни себе, ни другим.

Я буркнул:

— Это в природе людей, знаю. Осталась только на горе Карагиле?

— Только, — подтвердил он. — Но долина занята самым свирепым из варварских племен. Они убивают всех чужаков, а их сердца сжигают на жертвенном огне. К тому же на склонах горы столько опасностей, что целые отряды героев погибали, не успев подняться до вершины... А уж спуститься обратно.

Я поднялся, отвесил короткий поклон.

— С вашего позволения я поспешу.

— Пока и это место не уничтожили? — спросил он, я понял, что он впервые шутит. — Там трудно. Скорее всего, вас там убьют.

Я поинтересовался, не сводя с него взгляда:

— Даже в личине дракона?

Он кивнул:

— Даже в личине дракона-незримника. Неуязвимых нет. И против драконов там есть способы... Какие? Ну, в землях, где появляются драконы, люди в конце концов отыскивают методы борьбы с ними.

Я вскинул на него взгляд, он криво и жестоко ухмыльнулся.

— А как насчет помощи?

— Вы и так у меня в неоплатном долгу, — напомнил он. — Но если вас не убьют, то в самом деле можете быть полезны... Что-то еще умеете, кроме как превращаться в дракона, создавать еду с напитками, исчезнуть?

Я подумал, развел руками:

— Вообще-то предки надавали кучу даров, но... увы, научиться пользоваться так и не смог.

— Не хотели?

— Просто не знал, с какого боку братья.

Он поморщился.

— Значит, хотели недостаточно сильно. В вас слишком силен воин. Вообще вы какой-то странный варвар. Я бы сказал, что вы больше рыцарь, чем варвар с неведомых островов.

Я виновато развел руками:

— Вы как в воду смотрите... Да, я рыцарь. Надеюсь, вам это не помешает...

Он отмахнулся с полнейшим безразличием на лице.

— Меня эти мелочи не интересуют. Вы пришли из Орифламме?

— Там его называют Сен-Мари.

Он снова махнул рукой, на лице читались скука и презрение.

— Я знаю еще несколько имен этих земель, их уже и забыли за ненадобностью... Каждый народ, заново заселяющий эти земли... или завоевавший их, называет по-своему. Суэта... Этим ли надо заниматься?

— Да-да, — согласился я. — Знание — сила.

— Знание, — повторил он медленно. — Да, сила — знание. А не мечи. Потому мне все равно, что за народ там бежит по земле. Просто мне пока нужны ресурсы, нужна помощь. Сам бы я затратил слишком много драгоценного времени на всякие мелочи. Как только достигну...

Лицо его полыхало, словно освещенное изнутри, глаза блистают, даже дыхание участилось. Я подождал, пока закончит фразу, но магистр замолчал.

Я спросил осторожно:

— Чего?

Он взглянул на меня коротко, свет медленно погас, на губы вернулась презрительная улыбка.

— Уровня, — ответил он коротко. — Когда не понадобятся эти ресурсы.

— Так не бывает, — сказал я быстро.

— Почему?

— Без ресурсов ничто не делается, — объяснил я. — Таков закон сохранения энергии.

Он с минуту рассматривал меня с любопытством.

— Вы знаете основы, это интересно. Но пока не знаете, что при переходе на иной уровень...

Он снова остановился, подбирая слова, я подсказал:

— Вам понадобится энергия, это раз. А потом будете черпать энергию из других источников. Но черпать будете.

Он пожал плечами:

— Не знаю. Почему-то маги с другого уровня мощи перестают общаться с теми, кто ниже. Спесь? Зазнайство?.. Все может быть. Но магией занимаются разные люди, не могут же все стать одинаково спесивыми?..

— Скоро узнаете, — сказал я бодро.

Он кивнул, лицо помрачнело.

— Понадобится власть над городом. Пока что мне нужны тамошние люди. Они сами не знают, что помогают мне достичь мощи. Моя работа их не задает, а я их защищал от таких же дикарей из других городов и земель... Но занимайтесь пока своими делами. Мне нужно сперва подготовиться.

Я поднялся, сказал бодро и уверенно, хотя не чувствовал ни бодрости, ни уверенности:

— Вы можете быть уверены в моей помощи. Я ваш должник, помню.

— Успеха...

Глава 6

Его слова еще звучали у меня в ушах, а под ногами уже закрипел песок, сверху полыхнули оранжевым заревом кучевые облака. Легкий ветерок вбил в ноздри степные за-

паху, в теплом воздухе прогудел, растопылив жесткие надкрылья, отливающий металлом тяжелый жук.

Я огляделся, вокруг безжизненные барханы, сосредоточился и начал трудное превращение в большого грозного дракона. Страх унижительной беспомощности стиснул сердце, нахлынули слабость и тошнота, голова закружилась, все поплыло. На какое-то время сознание размылось, я слышал звуки и видел размытые краски, ничего не соображая, но едва обнаружил, что уже в теле средних размеров динозавра с крыльями, тут же поспешно подпрыгнул, уходя от возможной опасности, и усиленно заработал перепончатыми крыльями.

Теплый воздух принял не так ласково, как вода блудную рыбу, но я трудился, поднимаясь выше, пока не сориентировался по местности и не разобрался, где нахожусь. С этой минуты крылья заработали с удвоенной энергией, я вытянул шею, как гусь в полете, пошел все быстрее и быстрее.

Итак, координаты получены, варвары в долине вовсе не помеха, ничто не мешает опуститься прямо на вершину, нарвать карниссы и тут же вернуться. А тогда у меня в кармане лояльное отношение спасенного короля, отца Мириам...

Я оборвал грезы, слишком сладенько, и вообще что-то туплю, погрязая в мелочах. Конечно, это звучит: завязать дружеские отношения сразу с двумя королевствами и одним степным племенем, но таких королевств здесь сотни, а племен — тысячи. Помню, Бисмарк объединял в единое целое земли четырехсот с лишним королевств, где везде были столицы, дворцы, короли с придворными, своими армиями, знаменами и прочими атрибутами государственности, но там никто не мог даже выстрелить из пушки, потому что в какую сторону ее ни направь — ядро упадет на землю соседа, а это уже нападение и повод к войне...

Объединял, как известно, «железом и кровью», так как все попытки мирными способами провалились. Если уж правду, то мои два королевства, которые обещают — только обещают! — быть лояльными и дружественными, — либо дурость с моей стороны, неверный ход, либо я сам себе не

признаюсь, что действую вовсе не из государственных интересов, а просто помогаю двум красивым дурам.

Но, чувствую, когда закончу с ними, вот тогда и начну биться лбом в настоящие стены в попытках решить эту задачу. Может быть, потому и вожусь с этим двумя, рыжей и золотоволоской, инстинктивно оттягиваю начало настоящей тяжелой работы, за которую все еще не знаю, как и взяться?

Свежий ветер бьет в лицо, долины сменяются небольшими предгорьями, но вместо гор лишь невысокие горбики, обычно усеянные стадами овец. Этот мелкий рогатый почему-то обожает толпиться на этих древних холмах, словно получает из-под земли нечто необъяснимое человеку.

Внизу руины, я уже знаю наименование некоторых: в этой вот захоронен легендарный основатель древнего царства Курултенг, вон там дальше покоится прах великого Угухарла, что объединил племена и создал первое королевство, а храм древнего бога войны Цуммеля, ныне забытого, сохранил очертания, что потрясают воображение: камни размером с быков, как их только и таскали издалека, кроме основного зала, еще пять добавочных, умело вписанных в единых ансамбль, и все это выступает из земли на высоту в два человеческих роста, щерясь острыми обломками в небо...

Однако земля здесь, судя по всему, еще плодороднее, чем в Сен-Мари и в Армландии. Урожай снимают дважды в год, а то и трижды, в то время как в Армландии и раз в год не всегда получается из-за частых засух, наводнений, саранчи...

Я шел на приличной высоте в личине исчезника, то ускорялся, то замедлял полет, делал рывки, финты и внезапные повороты. Все-таки непросто владеть огромным телом, не видя, куда идет хвост, где именно прорезают воздух острые когти, как насадить противника на острый гребень, не сломав его о стену или дерево...

Впереди показался старый оливковый лес, я почему-то приближаюсь к нему почти с другой стороны, странно, вон та поляна, где я оставил женщин...

Сердце мое сжалось, словно я не дракон, а черт-те что.

Только примятая трава, сильно примятая. И следы копыт. Хотя всадники не любят углубляться в чашу, конным проще объехать, чем кланяться каждой ветке и перебираться через упавшие деревья, но сейчас не только не объехали, а именно проломились сюда по прямой, очень целенаправленно проломились...

Я снизился и всматривался в следы так старательно, что ощутил, как по моему брюху и поджатым лапам заскользили, как веники, верхушки деревьев. Тут же шарахнуло склоненной головой о высокое и толстое дерево, потерял равновесие, и дальше был треск, удары. Я падал, как Тунгусский метеорит, как свергнутый ангел с небес, завалил кучу деревьев, а сам, израненный, ударился о землю с такой силой, что вышибло дух, и долго лежал, всхлипывая и прислушиваясь, как затягиваются раны, переломы и рассасываются кровоподтеки, еще и не успев толком налиться сгустившейся кровью.

По следам я дошел до края рощи, на сухой земле оттиски копыт почти исчезли, но уже понятно, куда скачут похитители. Сердце стучит учащенно, в груди побаливает, но приходится снова в дракона, хотя такие превращения туды-сюды даются болезненно, любой твари нужен отдых...

Головокружение еще осталось, как и тошнота, но взор прочистился, я увидел землю у когтистых лап, покрытых крупной чешуей, а на плечи легла тяжесть толстой костяной брони.

— На кой хрен я все это делаю, — пробормотал я с тоской. — Дурак или не совсем дурак... вот в чем вопрос...

Попробовал привычно рвануться с места, но крылья удачи по земле, я завалился на бок. Пришлось пробежаться, как журавлю, махая крыльями, только тогда оторвался от земли, словно моя задница стала весить в три раза больше.

Верно взял направление, похитителей догнал быстро, большой отряд, не меньше сотни конников, все хорошо вооружены, но это у всех там, еще не видел варвара, чтоб не увешался оружием с головы до ног.

Все мчатся красиво и вольно, степь гремит под копытами, лаская слух и заставляя кровь быстрее двигаться по телу. Встречный ветер бьет в лицо, конская грива трепещет, как баннер, земля несется навстречу и пропадает сзади под копытами.

В середине отряда повозка, возница весело крутит плетью над головой и делает вид, что вот-вот обрушит ее на лоснящиеся крупы, а кони делают вид, что ужасно боятся, и только потому несутся галопом, а самым бы только валяться в траве...

Впереди на гордом скакуне воин в блестящих, явно трофейных из Сен-Мари, доспехах, за ним молодой воин едва успевает с баннером в руках, на котором вьется по ветру изображение сокола.

Сотня — многовато даже для безрассудного дракона, а я после Небесной Стрелы стал даже очень осторожным. И пусть опасным для драконов оружием вооружены даже не все столицы, эти штуки, как я понял, редкие и дорогие, но береженого Бог бережет. В стране, где водятся драконы, за века выработаны и меры против этих гадких тварей, и человек может сказать с гордостью, что самой страшной, жестокой, коварной и подлой тварью является он сам, то есть венцом творения и царем природы, а не какие-то драконы, тролли, огры...

Возле повозки отдельной группой держатся двенадцать человек, это, как понимаю, охрана. Остальные — попутчики.

Я вышел из незримости, снизился и пролетел над отрядом, заваливаясь на один бок и бессильно свесив лапы. Кто-то заметил меня, закричал. Все задрали головы и указывали пальцами, дикари невоспитанные.

Продолжая изображать смертельно раненного, я постепенно снижался, уходя в сторону, кое-как дотянул до высоких и очень плотных зарослей невероятного колючего кустарника и тяжело рухнул по ту сторону.

Перейти в личину человека намного проще и быстрее, я выкарабкался из кучи песка и, пригибаясь за кустами, побежал по широкой дуге в сторону дороги.

Передние всадники стгоряча вломились в кусты, кони ржали, пятились и едва не сбрасывали седоков.

Вожак закричал:

— Копейщики!.. Копейщики в переднюю линию!..

Среди всадников началось перестроение, но я не видел и не смотрел, мчусь, как олень, только голову опускаю пониже. Дорога уже близко, но отчетливо слышу грохот конских копыт: повозки и охрана не замедлили бешеный бег...

С этой стороны небольшой косогор, в одном месте вообще почти отвесная стенка высотой в два человеческих роста. Я взбежал к этому гребню как раз в момент, когда мимо понеслись первые всадники.

Сердце колотится, никогда не бегал так быстро и почти на четвереньках. Грохот копыт нарастает, я напрягся, всадники мелькают в облаке пыли, как призраки...

— Восемь... девять... десять... одиннадцать!

Я устранился, что мог в такой пыли сбиться со счета и пропустить мимо больше, а это последний, поспешно прыгнул. Всадник охнул под моим весом, я ударил по голове и, усевшись на круп, сбросил на землю. Из пыли вынырнул еще один, который двенадцатый, я увидел широко распахнутые глаза и открывающийся для вопля рот...

Мой меч вошел ему между зубов, всадник повалился на бок, сам виноват, дурак, что лезвие расширило ему улыбку до уха. Я перебрался в седло и подобрал поводья, после чего начал догонять по одному скачущих, молча бил в затылок, а кони вскоре замедляли бег, не чувствуя всадника.

Повозка приближалась, через окошко видно Мириам и принцессу, обе тесно прижались одна к другой. Один из всадников поравнялся с повозкой и что-то весело крикнул женщинам.

Я не расслышал, видел только, как Мириам зло сверкнула глазами и поджала губы.

— Не груби женщинам, — сказал я.

Всадник начал оборачиваться, мой меч рассек ему голову, кровь брызнула на стену повозки и в окошко. Мириам охнула, отшатываясь. Я весело подмигнул ей, а улыбка у меня, надеюсь, белозубая и дружеская, морда загорелая, и вообще я красавец.

Пока всадник медленно валился с коня, я догнал еще двоих и зарубил. Оставалось всего трое, один из них обернулся, увидел жуткую картину и заорал, привлекая внимание соратников. С моментально выхваченными мечами они начали придерживать коней, коляска промчалась мимо, женщины успели увидеть только блеск мечей и услышать звон стали.

Я вертелся в седле, как уж на горячей сковородке, варвары невероятно быстры, это не рыцари, у которых акцент на силу удара, здесь в цене скорость, я отражал удары и наносил в ответ, а когда с разрубленной головой на гриву коня склонился последний, я ощутил, что ранен в трех или четырех местах, и вообще-то, не будь паладином, истек бы кровью.

Возница все настегивал коней и оглядывался, а когда я начал догонять, он выхватил из-под сиденья меч.

— Бросай, — загремел я страшным голосом, — и уходи! Не трону...

Он оскалил зубы и молча прыгнул прямо с козел. Я сплеховал, уклонился недостаточно быстро, левую руку ожгло болью. Я выругался, в окошке мелькнуло бледное лицо Мириам.

Я крикнул с веселой галантностью:

— Извините! Надеюсь, как благородная дама, вы не слышали этого грубого мужлана...

Выставленный вперед меч возницы еще торчал в моей руке, а он сам с разрубленным плечом упал на землю и покатился, разбрызгивая кровь. Сцепив зубы, я выдернул застрявший в мышцах клинок, хотел сказать что-то мужественное, но дверца распахнулась, едва не задев меня по морде, рядом со щекой мелькнуло острие копья, а второй охранник закрылся щитом и грозил мне острием меча.

Я схватил за копьё, дернул, и несчастный вылетел наружу. Пока его кувыркало в пыли, я грозно крикнул тому, что со щитом и мечом:

— Прыгай на ту сторону.

Он молча распахнул там дверцу и вывалился кулем едва не под колеса. Кони, потеряв направляющую руку да еще и запутавшись в брошенных вожжах, остановились.

Я огляделся по сторонам, всадники поскакали направо,

значит, мне надо налево, там хоть и нет леса, зато густой и высокий кустарник...

Мириам распахнула дверцу шире, выпрыгнула на землю и, не сводя с меня изумленных глаз, подала руку принцессе.

— Вылезай!..

Принцесса появилась сердитая и помятая, зыркнула на меня исподлобья.

Мириам спросила нежным и таким сладким голосом, что тут же появились мухи и начали слетаться пчелы:

— Кто ты, герой, так доблестно спасший нас?

Я обернулся в седле.

— Спас? — спросил я с удивлением. — Никого я не спасал! Эти дураки посмеялись сегодня, заявляя, что их кони быстрее моего. Вот я их и наказал.

Мириам ахнула.

— Двенадцать человек?... Только за то, что считают своих коней быстрее?

— Считали, — уточнил я. — Уже не считают.

— Но... убить за это двенадцать человек?

— Четырнадцать, — скромно уточнил я. — Двое развлекали вас беседой, за это их мало было убить. Кстати, одного я все-таки пощадил... Ладно, счастливо оставаться!

Мириам раскрыла рот, что-то лепетала, совсем не та резкая и решительная, какой представилась мне. Я пустил коня вперед в карьер, быстро скрылся в пыльном облаке, резко свернул налево, соскочил на землю и сосредоточился, стараясь ускорить превращение в дракона, в то же время стать таким же огромным и могучим, как и прежде...

За это время повозка уже повернула в другую сторону, Мириам на месте возницы отчаянно размахивает кнутом, принцесса выглядывает в окошко.

Справа им наперерез несутся с полсотни всадников, я заметил баннер вожака, который лично повел отряд искать севшего в зарослях кустарника дракона.

Принцесса увидела меня и закричала:

— Шумил!.. Шумил вернулся!

Я быстро сел на дорогу, загораживая коням путь.

— Быстрее! Сюда уже скачут!

Мириам, сцепив зубы, удерживала коней, но те в ужасе попытались уйти вскачь, однако я ухватил зубатой пастью за край повозки и удержал.

Мириам выскочила первой, подала руку принцессе, а следом за ними вылезла, к моему изумлению, тшедушная смуглая девушка, но хорошенькая, с длинной иссиня-черной косой и толстыми чернящими бровями.

— А это кто? — проревел я.

Та мелко затряслась, часто-часто цокоча зубами, как перепуганная белка, а Мириам ответила храбро:

— Это Идель, она тоже их пленница. Ее можно взять с собой...

Я взревел:

— Нет уж!.. Мне и двух выше крыши!.. Беги, женщина, беги со всех ног! Оглянешься — догоню и сожру!

Смуглянка выскочила из повозки и на подгибающихся от ужаса ногах ринулась прочь. Принцесса со счастливым визгом обнимала и расцеловывала меня, я отстранил ее, она тут же без всякой помощи забралась мне на загривок.

Всадники достали луки и начали стрелять на скаку. Первые стрелы удали в двух шагах, я выпустил повозку, кони тут же рванули вскачь. Я тяжело взлетел, догнал и ухватил Мириам лапами.

Она закричала в ужасе, потом сообразила, что это я, умолкла. Я летел медленно и держался очень ровно, а Мириам вскрикнула:

— Принцесса не свалится?

— Не знаю, — ответил я сквозь зубы.

— Тогда поднимайся выше!

— А ты?

— Закрою глаза.

— Молодец, — одобрил я. — Это по-женски. Закрывать глаза или с головой под одеяло.

Но сам с усилием взмахивал крыльями, вздымая себя выше и выше. Всадники давно остались внизу крохотными фигурками, но от земли нужно уйти подальше на случай, если принцесса вдруг свалится, чтобы успеть подхватить в воздухе.

— Вики, — крикнул я. — Держись крепче!.. Я скоро сяду. Учти, если упадешь, лапы мои заняты...

— Разобьюсь?

— Придется хватать пастью.

Сверху донесся восторженный вопль:

— Ой, как интересно! Можно, я свалюсь?

— Нельзя!!! — заорал я.

Степь, как назло, кишит мелкими отрядами, носятся во всех направлениях, но уже и Мириам начинает выскальзывать, как скользкая рыба, из моих чересчур шадящих лап с острыми когтями.

Я сцепил челюсти и пошел по ровной дуге к земле. Дракона заметили, один отряд остановился посмотреть, другой сразу понесся в нашем направлении, потом еще две группы всадников повернули в нашу сторону.

Я прокричал, перекрывая шум ветра:

— Мириам! Быстро на спину! Привяжи себя и принцессу...

— Знаю, ты смотри не сядь им на головы...

— Готовьтесь!

Можно было сесть без особой пробежки, но принцесса слетит с загревка и покатится в пыли, а лапки у нее хрупкие, как и вся она, я кое-как пробежался на задних лапах, держа Мириам в передних и упершись костяным задом в землю и чувствуя, что от трения вот-вот загорится великолепный хвост.

Мириам вцепилась в лапу и закрыла глаза, но едва я остановился, тут же отлепилась и покарабкалась наверх. Сверху донесся звонкий голосок принцессы:

— Здесь так удобно, и привязываться не надо!

— Надо, — отрубила Мириам.

С трех сторон вынырнули всадники. Я видел одинаково оскаленные конские и людские морды, блестящие глаза и зубы, а также холодные клинки во вскинутых руках.

— Быстрее! — крикнул я.

— Сейчас-сейчас! — прокричала Мириам.

— Взлетаю, — предупредил я.

— Погоди, ремень никак не поймаю...

— Поздно, — рыкнул я.

Конники совсем близко, уже можно засыпать нас стрелами из луков, но я вздрагивал от ужаса, представляя у всех в руках Небесные Стрелы. Грохот усиливался, я повернулся чуть и начал разбег, выбрав посредине между двух отрядов.

Они слишком поздно решили сомкнуть ряды, но я тоже не выиграл от своей хитрости: прямо на меня несется самый многочисленный, уже четвертый отряд.

Они заорали, кто-то выставил перед собой копья, больше похожие на пики, другие размахивали над головами мечами и топорами.

Я с силой оттолкнулся от земли, и почти сразу мы сшиблись, я чувствовал сильные толчки, удары, внизу кричали кони и люди, я бешено бил по воздуху крыльями, подбрасывая нас выше и выше. Несколько стрел бессильно клюнули в лапы и брюхо, затем земля начала быстро удаляться.

Все-таки я летел ровно, избегая рывков, слышал, как обе возятся на спине. Принцесса ухватила за иглу гребня и смотрит по сторонам любопытными глазами, наивно бестрашная до дурости, Мириам суетливо привязывает ее, наконец себя...

Я с облегчением ударил по воздуху крыльями сильно и мощно. Наверху ойкнули, мое громадное тело пошло ускоряться в полете, словно падающий с горы большой камень.

— Шумил, — прокричала принцесса счастливо, — как ты вовремя!

Мириам прошипела с такой силой, что заглушила и рев встречного ветра:

— Это называется вовремя?

Глава 7

Зеленые долины уступили место чудовищно оплавленным горам, даже из-под облаков выглядят ужасно. Мороз ходил по мне волнами, когда я потрясенно улавливал отдавленное сходство с огромными зданиями, где поместятся

целые города, понимал, где проходили дороги, там слишком ровные и прямые полосы, залитые застывшей лавой, а оплавленные, как воск, исполинские холмы, расставлены через равные промежутки, хотя природа предпочитает живописную хаотичность.

Мир мертвого камня оборвался так же резко, как и возник, снова зелень, оливковые и кипарисовые рощи, мелкие озера, множество птиц...

— Привал, — сказал я.

— Как скажешь, — пискнула принцесса.

— Зачем привал? — спросила Мириам.

— Ночь, — ответил я.

Внизу длинные тени удлиннились до бесконечности, слились, погрузили мир в тихий вечер, а мы влетели в сверкающее оранжевым облако и неслись сквозь радостный свет под ликующее повизгивание принцессы и утрое молчание Мириам.

Впереди появилась тревожная багровость. Облако кончилось, мы влетели прямо в закат. Бархатный занавес на полнеба, внизу торжественный полумрак, словно там замерли в ожидании зрители.

Впадающая в дрему земля приблизилась, я широко распахнул крылья и шел, выбирая место, чтобы и уютно, и безопасно. Я хоть и защитился со всех сторон, но и на такого дракона обязательно что-нить найдется, человек — редкая сволочь...

Смягчая посадку, пробежал немного, топыря крылья, затем устало вздохнул и лег.

— Свиньи, — сказал я громко. — Я же вас оставил совсем ненадолго! Так тут же к мужчинам привязались...

Принцесса вскрикнула обиженно:

— Ничего подобного! Мириам, скажи ему...

— Кому? — спросила Мириам. — Жабе?.. Не смей. Давай отвяжу... Что это ты только ногу привязала? Лучше бы сразу за шею.

— А чего он такое говорит? — спросила принцесса. — Расскажи, как нас похитили!

Мириам отмахнулась.

— Эти ящерицы подкоряжные только себе верят. Да и то по большим праздникам, а они у рептилий откуда? Слезай, только осторожно...

Я молча протянул лапу и деликатно ссадил принцессу. Она, тут же забыв горькую обиду, бросилась обниматься. Мириам слезла, критически оглядела полянку. Кучка деревьев, ручей, дальше простор во все стороны...

— Что-нибудь узнал? — спросила она, не оборачиваясь.

— А где спасибо? — поинтересовался я.

Она изумилась:

— За что?

— Разве я не спас обеих?

Она фыркнула.

— Может быть, они хотели на обеих жениться! Мужчины были все рослые, красивые... А ты все испортил. Вернее, сперва один там был... потом ты явился. И вообще... спасать — долг мужчин. За долг не благодарят.

— То-то мы у вас кругом в долгу, — сказал я невесело. — Конечно, узнал... не надо, не благодари, это же долг...

— А я и не благодарю, — сказала она нахально, но глаза лучились такой благодарностью, что стало неловко, и я малость поцарапал когтями землю.

— Карнисса уцелела только в одном месте, — сообщил я. — На другом конце Гандерсгейма. Почти под Великим Хребтом. Как я понимаю, это в месте, где сам хребет сползает в море, отгораживая Гандерсгейм, как и все Сен-Мари, от остальной части материка... Гора называется Карагиле, там вообще много эндемиков. Кроме травы, там живут дивные бабочки с расцветкой, как у соек, нигде таких больше нет... И жуки, какие там жуки! Надкрылья в самом деле металлические, лапки из молибдена, а рога так вообще сказка... По четыре у каждого, представляешь?

Морщась, как от сильной зубной боли, она повернулась к внимательно слушающей принцессе.

— Ты все еще влюблена в ту занудную жабу?

— Шумил не зануда, — возразила принцесса. — Он внимательный к мелочам. Это хорошо.

— У тебя все, — обвинила Мириам, — что жабье, то и хорошо!

— Да, — согласилась принцесса, — жабы — это прекрасно!

Мириам буркнула:

— Ты даже не заметила, что он все придумал! Откуда ему знать, какие там бабочки? Или жуки... Ох, как нас легко обманывать...

Она с тоской посмотрела на быстро темнеющее небо. Звездный склон неба становится чернее и круче, звезды рассеялись по небу вольно и бесцельно, мерцают вразнобой, торопливо наслаждаются свободой, пока не выйдет царственная луна, солнце ночи, владыка мертвых и нечисти.

— Скорее бы утро, — произнесла она. — Скорее бы отцу это волшебное растение... Силы вернутся к нему, хвори отступят.

— Так с другими бывало? — спросил я. — А то слухи слухами...

— Да, — сказала она. — Он снова возьмет в руки меч, а голос его обретет силу...

Я кивнул.

— Там в чем дело? Или ты хочешь, чтобы именно я нарвал ему этой травы?

— Цветов...

Я отмахнулся.

— Все равно трава. Я ее не различаю.

— Я объясню!

Я помотал головой.

— Все равно не. У нас, драконов, глаза по-другому устроены. Для нас трава одинакова вся. Да и лапы мои для того, чтобы рвать на куски других драконов, рушить башни, ломать стены...

Она вздохнула, покачала головой.

— Тебе достаточно отнести меня туда. Я нарву сама.

Я удивился:

— С какой стати я понесу тебя?

— Я смогу найти тот цветок и сорвать!

Я прорычал:

— Но мне это зачем? Не-е-е-т, я туда не полечу. У меня своих дел хватает.

Она насторожилась, спросила живо:

— Каких дел?

Я сел и, вывернув заднюю лапу, мощно почесал ею за ухом. Поскрежетало, словно заработала камнедробилка, но удовольствие в самом деле ни с чем не сравнимое. Вот именно так: правой лапой за левым ухом. Надо будет попробовать в личине человека.

Она отступила к дереву, амплитуда движения когтистой лапы весьма, я прохрипел, закатывая глаза в неземном наслаждении:

— Да так... пустячок...

— А именно?

— Решить... — простонал я сладко, — ох, как здорово... решить, жить этой стране или умереть всем...

Мириам охнула, подбежала, уже не страшась попасть под нечаянный удар.

— Повтори, — крикнула она, — что ты сказал!

— Пустяки, — повторил я, не оставляя сладкий чес, — сжечь эту страну или снести все на длину копья в глубину земли гигантской волной с моря... Или обрушить в огненную бездну, а тут пусть раскинется море... Или что-нибудь вроде моря. Но только зеленого.

Она прокричала в ужасе:

— Да зачем это тебе надо? Мы же договорились, я со своим королевством приношу тебе присягу верности! И ярл Растенгерк со своим огромным племенем ассиров!

Я промычал:

— Это надо не мне... я всего лишь самый малый из слуг великого и ужасного повелителя драконов...

— А ему зачем?

Я пожал плечами:

— Наше дело выполнять приказы. Хотя в данном случае повелитель доверил решение этого пустячка мне.

Мириам сжала кулаки.

— Тебе? Ящерице с крыльями? Тебя что, считают умным? Какие же тогда остальные?

— Драконам ум не обязателен, — сообщил я. — Ум ну-

жен слабым. А я — красивый. Красота спасет мир, слышали? Вот и спасаю...

Мириам посмотрела исподлобья.

— Красивым, даже прекрасным, — сказала она медленно и мечтательно, — был тот герой, что освободил нас. Подумать только, их было двенадцать человек! А он — один... И победил всех.

— Его ранили, — напомнила принцесса. — В руку.

— Да, — подтвердила Мириам, — в руку...

Она посмотрела на меня как-то странно, вдруг схватила меня за лапу и внимательно осмотрела. Лицо помрачнело, затем, спохватившись, бросилась к другой лапе. Я видел, как было зажглись искрами ее глаза, отыскав какую-то складку на коже, но тут же погасли, а лицо стало хмурым и неприветливым.

— Когти понравились? — спросил я гордо. — Завидовать нехорошо.

Она вздохнула.

— Да, когти у тебя... когти.

— А чего вдруг? Уже видела. Или не насмотрелась? Ладно, смотри, бить не буду. Я в самом деле прекрасен. Наверное, вообразила, как такими Растенгерка царапаешь?..

— Дурак ты, — сказала она устало, — а дурак с крыльями — это всем дуракам дурак.

— Почему?

— Такого видно издали.

Я подумал и сказал рассудительно:

— Спутником красоты всегда было некоторое легкомыслие. Люди поверхностные могут принимать это за дурость, хотя это лишь свойство легкости характера красивых. А по-настоящему красивыми могут быть только драконы.

— Зато герой, что освободил нас, — повторила Мириам, — был прекрасен.

Принцесса вскинула тонкие брови, личико стало обиженным.

— Мириам, милая, — упрекнула она мягко, — ну зачем говоришь неправду? Что может быть прекрасным, когда у нас Шумил? Рядом с ним меркнут все самые красивые.

Мириам ахнула.

— Эта жаба с крыльями красивее того сверкающего воина?

— Ничего в нем не сверкало, — заявила принцесса. — А вот Шумил сверкает! Посмотри, какие блестящие чешуйки! А какой гребень?.. На затылке алмазными искрами, на шее рубиновые, а по спине зеленые, как изумруд, иглы...

Мириам смотрела на нее почти с отвращением.

— Что у тебя за вкусы? А еще принцесса.

— Хорошие вкусы, — заявила принцесса обиженно. — То какой-то воин, подумаешь, а то наш Шумил!

— Хорошо, хоть наш, — буркнула Мириам.

— Вообще-то мой, — уточнила принцесса, — это я из вежливости. Ты же Шумила не любишь, а я его люблю.

Мириам зло зыркнула, я видел, как дернулись и окаменели ее губы, удержалась, молодец, а принцесса, не слыша опровержений, лучисто улыбнулась мне и придвинулась ближе.

Я сказал важно:

— Внешняя красота еще драгоценнее, когда прикрывает внутреннюю. Книга, золотые застёжки которой замыкают золотое содержание, вдвойне ценнее. Ну, Мириам, надеюсь, намек поняла?

Мириам устало махнула рукой.

— Да все я о тебе поняла. Я думала, только среди людей встречаются такие...

— Красивые?

— Да, — подтвердила она с непонятным выражением, — такие красивые, что аж тошно от таких красавцев.

Я натужился и после титанического усилия сотворил скатерть, хотя, казалось бы, чего проще, а затем уже почти привычно набросал сыра, мяса, хлеба.

Мириам дичилась, принцесса лопала с абсолютным доверием: если предложил Шумил, то какие вопросы? И чашку с горячим кофе взяла радостно, чистейшие ярко-синие глаза следили за мной поверх чашки, ясные и доверчивые, как у ребенка.

Мириам все еще временами хмурится, я вижу, как постоянно отгоняет мысль, что дракон, с которого только что слезла, не врет в привычном самцовом бахвальстве, а в са-

мом деле может повредить всему Гайдерсгейму. И хотя самцы обычно лишь хвастаются, но иногда им удаются самые дикие замыслы...

Ночью прогремела короткая гроза. Тучи закрыли звезды, луна исчезла во тьме, молнии сверкали злые и холодные, как сколы айсбергов. Я надеялся, что пройдет стороной, однако туча повернула и двинула прямо над нами.

Принцесса сразу же укрылась под моим крылом и счастливо попискивала, абсолютно уверенная, что даже небесный гром Шумилу не страшен, он укроет от всего на свете, и вообще — Шумил придет и спасет! От чего бы то ни было.

Мириам отбежала и встала под раскидистым деревом, прижавшись спиной к корявому стволу. Небо раскалывалось в грохоте, мы вздрагивали от жуткого сухого треска, в небе ломаются горные хребты, между небесной чернотой и земной возникают трепещущие и страшно шипящие молнии, толщиной со столетние деревья, только бесконечно длинные, дрожащие и вонзающиеся одним острым концом в тучу, другим — в землю.

Сразу две ударили в дерево, Мириам отпрыгнула, словно ее пнули, а ствол от корней и до веток странно заблестал и на несколько мгновений стал прозрачным.

Принцесса вскрикнула в великом изумлении:

— Смотрите!..

Вокруг дерева десятка на два ярдов земля стала прозрачной, как стекло... далеко внизу под ногами я видел повисшие в воздухе вкрапления странных камней, если это камни, разрезы палеозоя или как там его, а еще ниже, куда едва проникает взор, смутные очертания гигантских конструкций, погребенные в мезозое или триасе в ту страшную эпоху, когда некие титанические процессы ломали земную кору.

Принцесса посмотрела сперва в ужасе, но взглянула на меня, мигом успокоилась и вскрикнула:

— Как удивительно!.. Как красиво!

— Часто такое бывает? — спросил я.

Принцесса помотала головой:

— Я никогда не видела.

— А ты, Мириам?

— Тоже, — ответила она нервно. — Но слышала. Так, говорят, удавалось клад найти.

Я фыркнул.

— Клад... Какие мелочи вас интересуют.

Мириам сказала раздраженно:

— Можно подумать, можешь находить клад в любое время.

Принцесса ахнула и указала подрагивающим пальчиком на небо. Там на фоне туч появилось громадное полупрозрачное лицо, внимательные глаза вперили в нас строгий и в то же время снисходительный взгляд. Мне показалось, что это лицо уже видел.

Я проворчал:

— Ну и что? Есть любители подглядывать. В приличном обществе эти считается крайне бестактным. Даже непристойным.

Губы наблюдающего за нами гиганта чуть дрогнули в намеке на улыбку, затем лицо медленно растаяло.

Принцесса ахнула:

— Ты его... пристыдил!

Я буркнул:

— Не уверен, что за нами подсматривать перестали. Возможно, этот вуйеарист просто ушел в незримость. Хотя от этого подглядывание не стало более пристойным... Ладно, давайте спать. Пусть смотрят.

Глава 8

От земли все еще идут потоки теплого воздуха, звезды дрожат и колеблются в черноте. Ночь горячая и душная, прохлада придет под утро.

Темный небосвод исчез, прикрепленные к нему звезды повисли в черноте, я вижу, что в самом деле на разном расстоянии, вон даже луна дальше некоторых, и пройдет позади них...

Даже не напрягая зрение, вижу самых дальних ночных

букашек, слышу трели сверчков и кузнечиков, а когда закрываю глаза и пытаюсь заснуть в напоенном жаркими ароматами воздухе, сердце стучит все так же сильно, кровь ходит по телу мощно, а усталые мышцы подрагивают, обещающая поработать еще и еще до того момента, как сами признаются: все, больше не можем...

Мириам и принцесса заснули: принцесса у меня под крылом, прижавшись, как щенок к маме, Мириам свернулась калачиком у костра, а я так долго паялся в темноту, что когда там появились дрожащие призрачные тени, решил, что померещилось.

Призраки поднимались из земли, что несколько минут в силу игры природы побыла прозрачной. Возможно, это разбудило души усопших, во всяком случае их тени зависли над темной травой, не в силах подняться выше, но и не погружаясь, чего я подсознательно ждал.

— Привет, — произнес я одними губами, чтобы не разбудить женщин. — Вы не сильно против, что мы заночевали на вашем участке? В оправдание скажу, что запрещающих знаков не было... вроде бы...

Один из призраков, высокий и неопрятный старик с длинными седыми волосами до пояса и крючковатым носом, подплыл ближе. Светящиеся глаза уставились на меня с подозрением и неприязнью.

— Ты видишь нас?

— Как и вон то дерево, — ответил я.

Он спросил со злым недоверием:

— И почему не улетаешь с ревом? Мы смертельны и для драконов.

— Со мной женщины, — объяснил я. — Будь я один, понятно, убежал бы сразу.

Он скривил губы в презрительной усмешке.

— Честный ответ.

— Я вообще честный, — заверил я. — По мере возможности. Мы не сильно мешаем? У вас тут танцы намечаются или шабаш? В любом случае, не обращайтесь на нас внимания. Женщины спят, а я что, я рептилия. Я в непристойностях вообще не разбираюсь.

Он оглядел меня внимательно от головы до хвоста.

— Ты не совсем рептилия.

— Да разве это важно? — сказал я небрежно. — Политкорректность велит не замечать эти мелочи. Главное, что нас роднит, а не что различает.

Призраки подплыли ближе и уставились пустыми глазами. Я с тревогой думал, как бы не проснулись женщины, мне только визгу не хватает.

— Привидения являются только тем, — произнес старик задумчиво, — кто должен их видеть. И мы обычно знаем, зачем появляемся.

— А сейчас зачем? — спросил я.

Старик медленно покачал головой.

— Вот это и загадка... А ты знаешь?

Я сделал вид, что пожал плечами, но не шелохнулся, чтобы не разбудить принцессу.

— Откуда знать рептилии? Тем более — женщинам.

— Но ты какой-то особенный? Избранный?

Я невольно вздрогнул от отвращения.

— Только не это!.. Этих вшивых Избранных пруд пруди, везде прут косяками, по всем дорогам скользко, горы, скалы и даже деревья соплями измазали! Это самая многочисленная когорта дураков на свете, лучше уж быдлом обзовите! Не-е-ет, мы нормальные, умные и красивые. Сами всего добиваемся без всякой избранности.

— Умные и красивые, — пробормотал старик. — А главное — скромные. Может быть, вам нужно разгадать великую тайну Битвы Красных Мечей?

Я покосился на принцессу и осторожно покачал головой:

— Нет. Не нужно. А что в ней особенного?

Призрак сказал важно:

— Это была величайшая битва в эпоху Большого Расселения. Столкнулись объединения народов... но если тебе нужно узнать тайну, ты должен принести нам...

Я сказал быстро:

— Простите, что прерываю, но я не готов брать на себя добавочные обязательства. Никаких тайн и шпиоффов!

Я должен идти прямо, как ледник. Только побыстрее, а то в самом деле замедлился, скоро вовсе замерзну...

Призрак произнес несколько ошарашенно:

— Но зачем мы тогда явились? Какова цель?

— А просто поговорить? — предположил я. — Почему всегда по делу? Почему вы всегда должны давать задание, а я, как Жучка, бежать и выполнять?

Он сказал с сомнением:

— Но всегда так было...

— А сейчас у вас выходной, — предположил я. — Отпуск. Медовый месяц на целую ночь. Отдыхаете. И пришли просто пообщаться, рассказать всякую ерунду, посидеть у костра... а вот так, ничего не делая! Почему именно ко мне? Так это ж видно! Все ночью спят, один я, как дурак, смотрю в небо. Иногда, знаете ли, надо вести себя, как полный дурак, чтобы мозги не перегорели, не расплавились. А то в самом деле дураком станешь уже не по собственной воле.

Призрак-старик поколебался в воздухе, словно привязанный, проговорил с сомнением:

— Это для нас ново. Я посоветуюсь...

Пока они, сбившись в кружок, совещались, я прикидывал, как бы их использовать на нужды политики или хотя бы на хозяйственные, я же отец народа и должен думать о нем, народе, когда больше думать не о чем.

Вообще-то перед призраками волосы поднимаются у всех: покрывают ли они верующий или неверующий мозг, но я насмотрелся призраков, начиная с того, который бродил по Европе, а гадить приходил в наше срединное, потом, к счастью, его закопали вместе с могильщиком, но появились другие, к которым мы привыкли, к примеру, самый заметный из них — призрак благополучия, его обычно зовем стабильностью...

Старик повернулся в мою сторону, ужасная гримаса сменилась добродушной ухмылкой, ему что-то говорили, он кивнул и двинулся в мою сторону без привычной зловещести движений и жестов.

Я повел лапой, предлагая размещаться кому где нравится, старик сел от меня в двух шагах, остальные в неуверен-

ности и замешательстве садились на землю и снова поднимались, все необычно и странно, кто-то даже привычно разводил призрачные руки в зловещем жесте, но спохватываясь и поспешно садился прямо на землю.

— Людям легче держать на языке горячий уголь, — сказал я, — чем тайну. Другое дело вы, призраки.

Старик произнес невесело:

— Нет ничего тайного, что не сделалось бы явным, и ничего не бывает потаенного, что не вышло бы наружу. Мы лишь стараемся не выдать тайны раньше времени, да и то берем за раскрытие определенными услугами.

— Только существо благородное по происхождению, — произнес я скромно, — или хорошо воспитанное, как вот я, способно хранить тайну. Остальные... увь.

Старик обронил с улыбкой:

— Никто не хранит тайны лучше тех, кто их не знает.

Я подбросил щепочек в костер и заметил:

— Вообще-то, где начинается секретничанье или тайна, там рядом порок иль жульничество. Я же стремлюсь идти прямо... да еще чтоб по ясной дороге! Без всяких камешков, ямок и прочих приключений на свою голову... спину и прочие части такого прекрасного тела. Там, где начинаются тайны, недалеко и до обмана, не так ли?

Старик кивнул.

— Мы не собирались обманывать. Тайна Битвы Красных Мечей проста и незатейлива, потому всякий, кто проникнет в нее, получит доступ к ларгину и смолливанию, что всегда было заветной мечтой даже магов, не говоря уже о великих героях. А проникнуть в нее достаточно просто, если узнать о секретной тропке, а потом еще получить доступ ко всем многочисленным ловушкам, капканам, западням и прочим скрытым опасностям...

Я слушал внимательно, показываю всяческое уважение, но держусь без подобострастия, мы же в неформальной обстановке, просто отдыхаем, беседуем свободно и раскованно, вон луна настолько молодая, что ее без спутников и выпускать рискованно...

Через десять минут я уже знал, как получить этот самый

доступ к ларгину и смоливанию, а через полчаса уразумел и запомнил, как перемещать волшебные зеркала на большие расстояния, чтобы не потеряли своих свойств. Еще через час ощутил себя переполненной кладовкой, куда призраки, словно соревнуясь друг с другом, складывают тайны и секреты, за которые герои платят не только потом и кровью, но и жизнями.

Чем и хороши эти неформальные встречи, мелькнула мысль. Все мы, люди, даже звери и призраки, тайно тянемся к общению. В теплоте и уважении нуждаемся больше, чем в деньгах, власти или самках, за почтительное отношение готовы раскрыть свои души навстречу первому встречному, только бы выказывал уважение...

Призраки, впервые за тысячелетия вкусившие свободы от осточертевших обязанностей, неумело веселились, хлопали друг друга по плечам призрачными ладонями и хохотали, когда те проходили насквозь, будто впервые такое видели.

Бледная луна ближе к рассвету стала вдвое крупнее, покраснела, свет падает на землю уже не призрачно-серебристый, а зловеще-багровый, недобрый, я чувствовал, как начинает тревожно биться сердце, а дыхание то и дело оставливается в груди, словно я прислушиваюсь к погоне.

Старик поднял голову, осмотрелся. На бледное лицо легла тень.

— Время Ночной Охоты, — произнес он. — Нам пора...

Призраки посерьезнели, начали подниматься. Думаю, из уважения ко мне, могут же исчезнуть и сидя. Старик вскинул руку в прощальном жесте, другие неумело повторили забытое движение.

— Удачи, — сказал я.

— И тебе, — ответил старик за всех.

Они исчезали медленно, таяли, как водяной пар, а я дождался, когда исчезнет последний, опустил плотную кожаную пленку на глаза и погрузился в короткий рептилий сон.

Утром, после короткого завтрака, я ринулся вверх с такой прытью, что Мириам вцепилась в шипы, а принцесса радостно завизжала. Я поднимался и поднимался, а внизу

леса стали травой, реки — серыми ниточками, потерянными на зелени.

— Где мы? — пробормотала Мириам озадаченно. — Ничего не пойму...

— Плaskатик, — покровительственно сказал я.

— А тебе все понятно? — огрызнулась она.

— Да, — ответил я.

— Ну так скажи, где Карагиле?

Я проревел:

— Смотри чуть левее. Что видишь?

Из-за горизонта поднимается странно оранжевая линия, растет и медленно превращается в невысокий бордюрик. Основания не видно, и еще не скоро увидим, женщины не догадываются, что земля круглая, еще немало миль впереди, пока увидим Великий Хребет во весь рост...

Внизу по зеленому полю двигается некое серое пятно. Я не стал снижаться, просто напряг зрение, изображение приблизилось, разбилось на множество мелких комариков. Ну да, очередная орда делает набег на соседа... Во имя чести, славы, доблести и хорошей добычи.

На мой взгляд, варвары — это нечто вроде викингов, тоже пришли с моря, но здесь это давно осевшие викинги, усвоившие часть местной культуры и во многом усвоившие ее лучше коренного народа. К примеру, викинги вообще не умели ездить верхом, у них вообще не было коней, викинги даже не умели плавать, северные моря не располагают к таким развлечениям, даже сражения викингов друг с другом никогда не происходили на море: спешно поворачивали к берегу, приплывали на мелководье, прыгивали и дрались по колено в воде.

Но те из викингов, что высадились на берегу Франции, захватили большую область и назвали ее Нормандией, где настолько быстро усвоили французскую культуру, что вскоре стали большими французами, чем местное население. Здесь же викинги освоили незнакомое коневодство и пересели на лошадей, с энтузиазмом создавая конные отряды. Странное сочетание северного яростного натиска с безудержной удалью кочевников, только Аттилы не хватает, к счастью...

Глава 9

Великий Хребет растет вверх и вширь, я поднялся выше, благо туч нет, отсюда видно, как эта непомерно высокая и похожая на каменную стену горная цепь спускается в далекий океан, полностью лишая всякой возможности перейти на ту сторону.

Насмотревшись на это жуткое дитя катаклизма, я заметил, как далеко на горизонте начало сверкать грозным огнем багровое облако. Такие за время полета в их сторону обычно раздвигает ветер, сдвигает в сторону, однако это медленно растет и наливается недоброй мощью. Я ощутил нехорошее предчувствие, не мог понять, закат или такой странный рассвет не вовремя, недавно перевалили через полдень, облако с каждым взмахом крыльев страшноватее, мурашки по чешуе становятся все крупнее...

Мириам что-то провопила, я повернул в ее сторону голову. Она сжалась, глаза рассерженно-испуганные.

— Это и есть Карагиле!

— А где же... — начал я неторопливый рев и умолк.

Из-за горизонта начала выдвигаться гора. При ее высоте пик должен быть белоснежным, покрыт льдом, но моему уstraшенному взору представилось обугленное острие, так крестьяне «закаляют» деревянные концы самодельных копий. Острие расширяется и расширяется, я заработал крыльями чаще, инстинктивно поднимаясь выше, и понял, что вся гора представляет из себя этот обугленный накопник чудовищного копья, что грозит небу.

— Реликт Хребта, — рыкнул я ошарашенно. — Ишь, отводок... Надеюсь, Хребет не размножается ими. А то всем нам конец.

— Что? — крикнула Мириам.

— Мысли вслух, — объяснил я. — Я же умный? Вот и умничаю.

— А-а, ты только крыльями не забывай, а то доумничаешься.

— И что, — проревел я непонимающе, — там что-то еще растет?

Мириам крикнула:

— Да!.. Я сама слышала, что карнисса обожает сидеть на грозовых горах.

— Даже обожает?

— Да...

— А много таких гор?

— Говорят, в древние времена были еще, но сейчас в Гандерсгейме это последняя.

— Слава господину, — сказал я с облегчением. — А на той стороне Хребта их нет вовсе.

— Ты и там порхал?

— Где я только не бывал, — ответил я печально и гордо. — Та-а-ак, ищем место для привала...

Принцесса сказала заботливо:

— Давно пора! Твои бедные крылышки уже устали. И сам ты бедненький.

Мириам сказала недовольно:

— Вики, мужчин нельзя жалеть. А то совсем на голову сядут. Они должны и снова должны!

— Что должны?

— Все, — отрубила Мириам. — Все должны. И всегда! Им нельзя давать спуска. Они способны на подвиги только тогда, когда мы их подталкиваем. Хотя бы в спину.

Я опустил взор, магистр как в воду глядел: вокруг горы не просто десятки стойбищ, где женщины и дети, но и воинские отряды носятся вскачь так хаотично, что не рассчитать, где окажутся в следующие полчаса. Безумец тот, кто попытается достичь горы пешком или на коне. Пожалуй, даже войско завязнет и растворится, как мед в горячей воде: слишком много здесь хорошо вооруженных отрядов. И не просто охраняют, они живут здесь компактными племенами, где каждый мужчина — воин...

По ту сторону Карагиле земля занята стойбищами вплоть до стены Хребта. Вправо и влево их столько, что муравьев меньше в ином лесу. Понятно, враг найдет здесь только свою могилу.

— Вон хорошее местечко, — сказал я обрадованно, — там нас никто не побеспокоит ночью...

Женщины в недоумении молчали, когда я на почти-тельной дистанции прошел мимо Карагиле, словно боялся, что она меня укусит. Дальше громада Великого Хребта за-слонила мир, я распластал крылья и медленно спланировал на замеченный издали уступ.

Вблизи он оказался еще больше, чем выглядел, можно устраивать скачки. Женщины слезли с опаской, встали плечом к плечу и уставились испуганными глазами.

Мириам спросила рассерженно:

— Почему здесь?

— А что тебе не нравится?

— Эта стена до неба, — нервно сказала Мириам. — Она давит. Вот-вот обрушится прямо на меня.

— Больно чувствительная, — укорил я. — Растенгерк с тобой еще наплачется. Бери пример с Вики...

Принцесса прошептала:

— Милый Шумил, какая стена? Я только тебя вижу.

— Видишь? — сказал я Мириам наставительно. — Вот настоящая женщина. Смотри и учись. А то совсем одичала в песках. Ладно, устраиваемся и ждем ночи.

Мириам достала из сумок одеяла, скатерть, обжаренную тушу газели, я в свою очередь насоздавал яств и лакомств. Женщины уже без страха и предубеждения принялись за еду, а я взял газель в зубы и подошел к краю.

Отсюда долина, запруженная народом, как на ладони, дальше этот зловещий пик, именуемый горой, со всех сторон тоже массы вооруженных людей.

Прожевывая похрустывающую косточками на зубах тушку, я продумывал стратегию, но что-то в голову не идет даже тактика. Наверное, череп рептилии узковат для умных мыслей.

— Ждите, — сказал я. — Отлучусь ненадолго.

Мириам спросила зло:

— А почему просто не опуститься сверху и не нарвать?

— Мириам, — буркнул я. — Ты же красивая, чего тебе еще?

Вики посмотрела на Мириам и сказала заботливо:

— Да-да, Мириам, не умничай, зачем тебе морщины?.. Шумил сам все придумает. Правда, милый?

— Правда, — ответил я гордо, потом добавил уже другим тоном: — У вас тут в Гандерсгейме дракон на драконе, а гарпий больше, чем комаров на болоте... Людишки уже научились принимать меры. Не думаю, что такую ценность не охраняют и от гостей сверху. Если уж мне суждено быть подбитым Небесной Иглой или еще какой-то дрянью, то пусть лучше красиво паду один, как Икар... или Фаэтон, в жарком зареве небесного пожара, освещая мир, чем с вами на спине!

У Вики глаза сразу наполнились слезами, я поспешно прикрыл ее крылом, пока не заревела, как ребенок, горько и безутешно.

Мириам насупилась, спросила с подозрением:

— А если ты погибнешь... ишь, как расписал!.. то нам будет лучше умирать здесь, откуда не спуститься и не подняться?

Я крикнул, почесал голову когтями.

— Что ж, и в истинной красоте всегда есть изъян.

Мириам сказала саркастически:

— Ну, наконец-то!

Я возразил:

— Это говорит лишь о том, что нет в мире совершенства! Я и так ближе всех к нему — Шумил Великолепный! Ладно, заканчивайте ужин, ложитесь спать. Я буду мыслить, а вы чирикаете!.. Две чирики... чирикухи.

На закате полыхали облака над невидимым за горизонтом морем, ночь теплая, густая, как деготь, и такая непроглядная, что я в недоумении повертел головой, пока не сообразил рептильным мозгом, что луна поднимается по ту сторону Большого Хребта.

— Эт хорошо, — буркнул я тихонько, — должно же быть у меня хоть какое-то преимущество?

Но в груди холодно, настоящие преимущества у тех, кто затаился возле зарослей карниссы и ждет непрошенных гостей.

Женщины наконец стащили в кучу все мешки, одеяла и легли, обнявшись. Вики все устраивалась, попискивала печально и смотрела на меня жалобными глазами.

Я вздохнул и, растопылив крылья, бесшумно соскользнул с уступа. Теплый воздух с готовностью подхватил и понес, не давая опуститься. За жаркий день камень накаляется под прямыми лучами солнца, теперь будет отдавать тепло всю ночь. Холодно в таких местах бывает только под утро...

Я сделал вокруг зловещей горы несколько кругов на почтительном расстоянии. Голова кружится от напряжения, а когда я, переусердствуя, всматривался в укрытых за ветвями кустарников стражей, из ноздрей пошла кровь.

В темноте ночной чащи холодно и недобро поблескивают стальные клинки. Я с дрожью по всему телу рассмотрел гигантские стрелы на станинах стационарных арбалетов. А то, что принял за лезвия мечей, всего лишь наконечники длинных стрел, больше похожих на рыцарские копья.

Предусмотрительные, сволочи, мелькнула мысль. Учитывают возможность визитов крылатых гостей. А я такой крылан, что еще не выработал защиту от таких стрел. Да и сомневаюсь, что есть вообще...

Похоже, какая-то умная сволочь предусмотрела все: от нападения с воздуха эти вот штуки, эти стрелы и без всякой магии подобьют любого дракона, как воробья, а пеших героев ждут свои сюрпризы...

Лапы коснулись грунта легко, словно сел не дракон, а летучая мышь. Я закрыл глаза, отчетливо представляя, что вот уже человек, совсем человек, да поскорее же...

Песок, сдавивший меня по грудь, сухой и горячий, я выкарабкался поспешно со стучащим сердцем, замер, прислушиваясь. Ночь, хоть глаза выколи, а я не думаю, что все варвары могут смотреть в тепловом, как я, или как отвратительные змеи.

Здесь у подножья карантинная зона, вождь предусмотрительно запретил приближаться к горе кому бы то ни было, кроме охраны. Иначе ловкие ребята, а эти отыскивают-

ся среди любого народа, тут же наладили бы контрабандную торговлю...

Первые признаки жизни я обнаружил, поднявшись на приличную высоту по едва заметной тропке. Угрюмый варвар сидит, привалившись спиной к камню, в руке фляга с вином, вид осоловелый, с тоской смотрит вниз, где в черноте ночи весело подмигивают огоньки костров.

Я зашел сбоку, прыгнул и всей массой прижал к земле. Он пробовал сопротивляться, но застыл, когда я приставил лезвие ножа к горлу.

— Говори, — прошипел я лютю, — что за охрана выше? Почему там арбалеты со всех сторон? Кого боитесь?

Он прохрипел:

— Отпусти... Я тебя убью...

— Щас, — пообещал я. — Прямо так и отпущу. Самому не смешно?.. Кого боитесь? Говори, иначе...

Я сильнее прижал холодное лезвие к горлу. Он прохрипел с натугой:

— Ни... ко... го...

— Тогда зачем? На всякий случай?

Он просипел полузадушенно:

— Это на гарпий и прочих летающих тварей...

— Почему?

— Я... я сейчас задохнусь...

Я чуть ослабил хватку и спросил, глядя ему в лицо бешеными глазами:

— Ответствуй. И не испытывай мое терпение.

Он сказал неохотно:

— Их присылает некий колдун... мы не знаем кто. Но очень сильный. А наш великий вождь велел никого не допускать на вершину. Теперь это наша земля и наше богатство.

— Из-за чего?

— Там растет особая трава... Колдун, видать, очень стар.

— А что, трава возвращает молодость?

— Нет, но продлевает жизнь. Потом надо снова и снова.

— И что, стрелами подбивают даже гарпий? Они ж юркие, заразы!

Он буркнул:

— Стрелы непростые... Сами находят. А яд в них такой, любое сразу же дохнет... Гарпия, не гарпия...

— Понятно, — протянул я озадаченно.

Я чуть приподнялся, он повеселел, я сейчас должен вернуться и уйти, а он прыгнет вдогонку с ножом в руке, а я неожиданно развернусь и рубану так, что голова в одну сторону, а руки-ноги — в другую, но от частого повторения все приедается, и уже на вопрос: «Не хотите ли чашечку кофе, мадам?» — следует аристократический ответ: «Не стоит тянуть, сэр». Я тоже опустил все прелюдии, резко двинул рукой, словно вколачивал гвоздь. Нож вошел в горло глубоко, кровь из артерии брызнула в ночи темная, как нефть в Алабаме. Я брезгливо отстранился, послушал, как это двуногое сучит по земле конечностями, словно курица с отрезанной головой, затихло быстро, и я начал потихоньку красться дальше.

Второй пояс защиты на крутом уступе, опоясывающем гору. И везде приготовлены большие груды камней. Как только отважные герои попытаются лезть на эту гору, у них не будет ни единого шанса: камни покатаются вниз, сбивая и размалывая в кровавую жижу даже самых крепких и законных в латы.

Часовые, как я рассмотрел, с оружием в руках у костров чешут языками, похожие на болтливых женщин. Впрочем, когда большим и сильным мужчинам заняться нечем, они могут вести себя и хуже женщин. Мужчины вообще-то по натуре шире, как в хорошую сторону, так и в очень даже не совсем.

Я прикинул, как взбираться, ничего не получится, у них наверняка есть амулеты по обнаружению незримничества, а насколько я сейчас в нем усилился... как-то проверять страшно, слишком большие ставки.

Ладно, где невозможно было пройти или пролететь дракону, я ухитрился пробраться в личине человека. Но сейчас человеку не пройти, будь он трижды герой... Так что слово дракону.

Я залег в темноте среди колючих кустов, сосредоточил-

ся, превращение происходит вроде бы без молний, треска и гула, а что медленно — так все на местах, никто не шастает вверх-вниз...

Мне показалось, что никогда так долго не совершалось превращение в дракона, голова крутится так, что едва не упал, внутренности жжет, а на плечах будто держу гору.

Сделал шаг и понял, что от страха перед неизбежной схваткой переборщил: у меня тело даже не тираннозавра, а что-то крупнее и страшнее. Жалкие крылья свисают с обеих сторон бронированной, как у стегоцефала, спины, бесполезные для полета больше, чем крылья страуса или пингвина.

Тяжело ступая, я потащил свое грузное тело вверх. Координация хромает, до задних лап сигнал доходит с опозданием, могу споткнуться на ровном месте...

Впереди раздался испуганный вопль:

— Там что-то есть!

Затем другой вскрик:

— Там целая гора!

Я постарался ускорить шаг, теперь промедление смерти подобно даже для такого зверя, увидел костры, упрятанные от чужих глаз в ямы, а за ними силуэты закованных в железные доспехи людей с оружием в руках.

— Все вниз! — проревел я. — Кто успеет — будет жить!

Они закрылись щитами, я шумно выдохнул заготовленный огонь. Несколько человек, охваченных огнем, закричали и бросились на землю, пытаясь сбить пламя, другие принялись метать в меня дротики.

Я взревел и, как поворотная башня, начал поливать огнем появляющиеся с разных сторон человеческие фигурки. Когда противники исчезли, я двинулся вперед, с боков набежали снова. Отважные здесь люди, метнули бесполезные дротики, сами же видят, что без толку, но честь и гордость не позволяют отступить, закрылись щитами и с мечами наголо бросились в самоубийственную атаку.

Некоторое время стучали клинками по сверхпрочным пластинам, выкрикивали ругательства. Я тяжело взбирался выше и выше, чувствуя себя китом на суше, но когда нача-

ли напрыгивать и на голову, стараясь попасть остриями в узенькие щелочки брони и поразить глаза, я качнулся вправо-влево, а хвостом махнул из стороны в сторону, и сразу крики смолкли, только остались удаляющиеся стоны.

Я хрипел и отгонял кровавую пелену с глаз, камни ползут навстречу очень уж медленно, а до вершины горы еще далеко...

Наверху раздались крики, вспыхнули костры, заматались люди. Я прислушался, злорадная улыбка попыталась раздвинуть рептилий рот, но не получилось.

Поднимаясь медленно, как я считаю, но все же быстрее человека, я наблюдал, как они отчаянно пытаются повернуть арбалеты.

Высокий человек в блестящей кольчуге вынырнул, казалось, из пламени костра и прокричал:

— Быстрее! Поворачивайте арбалеты!.. Он идет снизу!

Сразу несколько человек закричали уstraшенными голосами:

— Их не повернуть!

— Они стреляют только вверх!

— Дракон не может снизу...

— Это не дракон!

— Дракон, смотрите...

Я рывком поднялся на очередной уступ, взору открылись два мощных арбалета. Оба закреплены на станинах и позволяют лишь небольшую корректировку для прицеливания чуть выше-ниже и вправо-влево. К счастью для меня, никто не мог предусмотреть, что крылатый дракон окажется таким дураком, что начнет подниматься от подножья, когда ему нужна вершина...

Народ с криками начал разбегаться. Ядохнул огнем, просушенное и просмоленное дерево арбалета вспыхнуло с превеликой охотой. Не теряя времени, я обошел гору по периметру и выжег, как клоповьи гнезда, все четыре установки по защите от нападения с неба, а потом начал торопливо взбираться к вершине.

Нет, человеком я поднимался бы намного дольше. Хотя и тяжело тащить тяжелое тело, зато размеры позволяют не

искать тропки, а все труднопреодолимые для человека уступы мало что значат...

Я поднял глаза кверху, оптимизм выдуло, как ледяным ветром. Вершина, как и вся гора, тонет во мраке, но мне достаточно света звезд этой половины неба, чтобы видеть ее отчетливо. И чтобы понять, что мне туда карабкаться несколько суток... А погоня, понятно, настигнет меня раньше.

Сцепив зубы, я тащил себя вверх и тащил, каменная поверхность уплывает вниз неспешно, но безостановочно. Иногда я чувствовал себя мухой на стене, гадостное липкое чувство страха, лапы дрожат, когти обломаны, все мышцы ноют, стонут и молят о пощаде...

Я твердил себе, что уже близко, ну почему эта карнисса должна расти именно на макушке, Господи, ну что за выверт, камни везде одинаковы...

Глаза уловили высоко впереди странный блеск, я взобрался еще на пару уступов, а там выше прямо из блестящих сколов торчат растения. Если это не карнисса, то я не дракон.

Цветы закрыли чашечки на ночь, мелкие такие бутоны, здесь их пять штук, а вон там выше еще пара... Я осторожно взял камень в лапы, сдавил. Теперь понимаю, почему никому даже в голову не приходило попытаться насчет отвара из корней.

Камень сопротивлялся, хотя даже гранит уже сдался бы. Я напряг все силы, в лапах наконец сухо хрустнуло. Камень не раскололся, а рассыпался, как песок. В моих когтисто-перепончатых остался тонкий стебель с белым корнем, как у сельдерея.

— Вот оно, — пробурчал я.

Раздавив еще несколько камней, я оставлял карниССу и тяжело взбирался наверх, где отыскал еще три местечка. Лапы ноют, быстро покрываясь ранами и ссадинами, я залечиваю, и тут же все повторяется снова и снова.

— Остановись, — сказал я себе, — не жадничай. Если зайдешь слишком далеко, снизу успеют прибыть более подготовленные...

Из большого ящера в поменьше трансформация идет

быстрее, я собрал карниссу с корнями в один мешок, сорвал три цветка и сунул в другой. Это для Мириам и ее родителя...

В груди что-то шелохнулось, все-таки быстро свинею, а это нехорошо. Нельзя давать себе волю, так человек быстро превращается в сволочь, а потом и вовсе в демократа.

Морщась, я выломал еще штук пять камней с торчащими из них растениями, разделил добычу на два мешка и огляделся. Жаль остающуюся эндемичную травку, но, наверное, надо ее сжечь огненным дыханием. Ибо не служит исцелению людей, а только одному тирану, вожаку объединения племен, продлевая ему жизнь снова и снова. Может быть, до бесконечности. Или будет продлевать другому, который сумеет выбить этого из захваченных долин и захватит гору себе...

Я уже раскрыл пасть и набрал в грудь воздуха, чувствуя, как разгорается жар, но взгляд упал на цветы, где ночные муравьи продолжают пасти тлей, отгоняя хищных жучков, где формируются капли росы... А, собственно, чего я так ратую, чтобы это было доступно для всех? Сам демократ хренов! Дураков да дебилов собираюсь поить, чтобы жили вечно? Не так уж и страшно, хоть и крайне несправедливо, что будет пользоваться какой-то гад, у которого хватило силы, отваги и наглости загрести все под себя.

Во-первых, будет давать и своим близким, потому что ни одна сволочь не хочет оставаться одинокой. Во-вторых, самое главное, даже самый жестокий гад пресыщается жестокостями и кровью, начинает задумываться о смысле бытия. Только большинству не хватает жизни, чтобы о ней задуматься, но когда жизнь долгая, очень долгая, всяк постепенно приходит к мудрости...

Я вздохнул, очень медленно и тихо выпустил часть огненной струи в землю. Остальное пусть идет на обогрев и подпитку мышц. Собственно, не мое дело рыться в анатомии. Любой организм — гомеостат, сам должен поддерживать себя на уровне.

Снизу в самом деле доносится шум, словно наверх взбирается большая орда крупных муравьев. Я оттолкнулся всеми четырьмя и взмыл почти свечой, долго карабкался

вверх, а потом опасливо взял в сторону, все время напрягаясь в нехорошем предчувствии, что если не все арбалеты сгорели...

Глава 10

Две женщины прижались к земле, когда я навис над ними, громадный и страшный, но принцесса, как только сообразила, что эта внезапно возникшая темная гора и есть ее любимый дракон, вскочила и с радостным визгом бросилась мне на шею.

Мириам приподнялась и наблюдала за нами с тревогой, а принцесса целовала меня в морду, шупала ноздри, а они у меня — горилла помрет от зависти, прижималась всем телом и счастливо верещала, верещала, верещала.

— Траву нашел? — спросила Мириам с недоверием и надеждой. — А то там все полыхает...

— Мы думали, — пропищала принцесса, — вулкан проснулся.

— Это я пошалил, — признался я.

— Зачем?

— Да просто так. Удадь, знаете ли... Она объяснений не требует.

Мириам повторила:

— Что с карниссой?

— Всю вершину оборвал, — сообщил я недовольно.

Они приняла мешок, удивилась, но заглянула вовнутрь и поморщилась.

— Половина с камнями...

— Я ж говорю, — повторил я, — всю вершину.

— Ох, что же вы за такие тупые рептилии...

— Ты не дала ножнички, — напомнил я. — Маникюрные!.. Пришлось лапами. Как хомяк какой-нибудь из простых земель. А это оскорбительно для гордого дракона!

— Хотя бы только с корнями, — сказала она, — а то полгоры!

— Посадишь во дворе, — сказал я. — Вдруг все дело в земле?

Она восторгалась, посмотрела с надеждой.

— А что? Цветы многие пробовали сажать у себя...

— Не приживались?

— Нет, — сказала она. — Правда, никто не пробовал привозить и землю оттуда...

— Будешь первой, — сказал я. — Вики, залезай!

Она капризно топнула задней лапкой в изящной туфельке. Я нарочито громко вздохнул и, подхватив ее на сгиб правой, осторожно поднял к загровку, где она с радостным визгом счастливо перебралась мне на холку и деловито уперла подошвы в роговые выступы.

— Какой ты милый!

— Ага, — проворчал я, — милый. Вот на это нас и ловите, как бабочек. Пара комплиментов, и страшный для других дракон уже носит за вами в пасти тапочки. Мириам, учись!

Мириам сердито сверкнула глазами.

— Я никогда не была дворцовой женщиной.

— Будешь, — пообещал я зловеще.

Внизу у подножья горы пламя костров разгорается все ярче, сливается в сплошные полосы. Присмотревшись, можно различить мелькающие крохотные фигурки. Сотни, если не тысячи воинов подхватывают оружие, заботливо сложенное у изголовья, подзывают коней и прыгают им на спины, не утруждая себя долгим оседлыванием.

Я напряг зрение, основание горы исчезло, словно ствол дерева под тысячами спешно бегущих вверх муравьев.

— Опоздали, голубчики, — сказал я с великим удовлетворением. — А кто опоздал, тот третий лишний.

Мириам сказала нервно:

— Ты долго будешь любоваться?

— Это же плоды моих лап, — возразил я со всей скромностью, что паче гордыни, — а также пасти и хвоста. Не ценишь ты красоту! И вообще грубая ты, Мириам.

Прицесса прошептала:

— А я ценю! Ты очень красивый...

— Держитесь крепче, — предупредил я.

— Куда уж крепче, — ответила Мириам. — Ну?

Я прыгнул с уступа и расправил крылья. Ночь подхва-

тила и понесла, по темной земле заскользила призрачная тень, земля почему-то приобретает золотистый оттенок... Я вывернул глазные яблоки, из-за темного хребта все-таки вскарабкалась измученная долгим подъемом луна, усталая и потная, сразу залила мир непривычно теплым светом.

Женщины, начирикавшись, умолкли, сгорбились, прячась от ветра. Я мощно работал крыльями, хребтом ощущая, как луна очень неспешно передвинулась к горизонту и просела за темный край, как розовеет восток, а затем вспыхивают по одному перистые облака, а после долгой паузы — кучевые, похожие на снежные горы.

Когда поднялось солнце, сразу слепящее и жаркое, в грудь ударило таким теплом, что вот-вот накалится моя чешуя, а мы либо влетим прямо в открытую небесную печь, либо стукнемся о раскаленную заслонку диска и обожжемся.

Внизу тьма сменилась неправдоподобно яркой зеленью, пошли голубые окна озер, равнина, теперь больше похожая на столешницу великанов...

Горячий солнечный огонь жжет плечи и спину, я вывернул шею, чтобы посмотреть на Мириам и принцессу, хотя вообще-то мне достаточно чуть сдвинуть в ту сторону глазные яблоки. У дракона, как у зайца или вальдшнепа, глаза выступают над вершиной черепа, что дает нам всем колоссальный обзор.

Мириам крикнула предостерегающе:

— Ах, жаба с крыльями!.. Смотри, голова закружится.

— Уже, — сообщил я. — Вот смотрю на вас и думаю... представляете?

— Не представляю, — отрезала она. — Рептилии не думают.

А принцесса спросила живо:

— А о чем ты думаешь?

— Конечно, о тебе, — ответил я галантно. — Не о Мириам же!.. Она мечтает содрать с меня шкуру, мясо скормить собакам, печень отдать колдунам, голову в королевский зал на стену, лапы...

Принцесса прервала:

— Ничего она такого не думает! Мириам, конечно,

злая, но зато она добрая. И вовсе не всегда мечтает содрать с тебя шкуру, часто вообще о таком не думает...

Мириам сказала раздраженно:

— Вы не забыли, что я еще здесь? Спасибо.

Принцесса попросила:

— Ты не можешь подняться еще выше?

— Могу, — ответил я. — Зачем?

— Всегда было интересно, а что видят орлы? Выше их, как говорят, никто не поднимается.

— Сейчас посмотришь на этих жалких пернатых сверху, — пообещал я.

То ли привык к ноше на загривке, то ли организм принял меры и что-то добавил, что-то убавил, почти не ощущаю тяжести, и сейчас поднялся по настолько крутой дуге, что женщины при каждом рывке крыльев вскрикивали, чувствуя себя непонятно из-за чего вдруг очень тяжелыми.

Принцесса первая усмотрела внизу орлов, они величаво парят далеко внизу, высматривая добычу, но едва моя тень падала на них, суетливо рассыпались во все стороны, как куры при виде ястреба.

Мириам презрительно хмыкала, я сам ощутил неловкость из-за такого пустячного бахвальства. Принцесса ликующе вскрикивала и показывала розовым пальчиком на орлов.

Затем между нами и землей начали проплывать клочья тумана, затем его стало так много, что землю видели только в редкие разрывы.

Мириам прокричала:

— Откуда туман?.. Среди дня!

— Это не туман, — ответил я.

— А что?

— Догадайся с трех раз.

— Не буду, — отрезала она.

Принцесса сказала неуверенно:

— Это... облака? Там внизу?

— Умница, — похвалил я. — Да, это вот там белое, будто огромное стадо овец, облака. И мы все еще поднимаемся.

Мириам промолчала, а принцесса спросила живо:

— Нас солнце не сожжет?

— Тебе разве жарко?

Она зябко повела плечами:

— Наоборот. Наверное, это я так боюсь?

— Мириам тоже замерзла, — сказал я.

Мириам огрызнулась:

— Ничего подобного. Мне совсем не холодно.

— Странно, — сказал я. — Здесь воздух совсем холодный. Почти как в начале зимы... Ах да, вы же не знаете, что это такое. Ну, как ночью в пустыне.

— Когда вода превращается в лед?

— Точно, — ответил я. — Ты молодец. Знаешь, что вода становится твердой.

Она фыркнула.

— Кто этого не знает!

Мои крылья дрогнули, мы провалились, словно попали в воздушную яму. Девушки вскрикнули, а я, замерев, неотрывно смотрел вверх.

На высоте, недоступной мне, проплывает чудовищно огромная, просто исполинская черепаха из металла. Мне видно только изъеденное множеством мелких каверн днище, опаленное звездными взрывами, да еще края чудовищного панциря, потрясенно понимаю, что под ним может поместиться целый город.

Вскрикнув, я заработал крыльями чаще, еще чаще, женщины начали повизгивать то ли от восторга, то ли от холода.

Мириам бросила недовольно:

— Хватит. Уже все равно ничего не видно. Так можем и Карагиле пролететь...

Я прохрипел:

— Женщина... Что о тебе еще сказать...

Она спросила настороженно:

— Это к чему?

— Смотришь только под ноги, — выдавил я из себя с усилием, легким недостает разреженного воздуха больше, чем крыльям.

— А куда еще? — спросила она и вдруг осеклась.

Я видел боковым зрением, как она подняла голову, следом за ней вверх посмотрела принцесса, и обе тихонько ойкнули в один голос.

Громада из металла проплывает слишком высоко, я едва не заскулил от бессилия, даже без женщин вряд ли смогу взлететь к этому древнейшему реликту, но все равно изнуряю себя, мышцы трещат, сухожилия едва не рвутся, душа моя уже там, открыла некие люки, вбежала вовнутрь и счастливо носится по всем помещениям, роется и копается, как любопытный бурундук, везде и всюду...

Мириам выдохнула в страхе:

— Это... что?

— Так тебе все и скажи, — прохрипел я.

— Там живет твой повелитель драконов?

— Много будешь знать, — рыкнул я измученно, — морщины появятся... Все, опускаемся...

Сильно разреженный воздух ринулся мимо нас вверх со свистом. Мы рухнули, как огромный камень. Женщины завизжали, впервые испытав чувство невесомости. Исполинская черепаха медленно шла дальше, уменьшается в размерах неторопливо и неспешно. Когда воздух начал ощутимо подпирать мне крылья, превратилась в небольшой комочек, сверкающий в лучах солнца, словно оставшаяся от ночи забытая звезда.

Упругие струи, словно вода, щекочут крылья, мы все еще продавливаем их и опускаемся, опускаемся. Белое заснеженное поле медленно приближается, женщины смотрят на него зачарованно и с недоверием.

Опускались медленно, затем вдруг под женский писк с размаха утонули в этом плотном, если смотреть издали, мессиве. На самом деле совсем уж редкий туман... Некоторое время падали, ничего не видя вокруг, кроме серости, наконец внизу появился рассеянный свет.

Принцесса счастливо взвизгнула, когда мы вывалились из слоя облаков. Внизу четко и ясно проступили золотистые пустыни, зеленые оазисы, голубые нити рек, густо обрамленные с обеих сторон пышной зеленью, и коричневые отроги невысоких гор.

— Мириам, — сказал я серьезно, — ты в самом деле веришь, что вот сейчас вернешься, ярл Камбре даст тебе излечить отца, после чего передаст трон... отцу или тебе, а сам с плачем и стенаниями удалится в изгнание?

Она зыркнула на меня исподлобья.

— Нет, — проговорила она нехотя. — Уже не верю.

— Тогда зачем прем прямо во дворец? — спросил я. — На этот раз твой дядя уже готов к встрече. Это в твою красивую головку помещается? Или рыжим такое недоступно?

Принцесса вскрикнула:

— Я же говорила, Мириам очень красивая!

Мириам отвела взгляд, плечи ее опустились.

— Я полагала, — сказала она тихо, — с тобой ничего не страшно.

— Польщен, — ответил я серьезно. — Только, Мириам... Драконы тоже смертны. Получить при посадке десяток стрел в упор... да не простых, а заколдованных... гм...

Принцесса заявила твердо:

— Я не хочу, чтобы Шумила ранили! Даже поцарапали. Ему будет больно.

Мириам спросила:

— Думаешь, дядя уже подготовил недоброе?

Я поморщил, насколько сумел, пасть, самому показалось мало, сдвинул костяные щитки на лбу и как мог поскрипел ими.

— Мириам, самой не смешно? Конечно же, он собрал, если не последний дурак, весь арсенал. Нас десять раз убьют еще при приземлении. А потом расстреляют наши трупы, заморозят, сожгут и развеют пепел. Даже не высовываясь из укрытий и ничем не рискуя.

— И что будем делать?

— Да вот думаю. Ты тоже могла бы, если бы умела...

— Думай, Шумил, — сказала принцесса, ее звонкий голосок звенел надеждой. — Ты что-нибудь обязательно придумаешь.

— Жизнь прекрасна, — пробормотал я, — если не вспоминать прошлое и не думать о будущем. Это женщины час-

то думают, почему не думали, когда надо было думать. А мы, драконы...

Мириам прервала:

— Кто долго думает, тот опаздывает.

— Под выстрелы можно и опоздать, — возразил я. — Давайте сделаем так... Если не ошибаюсь, королевство Меркер покажется скоро?

— Еще нет, — ответила Мириам, — до него пройдем над землями пяти королевств.

— Ого, — сказал я уважительно, — это же целых пять взмахов крыльями! А воробью, так и вовсе пятьдесят... Так вот, я снова подыщу укромное местечко уже вблизи дворца. Ну, вблизи дворца не удастся, но вблизи королевства, не такое уж оно и огромное. Там подождете моего возвращения, только больше не высказывайте навстречу, когда увидите вооруженных незнакомцев...

Мириам сказала негодующе:

— Я буду в своем королевстве!

— Могут быть бунтовщики, — объяснил я терпеливо и поскреб когтями по чешуйчастому брюху. — Или сторонники дяди. Или вообще якобинцы... Увезут за тридевять земель, а это с нынешними размерами королевств миль за десять, ищи вас!

Мириам сердито сопела и помалкивала, а принцесса пообещала:

— Спрячемся, как мыши!

— И сидите, как мыши, — велел я.

— Будем, Шумил! Ты только быстрее возвращайся.

Мириам возмущалась и рвалась в гущу активных действий, я сказал пророчески, что это у нее последний день, когда переведет дух, а затем начнется да мало не покажется, так что наслаждайся, рыжая, потом вспоминать будешь.

Принцесса долго обнимала мою голову и все норовила поцеловать в губы, вдруг да превращусь в принца. Я торопливо поджимал их и вообще старался подставить щеки.

— Ждите, — сказал я веско. — И запомните, как хоро-

шо, когда все вот так делается вроде само собой, но для вас, морды...

Они задрали головы и смотрели, как я поднимаюсь вверх почти свечой, и когда вскарабкался как можно выше, медленно поплыл в сторону Меркера, а едва в зелени показалось светлое пятнышко, обозначающее сам город, удвоил осторожность, завис на месте и начал всматриваться, напрягая зрение так, что глазные яблоки горят и едва не лопаются. Сильно мешают кучевые облака, откуда и берутся их целые стада, идут, как овцы, вытаптывая небесный склон...

Ниже спуститься не рискнул, кто знает, какая мощь и предельная дальность у магических штучек, которыми ярл снабдил стражей на всех башнях. Теперь он знает, что Мириам опирается на ужасающую мощь дракона, а та тупая тварь появится сверху. Даже ясно, с какой стороны прилетит, нагнетая страх одним видом, как распушит грозные крылья и снова тяжело сядет перед дворцом, царапая алмазными когтями драгоценный мрамор, как и в прошлый раз...

Ага, сказал я мстительно, жди. Ворон на одну воронку дважды не падает. Умному достаточно и воздушной рекогносцировки, а удар нужно наносить, как сказал великий Фемистокл, там, где не ожидают даже соратники. Я же просто замечательно какой умный, когда не делаю глупостей, так что не надо лезть туда, где нас ждут. Умные герои всегда идут в обход...

Будь смелым, напомнил я себе. Или кажись таковым — со стороны одно неотлично от другого. И победа придет. Хотя и страшно пока что, особенно, когда оставил в лесу надежный облик могучего дракона: разбегайтесь все, я иду! — и вошел в личину слабого и очень незащищенного человека.

Странно, как быстро привыкаешь к хорошему: стоит чуточку побыть драконом, как потом без толстой шкуры с костяной броней чувствуешь себя голым и беззащитным, аки тля.

Я вошел в город-королевство через восточные ворота,

так зовется этот широкий проем в стене, хотя уже двести лет как самих ворот не существует. Впрочем, это неважно, Бранденбургские ворота тоже не совсем ворота...

Народ с утра делает покупки свежего молока, зелени, только что испеченного пахучего хлеба. Всюду звучат бодрые голоса, пока веселые, раздраженные нотки появятся позже, когда подустанут, начнут ошибаться, завидовать более успешным...

Мне с первого визита в Меркер казалось, что все в Гандерсгейме только и должны говорить о великом походе в Сен-Мари, впервые окончившемся неожиданным разгромом, однако жизнь здесь течет как ни в чем не бывало, что для меня странно и непривычно. Хуже того, как потом выяснилось, далеко не все племена принимали участие в походе: великому стратегу удалось подчинить своей воле многих вождей и повести великую армию, однако еще большая часть участия не принимала, занятая более важной борьбой с соседскими племенами.

Помню, когда-то для меня шоком было известие, что все великие крестовые походы оказались почти не замеченными в сарацинском мире. Местные народы больше сражались друг с другом, об этом и обширные летописи, и героические песни, и фрески, а про вторжение франков упоминается вскользь и только в двух-трех хрониках.

Великие вторжения людей Севера, их победы, а затем и поражение — коснулись только части племен на окраине мусульманского мира, а заслуга великого Саладина, отбросившего крестоносцев обратно в Европу, лишь в том, что сумел объединить небольшую часть племен, которых вторжение северных людей задело непосредственно. Остальной же мир ислама ожесточенно воевал друг с другом, это куда важнее, чем обращать внимание на какие-то отряды чужестранцев, прибывших из страны франков.

Очень осторожно продвигаясь к центру, я часто останавливался, вроде бы любуясь зданиями, а сам, держась за стенку, переходил на все диапазоны зрения, пробовал действовать на всю мощь прекогнию, что вроде бы позволяет ощутить приближающуюся опасность. Или хотя бы

успевает предупредить о ней за секунду до того, как обрушится смертельный удар...

Пару раз ощутил холодок, но слабенький, а по взглядам понял, что не всем мужчинам нравится, когда вот такой огромный стоит без дела и рассматривает их, что значит, нарывается.

— Где тут харчевня? — спросил я ближайшего прохожего. Он ответил недоброжелательно:

— Разуй глаза, парень.

Я присмотрелся, через дорогу гордо и вызывающе высится массивное здание с распахнутыми дверями. Если принюхаться, даже здесь уловишь запахи вина, жареного мяса и мужского пота.

— Спасибо, — пробормотал я, — вы очень вежливы... сэр.

Пристыженный горожанин опустил голову и поспешил убраться. Я пересек дорогу и, напрягая прекогнию, переступил порог. Просторный зал с низким потолком, распахнутые окна, четыре длинных стола, за двумя группы мужчин, ни одной женщины. Мужской мир, стук пивных кружек, громкий смех, даже довольный гогот, грубые шуточки, смачные шлепки широкими ладонями по спинам, у людей это означает одобрение, а вот у нас, драконов... эх, жаль, драконам в трактиры можно только в Динотопии, если верить слухам...

Я прошел в зал и опустился за свободный стол. Хозяин сразу вышел из-за стойки, рослый и широкий, весь в капельках пота, кожаный фартук заменяет рубашку, голые плечи блестят, словно намазанные маслом, из-за передника выступают широкие выпуклые пластины груди.

Неспешно ступая, он приблизился к моему столу, улыбается доброжелательно, я же клиент, но, судя по его виду, готов и вышвырнуть, если придется не по нраву.

— Вина? — спросил он. — Завтрак?

— То и другое, — ответил я. — Вино получше, мясо можно любое, но предпочитаю по утрам баранину.

— Ребрышки подойдут?

— Обожаю ребрышки, — сообщил я.

— С кашей?

— Гречневой.

— Ночью доставили рыбу с горных озер, — сообщил он. — Редкость.

— Давай, — сказал я.

Он кивнул, лицо стало еще доброжелательнее, состоятельного клиента кормить приятно, но сказал осторожно:

— Местных кормлю и в долг...

— Я не местный, — сказал я и лихо бросил на стол золотую монету. — Это за все! Сдачи не надо.

Он удалился, один из пирующих оглянулся, на лице изумление, я узнал Омаля.

— Мой господин! — вскрикнул он. — Я услышал и ушам своим не поверил! Думал, вы тогда просто решили от меня отвязаться, послав в Йеремланд...

Я сказал несколько ошарашенно:

— Ну что ты, что ты... Я этот, как его, стратег, мать вашу... Все предусмотрел, рассчитал, прикинул. Я даже знал, что туда ты пойдешь через Меркер. Все путем, все по плану! Я такой вот умный и загадочный. В смысле, наперед все загадываю. А потом смотрю, что получается.

Остальные гуляки повернулись и посматривали на меня оценивающе.

Омаль спросил:

— Какое задание мне теперь?

— Рассчитайся там, — велел я, — и перебирайся ко мне.

Он бросил на стол пару мелких монет, торопливо пересел за мой стол. На лице быстро сменялись недоверие, ликование, восторг и снова опасение, словно я вот-вот исчезну.

— Пируешь? — спросил я. — Значит, не голодаешь?

Он отмахнулся.

— Вы же велели осмотреть убитых, а у них помимо дорогих амулетов нашлись и золотые монеты. Видать, плату получили вперед. Так что мне бы еще надолго хватило угощать по дороге народ... А как вы, господин? С тем колдуном удалось поладить?

— Да, — ответил я небрежно, — я его тоже взял в помощники. Ну там по мелочи: сбегать, принести, подмес-

ти... Зело ленив я бываю, каюсь. А ты, значит, двигаешься в Йеремланд? И больше ничего?

На его лице отразились недоумение и обида.

— Конечно! А что еще? Вот когда монеты бы кончились, тогда бы начал думать, чем заняться.

— Все в порядке, — произнес я. — Просто проверка твоей памяти. Есть, понимаешь, забывчивые... Пойдем отсюда, а то слишком людно.

Его глаза вспыхнули жарким пламенем, как два костра в ночи. Свистящим шепотом, который можно было услышать и на другом конце города, спросил:

— Приключение?

— Да, — ответил я, едва шевеля губами. — И добыча тебя ждет побольше, чем в прошлый раз.

Он потер ладони, а голос зазвенел, как жестяной флюгер на сильном ветру:

— Здорово! Обожаю добычу. И приключения.

Он едва не подпрыгивал в нетерпении, то и дело облизывал губы, показывая мелкие острые зубы хищника.

Я спросил с любопытством:

— А что любишь больше?

— Добычу, — ответил он без колебаний, но подумал и уточнил: — Но если без приключений, это неинтересно. Как и приключения без добычи! Должно быть то и другое.

— В равных долях?

Он подумал, заулыбался.

— Добычи пусть будет чуточку больше.

— Будет много, — пообещал я. — Предстоит нам в этот раз пробраться в королевский дворец...

Он охнул.

— Но там же...

— Охрана?

— Еще какая!

— Часть будет за нас, — объяснил я. — Потом, конечно. Не сразу. Сейчас они еще не знают, что они за нас. На самом деле мы не против короля, а за. Но против ярла Камбре. Однако правит ярл. Так что, сам понимаешь...

Он сказал быстро:

— Если избавиться от ярла, король не будет слишком против?

— Еще как не будет, — заверил я.

— Располагайте мною!

— Тогда пойдем...

Он весь сиял, искрился и светился радостью, как выдернутый из горнила раскаленный до вишневого цвета клинок.

Я сказал наставительно:

— Ты показал себя с лучшей стороны, Омаль. Ладно-ладно, твою худшую знаю, знакомство началось с нее. Да, все верно, жизнь — игра, где почти все просто пешки. Но дошедший до конца может стать той фигурой, какой захочет! Проблема лишь в том, что пешки не ходят — их двигают... Но это и жизненно важно, иначе сами пешки надвигались бы так, что рухнуло бы все.

Он кивал, глаза стали оловянными, вряд ли все понял, но суть уловил и сказал твердо:

— Я ваш верный слуга, хозяин!.. Я отдал вам жизнь, распоряжайтесь ею.

— Спасибо за доверие, — ответил я и добавил с угрозой: — А я уж надвигаю тебя, мало не покажется!

Он лишь ухмыльнулся в ответ лихо и беззаботно.

Глава II

К счастью для подлого узурпатора Камбре, вокруг дворца сохранились от древних времен три высокие башни. Четвертая, потеряв верхние этажи, превратилась в просторный каменный склад, но и оставшихся вполне достаточно, чтобы защитить дворец и вообще весь город от нападения сверху.

Башни строились надежно, добротнo: верхние площадки настолько вместительные, что можно устраивать танцы, а каменные навесы укроют от любого ливня.

Лучшего места для встречи огнедышащего дракона и придумать трудно: навес защитит от струи огня, а в ответ

крылатое чудовище расстреляют даже из простых арбалетов. Ярл же, понятно, приготовил кое-что и похлеще.

Для меня тоже просто прекрасно, что башни такие высокие и вместительные. Пусть там ярл сконцентрирует лучших воинов и самое мощное оружие. Хорошо бы как-то вообще снизу двери закрыть и чем-то подпереть...

Омаль все время зыркал по сторонам, ладонь то и дело дергается к рукояти меча. Я помалкивал, быть начеку всегда хорошо и для здоровья полезнее любых диет.

Улица вывела на площадь, в центре высится стела, вокруг вымощенное булыжником пространство, а на той стороне чуть правее массивное здание белоснежного дворца, солидное и одновременно величественное, легкое — такое впечатление воздушности может придать только белый мрамор.

Вообще выстроено с размахом, словно здесь на праздники собирается население всего королевства. Хотя кто знает, может быть, и собиралось при прошлом короле.

В прошлый раз я видел дворец при дневном свете только снаружи, да еще холл, куда удалось просунуть голову, потому сейчас всматривался издали с утроенной, нет, с удесятеренной настороженностью, а уж от мыслей про ловушки, которые ждут нас, становится вообще дурно.

Омаль заметил негромко:

— Стражей вроде бы стало больше.

— Хитрость, — сказал я.

— Какая?

— Их стало больше на одного, — объяснил я, — чтобы мы думали, будто их стало больше только на одного. На самом же деле по ту сторону ворот... даже и не знаю.

Он сказал без уверенности в голосе:

— Но пробраться надо обязательно?

— Да, — ответил я.

Он уточнил:

— Хотя нас ждут?

— Да, — повторил я. — Правда, ждут с другой стороны, однако... главный паук все равно настороже.

Он подумал, спросил:

— Ждут именно сегодня?

— Не знаю, — признался я. — Не думаю, что ярл настолько силен в предсказаниях. Хотя кто знает...

Он посмотрел с удивлением.

— Вы в самом деле хотите во дворец?

— Не хочу, — признался я. — Надо!.. Хотя, на самом деле, не то чтобы надо... но и отказаться уже не могу.

— Почему?

— Дурак потому что, — сказал я сердито. — Вот влез... Умные разве так вляпываются? Умные дома сидят. Вот если бы я был умным... или хотя бы на минуту им стал... Так нет же, не дано!

Он подумал и сказал со вздохом:

— Мне тоже. Так что, через забор?

— Погоди, — сказал я.

— Жду, — сказал он покорно.

Стражи начали поворачивать головы, а на площадь высыпала разгоряченная толпа крепко подвыпивших мужчин. Толкаясь и поливая друг друга бранью, они продвигались в сторону королевского дворца. Стражи стиснули копья, из ворот выбежал офицер и пошел к ним сердитыми шагами, здесь им не там, пошли прочь, а ссора между гуляками тем временем переросла в драку.

Сперва дрались двое, один на один, но кто-то задел одного в собравшейся толпе, тот не утерпел и дал сдачи, в драку немедленно вмешались и с другой стороны, и через пару минут в гуще народа кулаки мелькали уже всюду.

Стражи заинтересованно вытягивали шеи, самое интересное зрелище на свете — драка. Офицер тоже остановился, то ли не решаясь остановить, то ли сам залюбовался. Толпа увеличивалась быстро, кричали подбадривающее, свистели, улюлюкали.

Омаль посмотрел на меня заблестевшими глазами, я быстро перебросил крюк на стену, вскарабкался наверх и подал ему руку. Соскочив на ту сторону, я быстро убрал улики, мы затаились за деревьями.

Омаль шепнул:

— Так вот зачем вы дали целых три золотых тем гулякам в таверне!

— По-моему, стоило, — сказал я.

— Лучше бы они взяли деньги и смылись, — прошептал он. — Нам не пришлось бы сюда...

Пригибаясь, я перебежал к зарослям декоративных цветов, от сладкого запаха едва не расчихался, за спиной зашептели шаги Омаля. Я притих, и он сразу замер, словно превратился в камень.

До дворца далековато, а открытых мест много, за деревьями не спрячешься, разве что понесешь куст перед собой, но такое проходит только в диких местах, а здесь сразу обратят внимание на куст, выросший не строго по линейке в общем ряду.

Из-за массивного здания вышли двое стражей в красивых стальных доспехах, полностью закрывающих тела. Даже на пальцах блестят крохотные щитки. Таких я не видел даже в Сен-Мари.

— Это что, — прошептал я, — в Гандерсгейме делают такое?

Омаль шепнул тихо:

— Только для самых богатых.

— Ага, или для королевской охраны...

Стражи остановились, один явно собрался идти вокруг дворца, второй показал на сад, где между деревьями такая соблазнительная тень. Первый кивнул, я тихонечко ругнулся, оба пошли как раз по дорожке, где по разные стороны в кустах затаились мы.

Едва поравнялись с нами и только собирались сделать следующий шаг, я и Омаль одновременно поднялись и нанесли по одинаковому удару локтем в открытую под шлемом переносицу. Двойной хруст, оба начали опускаться на землю, мы так же синхронно подхватили их и затащили в кусты поглубже.

Руки тряслись, когда мы торопливо снимали доспехи, я едва влез в панцирь, слишком туго, хотя и выбрал самого толстого, Омаль никак не мог управиться, я затянул на нем

ремни, он кивнул с благодарностью, я взглядом указал в щель забрала в сторону распахнутых по жаре дверей.

Дворец весь из массивных глыб камня, а зал, куда мы вошли тихонько, даже не облицован внутри досками. Эдакая подчеркнутая мужественная грубоватость, что смотрится вразрез с пышными одеждами из тонкой дорогой ткани. Посреди зала на полу круглый, как праздничный блин, ковер, торжественно пурпурный, с пламенно-оранжевой окантовкой. На нем остановился в задумчивости, словно не решаясь сделать шаг, длинный дубовый стол, тоже грубоватый, для мужчин, собирающийся на охоту или приехавших с охоты...

За ним с одной стороны высится кресло с высокой спинкой, имитация трона, что наверняка в главном королевском зале, а с другой стороны не менее роскошное кресло, где явно должна сидеть королева.

— Куда пойдем? — спросил Омаль шепотом.

— Мы не ищем легкого пути, — сказал я твердо, — но если попадется — не свернем.

В зале на массивных медных подставках горят толстые свечи, а во всех четырех углах подсвечники с множеством рожков, свечи там дают не только свет, но и тепло. Подсвечники и на трех небольших столиках, хозяин явно любит яркий свет.

— Магии пока незаметно, — сказал я с облегчением. — Не люблю этих гадов.

— Магия, — произнес Омаль, — неистощима только у волшебников и вообще колдунов всяких. Ну, у них тоже истощается, но могут восстанавливать. А вот мы, простые люди, полностью зависим от амулетов. А они, увы, обычно на один раз. Есть на два-три, совсем редко на три-четыре заклинания, больше чем на пять — никто и не слышал.

— Тогда просто экономят, — сказал я. — В смысле, берегут.

Из стены, вдоль которой я тихонько иду, изображая дворцового стража, наполовину выступает каменный монстр в полтора моих роста, толстый, мускулистый, с вытянутой мордой. Пасть захлопнута, но я, как воочию, увидел в ней

зубы, богатое у меня до дури воображение, и не смог удержать невольную дрожь.

— Омаль, не отставай. Что задумался?

Он ответил со вздохом:

— Да вот, то ли проявить свои лучшие качества, то ли сохранить...

Я буркнул:

— На что жизнь ни трать — все равно даст сдачи.

— Тогда хранить не буду, — согласился он.

По стене пробежала непонятная зыбь. Я решил, что почудилось, но и на другой стороне по каменной кладке прошла волна, начисто убивая все устоявшиеся понятия о твердости гранита.

Затихла только на последней стене, не дойдя до угла, так и осталась вертикальной выпуклостью, настоящая застывшая волна, словно в вертикальное озеро бросили нечто большое и тяжелое, а затем мгновенно заморозили.

Омаль подбежал на цыпочках к двери на другом конце зала. Я пощупал стену, гранитная волна застыла, как крупная складка на тяжелом театральном занавесе из бархата. Кончики пальцев не ощутили ни жара, ни холода.

— Мой лорд, — прошептал Омаль, — там люди...

Зал, что впереди, невелик, двое стражей прохаживаются мимо закрытой двери. Семь шагов в одну сторону, семь в другую. Встречаются возле двери, но никаких дружеских постукиваний кулаками в плечи, все осточертело, идут дальше, сонные и равнодушные, отсчитывающие часы до смены караула.

— Как от них проще избавиться? — прошептал я. — Незаметно не подберешься...

— А как насчет того, что мы тоже часовые?

— У каждого свой участок, — объяснил я. — Наши доспехи могут обмануть всех, кроме стражи.

— Есть способ, — сказал он.

— Какой?

— Подрыть с обеих сторон стены, потолок обрушится на обоих и задавит.

— Способ хорош, — одобрил я. — Но вдруг успеют заорать?... Есть другие варианты?

Он подумал, сказал шепотом:

— Говорят, любовь приводит к гибели. Нельзя ли их как-то...

— Любовь убивает время, — пробормотал я, — время убивает любовь... но эти двое вряд ли про нее слышали, смотри на их рожи!

— Распутники, — согласился Омаль завистливо. — Да, надо их убрать, нам не нужны соперники.

— Да, — согласился я, — но если враг в зоне досягаемости, значит, и ты тоже.

— Во все, — прошептал он, — что можно увидеть, можно попасть. Все, во что можно попасть, можно убить. Я попробую метнуть нож, когда они остановятся...

— Сразу двух?

Он шепнул:

— Вообще-то я думал, вы захотите обоих сами...

— Это мысль, — сказал я. — Но на всякий случай будь готов с ножами. Я пошел.

Он тихонько охнул, когда на моем месте колыхнулся теплыми струями воздух. Я отошел на цыпочках, стараясь поднимать ноги выше и ставить подошвы прямо, в первые минуты можно вообще споткнуться на ровном месте, не видя своих ног.

Сердце колотится, стоит стражу увидеть и заорать, сбегутся всякие и разные, в том числе маги, которых просто ненавижу. На всякий случай я двигался вдоль стены, замирал и затаивался, на любое заклятие есть антизаклятие, а страж уже идет в мою сторону, крупный и в добротных доспехах...

Мелькнула мысль дождаться, когда пойдет обратно, прокрасться за ним, пока не встретится с напарником, а потом быстро сразить обоих, пока не опомнились...

Страж сделал свои семь шагов от двери, хотел было повернуться, но чему-то насторожился, брови поднялись, глаза из сонных стали настороженными, взгляд заострился.

Копье накренилось и почти уперлось в мою грудь. Я от-

бил свободной ладонью, а лезвие моего меча наискось полоснуло по щели между грудным панцирем и бортами шлема. Кровь брызнула струей, страж хрипел, глаза выпучились при виде того, как капли его крови повисли в воздухе и поползли, словно по стеклу.

На той стороне страж, дойдя до стены, повернулся в нашу сторону, но только для того, чтобы опуститься на колени, а затем упасть лицом вниз. Из шеи сбоку торчит рукоять ножа, Омаль торопливо метнулся из укрытия, забрал кинжал и деловито похлопал убитого по поясу.

— Грабитель потом, — прошипел я. — Быстро за мной!

Дверь мы как можно аккуратнее прикрыли за собой, хотя, конечно, глупо осторожничать, когда оставили по ту сторону два трупа в лужах крови.

Этот зал поменьше, дверь на той стороне выглядит заманчиво, охраны никакой...

Омаль сказал тревожно:

— Говорят, выход есть всегда, но правильный выход никогда не бывает таким прямым, как здесь.

— А если прямой, — согласился я, — то по дороге обязательно ловушка.

Омаль покосился на меня с великим уважением.

— Вы тоже знаете эти Священные Законы войны?

Я отмахнулся.

— Их знают даже те, кто меча в руках не держал.

Он побежал за мной вдоль стен, я подозрительные квадраты пола перепрыгивал и слышал, как Омаль послушно повторяет все движения. Потом я подумал, что глупо устраивать такие ловушки в королевском дворце, где толпами ходят придворные, но уже увидел дверь, от которой пахло волнующе и знакомо отварами, настоями и химикалиями.

Дверь рухнула, едкие запахи ударили по ноздрям, как дубиной. Большая комната, слишком большая для занятия алхимией, целый зал, однако же везде вдоль стен на полках под самый потолок колбы, реторты, тигли, пучки трав и корней, человеческие черепа всех размеров, есть не крупнее ореха, а один размером с пивную бочку, несколько руч-

ных мельниц для перетирания в тончайшую пыль, ступки и пестики...

— Неплохо устроился, — сказал я пораженно.

— Он же почти король, — напомнил Омаль.

— Ну да, — согласился я, — может себе позволить что угодно, никто не пикнет.

Посреди зала широкие столы, нет свободного места от обилия колдовских вещей. Глаза разбежались при виде странных изделий. Почти на всех следы излома, а то и с двух-трех сторон, словно взрыв разметал некий сложный агрегат, а мы оба похожи на прибежавших лесных зверьков, рассматриваем упавший возле их норы обломок и стараемся понять, что это такое, как оно охотится, роет норы и отыскивает себе пару.

Внезапно пронесся холодный ветер. Меня пробрало до костей, а Омаль побледнел и зябко передернул плечами.

— Магия, — проговорил он белыми губами.

— Простой сквозняк, — успокоил я.

— Здесь все заперто!

— А сквозь стены? — спросил я. — Есть такие сквозняки, через любые каменные преграды...

— Я ж и говорю, магия! — сказал он нервно и принялся перебирать амулеты. — А у меня, как назло, никакой защиты!

— Если выживешь, — утешил я, — у тебя будет еще и не такая защита.

Он охнул, глаза полезли на лоб, а взгляд, брошенный за мою спину, остекленел. Я в испуге развернулся с мечом в руке, готовый бить и рубить.

Прямо из стены вышел огромный скелет и пошел прямо на нас. Он уже протянул костлявую длань, как я, стряхнув оцепенение, с силой ударил мечом. Кости рассыпались с сухим треском, череп разлетелся на десятки частей, как высушенный на солнце, но не обожженный, глиняный кувшин.

— Не родственник? — бросил я. — Если да, извини.

— Нет у вас уважения к усопшим, — пролепетал он трясущимися губами. — Но это, похоже, из племени акеннов. Так им и надо.

— Тогда вон еще три... прямо в стене! И тоже идут сюда.

— Я беру того, что слева...

— Да забирай хоть всех, — разрешил я. — Ну совсем не жалко.

Скелеты начали шевелиться, высвобождаясь из камня, как из вязкой глины. За нашими спинами раздался могучий протяжный вздох, словно вздохнула сама земля. Мне почудилось удовлетворение, будто незримый великан слишком долго ждал этого часа.

В центре зала прямо из темного пола вырвался гейзер грязи, так показалось, однако верхушка гейзера ударила в высокий свод, стала широкой, как крона дерева, выросшего на просторе, но не обрушилась вниз мутными потоками, а начала расползаться во все стороны.

Я смотрел тупо, не соображая, что это, а гейзер продолжал выстреливать мощную струю, даже стал шире, а фонтан поднялся выше, и все это сопровождается странным шумом, шелестом, неумолчным треском...

— Жуки! — прокричал Омаль. — Это жуки!

— Что за... — начал я растерянно.

Он прервал в панике:

— Это жуки-древоточцы!.. Жрут леса, любое дерево, но особенно любят грызть дома и мебель... Кстати, мой господин, хозяев съедают тоже.

— Спасибо, — бросил я, — утешил. Быстрее отсюда, пока они не переползли на стены!

Он бросился за мной, я руководствовался инстинктом, влетел в какую-то захламленную каморку, оттуда еще в один весьма странный склад, а там затормозил резко, когда из небольшого бассейна, выложенного кафелем, навстречу поднялась огромная змея.

В желудке стало тяжело и холодно, а плечи осыпало морозом. Судя по блестящей чешуе, змея защищена лучше, чем некоторые драконы, не буду показывать пальцем.

Омаль прошептал, не двигаясь с места:

— Замрите... Может быть, не заметит...

— Ага, — сказал я, — совсем не заметила...

Змея все выползала и выползала на поверхность, стано-

вась с каждым ярдом толще. Я подумал тоскливо, что я последний дурак, сам забыл, что я уже правитель, а не забредший сюда рыцарь в поисках чести и славы. У меня этой чести и славы, хоть... словом, из ушей лезет.

— Эй, — сказал я громко, стараясь, чтобы голос не дрожал, — я вообще-то и твой повелитель! Я — сюзерен, поняла? Или поняло? Я тот, кто повелевает!..

Змея прыгнула, разворачиваясь из колец, я отскочил в сторону, дура с такой силой ударилась о камни за моей спиной, что стена задрожала, а со свода посыпался мусор.

Омаль спросил дрожащим голосом:

— Мой господин, вы еще и повелитель зверей?

— Конечно, — огрызнулся я. — Не каких-нибудь змей, а людей... это звери — всем зверям звери...

Я сосредоточился, стараясь уловить момент, когда она метнется снова. Змея уставилась немигающими глазами и злобно шипела, я оскалился и зашипел в ответ, как если бы стал драконом. На какое-то время я вообразил в бессилии, что будь я в прежнем обличии дракона, я бы тебе, дуре, показал, кто здесь хозяин, червяк подземелий...

Некоторое время мы смотрели друг другу в глаза. Змеиное шипение медленно умолкало, ее голова опускалась все ниже, раздвоенный язык мелькнул, как пламенный язычок огня, и пропал в пасти.

Она медленно подползла, Омаль затаил дыхание, глаза его полезли на лоб, когда змея униженно ткнулась мне мордой в сапог и, шурша чешуей, торопливо уползла прочь в темноту.

Когда шуршание смолкло, он прошептал:

— Она в самом деле... эта тварь признала вас сюзереном!

— Так и есть, — сообщил я замученно. — Человек — царь природы, не знал? Это еще не то Дарвин, не то Господь изрек и определил, чтобы змея на брюхе ползала, а человеку кланялась.

— Та первая змея не поклонилась, — возразил он и нервно оглянулся.

— Эта умнее, — пояснил я. — Учится на ошибках прародителей.

Он продолжал смотреть на меня во все глаза.

— Вообще-то Господь говорил не так.

— А как?

Он отмахнулся.

— Это не важно. Мой господин, я счастлив следовать за вами!

— Тогда следуй, — ответил я.

Глава 12

Несмотря на люстры с горящими свечами, залы выглядят мрачно из-за гигантских размеров. Пламя светильников не проникает в дальние уголки, в глубокие ниши и не рассеивает мрак под высоким сводом.

Я шел с обнаженным мечом в руке, удивляясь, что так и не встретили придворных. Стражу, понятно, ярл загнал на те три башни, чтобы убили дракона, а с Мириам, если даже уцелеет каким-то чудом при падении, расправиться будет просто. Но придворные... впрочем, их убрал тоже неспроста. Не должны видеть, что на его власть можно покушаться.

Омаль пробормотал:

— Ну не нравятся жертвенным баранам наши обычаи...

Снова дверь, я успел подумать, что снова без охраны, как из светильника подле нее вылетел синий дымок, превратился в крупного монстра с зубами и когтями.

Он ринулся к нам, Омаль выставил перед собой меч, а я ухватил крестик на груди и выставил его перед собой.

— Во имя Отца и Сына!

Монстр завертелся, теряя четкие очертания, превратился в смерч, пронесся через весь зал и, ударившись в стену, с ужасным треском раздробил огромный камень и пропал в нем, словно в болоте.

— Мощный амулет, — заметил Омаль с великим уважением.

— Но не убило, — сказал я с сожалением.

— Это духи гангов, — объяснил Омаль, — они бессмертны. Их можно только изгнать.

— Даже боги умирают, — сказал я строго, — когда приходит Единый. Не трусь, мы на стороне Сильнейшего!

— Это хорошо, — ответил Омаль. — Я обычно сочувствую слабейшим, но ставки делаю на сильнейших... О Господи!

— Что случилось? — спросил я.

Он указал дрожащей рукой на дверь. Массивная, высокая, она медленно утолщалась, барельеф на ней становился все выпуклее, я стиснул в ладони крестик и забормотал молитвы, стараясь угадать, в какой слова убойнее.

Фигура превратилась в чудовищного получеловека из металла. Он медленно повернул голову, наши взгляды встретились. Смертельный холод пробежал по моим жилам и заморозил внутренности.

Это не человек и не зверь, а нечто более страшное, потому что зверь страшен только тогда, когда похож на человека. В глазах монстра буйствует оранжевый огонь, но нижняя часть лица — это голый череп с огромными торчащими зубами и выдвинутой вперед челюстью.

Монстр из металла, казалось, следил за каждым моим движением. Я резко отступил в сторону, чудовище в самом деле смотрит на меня упорно и неотрывно.

На всякий случай я отступил еще и еще, его выпуклые глаза как будто повернулись, не спуская с меня взгляда. С сильно бьющимся сердцем я отошел к самой стене, не выпадут же у него глаза...

Не выпали. Он просто медленно и с явным усилием повернул голову. В металлических глазах все та же пустота, но очертания морды неуловимо изменились. Чуть-чуть, но теперь я чувствую злобную ухмылку.

— Ну, парень, — проговорил я дрожащим голосом, — ты крут...

Монстр продолжал смотреть тупо, холодный мертвый металл, однако же всеми фибрами чувствую его давящий взгляд, не человеческий, не звериный, и даже не взгляд каменного существа.

— Если что надо, — сказал я бодро, хотя голос в конце дал петуха, — обращайся, не стесняйся.

Омаль сказал нервно:

— Нам не нужны напарники! Сами справимся.

Слева у стены наверх идет небольшая винтовая лестница, я услышал далекий крик:

— Ваша светлость!.. Там двое ворвались в нижние залы и уже перебили охрану!

Знакомый голос ярла Камбре ответил сверху:

— Не дайте себя обмануть!.. Это вспомогательный отряд...

— Вспомогательный... — крикнули в ответ, я услышал недоумение: — Что?

Ярл заорал громко:

— Нас пытаются обмануть!.. Хотят, чтобы мы бросили все силы на их ловлю, а тем временем дракон обрушится сверху! Следите за небом! Кто первым всадит в него стрелу — десять золотых!

В голосе невидимого стража прозвучало явное облегчение:

— А-а-а, так тут внизу несерьезно?.. Шумят только?

— Да, — пояснил ярл авторитетно, — им нужно, чтобы все ринулись на их поимку! Может, кого-то и послали на верную смерть, чтобы отвлечь наше внимание! Не сходите с мест, не оставляйте проходы без охраны!

Голос звучал властно, настоящий вождь, его бы во главу походного отряда, а если ума прибавить, то мог бы руководить мелким, а то и большим селом.

Я слушал с наслаждением. Приятно, когда задумка удалась, толкнул Омаль и шепнул:

— Перебираемся в королевские покои. Слышал, пого-ни не будет!

— Здорово, — сказал он пораженно, — можно только мечтать... А про какого дракона говорят?

— Дураки, — сказал я с презрением. — Драконов вообще не бывает.

Он почесал в затылке.

— А гарпии?

— Выдумки, — сказал я твердо.

Он вздохнул, бросил взгляд на левую руку с тремя продолговатыми шрамами.

— Вообще-то короля могли бы охранять и получше...

— Что не нравится? — спросил я.

— Здесь, как в могильнике, — ответил он. — Пустые залы, как можно... А что тогда в других?

— В других как раз полно людей, — буркнул я. — Здесь, как и везде, признают только реальную власть. А она у ярла...

— А нам кто нужен?

— Ярл. Вернее, его голова. Лучше отдельно от тела.

Он прошептал в недоумении:

— Тогда зачем прем сюда?

— Есть одна хитрая мысль...

Я толкнул дверь, нервно оглядел помещение. Зал небольших размеров, без охраны, что уж слишком, не мог же ярл убрать из королевской половины дворца всех, обстановка богатая, но все как-то запущенно. И, главное, тупик, дальше никаких дверей. Да и, судя по расположению, если прямо, дальше сад...

— Королевская спальня должна быть с этой стороны, — сказал я и указал на стену слева.

— А как пройти? — спросил он. — Двери нет... В обход?

— Похоже...

Под этой стеной почти нет мебели, зато богатая мозаика, выступающие декоративные полуколонны, а еще две ниши, где застыли два чучела громадных, почти под потолок, троллей. Оба без шерсти, мускулистые тела блестят, как у гладиаторов. Лапы толще моих ног, морды свирепые, а толстые и крепкие, как корни дерева, пальцы сжимают металлические дубины размером с тело человека.

Омаль сказал с почтением:

— Первотролли... Теперь таких нет. Где их только и добыли...

— И слава богу, — сказал я с облегчением, — что теперь таких нет. Мир надо очищать от тварей.

— Говорят, сами вымерли...

— Еще лучше, — сказал я. — Вот бы с моими противниками так!

Он полюбопытствовал:

— Готовы уступить удовольствие расправиться лично?

— Полностью, — ответил я без колебаний. — Результат на халяву — выше счастья его добывания... Ладно, придется вернуться и поискать обходной путь.

Оба исполинских чучела в нишах стен повернули головы. Маленькие глазки вспыхнули желтым огнем. Омаль отпрыгнул, выставил перед собой меч.

— Они живые?..

Меня потрянуло при одной мысли, что придется драться с этими чудовищами, мысли сшибались в голове, ничего не идет в нее умное, крикнул:

— Отходим!

Он попятился, тролли вышли из ниш и двинулись на нас, все ускоряя движения и разминая чудовищные мышцы. Металлические дубины в их лапах начали описывать злоеющие круги.

Мы ринулись к двери, за спинами пол затрясся под тяжелым топотом настигающих тварей. У самой двери Омаль вскрикнул неожиданно тонким срывающимся голосом:

— От них не убежать!.. Уходите быстрее, хозяин!.. Я их задержу!

— Не глупи, — бросил я резко.

— Уходите! — заорал он страшным голосом и, с неожиданной силой толкнув меня в спину, резко захлопнул разделяющую нас дверь.

Я попытался отворить, но она словно выросла в стены, а на той стороне раздался ужасающий рев, грохот, я услышал характерный звон стального клинка, когда ударяется о костяной панцирь, снова злобный и удивленный рев раненого или оцарапанного зверя.

Стиснув челюсти, я торопливо сел прямо на пол и сосредоточился. Голова закружилась, начались перебои в зрительных нервах, голова затрещала от внутричерепного давления, я упал лицом вниз, некоторое время не сообщая, где я и что со мной.

Перед глазами поплыл сразу десяток изображений стены, потом вовсе распалось на отдельные четко прорисованные фасетки. Я ощутил, что стою на четырех когтистых лапах, а передо мной множество крохотных дверей содрогаются от тяжелых ударов.

Они рухнули как раз в момент, когда начали сдвигаться в одну. В дверных проемах, целиком закрыв их массивными телами, появились тролли. Они нагнули головы и хотели пройти, но увидели меня и отпрянули. Я со страшным рыком бросился в атаку, застрял в проеме, натужился, и каменные глыбы с грохотом рухнули.

Я вошел, как ледник, сверкая страшными глазами. Омаль распростерт в луже крови под дальней стеной, все тролли медленно слились в двух. Оба с хриплым рычанием начали заходить с противоположных сторон. Удивительно, не дрогнули и перед драконом, не привыкли отступать и еще не терпели поражений.

Я без колебаний метнул распахнутую пасть вперед. Ближайший тролль отпрыгнул недостаточно быстро. Между моими челюстями хрустела передняя лапа, он ревел и бил меня по голове свободной, я подбросил его вверх, как пеликан рыбу, чтобы заглотить головой вперед, перехватил поперек туловища, сжал, со злой радостью услышал смачный хруст костей и ощутил вкус крови в пасти.

Прожевав пару раз для надежности, я ухватил второго и сломал хребет, тут же быстро пересек зал, ударил в стену, разделяющую нас с королевской спальней. Пришлось всем телом шарахнуть дважды, а дыру расширил хвостом с булавой на конце, а потом как можно быстрее вернулся в личину человека и бегом вернулся в первый зал к Омалю.

Обезображенный и пожеванный труп первотролля распростерт поблизости, как я только не задел и моего самоотверженного спутника. Омаль под стеной в луже крови, смертельно бледный, с распоротым животом, а под внутренним давлением кишки вывалились, сломанные руки вывернуты под неестественным углом.

К моему изумлению, он сумел поднять набрякшие ве-

ки, утасяющий взгляд отыскал меня, а с обескровленных губ сорвался слабый шепот:

— Вы целы, хозяин... Я счастлив... Всегда хотел красиво уйти...

Я ухватил его за плечи, лишь на миг ощутил холодок, что значит, не слабею, а Омаль устало опустил веки и застыл.

Я отнял ладони, быстро осмотрелся. Трупы троллей, кровь на полу, но главное — за дверью оставленный нами зал, где теперь огромная дыра в стене.

— Омаль, — сказал я строго, — мы еще не закончили! Вставай, страна в моем лице зовет и велит.

Он открыл глаза, пошевелился, на лице потрясенное недоумение, привстал, глаза стали, как блюдца.

— Хозяин?.. Я снова цел? Даже не слыхал про такие амулеты!

— На свете многое есть горациев, — сказал я. — Не спи!

Я пошел к двери, он поднялся и торопливо догнал меня, весь залитый засохшей кровью, все еще на ходу ощупывая себя, проверяя суставы и сухожилия.

— Хозяин... — сказал он дрожащим голосом, — но дракон был!

— Какой дракон?

— Огромный! Он и первотроллей одолел...

Я спросил недоверчиво:

— А я думал, это ты их так... в благородной ярости.

Он запнулся, я видел, как работает его мозг и совесть, борясь с соблазном согласиться, наконец он сказал со вздохом:

— Один меня вообще не заметил, а второй, как щенок тряпку... Зато дракон его р-р-раз и...

Голос его оборвался, когда увидел дыру в несокрушимой стене, за которой проглядывает роскошная спальня.

— Вот сюда и пролезем, — сказал я бодро.

Он прошептал:

— Но как же... Откуда дыра? Дракон почесался боком?

— Драконов не бывает, — напомнил я решительно.

— Но как же...

— Ты сам головой хряснулся, — предположил я. — И память отшибло, это сплошь и рядом, уже насточертело, никакой выдумки у людёв.

Он в неуверенности пощупал голову. Я полез в дыру, он вздохнул, я слышал, как сопит и пробирается следом. Воздух в королевской спальне спертый, тяжелый, обставлено в траурных черно-красных тонах, от королевского ложа ощутимыми волнами идет тяжелый трупный запах.

Омаль шел за мной на цыпочках, перестал сопеть и даже задержал дыхание. На багровой, как туша барана со свежесодранной шкурой, подушке покоится голова крупного, сильно исхудавшего мужчины. Кожа бледная, как у мертвеца, щеки и глаза ввалились, кости натянули кожу так, что вот-вот порвется.

Омаль спросил шепотом:

— Король?

— Похоже...

— Но он же... мертв!

— Боюсь, — ответил я с горечью, — Мириам опоздала одуматься...

Я опустил ладонь королю на костлявую грудь, сердце не бьется, но и не померло, а вроде бы растягивает последние секунды жизни, страхась приближающейся кончины.

Кончики пальцев ощутили холодок, зато тяжелые набрякшие веки дрогнули и с трудом поднялись. Затуманенный взгляд отыскал мое лицо.

— Кто... вы...

— Друзья, — сказал я торопливо. — Ваше Величество, вы умираете... пожуйте вот это...

Я сунул ему в рот корешок карниссы. Зубы короля остались стиснуты.

— Мне уже легче...

— Это временное, — сказал я. — Увы, отравлены вы очень даже весьма и мощно. Стадо слонов свалит! А это карнисса, она излечивает все, что угодно... судя по непроверенным, но заслуживающим доверия источникам. Даже королевей.

Молча он разжал зубы и начал с усилием жевать. Омаль

вертелся по спальне, разрываясь между желанием все укрывать и в то же время перекрыть ходы-выходы, откуда могут напасть враги, то есть дыру, откуда мы влезли, и дальнюю дверь.

— Кто вы? — спросил король.

— Жуйте, — поторопил я.

— Но...

— Просто жуйте, — велел я. — И так же видно, ну что вы за король?

Омаль покосился на меня с удивлением и гордостью, его хозяин покрикивает даже на короля, и тут же снова встал с обнаженным мечом у дыры в стене.

Лицо короля медленно розовело, в тусклых глазах появился блеск. Жевал он все усерднее, тяжелые челюсти наконец заработали, как мельничьи жернова.

— Откуда вы?

Я сказал торопливо:

— Ваше Величество, жуйте, жуйте! А сок можете даже не глотать, он всасывается через нёбо и десны...

Король сделал попытку привстать, я придержал за плечо.

— Вы еще слишком слабы, Ваше Величество! А если увидят, что вы здоровы, вас постараются убить в первую очередь.

К моему удивлению, он проговорил все еще нетвердым голосом:

— Знаю. Я был в забытии, но слышал, о чем говорил мой брат с помощниками.

— Значит, — спросил я быстро, — вы все знаете?

— О предательстве? — переспросил он горько. — Да. Но я уже ничего не мог сделать. Я не мог даже говорить, а это такая мучительная пытка, когда все слышишь, все понимаешь, но не можешь шевельнуть губами. И знаешь, что умрешь скоро, а враг будет торжествовать...

Омаль крикнул от двери:

— Сюда идут!

Король сказал державно:

— Стража?

— Да!

- Тогда они подчинятся мне, — сказал король твердо.
- Не думаю, — ответил я. — Омаль, ты готов?
- Да, мой господин.

В открытую дверь вошли, тяжело грохая сапогами, трое крепких воинов. Король надменно выпрямился, держась одной рукой за стойку ложа. Стражи вытарашили глаза, один вскрикнул изумленно:

- Король!.. Он встал... Надо сказать ярлу...
- Сперва надо убить, — бросил резко второй.
- Да, но...
- Ты знаешь приказ ярла!

Двое сразу выхватили мечи и ринулись на короля. Мы с Омалем выступили из-за портьер и пронзили обоих мечами в бока. Третий повернулся и ринулся к двери, Омаль метнул вдогонку меч. Тот красиво просвистел в воздухе и вонзился в шею как раз ниже шлема и выше стального панциря. Воин даже не вскрикнул, его тело обрушилось наземь, прямое, как бревно.

Король сказал потрясенно:

- Значит... и стража тоже?
- Все в руках ярла, — ответил я с сочувствием. — Так что, Ваше Величество, теперь вы раскрыты. Придется покинуть ложе... какое чудное одеяло!.. и ножками-ножками...

Он тяжело встал, с трудом нагнулся и поднял выпавший из руки воина меч, осмотрел.

— Я не знаю, — произнес он с достоинством, — кто вы и что хотите. Но вы помогли мне, я ваш должник.

Омаль прошептал в восторге так тихо, что услышал только я:

- Чудненько, когда в должниках сам король...
- Уходим, — сказал я. — Здесь самое опасное место.
- Почему уходим? — спросил король. — Это мой дворец!
- Ярл пока еще ждет появления какого-то дракона, — пояснил я и покосился на Омалю, — хотя откуда здесь драконы? Нас считает мелким отрядом, посланным для отвлечения внимания... Но когда поймет, что это не диверсия, а главный удар... нам мало не покажется.

Глава 13

Счет пошел на минуты и даже секунды. Пока что, благодаря разумному, но в данном случае глупому приказу ярла всем оставаться на местах и не покидать охраняемые места, мы избавлены от массовой погони, но как только ярлу станет известно, что король уже на ногах...

— Нужно найти этого мерзавца, — заявил король с державным негодованием. — Он дошел до такого бесстыдства, у моего ложа рассуждал, что как только велит закопать меня, сразу начнет войну с соседями! Осталось только накопить чуть больше мощи...

— А вы не спорили? — спросил Омаль.

Король сердито сверкнул очами.

— Я же сказал, был парализован! Все слышал, но не мог шевельнуть даже губами. Мерзавец этим особенно наслаждался. Особенно, когда при мне отдавал приказы своим помощникам из клана Укротителей, чтобы отыскиали Мириам и доставили ему. Когда он рассказывал, какие гнусности будет с нею творить, моя кровь кипела, но тело не слушалось!

— Невесело, — посочувствовал Омаль. — Особенно тому, кто сам привык распускать руки.

Король сказал сердито:

— Куда вы меня тащите? Нам в северное крыло, мерзавец там!..

— Потому и уходим от этого северного, — ответил я. — Ваше Величество, сейчас все держится на таком пустяке, как ваша жизнь. К счастью для вас, со стороны ярла все было сделано очень непрофессионально! Прибил бы вас сразу, как муху, никаких проблем у него бы не было. Но эти любители пытаются растянуть удовольствие, заключая противников в темницы, высокие башни, подвалы, чтобы приходить туда и бахвалиться успехами, попутно стегая побежденных плетью... На этом обычно и попадают.

Король люто зыркнул на меня из-под густых бровей, что все время напоминают мне о Мириам.

— А вы, значит, не такие?

Я скромно промолчал, а Омаль, бросив на меня короткий взгляд, ответил гордо:

— Это точно!

— Зарезали бы сразу?

— Без раздумий, — подтвердил Омаль и поспешно добавил: — Но сейчас мы на вашей стороне, так что все будет в порядке. Только мы не ваши подданные, так что не командуйте, а слушайтесь.

Король сказал раздраженно:

— На территории своего королевства я распоряжаюсь иностранцами точно так же, как и своими!

— И так будет, — подтвердил я, — как только снова сядете на трон. А пока там ярл Камбре.

Король умолк, шел слева от меня и чуть приотстав, меч в руке наготове, вид решительный, оклемался быстро, эта карнисса просто чудо, обязательно доставлю отцу Дитриху, пусть при каком-нибудь монастыре устроят плантацию.

Я быстро поглядывал во все стороны, напрягая все чувства, опасность ощутил задолго до момента, как распахнулась дверь и в наш зал ворвался целый отряд. Я встретил их в проеме раньше, чем успели сообразить, что видят, а лезвие меча прочертило воздух трижды, и трое упали, обливаясь кровью.

Я закричал, не поворачивая головы:

— Омаль! Уводи Его Величество как можно дальше.

Омаль с королем были уже у дальней двери, вместо него с беспокойством ответил король:

— А как же вы, отважный незнакомец?

— За меня не волнуйтесь, — крикнул я и отразил несколько ударов. — Быстрее!

— Их не меньше двадцати!

— Что делать, — ответил я, — если у вас такие малочисленные вооруженные силы? Наверное, отборные элитные? Стыдно связываться, но приходится...

Он ничего не понял, осведомился с беспокойством:

— Но вы уверены, что...

Я прервал:

— Омаль расскажет, что он уже тоже как-то прощался со мной...

— Дважды, — подтвердил Омаль.

Я услышал, как за ними захлопнулась дальняя дверь, сам ринулся следом, проскочил в проем, захлопнул за собой и, задвинув на два засова, прислонился спиной и сполз на пол, уже торопливо представляя себе, что я вот мощный и ужасный дракон, огромный, с плотной чешуей, защищенный, огнедышащий, никаких крыльев, толстая броня из костей и металла, кости крепче стали, а сталь прочнее паутины...

Грохот выбиваемой двери я слышал, как через вату, видел еще хуже, с трудом различил мелькающие двуногие фигурки. Когда с трудом сфокусировал зрение, несколько здоровенных кнехтов обогнули меня, как нечто непонятное, и подбежали к двери, за которой скрылись король и Омаль, а трое в черных плащах и с капюшонами на лицах быстро подошли ко мне.

С ладоней одного сорвались плазменно-синие молнии и больно впились в мой бок. Воздух наполнился запахом горелой кости, начала нарастать боль. Второй вскинул руки, между ними затрепетала широкая красная дуга...

Не дожидаясь, когда бросит такое на меня, я собрался с силами и мощно дохнул огнем. Пламя получилось слабое, но на всех троих все же вспыхнули плащи. Первый маг, не обращая на огонь внимания, продолжал прожигать мне бок молниями, двое начали сбивать пламя, я задержал дыхание, заставляя себя разъяриться, затем дохнул изо всех сил.

Ревущее пламя пронеслось через зал. Магов отшвырнуло к стене, ударило и швырнуло на пол, где они дальше корчились вопящими комками огня. Я повернулся к ним задом и мощными ударами хвоста превратил все троих в лепешки. С этой стороны войны почти закончили выбивать дверь, еще с десятков толпились в ожидании, когда можно будет ворваться, я немедленно дохнул, погрузив всех в стену огня, а затем для верности плюнул сгустком, опустошив себя так, что без сил распростерся, унимая разбушевавшееся сердце.

Зал наполнен жаром, воздух перекален, на стенах пятна копоти и сажи, пахнет горелым мясом.

Когда в зал вбежало еще с десяток человек и сразу же все бросились к двери, за которой скрылся король, я подумал и дунул огнем, целясь на камни чуть выше двери.

Жар накалил камень, он оплавился, сдвинулся, как сырая глина, под собственным весом и забаррикадировал дверь. Стражи метнули дротики и топоры. Один довольно сильно стукнул в лоб, я с трудом удержался от рассерженного рева, пусть ярл как можно дольше не догадывается, что дракон уже здесь.

— Я пришел из ада! — проревел я. — И всех вас заберу с собой!

Они закрылись щитами, я выпустил весь огненный запас, и весь отряд вспыхнул огненными факелами. Я страшился жутких криков, но они исчезли, не успев и вспикнуть.

Вряд ли от ярла укроешь такое, подумал я, представив, каким огнем полыхнули все окна. Разве что сдуру подумает, будто здесь разом опрокинули все свечи и светильники, устроив пожар...

Едва живой, я пополз обратно, в соседнем зале свернул за уцелевшую стену и торопливо стал перетекать в человека, попутно залечивая раны.

Омаль вытаращил глаза, когда я приковылял с мечом в руке.

— Мой господин! Вы целы?.. А как же там дракон?

— Какой дракон? — спросил я.

Он указал пальцем.

— Вон там в зале, через который вы пришли! Вы не могли не заметить! Он сдох?

Я покачал головой.

— Не пей крепкие вина. Никакого дракона там нет. И вообще драконов не бывает.

Он охнул, сбегал туда и опасно заглянул за угол.

Вернулся обескураженный, развел руками:

— Но был же...

— Почудилось, — сказал я безапелляционно. — Но ты молодец! Поручил всю нечестивую лабораторию колдуна,

ему неоткуда теперь черпать магию. Пойдем быстрее! Добьем врага в его собственном логове.

Издали донесся истошный вопль:

— Дракон!.. Дракон в нижних залах!

В ответ послышался грозный окрик:

— Ложь! Властелин сказал, что это отвлекающий маневр!

— Но это правда!..

— Вас обманывают, — загремел властный голос. — Крылатый дракон ударит там, где у него преимущество! А в нижних залах он будет в ловушке и потому никогда туда не полезет!

— Ваша светлость, — прокричал голос отчаянно, — он тридцать человек сжег огнем, четверых раздавил лапами и брюхом, троих размазал боками по стенам, еще двое померли от его колдовского взгляда!

Это брехня, подумал я великодушно, но хорошая, полезная. Омаль и король смотрели на меня с ожиданием, я сказал быстро:

— Все, нас раскрыли. Теперь очень быстро отступаем. Бегом. Сломая голову. Сейчас важно убежать и спрятаться.

Король сказал с негодованием:

— А как же королевское достоинство?

— Потом наверстаете, — заверил Омаль.

— В этом и есть высший класс, — заверил я. — Повернуться к превосходящему силами врагу и красиво встретить смерть в бою может и простой кнехт, чего мы от него и требуем прямо Уставом, Правилами, Уложениями, а также косвенно — героическими песнями, балладами и романсами. А вот отступить, чтобы потом победить, — решится только король!

Омаль схватил короля за мантию и потащил к выходу. Король некоторое время тупо упирался, я погрозил ему пальцем, он вытаращил глаза.

Омаль оглянулся и крикнул обеспокоенно:

— А вы, мой господин?

— Сейчас колдун, — объяснил я, — пошлет со всех трех башен своих людей вниз. Особенно тех, кто вооружен Не-

бесными Иглами, звездными стрелами, Клубками Ночи, Костяными Решетками и прочей гадостью. Надеюсь, даже если вдруг найдут вас, не станут на вас их тратить...

Король спросил оскорбленно:

— Это почему же?

— Из уважения, — ответил я дипломатично. — Только не задирайтесь сами.

Омаль крикнул уже из дверного проема:

— Мы увидим, как их порвет дракон?

— Быстрее! — заорал я.

Они исчезли, я торопливо метнулся в боковой ход, пронесся через залы, как дикий олень, за которым несется стая охотничьих псов. Надо все рассчитать по секундам и появиться наверху в тот момент, когда стрелки с самым опасным для меня оружием сбегут по длинной винтовой лестнице и промчатся через первые два-три зала. Впрочем, вполне вероятно, что сразу после выхода из башни начнут осторожничать и пойдут мелкими шажками, останавливаясь и прислушиваясь...

Навстречу блеснул ясный день, распахнулась панорама мирной зеленой долины. Я упал на пол и велел себе стать драконом, побыстрее драконом, крылья, чешуя и крепкие лапы, все как можно скорее, пусть даже не самым крупным, главное — поскорее...

Я уже слышал голоса, приближаются десятки людей, идут осторожно, что и спасло мою шкуру, у меня все еще голова трещит, а перед глазами плывет, велел себе стать незримым, полностью незримым, метнулся из дворца, мощно оттолкнувшись всеми четырьмя и отчаянно работая крыльями.

Колдуна нет на башне, сердце замерло, где-то просчет, пошел вокруг нее, лихорадочно прикидывая, что же делать теперь, просчитался где-то, но внизу распахнулась дверь башни и показалась высокая костлявая фигура ярла. Он вышел настороженный, весь внимание на раскрытые восточные ворота во дворец, куда вбежали его отборные воины со смертоносным для драконов оружием в руках.

Сердце мое прыгнуло ликующе, я еще сам не решил, что делать, но инстинкт перехватил руль. Мое тело круто

пошло вниз, колдун слишком уж настороженно всматривается и вслушивается в то, что делается там впереди, где его люди должны вступить в бой с попавшим в западню драконом. Он вскинул голову лишь затем, чтобы увидеть хищно выпущенные когти.

Я ухватил его и, ударяя по воздуху крыльями с такой силой, что затрещали суставы в плечах, торопливо поднялся в воздух и сразу же взял в сторону от жилых кварталов. Из дворца выбежали крохотные фигурки, я увидел вскинутые руки.

Крылья мои, словно сами по себе, изменили угол и ударили еще чаще. Внизу блеснули серебряные искорки, в мою сторону понеслись, увеличиваясь в размерах, блестящие стрелы. Я смотрел расширенными в ужас глазами, готовился в последний момент сделать рывок в сторону, вдруг да пролетят мимо...

Первая стрела замедлила полет, опустила острый наколеник и пошла вниз, за нею еще четыре, я шумно выдохнул, и тут все тело скрутила острая боль. Лапы онемели, я попытался разжать их и выпустить колдуна, но пальцы не слушались.

Он поднял искаженное болью и злобой лицо, я увидел в горящих желтым огнем глазах триумф.

— Тупая тварь, — прошипел он, — полагал, что обманул?.. Да, обманул!.. Я недооценил тебя, животное... Но сейчас ты в моей власти, дракон...

Я стиснул челюсти и попытался замедлить полет, однако тело не слушалось. Крылья мои мерно бьют по воздуху, подчиняясь чужой власти, шея не гнется, сволочь и это предусмотрела, а пасть остается закрытой...

Впереди вырастает отвесная мрачная гора. Везде щели, каверны, пустоты, словно в изъеденном кариесом зубе или столетнем дубе, где в дуплах живут совы, белки и множество всяких тварей. Я чувствовал, как мое тело, не слушаясь хозяина, несет нас к самой высокой норе. Лапы приподняли колдуна, держат эту сволочь просто нежно, крылья распахнулись, я опустил на каменную площадку, сильно от-

кинувшись назад и больно тормозя задом по острым камням.

Лапы разжались, колдун не удержался на ногах, упал, но тут же поднялся, отступил к стене и повернулся. На злом ликующем лице злорадство и садистское наслаждение.

— Я тебя сейчас убью, — процедил он. — Могу убить. Могу убить так, как тебе даже не снилось. Ты будешь умирать много дней и все это время вопить от боли и умолять прикончить тебя.

Я ощутил, что могу поворачивать голову, даже раскрывать пасть, а это значит, мне дают возможность что-то промямлить.

— Можете, — сказал я приниженно, — это значит... можете и не убить?

Он расхохотался с полным осознанием своей власти.

— Могу. Но надо ли мне это?

— Надо, — ответил я убежденно.

— Почему? — спросил он с интересом.

— Я могу быть полезен.

— Чем же? Крупной летающей тварью?

Я сказал осторожно:

— Ею тоже. Но кроме того, я многое видел, многое узнал... Вы же охотитесь за знаниями?

Он расхохотался.

— Я охочусь за властью! А власть порождает знания. Самую крепкую и надежную, а не мечи, как думают дураки. Потому я охочусь за знаниями, верно. Но что ты можешь, чего не могу я?

— Могу показать, — предложил я.

Он расхохотался.

— Чтобы ты попытался удрать?

Я сказал твердо:

— Господин, я признаю вашу силу! И покоряюсь ей. Но мы из одного клана мыслителей и дознавателей истины, а что нам мелкие дразги ничтожных людишек? Мы не должны враждовать и воевать, а мои умения будут всецело в вашем распоряжении!

Он фыркнул насмешливо:

— У тебя ничего нет такого, что не знал бы я!

— Позвольте показать, — попросил я смиренно.

— Показывай, — ответил он насмешливо.

— Я не могу шевельнуться, — ответил я, — а нужно, чтобы мог хоть немного...

Он взял в ладонь амулет, сжал, тот засветился недобрым багровым огнем, как пылающий уголь.

— Хорошо, — произнес он холодно. — Крылья тебе отныне не повинуются, как и лапы. Остальное — можно. Показывай.

Я сосредоточился, создал чашку горячего кофе, упаковку сыра, нарезанного изумительно ровными и одинаковыми ломтиками, любой маг сразу обратит внимание, что рука человеческая не в состоянии соблюсти такую точность...

Он заинтересовался, взял левой рукой чашку, принял, бесстрашно отхлебнул. На лице появилось задумчивое выражение.

— Да, этот напиток в самом деле неведом...

— Попробуйте сыр, — предложил я.

— А что в нем особенного?

— Увидите.

Он наконец выпустил из ладони амулет и взял в другую руку ломоть сыра. Я с сильно бьющимся сердцем смотрел, как откусил слегка, брови сдвинуты на переносице, старается разобраться во вкусовых ощущениях... была не была, мой последний шанс, крылья и лапы у меня обездвижены, но...

Я напряг мышцы груди и с такой силой плюнул огнем, словно это мой последний вздох на свете. Страшная ревущая струя огня ударила в колдуна, прижала к стене. Камень моментально раскалился, стал багровым и текучим, как мед первого сбора. К моему ужасу, колдун лишь закрыл глаза ладонью, пережидая бьющий в лицо огонь.

Тело мое закрипело, я сумел заставить себя двинуться вперед, моя лапа поднялась, а когти сомкнулись на амулете как раз в момент, когда колдун сам вскинул руку. Его пальцы упали поверх моих когтей, ужас искажил лицо, а я, догадываясь, что угадал, рванул амулет на себя.

Цепочка порвалась, камешек остался в моей лапе. Колдун отшатнулся, в глазах страх и ненависть.

— Перехитрил? — прошипел он. — Ничего ты не перехитрил!

Он повернулся и ринулся в темный зев. Я взревел и бросился за ним следом, больно ударился плечами, застряв в узком проходе, и зашипел от злости.

— Я буду сторожить тебя здесь, — проревел я люто, — хоть всю жизнь!

Издали донесся злобный хохот и затихающий крик:

— Я вернусь к тебе раньше...

Я дернулся, пытаюсь освободиться, но по дури засадил себя так, что если колдун вернется, то забьет меня простой палкой, как попавшую в ловушку крысу.

Глаба 14

Кляня свой идиотизм, где драконство ни при чем, это я сам такой весь умный, закрыл глаза и торопливо сосредоточился на возвращении в человека. Все тело жутко зудит и чешется, даже пошло волдырями из-за ускоренной перестройки, нельзя так часто туда и обратно.

Когда сумел подняться с четверенек, сразу же тихохонько вошел в темную щель. На этот раз осторожничал так, что из-за попытки смотреть сразу во всех диапазонах закружилась голова, а к горлу подступила тошнота. Держась за стену, вытащил меч и, держа его наготове, двинулся по узкому ходу. Здесь двум людям трудно разойтись, а я сунулся драконом, дурак...

Шарик света, который я создал уже машинально, понесся впереди, высвечивая стены ярко и празднично. Я слегка пригасил иллюминацию, вполне и совсем слабого света, вообще-то могу и без него, но с этим сгустком можно отвлечь внимание, а для меня и доли секунды в счет...

Пещера то ли грубо высечена в толще горы, то ли сама возникла, как дупло в дереве, пол удивительно ровный, что меня всегда удивляет в таких местах, стены в безобразных

вертикальных складках, похожих на глубокие морщины. На каменных столбах, наполовину вросших в стены, трепещут яркие огни и разбрасывают вместе с яркими бликами темные угрожающие тени.

Я задержал дыхание, факелы полыхают без всяких подставок, чаш, прямо из гладкой поверхности камня. Ненавижу магию, если ее создаю не я, мне можно, я ж не во зло, а для себя и других. В середине скопище сталагмитов, на кончиках каждого холодно блещут огоньки, похожие на огни святого Эльма, настолько прямые и строгие, что никакая сила и никакой ураган не в силах заставить их погаснуть или хотя бы затрепетать.

Еще дальше прямо в стены вделаны медные изваяния отвратительных зверей, химеры, не люблю эти уродства, что-то отвратительное, болезненно извращенное.

— Предлагаю сдаться, — крикнул я во весь голос.

В ответ было гробовое молчание, потом издали донесся голос, полный изумления:

— Это кто еще там?

— Догадайся с трех раз, — ответил я. — Правда, если ошибешься хоть однажды...

— Ах ты, сволочь! — раздался яростный вопль. — Так вот...

— Ага, — крикнул я. — Сдаешься?

— Как же я сразу... Ты сейчас умрешь!

— О Господи, достало это однообразие...

Я потихоньку крался вперед, очередной шедевр из красной меди уплыл в сторону, в полутьме я увидел, как ярл-колдун, на ходу доставая ключ, подбежал к массивному сундуку и трясущимися руками сунул его в замочную скважину. Я крепче сжал рукоять меча, дыхание из груди вырывается с хрипами, осталось не больше двадцати шагов, в этот момент ярл повернул ключ и сразу же откинул крышку.

Я торопливо остановился, из сундука пошел легкий синий дымок, принял очертания человеческой фигуры, уплотнился. Колдун повернул в мою сторону голову, на лице злое торжество.

— Прощайся с жизнью, ничтожество!

— Это ты себе? — крикнул я.

Призрак выплыл из сундука плавно, без рывков. Колдун обеими руками сделал движение, словно бросил его на меня. Я торопливо ухватился за крест.

— Во имя Отца и Сына, — сказал я, — и Святого Духа. Да исчезнет всякий, отрицающий его и выступающий су-против...

Призрак замедлял движение. На лице ярла отразился испуг, недоумение, он снова сделал движение обеими руками, я стискивал в ладони крест, чувствуя прилив уверенности.

— Да исчезнет Тьма!.. — сказал я громко. — Да расточатся враги Твои!..

Призрак остановился, не дойдя до меня двух шагов. Я чувствовал смертельный холод от его присутствия, зубы начали лязгать, а на стенах выступил иней.

Ярл вскрикнул:

— Убей его!

— Убийство запрещено первой же заповедью, — сказал я. — И подтверждено моими законами Хаммурапи.

Он закричал:

— Этот мир не принадлежит Ему!

— Ему все принадлежит, — возразил я.

Он зло расхохотался.

— Тогда почему нас не уничтожит?

— Дает время раскаяться, — ответил я.

— Глупо! — выкрикнул ярл. В голосе звучал непередаваемый сарказм. — Непроходимая дурость!

— И я так думаю, — согласился я. — Но многие действия взрослых кажутся детям непроходимой глупостью. Даже дурью... Сдавайся! Обещаю тебе двухразовое питание в тюрьме и несложный ручной труд. А потом досрочное освобождение...

— Умри!

— И повышение квалификации, — пообещал я. — И вообще... умным людям драться просто стыдно. Мы ж не дети...

Призрак, почти оставленный без внимания, дергался во все стороны, словно выстиранная рубашка под ветром на

плохо натянутой веревке. Наконец его разорвало, как туман, и развеяло по пещере.

Ярл зарычал и метнулся в дальнюю часть, куда не достигаает свет факелов. Я поспешно ринулся следом, пока он не отыскал другой сундук, там с потолка падают не струи воды, как показалось в первый миг, а целый водопад. Бурные потоки исчезают через несколько шагов в щели под стеной, но пока я, скользя по стене и падая, пробирался под падающей на голову и плечи водой, я боялся, что потеряю ориентиры и потащусь по тоннелю обратно.

Вынырнув из потока, я даже забыл отряхнуться, ошалелый, оказавшись в огромном зале, пронизываемом десятками ослепляющих молний. Воздух резко пахнет озоном, с потолка рушатся камни, грохот и треск раздирают барабанные перепонки.

Я прижался к стене, сжимая крестик, и ничего в голову не приходит, кроме трусливого «Господи, помилуй...» да еще «Иже еси на небеси...».

Озлившись, я заставил себя подняться и пошел, как баран, вперед, сторбившись и упрямо наклонив голову, где недостает только рогов.

— Выходи, гад!.. Выходи, чертов колдун!

На миг я увидел его фигуру, вздымает руки и поводит в воздухе, уже в который раз пытаюсь сломить меня чарами. Я порадовался, что амулет, с помощью которого сковал мое драконье тело, — одноразовый, ринулся вперед, но перед глазами вспыхнул огонь, я остановился протереть ослепленные глаза, а когда проморгался, колдуна уже не было.

Озираясь, я наконец отыскал его взглядом, сердце сжалось, вот она прекогния, будь она неладна, чувствовал же, что этот гад найдет еще сундук...

Из-под откинутой крышки в потолок ударил яркий луч света. Толщиной с бревно, он мгновенно прожиг в каменном своде широкий тоннель и устремился в небо. Пол завибрировал, гору начало мелко трясти. Я прижался к стене, уstraшенный звездной мощью, пространство передо мною заворачивает в рулон, в кокон, все причудливо искажается...

Я закричал с отчаянием:

— Дурак!.. Какую мощь на ветер!..

Он крикнул затравленно:

— Ты умрешь!

— Да что ты, — крикнул я, — как попугай... Здесь же ты-сяча ниагар... Гору можно в конец мира...

— Какую гору?

— Любую, — ответил я. — Остановись, идиот! Мы союзники!

— Что?

— Перестань, — крикнул я, — ты занимаешься мелочью...

Он прорычал:

— Это ты — мелочь! И ты мешаешь.

— Ты мешаешь больше, — крикнул я, — но я готов дать тебе шанс...

В помещении прогремел страшный нечеловеческий голос, я застыл от его холодной мощи:

— Что... кто пробудил меня...

Ярл вскричал:

— Мой повелитель!.. Этот человек вторгся в твои святыни! И осквернил их обло и предерзостно...

Стена перед нами пошла рябью, проступило багровое пятно, налилось оранжевым огнем раскаленного железа и расширилось почти на всю стену. Ярл упал на колени, я смотрел, трепеща всем телом.

В оранжевом огне появилось жуткое нечеловеческое лицо с гротескно выпяченными скулами и удлинненной нижней челюстью. Глаза под толстыми надбровными дугами сверкнули, как огни в ночи. Он всмотрелся в меня, я чувствовал, как его взгляд пронизывает меня, прощупывает всю требуху, взвешивает на ладони сердце и озабоченно скользит вдоль нервных нитей.

— Человек?

— Да, мой повелитель!

Лицо сардонически искривилось, брови потемнели, изогнулись, как у Мефистофеля.

— Это не совсем человек, — прогремел голос, — хотя... он любопытен...

— Мой повелитель!.. Уничтожь его!

— Он любопытен, — повторил голос задумчиво. — Нет, его пока нельзя...

— Уничтожь! — закричал ярл. Он сорвал с груди блестящий амулет и зажал в ладони. — Я повелеваю!

— Это неразумно, — ответил голос. — Его надо...

— Уничтожь немедленно, — заорал ярл. Он косил на меня одним глазом, а я начал медленно пододвигаться в его сторону. Он не сводил уstraшенного взгляда с моих пальцев, что уже опустили на рукоять меча. — Я тебе велю!

— Неразумно, — повторил голос.

— Уничтожь! — заорал ярл во всю мощь. — Или я уничтожу тебя!

— Тогда и ты погибнешь, — ответил голос. — И вообще... вся твоя мощь во мне... Ты не разрушишь здесь ничего.

Ярл заорал страшным голосом, в котором страх:

— Сейчас же!.. Ну!

Он поднял руку и сжал пальцы. В ладони вспыхнул розовый свет, пробившись через кожу и плоть, а кости высветив тонкими палочками. Между пальцев брызнули лучи, воздух стал горячим, в пещере загремело, а пол под нами затрясся.

Лицо в стене перекосилось, стало еще более нечеловеческим, но сейчас я уже чувствовал, что кто бы ни отвечал за его сотворение, это был человек с довольно стандартным набором человеческого и нечеловеческого и необычного создать не сумел, хотя и старался сделать пооригинальнее.

— Остановись...

— Поздно! — прокричал колдун.

Он опустил на колени, сгорбился, одежда начала превращаться в некие лохмотья, затем преобразилась в перья. Через минуту огромная черная птица, похожая на ворона, с хриплым карканьем ударила крыльями по воздуху и подпрыгнула.

Второй раз она взмахнула в момент, когда мой меч пронзил ее снизу в живот. Пещеру трясло все сильнее, птица рухнула на пол, выдернув меч из моих пальцев. Я торопливо ухватился за рукоять, рванул на себя и двумя неуклю-

жими, но свирепыми ударами отрубил отвратительную голову с вытаращенным в ужасе глазом.

Лицо застыло в стене, голос прогремел медленно:

— Он погиб, амулет разрушен... Беги, сейчас все рухнет...

Я крикнул:

— Остановить никак?

— Я только Отвечающий На Вопросы, — произнес голос, дальше слова потонули в треске и грохоте. С потолка сыпались глыбы, одна больно ударила в плечо, я услышал хруст и ощутил резкую боль. — Но любое знание дает... силу...

Голос начал прерываться, лицо дернулось и застыло. Я затравленно огляделся. Выход только в дыру, что в своде, колдун потому и попытался вороном, но мне так не выбраться... хотя почему?

Я поспешно плюхнулся на пол, собрался с силами, сверху падают камни, дважды затрещали кости, но я взлетел, протиснулся в узкий тоннель и поднимался в нем, чувствуя, как вся гора дергается из стороны в сторону. На последнем издыхании выметнулся на свежий воздух, гора затрещала и начала опускаться, превращаясь в груды бесформенных скал и глыб.

Крылья мои работали на пределе сил, унося в сторону. За спиной страшно зашипело, все озарилось мертвенно-бледным огнем. Я затравленно оглянулся, из груды глыб в небо бьет ослепительный луч, прожигая облака и уходя в бесконечность. А на том месте, где была гора, камни плавятся, превращаясь в кипящее озеро раскаленной магмы.

Птеродактилем пришлось бы лететь дольше, крыльями махать чаще. Нет величавой неторопливости дракона, когда за один взмах преодолевает расстояние больше, чем я сейчас за сотню. Не понимаю, как скворцы и прочая мелочь перелетают океаны... А говорят, за тысячи миль улетают даже бабочки.

Я сообразил это несколько запоздало, я же красивый, а Вики говорит, что вообще прекрасен, так что на полдороге к Меркеру сел в уединенном месте, превратился в прежнего дракона и взмыл уже величаво и грозно.

Глава 15

В городе чувствуется некоторое волнение, народ медленно стягивается на площадь перед королевским дворцом. Я с момента превращения в дракона шел под облаками в личине исчезника, но все равно трусил и всматривался в башни вокруг дворца.

На всех пусто, как по приказу ярла помчались вниз искать дракона в подвалах, так и не вернулись пока, фух, сердце все еще колотится в страхе. Ярл держал здесь не меньше трех десятков стрелков с их Небесными Иглами, Костяными Решетками и Клубками Мрака. Пока обшаривают дворец и все хозяйственные постройки в поисках дракона, у меня есть время. Хорошо бы, чтобы тут подвалы и подземелья поглубже, пусть ищут, ищут...

Я сделал круг, прицеливаясь. С такой массой, как сейчас, задавить смогу не только крысу, а взмахами крыльев нетрудно очистить башню как от пыли, так и от любого количества стражей, окажись они здесь...

Башня, как мне показалось, дрогнула под моим весом, хотя я опустилсЯ как можно аккуратнее. Исчезничество я не стал сбрасывать, лучше поосторожничать, но когда начал превращаться в человека, оно исчезло само, и я снова замер в страхе, чувствуя полнейшую беззащитность.

Снизу доносятся крики, звон оружия, конское ржание. Я кое-как воздел себя на ноги, парапет приблизился нехотя, я навалился на него животом и некоторое время тупо всматривался в мечущийся народ, стараясь понять, чего это они.

Наконец я прокричал во весь голос:

— Слушайте все!.. Тиран свергнут!.. Да здравствует Его Величество король Франсуа Меченый!.. Он жив и здоров, а меч в его руке не дрогнет отныне!

Народ останавливался, все задирали головы и слушали. Я помахал рукой, привлекая внимание.

— Ярл Камбре убит!.. — крикнул еще громче. — Только что убит, я сам видел, как черти утащили его душу в ад!.. Все, кто продолжит ему служить, отправятся вслед за ним.

Кто сейчас же присягнет королю Франсуа на верность — будет пощажен!

Снизу из подвальной двери выскочили несколько воинов во главе с человеком в дорогах доспехах. Он остановился растерянно, чувствуя резкие и внезапные перемены, а я загремел во всю мочь, надсаживая горло и стараясь сделать голос как можно страшнее и обрекающее:

— Я не беру пленных!.. Кто останется — будет убит так люто, что видевшие сойдут с ума...

Командир отряда закричал отчаянно:

— Держать строй!.. Их там мало...

Из здания выбежал Омаль, быстрый и решительный, меч в руке и огонь в глазах.

— Сложить оружие! — скомандовал он таким голосом, что солдаты начали бросать арбалеты и мечи на землю раньше, чем командир успел открыть рот. — Да здравствует Его Величество король Франсуа Меченый!.. Ура!

Солдаты неуверенно крикнули:

— Ура...

Омаль сказал повелительно:

— Громче!

— Ура!

— Ваше Величество! — закричал Омаль. — Здесь ваши подданные жаждут лицезреть вас и поклонить колени!

Из здания вышел король, уже в багряной мантии, подбитой горностаем, в руке меч с красным лезвием, откуда срываються на белоснежные мраморные ступени тягучие багровые капли.

Офицер вздрогнул, метнул руку со сжатым кулаком к сердцу и первым преклонил колено. Солдаты поспешно опустили вслед за ним и опустили головы.

Когда я в личине человека спустился с башни, во дворе в разгаре шло разоружение сторонников ярла. Среди них, как мне показалось, не столько лично преданных ему, как запуганных. Многие просто не верили, что могучий колдун мог погибнуть, к тому же никто не видел его труп.

Я особо тщательно следил, чтобы отобрали все Небесные Иглы, Костяные Решетки, Клубки Мрака и все-все, что может подшибить дракона. Этого набралось так много, что я упал духом ниже уровня моря: совсем недавно самоуверенно полагал, что такой зверюке, каким могу быть я, нет преград ни на море, ни на суше.

Омаль распоряжался уверенно и громогласно, а от гордости раздувался так, что я улучил момент и попросил короля поскорее наградить его титулом, чтобы тот соответствовал своей спеси.

Король, все еще бледный и уже заметно выдохшийся с непривычки, вздохнул:

— Не могу же я его сделать императором? Или властелином мира?

— Титул ярла теперь свободен, — подсказал я. — Это не так уж и много, если учесть, что ваш ярл собирался стать именно властелином вселенной.

Король посмотрел на меня с сомнением.

— Ваш помощник показал себя человеком преданным и весьма достойным... но как, гм, насчет данных...

Я покачал головой:

— Ваше Величество! Ну какие еще данные, кроме личной преданности? Ваша... гм... империя не настолько велика, чтобы ну никак без грамотных управителей. А вам-то самому что делать? Семечки щелкать?

— Да, — ответил он со вздохом, — к счастью, никому еще не удавалось объединить наши королевства. Так что да, пожалуй титулом ярла. Теперь сам вижу, насколько королю нужнее умного просто верный человек.

— Очень верное решение, — сказал я с чувством. — Вы были великим королем, Ваше Величество, и сейчас доказываете, что им и останетесь.

Он сказал польщенно:

— Спасибо, спасибо. Но что я могу сделать лично для вас?

Я улыбнулся как можно загадочнее.

— Ваше Величество... оставим этот разговор на потом. Я очень тороплюсь... причем в ваших интересах.

Он спросил с беспокойством:

— Отбываете? Так внезапно?

— Еще не навсегда, — заверил я. — Но вас ждет огромная и приятная неожиданность...

— Какая?

— Увидите, — ответил я.

Он сказал с негодованием:

— Так с королем не разговаривают!

— Ваше Величество, — ответил я и легонько поклонился, — когда увидите, что вас ждет, меня самого возжелаете в ярлы... да только я и так давно уже ярл помимо всего прочего. Ждите!.. Только вот еще одно... Ах, да ладно, лучше испортить сюрприз, чем получить стрелу в бок... Ваше Величество, нашлась ваша дочь, принцесса Мириам. Это по ее указанию карнису добыл один могучий дракон, а я дал вам ее пожевать...

Король охнул, схватился за сердце.

— Мириам жива? Значит, мне не почудилось, что она была во дворце и даже подходила ко мне?

— Прибудет на драконе, — сказал я. — Не вздумайте палить по нему!..

— Палить?

— Стрелять, — сказал я. — Из чего угодно.

— Ну, — проговорил он неуверенно, — а что за... дракон?

— Незвестной, — сказал я, — но благородной породы. Винтокрылый шипорыл перепончатый целебес. Вообще лучше соберите все магическое оружие, бесконтрольно розданное покойным ярлом своим соратникам, и пусть оно находится под контролем у Омаля. Но ключ от арсенала храните у себя.

Король кивал, со всем соглашаясь, в глазах собачья мольба и тысяча вопросов о пропавшей дочери, но я, быстро сообщив ему, как и куда прибудет дракон и как его лучше встретить, откланялся и отбыл со всевозможной поспешностью.

Пылающий цветок красного мака по имени Мириам я заметил с большой высоты. Среди однообразной зелени пурпурные волосы горят дико и ярко. Золотая искорка волос принцессы заблестала тепло и ласково, я ощутил, как в груди начала разливаться нежность.

Вики убрала волосы в затейливую прическу, вряд ли сама, это Мириам от безделья дурыю мается, я увидел тоненькую фигурку на краю обрыва, принцесса подпрыгивала в нетерпении и махала передними лапками.

Повернув крылья, я уперся ими в упругий воздух и посадил грузное тело легко, как воробышек на рассыпанные зерна.

Мириам заорала, некрасиво перекосив лицо:

— Ты где порхал так долго?.. Жуков ловил?

Принцесса сказала обиженно:

— Мириам, ну почему ты такая злая?

Я подмигнул ей, а Мириам сказала укоризненно:

— Благородные леди не вопят, как верблюды на базаре...

— Ты мне зубы не заговаривай, ящерица!

— А вот и не дыхну, — ответил я. — Хочешь узнать, где я был? Лезь на спину, не спи. Да не к принцессе, а то ты такая умная... Побыстрее, опять заснула?

Мириам, сцепив зубы, полезла по моей лапе, как по дереву, перебралась на плечо и бухнулась упругим задом на костяное сиденье. Принцессу я самолично поднял бережно, как хрупкий цветок, и перенес через шипы. Усевшись, она победно показала Мириам язык, а мне улыбнулась счастливо и сияюще.

Я посмотрел на пышную башню ее волос и представил себе, как при хорошем рывке это все богатство рассыплется золотым искрящимся водопадом, сердце радостно вздрогнуло.

— Держитесь, — предупредил я.

Они пригнулись, прячась от ветра в лицо, Мириам долго ерзала, сжимала боковые шипы, как поручни кресла, наконец крикнула:

— Что узнал?

— Все хорошо, — ответил я.

— А ты не мог бы пошибче?

— Все хорошо, — повторил я, — потому должны при-
быть величаво и неспешно. Ты же королевская дочь, а это
значит — дочь короля, почувствуй разницу!..

Мириам огрызнулась:

— Я введу свои порядки!

— Если дворцовость тебя не обломает раньше, — отве-
тил я с сочувствием, на что Мириам зло показала зубы. —
Не суетись, протрешь в моей броне дыры. Бери пример с
Вики.

Принцесса в самом деле счастливо улыбалась, шури-
лась навстречу солнышку. Башня волос рухнула, золотые
волосы красиво вытянулись по ветру, переливаясь в сол-
нечных лучах мириадами радостных искр, а сама принцес-
са отважно запрокинула навстречу падающему с небесного
купола свету лицо, никогда не знавшее солнца.

Мириам пару раз зыркнула, вздохнула и стала всматри-
ваться в проплывающую внизу землю. Вскоре показался
беспорядочный и безалаберный город, широкая площадь и
стела в самом центре, роскошный дворец, сад — ничего не
изменилось, даже охраны у ворот не стало больше.

Самая высокая башня за это время потеряла навес из
ценных пород дерева. Я видел из-под небес, как плотники
деловито утаскивают последние доски, хотя приказ был яс-
нее ясного: побыстрее снести и освободить место.

Я растопырил крылья и медленно пошел вниз, все еще
настороженный, как новенький капкан на медведя. Из две-
ри в полу появились крохотные фигурки слуг, внесли боль-
шой стол, три стула. Один с высокой прямой спинкой, си-
деть на таком стуле неудобно, но надо, это уже не стул, а
трон, пусть и не главный, что в тронном зале. Мне, как я
понимаю, предложено сидеть на собственной заднице, что
вообще-то единственное верное решение, обижаться глупо:
ни один стул меня не выдержит. Я и так, сидя на полу,
буду возвышаться над столом и над всеми.

Нарезая круги, я наблюдал за перемещениями людей с
оружием и вообще за всеми подозрительными. Народ здесь
бесхитростный, даже если и считают себя хитрецами. Вижу

их наивности насквозь, я из мира сплошного жулья, самые честнейшие оттуда здесь казались бы отъявленными циниками, пройдохами, хитрецами и вообще бесчестными людьми, раз не готовы умереть ради данного слова, вызвать на смертный бой из-за плевка в двух шагах или подраться из-за оброненного платка.

Первыми поднялись трое стражей, следом вышел Омаль и хозяйски осмотрелся, что-то велел воинам, те разбежались по углам. Появились двое придворных, а последним, как и положено по рангу, поднялся Его Величество Франсуа Меченый. Пока они рассаживались, я сложил крылья и пошел в пике, держа взглядом башню.

Крылья я распахнул заблаговременно, но все равно воздушная волна едва не смела всех с башни. Придворные не успели ухватить шляпы с перьями, их унесло ветром, король и Омаль смотрели на меня с ужасом, а сверху безуспешно махала рукой Мириам и весело верещала принцесса.

Я выдвинул вперед лапы и ухватился за каменный парапет. Крылья складывал медленно, глядя на их бледные лица. По предварительной договоренности я должен сидеть на самом бордюре, чтобы в случае чего сразу кувыркнуться назад и распустить крылья, но я прикинул наши размеры и слез на пол, все равно и сидя выше всех, хоть ложись. Впрочем, я и должен быть выше, все-таки я тот самый, который младший слуга старшего помощника запасного курьера...

Король с ужасом смотрел на меня, а я постарался придать чешуе металлический отлив, словно из металла от кончика хребта и до когтей.

— Он что... — прошептал король, — неживой?

Мириам крикнула сверху:

— Живой! Он наш друг!

Король распахнул руки, лицо его кривилось, в глазах заблестели слезы. Неловко смотреть, как мужчины плачут, некрасиво и неумело, то ли дело женщины, просто заглядевшие, а король, всхлипывая, крепко обнял вбежавшую в его руки Мириам, прижал к себе, а потом принялся нацеловывать, будто дочь еще совсем ребенок.

— Как же я скучал... нет, страдал без тебя...

— Отец, я скучала больше!

— Прости меня, Мириам. Я никогда не заикнусь об этом проклятом Растенгерке, так жестоко разлучившем нас...

Она повернула голову и бросила из-под его руки на меня предостерегающий взгляд. Я по-прежнему делал вид, что превращен в камень, она проговорила торопливо:

— Отец, с Растенгерком все не так просто...

— Что с ним?

Она опустила голову.

— Это дядя Камбре виноват. А сам Растенгерк... он сейчас вернулся в свое племя, а потом... придет просить моей руки.

— Что? — вскрикнул король.

— И я ему не откажу, — ответила Мириам твердо. — Но об этом потом. У нас в гостях благородный дракон, что спас мне жизнь, как и Вики, теперь моей неразлучной подруге...

Вики, с удовольствием наблюдавшая сверху за трогательной встречей дочери с отцом, очаровательно улыбнулась, помахала верхней лапкой и поднялась. Я тут же подал лапу, Вики царственно ступила на нее и красиво опустилась, как пушинка, на пол.

Король высвободил одну руку, Вики доверчиво подошла вплотную, он обнял и принцессу. Придворные и Омаль не шевелились, но больше таращили глаза на меня, чем на своего короля с найденной дочерью и ее более чем знатной подругой.

Наконец и король поднял взгляд, лицо его окаменело, а голос дрогнул:

— Приветствуем тебя, благородный дракон... Мне уже сказали, насколько ты силен и... гм... прекрасен, однако не думал, что... ты еще и так громаден.

Я проревел, не стараясь смягчать голос, но чуть наклонил голову, дескать, я обучен манерам:

— Я лишь один из мелких и ничтожных слуг великого господина.

Король прошептал:

— Не представляю его мощи!

— Никто не представляет, — ответил я. — Он сам не желает, чтобы люди видели его величие и силу. Он не выказывает ее, ибо сила лишь покоряет людей, но управлять не помогает.

Мириам повернулась в руках отца и посмотрела на меня. Принцесса вообще встала так, чтобы не спускать с меня глаз. Король все еще прижимал обеих к груди, целовал то в красные волосы, то в золотые, словно вспоминал, что властелин должен быть милостив равно со всеми.

В глазах все еще блестят слезы, он смотрел на меня прощуповательно, а голос трепетал, как баннер на ветру:

— Твой господин не только скромн, но и мудр. Ты вернул мне жизнь, отыскав и доставив мою высшую драгоценность, ради которой я готов жить и умереть, — драгоценную дочь!

Омаль, мелко вздрагивая, все-таки тихонько отступал, пока не уперся спиной в парапет. Глаза его оставались огромными, как тарелки.

— Я же говорил, — прошептал он, — драконы существуют... Но где же мой господин, почему он всегда отсутствует...

Я вытянул шею, приблизив морду к его уху. Омаль застыл в ужасе и закрыл глаза.

— Потому и отсутствует, — прошептал я едва слышно. — Но проболтаешься — убью.

Принцесса наконец мягко высвободилась из-под руки короля, глаза ее сияют, как утренние звезды, пошла ко мне, один из придворных попытался остановить ее, но она ловко увернулась и, подбежав ко мне, обхватила мою голову и впечатала жаркий поцелуй.

На нее смотрели, вытаращив глаза. Она повернулась и сказала с милой улыбкой:

— Как же я люблю нашего Шумила! Совсем не потому, что спас меня и Мириам! Просто он... он такой замечательный! И такой красивый!.. А как он добыл карниссу!

Я проревел скромно:

— Пустяки, это было нетрудно.

— Для тебя, — подчеркнула принцесса воркующе и

снова чмокнула меня в костяную щеку, — но для других, мой крылатый и скромный герой, это невозможно...

Омаль кашлянул и проговорил несмело:

— Напомню, если можно, он спас и королевскую власть вообще.

Я рыкнул:

— Ерунда. Ваше Величество, это была идея, кстати сказать, вашей дочери. Она хоть и рыжая с головы до ног, но... хорошая и, наверное, очень вкусная. Позаботилась о вас, себе, ярле Растенгерке, а заодно и о королевстве.

Принцесса возразила:

— Все сделал ты!

Я покачал головой:

— Нет, все сделала Мириам. Мы с тобой только немного ей помогли. В тех моментах, где ей одной было бы... трудно. Не так ли?

— Так, — согласилась принцесса, она смотрела влюбленными глазами и явно готова соглашаться с любой чушью, если ее скажу я. — Как скажешь, ты знаешь лучше, любимый.

Мириам бросила на меня взгляд, полный подозрения, издеваюсь или просто смеюсь. Я же смотрел тупо и надменно, как положено рыцарю или дракону, что вообще-то две стороны одной монеты.

Принцесса сказала наивно:

— Но все-таки мы ждали тебя в безопасности, а карнису ты добывал один! А там такое было, такое было... Все потом горело, я видела!

— Я ж дракон, — пояснил я. — Огнедышащий. После меня и должно гореть и пылать.

На меня смотрели с бледными вытянувшимися лицами и застывшими приклеенными улыбками.

Принцесса продолжала счастливо:

— А как пылало!.. Уф!.. Огонь до облаков... все сгорело...

— Суровая необходимость, — объяснил я. — Ничего личного... Ваше Величество, вы хотели что-то сказать насчет вашего королевства. Да-да, хотели!.. Деятель государственного размаха, кем вы являетесь без всякого сомнения,

то есть без дураков, не мог пройти мимо возможности попользоваться или как-то воспользоваться возможностями такого необычного друга вашей дочери. И его возможными связями. Не отпирайтесь, вы были бы плохим королем, если бы не попытались что-то выжать из данной ситуации.

Глава 16

Он смотрел исподлобья, лицо неподвижное, это у королей вырабатывается с годами, сам учусь на будущее, однако я видел в его глазах замешательство. Мириам нахмурилась, принцесса не сдерживает ликующей улыбки и смотрит на всех гордо и счастливо, словно демонстрирует свою дрессированную собачку, умеющую стоять на задних лапках и считать до десяти.

Я повернулся, устраиваясь поудобнее. В бок уперся каменный парапет, резко треснуло, помеха отодвинулась, и сразу стало свободнее. Снизу от подножья башни взлетел к нам испуганный вопль, оттуда донесся тяжелый удар и треск раскалываемых камней.

— Простите, Ваше Величество, — сказал я, — такой неловкий, не привык к тесноте...

Принцесса сказала гордо:

— Драконы любят простор. Как над облаками!

Король сказал испуганно:

— Ничего-ничего, каменщики все поправят. Устраивайтесь, как вам удобнее.

— Благодарю.

Я сел на край башни, хвост свесил вниз, он не настолько длинный, чтобы доставать до земли, но когда я им помахивал из стороны в сторону, чувствовал, как внизу разбегается народ, а вокруг башни образуется мертвая зона.

— Итак, на чем мы остановились, Ваше Величество? — спросил я.

Он покашливал, глядя с испугом, но все равно держится молодцом, все-таки впервые так близко с таким чудови-

щем, Мириам и даже Растенгерк в первый день знакомства трусили намного больше.

Он с трудом выдал вымученную улыбку:

— Мы остановились... гм... на идее, что для начала неплохо бы промочить горло.

Омаль быстро взглянул на него и моментально поддерживал отныне своего сюзерена:

— И вообще приятно начинать с хорошего обеда.

— Прекрасный обычай, — одобрил я. — А то Мириам все не удавалось откормить, чтобы съесть. Так и летаю ненаеденно.

Мириам криво улыбнулась отцу, дескать, это у рептилии такой дурацкий юмор, в болоте где-то у толстых жаб острить учился. Король несколько успокоился, хотя Омаль зябко повел плечами и начал бросать на меня настороженные взгляды.

Камни продолжали потрескивать, слева откололся еще один кусок и с грохотом обрушился вниз.

Я покачал головой.

— Ваше Величество, я уже убедился, что меня встретили сердечно, без всяких Небесных Игл. Потому нам лучше спуститься в большой зал. Двери там широкие, я смогу влезть... почти весь. Да и всем будет удобнее.

Они поспешно потянулись вниз, Омаль тоже двинулся было, замыкая шествие, я сказал негромко:

— А ты останься.

Он остановился, трепеща.

— Да... мой господин? Мой господин?

— Для тебя особое задание...

Дав инструкции, я растопырился и спланировал с башни. Воздух упруго подхватил и услужливо предложил нести дальше, но я сделал красивый полукруг и, поставив крылья ребром, опустился перед дворцом за секунду до того, как из башни снизу начали выходить король, придворные, Мириам и принцесса Вики.

В просторном холле челядь поспешно устанавливает широкий круглый стол, накрыли коричневой с золотом скатертью так, чтобы концы свисали до пола, признак рос-

коши и благополучия, на столешнице только подсвечник с вечно горящими свечами, но тут же другие трепещущие слуги поднесли на расшитых золотом носилках жареных быков на широких золотых подносах. Руки их тряслись, когда перекладывали на стол, взгляды прикованы к полу, чтобы не видеть наблюдающего за ними дракона.

Я посматривал благосклонно, стол перед королем пуст, ему принесут после меня, это величайшая честь гостю, о чем мне даже не обязаны шептать церемониймейстеры, сам грамотный.

Второй отряд слуг вышел из кухни с носилками в руках, следующие две пары несут уже на плечах, снова жареный бык или огромный вепрь. Я перевел взгляд на стол перед королем, мелькнула идея, быстро сосредоточился и мысленно четко произнес кодовое слово. Король отшатнулся и выпрямился на троне. На столе перед ним начали появляться странные яства, а в роскошный кубок из золота с вкрапленными в стенки мелкими рубинами полилась из ниоткуда темно-красная дуга вина, ароматного настолько, что ноздри короля задвигались сами по себе.

Советники тоже застыли, страхась двинуть даже пальцем и привлечь внимание. Король кашлянул, спросил осыпшим голосом:

— Это... вы делаете?

Я кивнул:

— Да, Ваше Величество. Пустячок, но весьма приятный в дороге. Знаете ли, бывает некогда ловить добычу и свежевать, я не очень люблю жрать с костями и копытами, а такое умение в самый раз... пожелал — и все на месте! Отведайте, это вино для младших помощников слуг старших курьеров, но все равно на земле такого нет.

Король очень осторожно потянулся за кубком, сперва понюхал, сделал крохотный глоток, но и то проглотил не сразу, а сперва покатал во рту, прислушиваясь к ощущениям.

Я сказал одобрительно:

— Ваше Величество, не будь вы королем, вы смогли бы стать хорошим знатоком и пробователем вина!

Он наконец проглотил, глаза расшились в удивлении, сказал сипло:

— Благодарю за комплимент... Благородный дракон, это лучшее вино, что я когда-либо пробовал в жизни! Я просто не представляю, что такое совершенство можно создать! Уж точно его делали не люди...

— Гм, — сказал я, — это неважно, кто и где. Вам понравилось, у вас вообще хороший вкус. Отведайте эти яства, Ваше Величество. Уверен, вам и они понравятся.

Король начал пробовать, а затем и жрать, я тихо ликовал, абсолютная память и мощь Терроса потихоньку расширяют ассортимент создаваемых мною продуктов. Ерунда, конечно, эти бананы или крабовое мясо, но здесь они и для королей в диковинку. Жаль только, что ничего не могу создать из хайтека, ощущения не помогут, это не вкус манго или авокадо, что достаточно запомнить, а из техники все, что могу, лишь то, чей принцип работы понимаю так же ясно и четко. Ну, колесо, рычаг, паровой двигатель, дельтаплан... Еще порох, наверное, смогу составить, там всего лишь толченый уголь и селитра. Соотношение смесей не знаю, но можно подбирать, постепенно добавляя ингредиенты. Нет, пусть рабы или преступники добавляют, их не жалко...

Я тряхнул головой, отгоняя далеко забежавшие думы, вернее, мечты, если не грезы, какой позор вообще. На карте полно белых пятен, в системе варваров не разобрался, а уже грежу, как с чугунными пушками и запасом ядер на платформах начну перебрасывать из Армландии по железной дороге крестоносное войско...

— Ваше Величество, — сказал я державным ревом, — я здесь пролетом по своим планам. Решал некоторые важные задачи, ну там типа насчет гнездований, влажности воздуха... но раз уж подворачивается случай, глупо не воспользоваться. Как вам, так и мне. К обоюдной пользе, конечно. И выгоде, что уже важнее, потому что польза — хорошо, но выгода — хорошее...

За пределами здания нарастал шум, вопли, слышались злые голоса. Советники бросились к окнам, один выбежал навстречу крикам через двери. Буквально через минуту ворвался разгоряченный Растенгерк, доспехи посече-

ны, на скуле кровавая ссадина, на его плечах висят двое стражей, а еще двое уперли острия копий ему в бока.

Король величественным жестом велел отойти от степного ярла. Растенгерк преклонил колено, чего явно никто не ожидал от сурового вождя племен, вижу по лицам.

— Ваше Величество!.. — сказал он пылко. — Я загнал троих лошадей, торопясь испросить руки вашей дочери!

Король нахмурился, глаза блеснули грозой, однако Мириам сказала быстро:

— Я согласна!.. Отец, я согласна!..

Король отшатнулся на спинку кресла, глаза квадратные. Я громко прочистил горло, все вздрогнули от мощного трубного звука и почтительно застыли.

— Вообще-то мне пора возвращаться, — заявил я в пространство, — так что давайте решим последний вопрос... Нет-нет, Мириам и этот степной ярл — не вопрос... Кстати, а что, если государственную тайну доверим только особо привилегированным лицам?.. Я имею в виду, Ваше Величество, именно вашу королевскую особь, вашу венценосную дочь с ее подругой, принцессой Вики, и ярла Растенгерка, что уже почти член вашей семьи.

Глаза короля сразу стали настороженными. Он зыркнул в сторону вернувшихся советников и Растенгерка, на принцессу оглядываться необязательно, уже понял, что всегда смотрит на дракона влюбленными глазами, покосился на Мириам.

— Слушаю, господин дракон...

— Волей Великого Повелителя Драконов, — сказал я внушительно, — я послан в этот мир проследить тут кое за чем... Но, думаю, как уже сказал, дальше стоит провести совещание... это ведь и кроме ах-ах, радостного воссоединения семьи, еще и важное совещание, верно?.. в более узком кругу. А потом, если вам будет угодно, посвятите своих советников в некоторые детали разговора государственной важности. Уверен, захотите посвятить не во все.

Король некоторое время смотрел ошарашенно, зыркнул на советников. Они поклонились и с явным облегчением удалились во внутренние покои, обходя меня по широкой дуге.

— Слушаю вас, господин дракон, — повторил король.

Все подобрались и смотрели на меня в ожидании великих тайн, только принцесса счастливо улыбалась и ласково чесала любимое страшилище за ушами.

— Да, — сказал я, — как я уже говорил, я здесь, чтобы проследить тут кое за чем... и за кем. В частности, за одним человеком, который пользуется особым покровительством Повелителя Драконов. Зовут его Ричард Длинные Руки.

Мириам вскрикнула:

— Это который разбил в Орифламме войска варваров?

Растенгерк потемнел, глаза метнули молнию.

— Он, — подтвердил я. — Он сейчас в Гандерсгейме. Отправился сам в разведку, безрассудный! Намечает места ударов, определяет, кому жить, кому умереть, кого вообще стереть с лица земли.

Король смотрел с недоверием, Растенгерк поинтересовался с великим сомнением:

— Лично? Здесь? Где могут схватить и казнить?.. Это безумная отвага или безрассудство?

— Решайте сами, — ответил я. — Например, это он принес Его Величеству карнису, заставил пожевать, а потом спас от преследования людьми ярла Камбре... Правда, я тоже помог, но я помогал не Его Величеству, а человеку по имени Ричард Длинные Руки.

Они смотрели остановившимися глазами, король вообще побагровел и не мог вдохнуть, наконец Растенгерк проговорил ошалело:

— Господин дракон... гм... даже не знаю... у меня нет слов... нет, лучше помолчу...

Я проревел одобрительно:

— Его Величество не зря еще тогда хотел отдать тебе принцессу Мириам. Ты хоть и воин, но... не совсем дурак. Промолчать вовремя — это мудро.

Король переспросил таким голосом, словно его держит за горло чья-то рука:

— Тот молодой и таинственный герой, так много сделавший для нас... и даже принесший мне карнису, и есть ужасный полководец Ричард? Поверить не могу. Но... зачем он это делал?

— Да, — ответил я терпеливо. — Это он. Теперь к делу. Гандерсгейм будет завоеван его войсками, это точно, как головой о стену. Или о дерево — выбор широк, как мужская душа. Сам император Герман Третий велел ему установить власть над этими землями. Если надо, пришлет свою непобедимую императорскую армию. Наверное, вы слышали о ее несокрушимой мощи. Если не слышали... еще услышите. Но власть над Гандерсгеймом можно установить разными способами. К примеру, залить кровью, не оставив ничего живого. Однако можно всего лишь местному населению принести вассальную присягу такому могущественному завоевателю.

Король взглянул из-под насупленных век, голос его прозвучал несколько неуверенно:

— Могучий дракон, ты, возможно, не совсем... в устройстве Гандерсгейма. Дело не в том, что здесь сто семьдесят королевств. Дело в том, что реальная власть в руках кочевников, хотя... кочевниками осталось у них меньше трети. Но они остаются варварами, они хранят свои традиции, потому остаются очень свирепым, гордым и могущественным народом.

Я кивнул.

— Моему господину сие ведомо. При завоевании останутся неприкосновенными те королевства, что принесут ему вассальную присягу. Это дело чести. Впрочем, если не хотите принести вассальную клятву сэру Ричарду, который спас вам и жизнь, и трон...

Мириам сказала резко:

— Жизнь одно, власть — другое.

Растенгерк предостерегающе посмотрел на нее и покачал головой. Король наблюдал задумчиво, как принцесса залезла мне на шею и скребет прочный драконий череп.

— Да, — согласился он, — король должен думать прежде всего о королевстве. Собственная жизнь отступает... Скажите, благородный дракон, если ваш властелин так велик... гм... то что ему мой вассалитет? Ему или опекаемому им сэру Ричарду? Замечает ли могучий лось, когда при беге через лес рушит муравейник? А ведь это целое королевство лесного народа...

Я кивнул, скрывая досаду, очень хорошо, что морды драконов почти лишены мимики.

— Очень верное замечание, очень верное! Это говорит об уме и прозорливости Вашего Величества. Да-да, вы великий человек, государь!.. Но замечу, что у вас лично ограничений больше, чем у простолюдина, не так ли?

Он кивнул:

— Увы, все верно. У простолюдина всегда руки развязаны. У меня, наоборот, связаны.

— Вот-вот, — сказал я, — очень точно. Чувствуется, что не вчера вступили на трон. Знаете, что обязанностей и ограничений намного больше, чем думали раньше, когда еще не были королем... То же самое и в отношении моего господина. Чем больше власть — тем больше «нельзя».

Он помолчал, переваривая, затем осторожно взглянул из-под все еще болезненно красных и вспухших век.

— Не значит ли, что если не захотим принести присягу покорности твоему господину... он не сможет нас наказать?

— Не сможет, — сказал я. — При всей своей мощи — не сможет! Вы великий государь, что все так быстро поняли!..

Он выглядел довольным, улыбался и посмотрел по сторонам гордо.

— Тогда мы не станем покоряться твоему господину, — сказала Мириам.

Я кивнул.

— Это ваше право. Как я уже говорил, мой господин ограничен в действиях и не сможет явиться и сжечь все ваше королевство или опустить его на дно морское. Сил у него для этого больше чем достаточно, но...

— Ограничения, — подсказал король понимающе. — Да-да, ограничения!

— Они самые, — согласился я. — Но у сэра Ричарда этих ограничений нет.

Мои слова обрушились на них, как падающие горы. Самоуверенный и успешный завоеватель из-за Великого Хребта не откажется от поддержки могучих драконов, это понятно.

Мириам вздрогнула и побледнела, Растенгерк понимающе кивнул, а из груди короля вырвался тяжелый вздох.

— Я боялся, что вы это скажете.

— Я сказал, — напомнил я.

Он снова вздохнул тяжело.

— Но если об этом узнают... нас растерзают раньше, чем подойдет войско из Сен-Мари!

— Вассальную клятву вы можете принести сейчас, — сказал я. — Никто о ней не узнает, кроме Мириам, ярла Растенгерка и принцессы Вики. Возможно, вам придется оказать некоторую помощь наступающим войскам сэра Ричарда...

— Да у нас и воинов нет! — запротестовал король.

— ...заранее, — досказал я, — заготовив побольше строительного камня, чтобы войска крестоносцев, войдя в ваш город, сразу же укрепили стены и заложили этот дурацкий проход в воротах! А защищать сумеют и сами.

Король пожевал губы, задумался, затем кивнул.

— Если сражаться не придется, то помощь материалами и провиантом оказать сможем.

— Отлично, — сказал я.

Слуги внесли на носилках роскошный торт. По моему движению когтя отрезали ломоть, король кивком велел разделить ему такой же, если не больше. Я выждал, пока они аккуратно намечали волнистую линию в центра торта для короля, чтобы Его Величеству попал главный цветок из крема, это вопрос престижа, сосредоточился, и на пустом блюде, куда должны переложить кусок торта, появились более привычные мне сласти.

Слуги, повинаясь моему грозному взгляду, передвинули это все королю. Себе я создал новую порцию. Мириам, Растенгерк и принцесса сидят тихие, как мыши, только глазками водят из стороны в сторону,

— Это кофе, — сказал я, — а это какао... хотя я, как и наш повелитель, предпочитаю кофе. А это сласти. Берите без опаски, это они так... выглядят.

— Везде свои ухищрения, — сказал Растенгерк. В отличие от короля, он брал сласти и ел без опаски, хотя вряд ли

чувствовал вкус, так как не отрывал жадный взгляд от лица Мириам. — Но весьма, весьма.

Он поднялся, обошел короля с другой стороны и начал нечто нашептывать ему на ухо. Я сделал вид, что не замечаю, но напряг слух и, хотя скрежет по голове вносит помехи, все-таки слушал их переговоры очень старательно. Король качал головой, хмурился, вздымал в недоумении брови, но Растенгерк настаивал, время от времени бросал взгляд в мою сторону.

Наконец он прошептал нечто такое, после чего король озадаченно замолчал и долго чесал нос. Я терпеливо ждал, наконец король жестом послал Растенгерка проверить, все ли двери плотно закрыты, даже на кухню, заговорил негромко, но торжественно:

— Мы бы хотели преподнести сэру Ричарду один из высших титулов нашего народа, хотя у нас их только два: конунг и ярл, но наш новый друг ярл Растенгерк, участник героического похода в развращенное королевство Орифламме, упомянул, что сэр Ричард является ярлом уже давно... Потому мы, посоветовавшись... гм... с народом, подыскали благородный титул, который весьма редок даже среди высокорожденных в христианских королевствах.

Растенгерк вернулся на свое место, гордый и довольный, но не сел, сказал громко и с достоинством:

— В то же время этот титул не дает права на землю, так как в Гандерсгейме ею владеют только боги!

Я пробормотал настороженно:

— Что же это... надо порыться в памяти...

Мириам и даже принцесса смотрели очень заинтересованно. Король улыбнулся и сказал величественно:

— Фрейграф! Свободный граф, он не подчинен даже своему королю, так как считается имперским вассалом. Фрейграф служит делу чести, доблести, благородства. Он верен не столько своему правителю, наделившему его землей, сколько Истине, что выше всех земных правителей.

Я подумал, кивнул.

— Принимаю. С благодарностью. Сэр Ричард, гроссграф, майордом и маркграф Гандерсгейма, благодарит вас и заверяет в своем добром отношении.

Король умолк, взглянул на меня остро и пронизывающе. Я держался все так же каменно.

Растенгерк кашлянул, проговорил после паузы:

— Вы получаете... ответ... так быстро?

Я гордо наклонил голову.

— Мой господин, когда изволит, может смотреть глазами своих слуг и слышать их ушами. И позволяет одним своим любимцам и соратникам слушать и видеть то, что видят другие.

Растенгерк произнес потрясенно:

— Понимаю, почему сэр Ричард-завоеватель с такой легкостью взял королевство Орифламме!..

— И выбил войска варваров, — добавил король, Растенгерк поморщился, но король повернул к нему голову и уточнил: — Никакому другому властелину это не удалось бы.

Растенгерк кивнул, это объяснение устраивает гордый дух степного ярла, вождя могущественного племени ассиров, успевшего побывать в набегах на Сен-Мари и уже оценившего разницу между войсками орифламмовцев и прибывших из-за Великого Хребта северных героев.

— Думаю, — сказал он, — можно надеяться и на мое племя. А сейчас, когда вы, Ваше Величество, на троне...

Страшный голос прервал:

— Он еще не на троне!

Все обернулись в ужасе и замерли. В дверном проходе, что ведет во внутренние помещения, появилась высокая фигура ярла Камбре, костлявая, обгоревшая, безволосый череп покрыт толстой кровавой коркой, одна глазница выжжена, второй глаз, лишившись ресниц и даже верхнего века, смотрит жутко и обрекающе.

В руках у ярла сверкающий красной медью арбалет, стрела смотрит в нашу сторону, пугающе черная, как безлунная ночь, толстая и с искрящейся оранжевой точкой на кончике.

Я воскликнул радостно:

— Наконец-то! Хорошо, что ты выбрался. Принимаешь мое предложение?

Он прокричал дико, его трясло, как тонкое дерево под ураганным ветром:

— Думали, умнее меня? Сильнее?.. Теперь умрите все и...
Я сказал быстро:

— Омаль, давай.

Камбре приподнял арбалет, направляя стрелу мне в грудь, хотя, догадываюсь, и так разнесет все вокруг, не зря король, Растенгерк и обе женщины застыли в ужасе...

...коротко и страшно блеснуло. Мы все ощутили страшный холод, а колдун мгновенно превратился в ледяную статую. Страшный холод проморозил так, что стали отчетливо видны прозрачные внутренности, арбалет вообще стал стеклянным.

Я оглянулся на застывших в дверях бледных стражей.

— А вы чего ждете? Оттепели?

Они поспешно бросились к статуе. Застучали мечи и топоры, кусочки льда откалывались легко, вскоре весь пол засверкал, усеянный мелкими льдинками.

Из кухни притащили широкие раскаленные жаровни. Льдинки быстро таяли, растворяясь в сухом воздухе. Громко стуча подошвами, прибежал запыхавшийся Омаль, через плечо переброшен отливающий серебром арбалет, похожий на застывшую ртуть.

— До чего же точно бьет! — крикнул он изумленно. — Господин дракон, можно я оставлю эту штуку себе?

— Благодарю за службу, — ответил я. — Как видишь, не зря просидел в засаде. Нет, арбалет сдашь в личную оружейную короля. Но Его Величество изволил приготовить тебе достойную компенсацию и вознаграждение...

Король повернулся ко мне, лицо все еще бледное, но голос прозвучал державно ровно:

— Весьма... но как вы предвидели?

Я двинул плечами.

— Можно назвать прекогнией, можно — опытом. Как стратег, я допускал такую возможность, а как художник, чувствовал некую незавершенность случившегося... Да и традиция, знаете ли... В последний момент должен какой-то гад попытаться все изменить... Не думал, правда, что все так просто и в лоб, в смысле — явится ваш двоюродный брат. Я больше следил за руками присутствующего здесь Растенгерка... ну, ожидал более неожиданный и непонят-

ный даже мне выверт... я же эстет-передвижник! Впрочем, зачем усложнять? Я эстет только местами и стараюсь быть проще, чтобы к народу ближе... правда, не настолько, чтобы и к троллям.

Омаль сказал уже без страха перед драконом:

— Я думал, проклятый колдун сгорел в том пылающем аду, что вы устроили...

— К высокой температуре, — обронил я, — у него некоторый иммунитет, а вот к низкой, гм... В общем, Ваше Величество, еще раз почтительно кланяюсь и отбываю. Увы, у драконов много дел, завидую беспечным мотылькам и прочим бабочкам.

Принцесса соскочила на пол, обхватила мою огромную голову тонкими руками.

— Ну почему, — прошептала она с неожиданно острой болью в трепещущем голосе, — почему ты не человек?..

Прекрасные и всегда ясные глаза покраснели от слез, веки и губы некрасиво распухли. Я промолчал, она жарко поцеловала меня в губы, я ощутил их уже недетский жар.

— Я рептилия, — напомнил я с неловкостью.

Она вскричала в слезах:

— Ты не рептилия!.. Это они все рептилии!

— Вики...

— Нет, — закричала она и уцепилась за меня изо всех сил, — ты самый лучший!.. ты самый замечательный!.. Я люблю тебя! Я всегда буду любить тебя!..

Омаль с печальным лицом крепко взял ее за руку, король за другую. Принцесса заревела, прекрасное лицо стало жалобным и некрасивым.

— Не бросай меня!.. Я не могу без тебя!.. Я тебя очень-очень люблю...

Мириам подошла к ней и, крепко обняв, прижимала к своей груди, удерживая, чтобы я мог уйти, но я не мог, принцесса ревет в три ручья и протягивает ко мне руки так, словно тонет, а я — единственная веточка, что ее может спасти от ужасной участи.

Растенгерк молча ткнул меня в бок, я намек понял, но лапы как примерзли к полу, а принцесса прокричала отчаянно:

— Приходи ко мне! Хотя бы в моих снах!..

Мириам вскрикнула испуганно:

— Вики, что ты говоришь!

— Я буду жить в них, — крикнула принцесса, — только в них, и тогда ты сможешь меня любить. Я буду стараться все время спать, я упрошу чародеев погрузить меня в вечный сон...

Ее уводили силой, она рвалась и так отчаянно кричала, что у меня заболело сердце. Я стиснул челюсти, стараясь не двигаться. Мелькнуло безумное, что в самом деле прилетать бы в ее спальню по ночам и превращаться в человека... ну как Эрот к Психее, с запретом зажигать свет... однако я человек, а не тупой сластолюбивый языческий божок, и потому продолжал гореть на адском огне, пока плачущую навзрыд и упирающуюся принцессу увлакивали из зала.

Мириам проводила ее взглядом, красивая и ровнospинная, медленно повернулась ко мне. Глаза предательски блестят, она гордо запрокинула голову, вроде чтобы смотреть мне в морду, но я видел, что изо всех сил старается не выронить слезы и не нанести ущерба достоинству королевской дочери.

— Зачем ты, гад, нам только и встретился.

Я буркнул:

— А ты при чем?.. Это принцесса грустит... немножко.

Она посмотрела без прежнего вызова. Запруда в глазах вот-вот прорвется, целые озера влаги угрожают хлынуть поверх дамбы.

— Да, конечно, — произнесла она тихо, — у нас с ярлом Растенгерком все решилось, о чем я всегда мечтала. Но лучше, если бы ты, рептилия противная, не попадался нам на пути. А теперь лети и не оборачивайся. А то прибью.

В ее глазах блеснула влага, она гордо выпрямилась и запрокинула голову еще выше. Я поспешно отвернулся и припал к земле для мощного прыжка в воздух.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЧАСТЬ I

Глава 1	5
Глава 2	16
Глава 3	24
Глава 4	32
Глава 5	45
Глава 6	61
Глава 7	71
Глава 8	80
Глава 9	88
Глава 10	96
Глава 11	104
Глава 12	112
Глава 13	121
Глава 14	127
Глава 15	135
Глава 16	144
Глава 17	150

ЧАСТЬ 2

Глава 1	158
Глава 2	166
Глава 3	176
Глава 4	187
Глава 5	193
Глава 6	202
Глава 7	211
Глава 8	220

Глава 9	225
Глава 10	233
Глава 11	243
Глава 12	250
Глава 13	261
Глава 14	270
Глава 15	280
Глава 16	288

ЧАСТЬ 3

Глава 1	295
Глава 2	302
Глава 3	312
Глава 4	320
Глава 5	328
Глава 6	335
Глава 7	345
Глава 8	353
Глава 9	360
Глава 10	371
Глава 11	384
Глава 12	395
Глава 13	405
Глава 14	414
Глава 15	421
Глава 16	431

Литературно-художественное издание

БАЛЛАДЫ О РИЧАРДЕ ДЛИННЫЕ РУКИ

Гай Юлий Орловский

РИЧАРД ДЛИННЫЕ РУКИ — ФРЕЙГРАФ

Ответственный редактор *Д. Малкин*
Художественный редактор *А. Стариков*
Технический редактор *Н. Носова*
Компьютерная верстка *Т. Жарикова*
Корректор *М. Фирстова*

В оформлении переплета использован рисунок
художника *В. Коробейникова*

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Подписано в печать 06.07.2009.
Формат 84x108 ¹/₃₂. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная.
Бумага газ. Усл. печ. л. 23,52.
Тираж 55 100 экз. Заказ 7134.

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:

ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное, Белокаменная ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.

E-mail: reception@eksmo-sale.ru

По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми покупателями обращаться в отдел зарубежных продаж ТД «Эксмо»

E-mail: international@eksmo-sale.ru

International Sales: International wholesale customers should contact Foreign Sales Department of Trading House «Ekmo» for their orders.

international@eksmo-sale.ru

По вопросам заказа книг корпоративным клиентам, в том числе в специальном оформлении, обращаться по тел. 411-68-59 доб. 2115, 2117, 2118.

E-mail: vipzakaz@eksmo.ru

Оптовая торговля бумажно-беловыми и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»:

Компания «Канц-Эксмо»: 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2, Белокаменная ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).

e-mail: kano@eksmo-sale.ru, сайт: www.kano-eksmo.ru

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:

В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.

Тел. (812) 365-46-03/04.

В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3.

Тел. (8312) 72-36-70.

В Казани: Филиал ООО «РДЦ-Самара», ул. Фрезерная, д. 5.

Тел. (843) 570-40-45/46.

В Ростове-на-Дону: ООО «РДЦ-Ростов», пр. Стачки, 243А.

Тел. (863) 220-19-34.

В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е».

Тел. (846) 269-66-70.

В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.

Тел. (343) 378-49-45.

В Киеве: ООО «РДЦ Эксмо-Украина», Московский пр-т, д. 9.

Тел./факс: (044) 495-79-80/81.

Во Львове: ТП ООО «Эксмо-Запад», ул. Бузкова, д. 2.

Тел./факс (032) 245-00-19.

В Симферополе: ООО «Эксмо-Крым», ул. Киевская, д. 153.

Тел./факс (0652) 22-90-03, 54-32-99.

В Казахстане: ТОО «РДЦ-Алматы», ул. Домбровского, д. 3а.

Тел./факс (727) 251-59-90/91. rdc-almaty@mail.ru

Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»:

В Москве в сети магазинов «Новый книжный»:

Центральный магазин — Москва, Сухареvская пл., 12. Тел. 937-85-81.

Волгоградский пр-т, д. 78, тел. 177-22-11; ул. Братиславская, д. 12. Тел. 346-99-95.

Информация о магазинах «Новый книжный» по тел. 780-58-81.

В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буковка»:

«Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо» обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.

ISBN 978-5-699-37147-1

9 785699 371471 >

Риц@рдэ

Длинные Руки —
фрейграф

